Нікон

мои
дневники
годы 1915 в. 2. 1911

V 58/297

Пр 38
297

Архіепископъ Ніконъ.

МОИ

ДНЕВНИКИ.

Выпускъ II.

1911.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 51—100).

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1915.

Ог 58
297

Архіепископъ Никонъ.

МОИ

ДНЕВНИКИ.

Выпускъ II.

1911.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 51—100).

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1915.

2007042856

МОИ ДНЕВНИКИ.

1911.

51.

Богъ зоветъ насъ къ покаянію грозными явленіями въ природѣ.

Съ новымъ годомъ, читатели мои, съ новымъ даромъ Божія долготерпѣнія къ намъ грѣшнымъ! Еще дается намъ отсрочка для достойнаго приготовленія къ вѣчности—велика ли—не знаемъ: можетъ быть цѣлый годъ, а можетъ и мѣсяцъ, а кто знаетъ? Можетъ быть иному и нѣсколько дней или часовъ... Все въ рукѣ Божіей и да будетъ воля Его святая надъ нами!

Для новаго года душа проситъ побесѣдовать на вѣчно-старую тему. Есть вещи, о коихъ недостаточно говорить и писать: надо бы проповѣдывать о нихъ на кровляхъ, взывать на улицахъ и перекресткахъ, потому что, по слову Христову, если мы умолчимъ, то камни возопіютъ, бездушная природа не въ силахъ будетъ молчать. Мы привыкли мѣрить все сущее въ мірѣ своею мѣркою, мѣрою своего маленькаго ума, и забываемъ, что для всесовершеннаго Ума Божія существуютъ иныя мѣры, на наши непохожія. Такъ, мы дѣлимъ природу на одушевленную и неодушевленную, и полагаемъ, что неодушевленная природа неспособна дѣйствовать разумно, повиноваться сознательно, что она повинуется только разъ на всегда даннымъ ей отъ Творца физическимъ и химическимъ законамъ, повинуется съ необходимостью, сама о томъ не вѣдая, не сознавая. Но, думая такъ, мы забываемъ Божіе всемогущество, Божію премудрость и благость, мы какъ бы ограничиваемъ сіи совершенства Божіи, въ своемъ сознаніи, мы опускаемъ изъ виду, что вся неразумная тварь создана для того, чтобы разумныя существа чрезъ нее прославляли сіи совершенства Божіи. *Небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь.* И это — не только чрезъ наше созерцаніе тварей Божіихъ, Божіей премудрости въ ихъ устройствѣ, но и въ непосредственномъ выполненіи ими воли Творца. Для Него — всемогущаго все возможно: и природа бездушная повинуется Ему, столь же „разумно" исполняя Его повелѣнія, какъ и разумныя существа. *Той рече и бысть, повелѣ и создашася.* И

нынѣ Онъ повелитъ — и природа исполняетъ Его велѣнія, и мы волею или неволею, являемся свидѣтелями, а иногда и участниками такихъ явленій въ природѣ, въ коихъ не можемъ не признать, если только не ожесточились, не ослѣпли духовно, не умертвили въ себѣ совѣсть, не можемъ, говорю, не видѣть всесильную Руку Божію, властно повелѣвающую природѣ. Да, природа такъ же повинуется Творцу, какъ и разумныя твари, и, дѣйствуя неразумно, даетъ урокъ послушанія самому вѣнцу творенія— человѣку!

Мы переживаемъ грозныя времена. Невольно вспоминается слово псалмопѣвца: *время дѣйствовать Богу, ибо разоренъ законъ Твой, Господи!* (Пс. 118). И Господь дѣйствуетъ... Человѣкъ, разумное созданіе Божіе, безумствуетъ, бунтуетъ противъ своего Творца, и неразумная природа, мановеніемъ Божіимъ, вразумляетъ безумца. Вспомните всемірный потопъ, вспомните гибель Содома и Гоморры, поѣзжайте въ Италію, посмотрите на раскопки въ Помпеѣ, и, если у васъ достанетъ самопонужденія, если вы не убѣжите оттуда, гонимые чувствомъ стыда и негодованія, то узнаете: *за что* погибли Помпея и Геркуланумъ... Но для вѣрующаго христіанина еще болѣе поразительны тѣ знаменія, что совершались въ часъ смерти Господа нашего на крестѣ. Читайте въ Евангеліи отъ Матѳея: *и се завѣса церковная раздрася на двое съ вышняго края до нижняго, и земля потрясеся, и каменіе распадеся, и гроби отверзошася...* (Мѳ. 27, 21—22). Если бы современные христіане не забросили тѣхъ поучительныхъ книгъ, что называваются житіями святыхъ, книгъ, въ коихъ начертаны дивные образы сыновъ царствія Божія, если бы русскіе люди почаще заглядывали въ страницы родной исторіи, въ наши безцѣнныя лѣтописи, то увидѣли бы, какъ дивная десница Божія руководила судьбами народовъ вразумляя ихъ грозными знаменіями въ неодушевленной природѣ. Разоряли люди законъ Божій и дѣйствовалъ Богъ, вразумляя разорителей, и по мановенію Его сама природа вступалась за нарушенный нравственный законъ. Для вѣрующаго нѣтъ сомнѣній въ томъ, что законы естественные дѣйствуютъ въ союзѣ и полномъ согласіи съ законами нравственными.

И вотъ, сіе самое мы видимъ и со страхомъ наблюдаемъ въ наши дни. Со страхомъ: ибо совѣсть наша свидѣтельствуетъ, что грядетъ и наша чреда понести гнѣвъ Божій на себѣ за нераскаянность нашу. И у насъ на Руси свили себѣ гнѣздо непримиримые враги Христа, враги Церкви, враги нашего отечества— масоны, и вотъ разоряется всюду законъ Божій, слышатся повсюду глумленія, издѣвательства надъ завѣтными святынями нашего русскаго православнаго сердца, оскорбленіе сихъ святынь, а мы остаемся равнодушны ко всему этому или же ограничиваемся скорбными газетными статьями, телеграммами по начальству, громкими рѣчами и протестами... А на себя то самихъ и не думаемъ смотрѣть: лучше ли мы отъ всего этого становимся? А грозы Божія ходятъ по вселенной, и все ближе и ближе подходятъ къ намъ... [1])

---

[1]) Эти строки уже были набраны, какъ газеты принесли извѣстія о страшномъ землетрясеніи въ г. Вѣрномъ: это уже въ предѣлахъ нашего отечества, въ Семирѣченской области. Убито до 40 человѣкъ, ранено больше 100. Осталось безъ крова нѣсколько сотъ семействъ. Ходятъ слухи о ги-

Кто не помнитъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, страшную гибель острова Мартиники? Непроницаемой тайной покрыты и доселѣ всѣ обстоятельства этой гибели: объ этомъ позаботились тѣ, кому это было нужно, чтобъ оглашеніе сихъ обстоятельствъ не пробудило совѣсти хрістіанской, не заставило задуматься вѣрующіе умы, — вѣдь извѣстно, что всемірный европейскомасонскій союзъ захватилъ всѣ главныя телеграфныя агенства, главныя газеты всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ, и мы узнаемъ лишь то, что найдутъ для себя полезнымъ, или по крайней мѣрѣ безопаснымъ наши же враги. А между тѣмъ вотъ что узнаемъ мы частнымъ путемъ, уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ потрясающаго событія, оповѣщеннаго по всему міру на другой же день. „Дивный клочекъ земли, пишетъ газета „Колоколъ", райскій уголокъ, не отравленный обычными бичами юга — зміями, скорпіонами и прочей ядовитой тварью, островъ Мартиника давно уже перешелъ всецѣло въ руки масонства подобно Алжиру, столь же прекрасному. Въ городѣ Сенъ-Пьерѣ, стертомъ съ лица земли разгнѣваннымъ Господомъ, іудеи и масоны торжествовали. Тамъ уже шла постройка новаго „храма Соломонова". Мнѣ пришлось встрѣтиться съ нѣмкой, говоритъ авторъ, прожившей 15 лѣтъ на Мартиникѣ, и покинувшей Сенъ-Пьеръ за два дня до катастрофы. Ее спасъ вѣщій сонъ [1]), который, конечно, назовутъ невѣрующіе случаемъ, хотя подобныя сонныя видѣнія побудили нѣсколько тысячъ человѣкъ спѣшно покинуть Сенъ - Пьеръ, оставляя свои дѣла и имущество. Моя знакомая, напримѣръ, уѣхала, не успѣвъ продать своего дома. И многіе поступили такъ же. За послѣдніе полгода существованія Сенъ-Пьера количество уѣзжающихъ оттуда хрістіанъ было такъ велико, что пароходныя компаніи удвоили число отходящихъ судовъ, и всѣ эти суда уходили переполненныя пассажирами. Бѣжали люди всѣхъ классовъ и состояній, отъ богатыхъ землевладѣльцевъ до бѣдныхъ рабочихъ. Не всѣ бѣжавшіе были вѣрующими хрістіанами. Всѣ они знали, уѣзжая, что больше не увидятъ Сенъ-Пьера, что столица масонства, въ которой открыто существовало капище сатаны, гдѣ люциферіанство или сатанизмъ признавалось въ качествѣ разрѣшенной религіи, — осуждена на погибель. Всѣхъ уѣзжающихъ гнало вонъ нестерпимое чувство тоски и ужаса, многихъ же—видѣнія, одинаковость которыхъ была прямо поразительна. Моя знакомая, уѣхавшая чуть ли не на послѣднемъ суднѣ, говорила мнѣ, что всѣ ѣхавшіе вмѣстѣ съ нею 45 пассажировъ постоянно видѣли въ послѣдніе дни устрашающіе сны, одинаковые при всемъ разнообразіи подробностей. И когда на третій день пути на горизонтѣ, въ сторонѣ Мартиники, показалось огненное зарево, а море заволновалось, несмотря на полное отсутствіе вѣтра, всѣ въ одинъ голосъ вскрикнули: „Сенъ-Пьеръ горитъ!" Тогда же на палубѣ была совершена

бели города Пржевальска, на мѣстѣ котораго, говорятъ, образовалось озеро. Сообщаютъ о страшныхъ разрушеніяхъ въ городѣ Пишпекѣ. По объясненіямъ ученыхъ такого землетрясенія никогда и нигдѣ не наблюдалось. Всѣ грандіозныя землетрясенія послѣднихъ столѣтій ничто въ сравненіи съ туркестанскимъ. („Колоколъ" № 1427).

[1]) См. подобное событіе при гибели Мессины въ моей книжкѣ. „Чѣмъ жива наша русская душа".

месса католическимъ священникомъ, уѣхавшимъ изъ Сенъ-Пьера съ священными сосудами изъ своего храма.—Но, вѣдь, васъ могутъ заподозрить въ преступленіи? сказалъ ему кто-то.—„Нѣтъ, спокойно отвѣтилъ священникъ: я повиновался волѣ Господней... Слишкомъ ясно она была указана мнѣ грѣшному". Объясненія этихъ загадочныхъ словъ онъ дать не захотѣлъ, но послѣдніе бѣглецы изъ Сенъ-Пьера поняли его и безъ объясненій.—Въ первомъ же портѣ, Джордтаунъ, они узнали страшную судьбу Сенъ-Пьера и тутъ же, подъ открытымъ небомъ, упавъ на колѣна, возблагодарили Бога за свое спасеніе. Насколько была сильна увѣренность всѣхъ этихъ бѣглецовъ въ томъ, что ждать нельзя было ни минуты долѣе, доказывается тѣмъ, что они уѣхали съ первымъ же отходящимъ парусным судномъ буквально куда попало, только бы не оставаться на Мартиникѣ. И они были правы. Слѣдующее судно, отходившее въ Сѣверную Америку, три дня спустя, либо не вышло, сожженное въ порту, либо погибло у береговъ Мартиники, подобно многимъ другимъ. — Должно обратить особенное вниманіе на то, что вся европейская печать упорно замолчала подробности даже такого чудовищнаго событія, какъ гибель города съ 43,000 населенія въ какихъ-нибудь пять минутъ. Бѣглецовъ изъ Сенъ-Пьера, насчитываютъ до 3.000. Вернувшіеся въ Европу уже не скрываютъ, что тамъ происходило, но газеты усиленно молчатъ, благо Мартиника такъ далеко отъ Европы, что люди, отвыкшіе самостоятельно думать, легко могутъ объяснить это молчаніе отсутствіемъ документовъ всеобщей гибелью и под. Можно ли повѣрить, что въ наше время такъ жадно гоняющіяся за сенсаціонными извѣстіями газеты не сообщили всего, что только было бы можно узнать о гибели Сенъ-Пьера? Но разъ это не угодно масонамъ и іудеямъ—онѣ молчатъ... („Колоколъ № 1417).

А вотъ еще ближе къ нашему времени совершилась гибель Мессины, и только благодаря присутствію русскихъ судовъ у ея береговъ христіанскій міръ узналъ неопровержимые факты самаго отвратительнаго святотатства, кощунства, административнаго преслѣдованія и печатнаго глумленія надъ вѣрой Христовой, на которое громовымъ отвѣтомъ послужило губительное землетрясеніе... И море, и нѣдра земныя сотрясаются отъ негодованія при видѣ богопротивныхъ дѣяній человѣческихъ...

А эти необяснимыя даже естественными законами наводненія въ Франціи, Лондонѣ, Австріи? Эти бури и тифоны на морѣ и сушѣ, какъ напримѣръ, въ низовьяхъ нашей кормилицы Волги? Эти болѣзни—эпидимія, какъ холера, тифъ, и особенно эта „черная смерть", чума, которая, въ четырнадцатомъ напримѣръ вѣкѣ, опустошала буквально цѣлые города на Руси, и которая теперь медленно, но вѣрно ползетъ къ намъ снова и съ юга, и съ востока, изъ далекой Азіи?..

Люди старые удивляются, съ тревогой говорятъ, что и природа-то стала какъ будто нынѣ не та, что лѣтъ 60—70 назадъ: тогда и дожди были благорастворенные и благовременные, а нынѣ или засуха безпощадная, или ненастье безпрерывное; тогда и урожаями Богъ благословлялъ, а нынѣ то — ненастье, то засуха, то саранча, то какіе-то черви губятъ хлѣбъ еще на нивахъ... „Да за что насъ и миловать Господу Богу? говорятъ старые умные люди. Отъ грѣховъ люд-

скихъ стономъ стонетъ мать сырая земля. Будто послѣднія времена настали. Люди совсѣмъ Бога забыли. Мало того, что забыли: еще богохульствуютъ!"...

Да, аще мы, пастыри, молчимъ, то каменіе—бездушная природа вопіетъ противъ беззаконій нашихъ, противъ нераскаянности нашей. И солнце, и воздухъ, и море, и суша, и вѣтры и всѣ стихіи уже жалуются на насъ Богу, уже готовы исполнить повелѣніе Божіе, чтобы совершить судъ Божій надъ нечестіемъ людскимъ. Но еще и еще ждетъ всемилостивый Господь покаянія нашего, еще и еще даетъ намъ отсрочку: *смоковницу имяше нѣкій въ винограде своемъ всажденну, и пріиде ища плода на ней, и не обрѣте. Рече же къ винареви: се третіе лѣто, отнелиже прихожду, ища плода на смоковницѣ сей, и не обрѣтаю: посѣцы ю убо, вскую и землю упражняетъ? Онъ же отвѣщавъ рече ему: Господи, остави ю и се лѣто, дондеже окопаю скрестъ ея, и осыплю гноемъ. И аще убо сотворитъ плодъ: аще ли же ни, во грядущее посѣчеши ю* (Лук 13; 6—9).

Господи! остави и насъ на се лѣто, аще и не три уже лѣта, а всѣ дни и лѣта житія нашего ищеши плода отъ насъ и не обрѣтаеши... Призри на немощь естества нашего, вразуми насъ имиже Самъ вѣси судьбами, обрати сердца наши къ Тебѣ, Солнцу правды, и оживотвори насъ благодатію Животворящаго Духа Твоего, да принесемъ плоды достойные покаянія и да не возрадуется о насъ врагъ Твой и нашъ, но да прославится всесвятое имя Твое! Аминь.

52.

Наше крещеніе и нашъ крестъ.

Скоро исполнится тысяча лѣтъ съ того благодатнаго дня, какъ наша Русь просвѣщена святымъ крещеніемъ, всѣ мы имѣли счастіе сподобиться сего великаго таинства еще въ первые дни своего земнаго странствованія: но многіе ли вдумывались въ глубокій смыслъ самаго слова: *крещеніе*? Гдѣ корень этого слова? И въ греческомъ, и во всѣхъ европейскихъ языкахъ это понятіе обозначается словомъ *погруженіе*, омовеніе чрезъ погруженіе въ воду. Но наши мудрые первоучители христіанства, наши предки—славяне для обозначенія благодатнаго таинства, вводящаго человѣка въ новую жизнь, избрали другое слово, корень котораго есть слово *крестъ*. Мудрое избраніе, знаменательное слово!

Въ самомъ дѣлѣ: что такое крещеніе для христіанина?

Это есть духовное возрожденіе въ благодатную жизнь. Какъ оно совершается? Чрезъ смерть для грѣха и воскресеніе для Христа Господа. *Неужели не знаете*, говоритъ Апостолъ Павелъ, *что всѣ мы, крестившіеся во Христа Іисуса, въ смерть Его крестились? Итакъ мы погреблись съ Нимъ крещеніемъ въ смерть, дабы, какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ славою Отца, такъ и намъ ходить въ обновленной жизни... зная то, что ветхій нашъ человѣкъ распятъ съ Нимъ, чтобы упразднено было тѣло грѣховное, дабы намъ уже не быть рабами грѣху, ибо умершій освободился отъ грѣха. Если же мы умерли*

со Христомъ, то вѣруемъ, что и жить будемъ съ Нимъ (Рим. 6, 3—8). Но Христосъ умеръ на крестѣ: слѣдовательно, смерть со Христомъ есть крестная смерть, а крещеніе и есть *сораспятіе Христу, спогребеніе Ему*. Вотъ почему при крещеніи іерей вопрошаетъ крещаемаго: отрекся ли еси сатаны? Сочетался ли еси Христу?—Если же ты сочетался со Христомъ, ради тебя распятымъ, то и пребывай Ему вѣрнымъ, не отлучайся отъ Него, и тогда Онъ воскреситъ тебя съ Собою, и твой крестъ, воспринятый тобою при святомъ крещеніи, обратитъ тебѣ въ крылья, чтобы вознести тебя ими на небо и спосадить съ Собою одесную Отца.

Итакъ, крестъ есть неотъемлемый залогъ нашего спасенія во Христѣ Іисусѣ. Кто не несетъ креста, кто старается сбросить его съ себя, убѣжать отъ него,—скажу больше: кто не распинается со Христомъ на крестѣ, тотъ не христіанинъ. Христіанинъ есть живой членъ тѣла Христова, которое есть Церковь. Если Глава сего таинственнаго тѣла—Христосъ страданіями вошелъ въ славу Свою, Онъ, Агнецъ невинный, взявшій на Себя грѣхи міра: то какъ же членамъ Его тѣла вѣрующимъ въ Него, не сострадать Ему, не соучаствовать Ему въ страданіяхъ, хотя бы въ той ничтожной мѣрѣ, какая будетъ по силамъ каждому члену Его тѣла? Вѣдь только при томъ условіи, *аще съ Нимъ страждемъ, съ Нимъ и воцаримся. Что за похвала*, пишетъ св. Апостолъ Петръ, *если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки? Но если дѣлая добро и страдая терпите, это угодно Богу. Ибо вы къ тому призваны: потому что и Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его* (I Петр. 2, 20. 21). *Какъ вы участвуете въ Христовыхъ страданіяхъ, радуйтесь, да и въ явленіи славы Его возрадуетесь и восторжествуете* (4, 13).—Видите, какъ крестъ неразлученъ съ истиннымъ христіаниномъ? Крестъ, скорби, страданія—это радость для вѣрнаго послѣдователя Христова. Читайте Дѣянія св. Апостоловъ, читайте ихъ посланія: вездѣ они радуются скорбямъ, какія имъ приходилось нести за имя Господа Іисуса. Да и какъ имъ было не радоваться, когда Самъ Господь сказалъ имъ: *радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесахъ* (Матѳ. 6, 12). Они не только съ радостью терпѣли всѣ скорби, но и на смерть шли какъ на брачный пиръ. Съ тою же радостью несли свой крестъ и всѣ святые Божіи. При всей скорбности для немощной плоти, они ликовали духомъ, когда Божіимъ попущеніемъ приходили скорби.

Мнѣ скажутъ: то были скорби за имя Христово, а наши-то скорби—отъ насъ самихъ, отъ грѣховъ нашихъ.

Такъ. Но вотъ, послушайте, что пишетъ Апостолъ Павелъ Евреямъ: *вы еще не до крови сражались, подвизаясь противъ грѣха, и забыли утѣшеніе, которое предлагается вамъ какъ сынамъ: „сынъ мой не пренебрегай наказанія Господня, и не унывай, когда Онъ обличаетъ тебя. Ибо Господь кого любитъ, того наказываетъ; бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ“* (Притч. 3, 11—12). *Если вы терпите наказаніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Ибо есть ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ? Если же остаетесь безъ наказанія, которое всѣмъ обще, то вы—незаконныя дѣти, а не сыны* (Евр.

12—4—8). Господь „бьетъ насъ“, по сильному выраженію Апостола, значитъ еще любитъ насъ, значитъ мы еще не потеряны для царствія Божія, Онъ очищаетъ насъ, исправляетъ яко дѣтей Своихъ: возблагодаримъ же Его благость, наказующую насъ не по мѣрѣ беззаконій нашихъ, а по мѣрѣ любви Своей безконечной! По немощамъ нашимъ и малое наказаніе кажется намъ тяжкимъ, но вѣдь и Апостолъ пишетъ: *всякое наказаніе въ настоящее время кажется не радостію, а печалію; но послѣ наученнымъ чрезъ него доставляетъ мирный плодъ праведности* (ст. 11). Вотъ почему всѣ вѣрныя чада послушанія, вѣрные Господу Его рабы, смиренно всегда благодарили Господа за всѣ скорби, и Господь укрѣплялъ ихъ въ терпѣніи. Они знали по опыту, какое великое благо тотъ „мирный плодъ праведности“, о коемъ говоритъ Апостолъ. Они знали и сладость креста, возлагаемаго Господомъ на Своихъ послѣдователей. Еще ветхозавѣтный праведникъ съ умиленіемъ сердца взывалъ къ Господу: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, Господи, да научуся оправданіемъ Твоимъ!* (Пс. 118).

Хочешь ли ты, сораспятый Христу во святомъ крещеніи, чтобы Онъ понесъ съ тобою твой собственный крестъ? Хочешь ли, чтобы сей крестъ обратился для тебя въ лѣствицу, возводящую на небо? Воздохни къ Нему изъ глубины твоей души, скажи Ему: Господи! Ты лучше меня знаешь, что мнѣ полезно: твори надо мною волю Твою святую! Ты вѣдь знаешь и немощи мои, я вѣрую, что Ты не попустишь мнѣ искушенія сверхъ силъ, но при искушеніи подашь и облегченіе, чтобы я могъ понести (1 Кор. 10, 13). Такъ молись въ скорби души твоей, такъ отдавай себя въ руки Божіи, какъ дитя отдаетъ себя на руки матери, и въ этомъ самопреданіи Богу ты обрѣтешь не только силы для несенія твоего креста, но и великое утѣшеніе. Ты поймешь всю радость сострадания крестнаго со Христомъ. Ты почувствуешь, что Онъ съ тобою, Онъ несетъ за тебя твой крестъ, и сей крестъ уже обращается для тебя въ крылья, возносящія тебя надъ этою землею, надъ ея суетными радостями, которыя покажутся тебѣ такими ничтожными... И радость освобожденія отъ сѣтей суеты земной будетъ тебѣ наградою за это самопреданіе Господу. Говорятъ, что христіанство есть религія радости. Да, но той радости, къ которой путь одинъ—чрезъ Голгоѳу, радости, которая рождается въ сердцѣ отъ участія въ страданіяхъ Христовыхъ!

Господь хочетъ, чтобы мы, сочетавшись съ Нимъ въ крещеніи, были живыми членами тѣла Его, и слѣдовательно—чтобы были причастниками и страданій Его, дабы быть потомъ причастниками и славы Его. И наши скорби, наши кресты, не есть юридическое наказаніе за наши грѣхи: если и наказаніе, то—лишь отеческое вразумленіе любви Божіей къ намъ. Для искупленія нашихъ грѣховъ достаточно было одной капли крови Сына Божія, а ея пролиты цѣлые потоки,—но нужно наше личное, живое участіе въ жизни Главы нашей, а это и совершается съ одной стороны — добродѣланіемъ, когда Христосъ въ насъ и чрезъ насъ исполняетъ Свои заповѣди, а съ другой—самопреданіемъ Ему въ скорбяхъ нашихъ, восполненіемъ въ насъ, по выраженію Апостола, скорбей Христовыхъ въ плоти нашей. И начало всему этому полагается въ св. крещеніи, въ знаменіе чего и возлагается на насъ крестъ... Таковъ смыслъ слова *крещеніе*!

53.

Новый законъ о разстригахъ.

Полтора года назадъ Г. Дума, почти наканунѣ лѣтнихъ каникулъ, вырвала изъ представленныхъ ей правительствомъ законопроэктовъ тѣ статьи, которыя касались лишенныхъ священнаго сана или же лишаемыхъ онаго по собственному желанію, что въ сущности есть попраніе сана ради земныхъ расчетовъ, сочинила изъ этихъ статей свой законопроэктъ и передала его въ Г. Совѣтъ. Здѣсь этотъ законопроэктъ разсматривался больше года въ особой комиссіи, выработанъ взамѣнъ его новый, который и разсматривался въ Г. Совѣтѣ, во второй половинѣ декабря. Къ глубокому сожалѣнію, несмотря на сильнѣйшія возраженія какъ со стороны правыхъ, такъ и со стороны докладчика и предсѣдателя комиссіи, законопроэктъ принятъ Г. Совѣтомъ, большинствомъ впрочемъ только 4 голосовъ, въ редакціи почти тожественной съ тою, какую предложила Г. Дума. Такимъ образомъ, разстриги получили почти всѣ тѣ права, какихъ для нихъ добивалась Г. Дума. Можно ожидать, что теперь ихъ будутъ выбирать и въ самую Думу, о чемъ такъ заботились лѣвые думцы, и г.г Петровы, Семеновы и имъ подобные явятся въ качествѣ законодателей для Русской несчастной земли.

Нѣкоторые читатели мои просятъ меня сообщить, что я говорилъ 15 декабря въ засѣданіи Г. Совѣта.— Привожу свою рѣчь по сему дѣлу по стенографической записи.

„Я не юристъ и конечно не мнѣ судить о достоинствѣ той или другой законодательной мѣры въ области государственной жизни, но въ настоящую минуту Г. Совѣтъ обсуждаетъ законъ, близко касающійся монашествующаго духовенства, коего представителемъ являюся я здѣсь; потому прошу позволенія сказать откровенно съ этой каѳедры о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ на меня, думаю, что и на моихъ собратій, монашествующихъ, предложенный законопроэктъ. Законопроэктъ Г. Думы такъ и озаглавленъ: объ отмѣнѣ ограниченій... слѣдовательно, рѣчь идетъ о свободѣ и о правахъ. Согласенъ, что всѣ эти несчастные—иначе мы не можемъ назвать ихъ—заслуживаютъ сожалѣнія, имѣютъ право на свободу и на права. Но вѣдь законъ прежде всего долженъ имѣть въ виду благо всего государства, а потомъ уже и отдѣльныхъ лицъ, а потому и долженъ принимать во вниманіе правоспособность этихъ лицъ, опредѣляемую не одними бумажными документами, а—главнымъ образомъ—ихъ нравственными качествами. А объ этомъ-то и намека не имѣется въ думскомъ законопроэктѣ. Предполагается, само собою, что разъ они когда-то учились въ школѣ, имѣютъ ярлыкъ объ окончаніи курса, и довольно: могутъ поступать на службу—государственную или общественную, когда угодно. И вотъ получается впечатлѣніе, какъ будто законопроэктъ для того и сочиненъ, чтобы дать, какъ говорится, теплое мѣстечко этимъ несчастненькимъ. Онъ не проявляетъ ни малѣйшей заботы о томъ, чтобы служебныя должности замѣщались непремѣнно только людьми не только по образованію правоспособными, но и нравственно крѣпкими, на коихъ бы мож-

но положиться. А эта забота, по нашему монашескому мнѣнію, должна быть положена во главу угла всякаго законодательства, отъ недостатка такого мѣрила кандидатовъ на должности страдаетъ вся наша государственная и общественная жизнь, не говорю уже о церковной. Мнѣ скажутъ: къ чему я объ этомъ говорю? Отвѣчаю: душа изболѣлась при видѣ чиновниковъ—политическихъ развратниковъ, учителей—безбожниковъ, служителей Церкви—о коихъ слово Божіе говоритъ: проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ! Я 30 лѣтъ прожилъ въ монастырѣ, да вотъ уже семь лѣтъ имѣю дѣло и съ монахами и съ бѣлымъ духовенствомъ въ качествѣ архіерея и могу сказать, что всѣ эти лишаемые сана духовнаго или монашества по суду—люди потерянные для какой бы то ни было службы, слабые волею, часто зараженные пороками, которые много заботъ доставляютъ намъ, архіереямъ, по ихъ увѣщанію, исправленію, и отъ которыхъ—буду откровененъ до конца: мы рады бываемъ избавиться. Добровольно слагаютъ санъ большею частію тѣ, которыя мѣняютъ благодать священства на прелести женскія. Среди таковыхъ, конечно, бываютъ и способные къ службѣ. Но вѣдь законъ долженъ по всей справедливости озаботиться прежде дать мѣсто тѣмъ правоспособнымъ и нравственно крѣпкимъ лицамъ, которые ничѣмъ себя не опорочили, которые не проявили склонности измѣнять своимъ торжественнымъ обѣтамъ, въ угоду своимъ страстямъ. Мнѣ невольно вспоминается мудрый поступокъ отца императора Великаго Константина,—Констанція, который, вступивъ въ управленіе Галліей, объявилъ, что всѣ состоящіе на службѣ христіане должны немедленно выйти въ отставку, а когда слабые христіане отреклись отъ Христа, чтобъ остаться на службѣ, то рѣшилъ: кто не вѣренъ своему Богу, тотъ не можетъ быть надежнымъ слугою и земной власти, и приказалъ уволить всѣхъ отрекшихся отъ Христа, оставивъ при себѣ только вѣрныхъ христіанъ. Думаю, что и нашъ христіанскій законъ долженъ при избраніи лицъ для службы государственной и общественной имѣть въ виду этотъ принципъ и не спѣшить допущеніемъ на службу людей измѣнившихъ своимъ обѣтамъ въ служеніи Церкви. Вотъ почему мы, монашествующіе, не можемъ не высказаться за ограниченіе правъ лицъ, какъ лишенныхъ сана по суду, такъ и добровольно измѣнившихъ обѣтамъ священства и монашества, въ отношеніи ихъ общественной и государственной службы. Найдутъ они себѣ дѣло и на частной службѣ, хотя бы въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, пока кончится срокъ ихъ правоограниченія.

Теперь я скажу свое скорбное слово какъ архіерей.

Изъ доклада комиссіи видно, что главнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы оставить въ законѣ, хотя въ меньшей мѣрѣ, ограниченіе права жительства для священнослужителей іереевъ, все равно, какъ священниковъ, такъ и монашествующихъ, было—опасеніе соблазна для вѣрующихъ, ввѣрявшихъ имъ тайны своей совѣсти. Да, это опасеніе имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ какъ обычно думаютъ. Вспомните, что и теперь многіе интеллигенты избѣгаютъ исповѣди у своихъ приходскихъ священниковъ и говѣютъ въ монастыряхъ. Вѣдь исповѣдь есть единственный въ настоящее время моментъ, когда человѣкъ становится лицомъ къ лицу предъ всевѣдущимъ Богомъ, когда снимаетъ съ себя

маску лицемѣрія, коею закрывается всю свою жизнь, когда можетъ при помощи духовника видѣть себя такимъ, каковъ онъ есть... А безъ этого—онъ постепенно перестаетъ быть хрістіаниномъ, я сказалъ бы—человѣкомъ по образу Божію. И вотъ, ради какихъ-то удобствъ для лишаемыхъ сана или попирающихъ его ради женскихъ прелестей, сбрасывающихъ съ себя крестъ ради земныхъ расчетовъ,—во имя моднаго принципа свободы совѣсти подвергать вѣрующихъ искушенію—укрывать грѣхи на исповѣди, и тѣмъ ввергать ихъ въ смертный грѣхъ по суду Церкви—судите сами, г.г. члены Г. Совѣта: допустимо ли это въ хрістіанскомъ законодательствѣ?! Вѣдь это поведетъ не только къ искаженію, но и къ вытравленію въ душахъ той совѣсти, о свободѣ которой нынѣ такъ много говорятъ!

Я боюсь еще одной бѣды для Церкви въ томъ случаѣ, если законъ сниметъ всѣ правоограниченія съ бѣлаго и монашествующаго духовенства при снятіи съ нихъ сана. Я боюсь, что въ духовное сословіе ворвутся не желанные кандидаты, которымъ нечего будетъ терять. При недостаткѣ кандидатовъ священства намъ, архіереямъ, еще труднѣе будетъ уберечь Церковь отъ такихъ лицемѣровъ въ родѣ Гапона, Михаила и имъ подобныхъ. Каждый проходимецъ, получившій среднее образованіе, легко можетъ притвориться на время невиннымъ агнцемъ, чтобы потомъ, получивъ благодать священства, сдѣлаться волкомъ, а въ случаѣ изобличенія снова вернуться туда, откуда пришолъ. У насъ есть епархіи въ 2—3 милліона душъ православныхъ, съ 1500—2000 церквами: возможно ли архіерею знать каждаго священника, имѣть на всѣ мѣста достойныхъ кандидатовъ? Священническія мѣста пустуютъ иногда по полугоду, почти по году. Прихожане слезно умоляютъ прислать священника, а никто не подаетъ прошенія. Радъ бываешь всякому кандидату, который на первый взглядъ покажется порядочнымъ человѣкомъ и выдержитъ пастырскій экзаменъ. Снятіе всякихъ ограниченій поставитъ священника на одну доску съ чиновникомъ. Не даетъ архіерей лучшаго мѣста—не хочу оставаться въ санѣ. Подвергли какому-нибудь штрафу, выговору, не говорю уже о монастырскомъ подначаліи—тоже. Конечно—худая трава изъ поля вонъ, но этой худой травы будетъ меньше, если санъ священника въ глазахъ закона будетъ стоять выше чиновника, если измѣна алтарю будетъ и государственнымъ хрістіанскимъ закономъ считаться дѣломъ предосудительнымъ, укоризненнымъ.

Вотъ тѣ главныя основанія, по которымъ я считаю нужнымъ поддерживать заключенія нашей комиссіи съ тѣми поправками, какія вноситъ въ нихъ В. К. Саблеръ".

Какъ я сказалъ выше, всѣ наши соображенія большинствомъ 4 голосовъ—неправославныхъ—были отвергнуты. Не скрою, что рѣшеніе такого важнаго въ принципіальномъ отношеніи вопроса произвело на меня, да и не на меня одного, тяжелое впечатлѣніе. Въ чемъ сущность дѣла? Въ томъ, что государство ни во что ставитъ отреченіе лица, облеченнаго священнымъ саномъ, отъ благодати священства, нарушеніе имъ іерейской присяги или монашескаго обѣта: лицемѣрно ссылаясь на то, что разъ церковная власть якобы разрѣшаетъ добровольное отреченіе, то оно, значитъ, не наказуемо, государство рѣшаетъ, что такое лицо не подлежитъ никакому ограниченію. Но вѣдь нашими правыми ораторами было достаточно выяснено, что ка-

ноны церковные не допускаютъ добровольнаго сложенія сана, и то, что называется теперь разрѣшеніемъ добровольнаго сложенія сана, есть, въ сущности, только регистрація церковною властію самовольнаго попранія благодати и обѣтовъ, за что древняя Церковь подвергала отлученію и нынѣшняя вовсе не признаетъ дѣломъ нравственно дозволеннымъ и лишаетъ таковыхъ права оставаться въ клирѣ даже на низшихъ степеняхъ. Государство должно же принять во вниманіе, что таковые нарушители не заслуживаютъ уваженія наравнѣ съ людьми, ничѣмъ себя неопорочившими. Въ этомъ должно выразиться уваженіе государства къ самой Церкви.—Но въ рѣшеніи Г. Совѣта сего не усматривается и вотъ, вчерашній духовный отецъ, какъ это было недавно, нынѣ пускается въ плясъ на глазахъ своихъ бывшихъ духовныхъ дѣтей, или открываетъ винную лавочку, или творитъ нѣчто иное, зазорное, смущаетъ вѣрующихъ, а государство, вмѣсто того, чтобы пощадить совѣсть ихъ и оградить отъ соблазна, даетъ ему право на общественную и даже царскую службу... Не приведетъ къ добру это нежеланіе поддержать авторитетъ Церкви въ глазахъ народа. Оно есть признакъ, что союзъ Церкви съ государствомъ надрывается, что для голосующихъ за таковые законопроэкты безразличны интересы православныхъ людей, и дороже ихъ интересы разстригъ, къ которымъ народъ относится, какъ къ клятвонарушителямъ... Въ святомъ дѣлѣ законосоставленія должно принимать во вниманіе и мнѣніе православнаго народа, какъ и мнѣніе Церкви Православной. Будемъ надѣяться, что впредь наши мужи государственные будутъ осторожнѣе и не будутъ поддаваться обаянію рѣчей ораторовъ, стоящихъ на сторонѣ враговъ Церкви,—сознательно или безсознательно—это дѣло ихъ совѣсти.

54.

О тонкомъ ядѣ, проникающемъ въ нашу духовную журналистику.

Не могу я, за недостаткомъ времени, слѣдить за нашей періодической литературой, за газетами и журналами, такъ исправно, какъ это было бы нужно по нашему времени, но и безъ того почти не проходитъ дня, чтобы не попадалось на глаза то или другое доказательство постепеннаго, такъ сказать, перевоспитанія нашихъ православныхъ взглядовъ, а затѣмъ и понятій въ нашемъ обществѣ—притомъ не томъ безбожномъ обществѣ, которое приходится причислить къ культурнымъ язычникамъ, а въ средѣ людей, считающихъ себя, и ненапрасно, религіозными и православными. Бывало, лѣтъ десять-двадцать назадъ, если встрѣтишь что-либо въ духовномъ журналѣ противорѣчащее православнымъ воззрѣніямъ, то уже это „рѣжетъ глаза“: смотришь—въ томъ же или другомъ подобномъ журналѣ скоро появляется и опроверженіе такого уклоненія отъ завѣтныхъ преданій

родной Церкви. А нынѣ—увы—если бы кто взудмалъ заниматься такими опроверженіями, то у него не достало бы ни времени, ни силъ на такой геркулесовскій подвигъ. Поневолѣ молчишь, по пословицѣ: „на всякій ротокъ не накинешь платокъ“. Однимъ словомъ—„свобода“! Чего же вы еще хотите? И пишутъ, и печатаютъ всѣ, кому только не лѣнь, не справляясь ни съ мнѣніемъ Церкви,—хотя и именуютъ себя православными,—ни даже съ здравымъ разумомъ...

Ко всему можно привыкнуть, но вотъ чего душа не выноситъ, вотъ что особенно бьетъ по сердцу: это—когда человѣкъ, котораго привыкъ уважать за его литературные труды, за его служеніе святой матери Церкви художественнымъ перомъ, когда такой человѣкъ, въ унисонъ съ іудействующими газетами начинаетъ какъ бы подслуживаться духу времени и итти въ разрѣзъ съ прямымъ ученіемъ Церкви въ вопросахъ вѣры или церковной дисциплины... Ради чего это?

Я прошу моихъ читателей прочитать вотъ эту выдержку изъ „Русскаго Паломника“ (№ 52 1910 г.):

„Теперь въ этомъ Шамординѣ страждетъ одна женская глубокая душа. Она любила брата. инокиня Марія, въ міру графиня Марія Николаевна Толстая. Она знала, какъ сильны были его религіозныя чувства. И какъ отрицать ихъ, когда въ его произведеніяхъ написано столько вдохновенныхъ страницъ изъ церковно-православной жизни русскаго сердца? Я самъ слышалъ отъ нея, какъ графа Толстаго и въ годы его отрицанія влекло въ Церкви, какъ его можно было видѣть потихоньку зашедшимъ къ богослуженію въ московскихъ церквахъ и простаивавшимъ службу, притаившись до конца. И какъ противорѣчитъ этому богоборству это примирительное паломничество въ Оптину! Но насиліе надъ его душой окружающихъ не дало ему вернуться въ Церковь! Будемъ вѣрить, что между душой старца, осыпанной столь великими милостями Божіими, и его Богомъ, въ послѣдніе часы догорающей жизни, невѣдомо ни для кого, произошла великая тайна,—что Богъ, сторожащій душу человѣка и до послѣдняго мгновенія борющійся за ея спасеніе, призвалъ къ себѣ эту скорбную мятущуюся душу, что радостно она прильнула къ ногамъ Христовымъ и въ томъ обрѣла себѣ покой и спасеніе“...

Пишетъ это извѣстный въ духовной литературѣ авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ *Е. Поселянинъ*. Откровенно говорю: отъ него-то, какъ стараго моего сотрудника по „Троицкимъ Листкамъ“, я всего меньше ожидалъ такихъ разсужденій... Прежде, чѣмъ печатать эти размышленія, ему подобало бы показать ихъ хотя бы тѣмъ же Оптинскимъ старцамъ и — я увѣренъ—они не благословили бы печатать этихъ строкъ. Довольно сказать, что въ одной Вологдѣ приходили ко мнѣ на одной недѣлѣ три скорбныя души, возмущенныя сими нецерковными строками. Я начинаю уже получать письма и изъ разныхъ концовъ святой Руси съ выраженіемъ того же недоумѣнія: какъ отнестись къ этимъ немногимъ, но смущающимъ душу строкамъ? Одинъ подписчикъ „Р. Паломника“ даже заявилъ мнѣ крайнее сожалѣніе, что подписался на этотъ журналъ. Я успокоилъ его, сказавъ, что нельзя же каждому печатному слову простаго смертнаго вѣрить; необязательно вѣровать въ то, во что ему хочется вѣровать. Я не стану касаться тайны скорбящей души достопочтенной старицы, подвиза-

ющейся въ Шамординѣ: ее, конечно, уже успокоили опытные старцы Оптиной пустыни, научивъ всецѣло предать судьбу несчастной погибшей души ея брата Богу милосердому и правосудному. Вѣдь всеконечно она любитъ Господа Іисуса Христа несравненно больше, чѣмъ брата по плоти. Конечно, она помнитъ слова Господа: Марк. 9, 42—47. Несомнѣнно, она съ негодованіемъ отвергаетъ всѣ хулы своего брата на ея возлюбленнаго Спасителя и Искупителя. Богъ готовъ всѣхъ спасти, но не всѣ свободною волею хотятъ принять спасеніе, а насильно и Всемогущій не спасаетъ. Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ Господь говоритъ чрезъ пророка Іезекіиля: „*живу Я, говоритъ Господь Богъ: не хочу смерти грѣшника, но чтобы грѣшникъ обратился отъ пути своего и живъ былъ; Обратитесь, обратитесь отъ злыхъ путей вашихъ: для чего умирать вамъ, домъ Израилевъ?*“ Но Богъ сколько милосердъ, постольку же и правосуденъ. Въ чемъ застану, въ томъ и сужу, говоритъ Онъ. „*Праведность праведника не спасетъ въ день преступленія его, и беззаконникъ за беззаконіе свое не падетъ въ день обращенія его отъ беззаконія своего... Когда Я скажу праведнику, что онъ будетъ живъ, а онъ понадѣется на свою праведность и сдѣлаетъ неправду: то всѣ праведныя дѣла его не помянутся и, онъ умретъ отъ неправды своей, какую сдѣлалъ*“.—Тѣ религіозныя переживанія, которыя отразились въ прежнихъ произведеніяхъ Толстаго, еще не представляютъ собою спасительныхъ подвиговъ или добродѣтелей, совершаемыхъ при помощи благодати спасающей: они могутъ только послужить ему же во осужденіе, какъ вѣдѣвшему творити доброе и нетворившему, какъ званному въ нѣдра Церкви отъ Божіей благодати предваряющей, но невнявшему ей. Нельзя же забывать его богохульство, или какъ выражается самъ авторъ, богоборство: вѣдь все это, чего мы не можемъ даже повторить печатно, на что приходится указывать только намеками, ибо даже нынѣшняя свобода печати не допускаетъ его мерзостныхъ выраженій въ отношеніи святѣйшихъ истинъ нашей вѣры,—все это было *послѣ* тѣхъ немногихъ переживаній, которыя свойственны каждому вѣрующему, но которыя онъ, какъ художникъ, умѣлъ лучше многихъ изъ насъ изображать, — а въ концѣ-то его жизни остается неопровержимымъ фактъ вражды къ невѣстѣ Христовой Церкви и Самому Господу Іисусу Христу. Въ этомъ остался нераскаяннымъ несчастный писатель... Въ свое время я уже говорилъ, что онъ метнулся было на минуту въ сторону Церкви, въ Оптину, но уже было поздно: милосердіе Божіе истощилось, онъ сталъ *неспособенъ* къ смиренному покаянію и потому *затворени быша двери*. „Насиліе надъ его душой окружающихъ“ не имѣло бы мѣста, если бы не было на то Божія попущенія по *его* же неспособности къ покаянію. Да, онъ былъ „осыпанъ великими милостями Божіими“, но во первыхъ—вѣдь Господь сказалъ: „*кому дано много, отъ того много и взыщется*“, во вторыхъ—онъ вѣдь употребилъ сіи дары не во славу Божію, особенно въ послѣднюю половину своей жизни, а на служеніе сатанѣ, и наконецъ, въ третьихъ, слово Божіе насъ учитъ, что внѣ Церкви нѣтъ спасенія, а почтенный авторъ позволяетъ себѣ выдумывать какую-то новую теорію спасенія, Церкви невѣдомую и ея ученію

противную. Церковь, согласно съ словомъ Божіимъ, объявила Толстого еретикомъ, а святые отцы учатъ, что „быть еретикомъ значитъ быть отлученнымъ отъ Бога“ (слова преп. Агаѳона). „Спасается только тотъ, говоритъ блаженный Августинъ, кто имѣетъ главою Христа, а имѣетъ главою Христа лишь тотъ, кто находится въ Его тѣлѣ, которое есть Церковь“. Она, и только она одна есть *столпъ и утвержденіе истины*, и кто не хочетъ быть ей покорнымъ, тотъ пусть внимаетъ грозному слову Христову: *если и Церкве не послушаетъ* братъ твой, *то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь* (Мѳ. 18, 17). „Кто Церкви не слушаетъ, говоритъ одинъ св. отецъ, тотъ не есть сынъ Церкви; кто не сынъ Церкви, тому Христосъ не пастырь; кому Христосъ не пастырь, тотъ не Христова овца; кто не Христова овца, тотъ напрасно ожидаетъ вѣчной жизни“. „Кому Церковь не мать, говоритъ св. Кипріанъ, тому Богъ не Отецъ!“

Таково ученіе Церкви о спасеніи нашемъ. Минуя Церкви нѣтъ пути къ Богу. Такъ угодно Богу! И Богъ не пріемлетъ никого, кто презираетъ Церковь. Человѣкъ, умирающій въ отлученіи отъ Церкви, не можетъ надѣяться „радостно прильнуть къ ногамъ Христовымъ и въ томъ обрѣсти себѣ спасеніе“. И мы не смѣемъ инако вѣровать, инако надѣяться, какъ только въ согласіи съ ученіемъ Церкви, съ ученіемъ Христа. И если позволимъ себѣ инако мудрствовать, то будемъ въ великой опасности впасть въ ересь и признать возможность спасенія для всѣхъ анаѳематствованныхъ Церковію еретиковъ, начиная съ отлученныхъ св. Апостолами, вселенскими соборами, и кончая еретиками нашихъ временъ. Нѣтъ! Слово Христово непреложно: *истинно говорю вамъ: что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ, и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ.* Несчастный писатель связанъ Церковію на землѣ: остается связаннымъ и въ будущей жизни; онъ не былъ разрѣшенъ, онъ не хотѣлъ быть разрѣшенъ на землѣ: нѣтъ ему уже разрѣшенія и въ будущей жизни! Это не мое слово, а слово—грозное слово—Самого Христа!

Если будемъ разсуждать иначе, то не нужна будетъ и Церковь, не нужны и таинства ея, не нужно и подвиговъ, и покаянія! Да не будетъ сего [1])!

Хочется думать, что г. Поселянинъ просто обмолвился, забывъ, подъ наплывомъ воспоминанія впечатлѣній отъ художественныхъ произведеній Толстого, о его невыразимыхъ хулахъ и „личной ненависти“ къ Господу нашему, о которой свидѣтельствовалъ бывшій когда-то его почитатель В. С. Соловьевъ.

Я остановился на „обмолвкѣ“ г. Поселянина дольше, чѣмъ она того заслуживаетъ, потому, что въ ней отразилось характерное направленіе нашего времени даже въ духовной литературѣ. „Р. Паломникъ“, вотъ уже 26-й годъ издающійся по моей мысли и моей программѣ, хотя и не мною окрещенный симъ именемъ, есть журналъ „духовный“. Не считаетъ себя онъ и сектантскимъ или, какъ нынѣ принято выражаться, избѣгая понятія *православнаго*, просто христіанскимъ. Да и самая идея „паломничества“ свойственна главнымъ образомъ православію, а не сектантству. Журналъ самъ себя такъ и рекомендуетъ: „для православной семьи, школы и читальни“.

---

[1]) Рекомендуемъ читателямъ прекрасную статью въ *Моск. Вѣд.* 1910 г. № 239: „*Духовные туманы у могилы гр. Толстого*“.

Такіе журналы особенно были бы полезны для нашего времени. Однакоже, что преподноситъ этотъ журналъ своимъ читателямъ по поводу смерти гр. Толстаго?—Да ни больше, ни меньше, какъ цѣлый іудейскій акаѳистъ этому богоотступнику. Правда, все это—не свое, а заимствованное у почитателей Толстаго, но вѣдь православные-то читатели ужъ конечно не ожидали такого подношенія со стороны редакціи... Уважая религіозное и патріотическое чувство православныхъ, подобало бы воздержаться отъ этого... Полюбуйтесь вотъ хоть нѣсколькими строками изъ этого акаѳиста (а онъ тянется на 22 столбцахъ!): „смерть Толстого, говоритъ редакція словами іудействующей газеты „Р. Слово“, вызвала единодушный идеалистическій подъемъ духа во всемъ цивилизованномъ мірѣ... „Можно было не знать его, не видѣть его, вторитъ она одному изъ его почитателей, А. Ѳ. Кони,—не читать его, можно было не соглашаться съ нимъ, но надо было знать, что онъ живетъ, и тогда легче было жить намъ“. (Пусть проститъ моему невѣжеству г. Кони: если не знать, не читать, не соглашаться, то почему же *легче жить?* Что это—святой угодникъ Божій что ли?). „Въ мірѣ—покойникъ, беретъ журналъ изъ писаній другаго почитателя Толстаго: „когда въ домѣ покойникъ, благоговѣйная, молитвенная тишина водворяется въ домѣ. Сейчасъ у насъ въ Россіи покойникъ. И не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ мірѣ,—*у насъ на землѣ*, повсюду, гдѣ знали имя Толстаго, куда проникало его вѣщее міровое слово“. „Осиротѣло человѣчество“. „Наша всемірная скорбь озаряется отблескомъ великихъ упованій, лучезарнымъ свѣтомъ безсмертнаго имени великаго друга человѣчества“. „Новое слово“, о коемъ говорилъ Достоевскій, разумѣя наше святое православіе, наше русское міросозерцаніе, видите ли, по мысли нѣкоего профессора Адріанова, принадлежитъ Толстому. „Трудно постигнуть Толстого въ цѣломъ, какъ необычайно сложное явленіе, какъ трудно постигнуть сущность міра(!). Пройдетъ еще много времени, пока міровоззрѣніе Толстаго воплотится въ жизнь. Но сѣмена брошены, всечеловѣческая совѣсть взбудоражена Толстымъ во всемъ человѣческомъ мірѣ и всходы будутъ. Разъ Росія дала міру такого сына, какъ Толстой, *его богъ* восторжествуетъ (надъ кѣмъ? ужъ не надъ нашимъ ли Хрістомъ Спасителемъ?), преображеніе людей совершится. Эту свѣтлую надежду питалъ до послѣдняго вздоха самъ Толстой и она облегчила его послѣднія минуты. Наканунѣ кончины въ минуты просвѣтлѣнія, онъ, передаютъ газеты, диктовалъ свои мысли: „я самъ ухожу изъ жизни, но останутся люди, которые сознаютъ истинный смыслъ жизни и имъ суждено будетъ осуществить то, къ чему стремился я въ теченіе своей жизни и что мнѣ не удалось“.

Какъ видите, всѣ эти рѣчи, отзывы о Толстомъ „духовный“ журналъ постарался сгруппировать и поднести православной семьѣ и школѣ, не считая нужнымъ даже оговорить, какъ редакція сама-то относится къ нимъ. Повидимому, вполнѣ раздѣляетъ ихъ? Какъ видите, все это изложено на особомъ эзоповскомъ языкѣ, но довольно прозрачно, чтобы понимать его. Конечно, это „вѣщее міровое слово“ не есть его идеи, проведенныя въ „Войнѣ и Мирѣ“,—разумѣется это его богохульное ученіе. „Идеалисти-

ческій подъемъ духа во всемъ цивилизованномъ мірѣ"—это тотъ шумъ и гамъ, какой подняли враги хрістіанства—іудеи и ихъ союзники—масоны, а за ними и наши недалекіе „интеллигенты" во главѣ съ поименованными „профессорами". „Торжество толстовскаго бога"—это торжество жидовскаго кагала. Вотъ чему сочувствуетъ редакція „духовнаго" журнала и чѣмъ угощаетъ своихъ читателей — православныхъ. За одно можно сказать ей спасибо—за то, что она сообщила намъ предсмертныя бредни Толстого: изъ нихъ мы видимъ еще разъ, какъ онъ остался тѣмъ, что онъ былъ въ послѣдніе годы: тотъ же бредъ о „смыслѣ жизни", а слѣдовательно, говорить о его покаяніи уже не приходится и изъ этихъ записей его словъ г. Поселянинъ можетъ убѣдиться, что вѣровать, будто „его душа прильнула къ ногамъ Хрістовымъ и въ томъ обрѣла себѣ покой и спасеніе"—не приходится.

Такое отношеніе къ Толстому со стороны нѣкоторыхъ духовныхъ журналовъ есть знаменіе времени. „Р. Паломникъ" съ своими приложеніями не одинокъ. Пусть извинитъ меня и другая почтенная редакція „Отдыха хрістіанина", если я позволю себѣ по долгу стоящаго на стражѣ Господней упрекнуть ее за помѣщеніе статьи г. Смоленскаго. Сей авторъ сдѣлалъ своеобразную подтасовку: онъ взялъ религіозныя мысли Толстаго изъ первой половины его литературной дѣятельности и хочетъ ими какъ бы оправдать его богоборную дѣятельность втораго періода. Напрасно авторъ видитъ въ Толстомъ „жажду вѣры": вѣра по самому существу своему есть глубочайшее смиреніе ума человѣческаго предъ всевѣдущимъ умомъ Божіимъ, а Толстой былъ преисполненъ гордыни сатанинской; въ такой душѣ нѣтъ мѣста вѣрѣ, которая есть смиреніе. Напрасно авторъ, подобно г. Поселянину, дѣлаетъ предположеніе, что въ очахъ Господнихъ Толстой, на словахъ отрицавшій многіе хрістіанскіе догматы (слишкомъ скромно сказано: слѣдуетъ сказать: совершенно отрицавшій *все* хрістіанство), а на дѣлѣ все же любившій Хріста (именовавшій Его, прости Господи—„повѣшеннымъ іудеемъ") и людей (на словахъ лишь), окажется несравненно выше тѣхъ, кто устами своими чтили Бога, а сердцами отстояли далеко отъ Него, кто назывался хрістіаниномъ, но жилъ не по-хрістіански". Да, можетъ быть Толстой и не былъ такъ загрязненъ грубыми пороками, какъ мы грѣшные, но хоть мы и грѣшники, а все же Божьи, а онъ отрекся отъ нашего Спасителя, онъ хулилъ Его, онъ не захотѣлъ прибѣгнуть къ Нему и въ часъ смертный, а мы все же не теряемъ надежды на спасеніе наше и вѣруемъ, что во смиреніи нашемъ помянетъ насъ Господь. Гордыня, по ученію св. отцевъ, одна способна замѣнить всѣ пороки и не дать ни единаго мѣста покаянію... „Въ дѣятельности Толстого, явнымъ образомъ направленной противъ хрістіанства, говоритъ авторъ, многое, можетъ быть, послужитъ во славу Хріста и на благо Церкви хрістіанской". Да, но это ужъ не заслуга Толстого, это—дѣло Божія Промысла, всякое зло направляющаго ко благу. А Толстой получитъ воздаяніе по дѣламъ и намѣреніямъ своимъ. „Преклоненіе Толстого предъ Хрістомъ окрашено самыми яркими и трогательными чертами религіознаго восторга". Мы только-что сказали, какой это былъ восторгъ и какъ онъ дерзалъ именовать нашего Господа.—Его раз-

сужденія о безсмертіи души отзываются пантеистическимъ міросозерцаніемъ. — „Являясь на словахъ врагомъ христіанства, Толстой въ то же время ко всѣмъ вопросамъ, выдвигаемымъ жизнью, подходилъ съ глубокой вѣрой въ нравственную отвѣтственность человѣка передъ Пославшимъ его въ міръ... Онъ будилъ человѣческую совѣсть, ставя ее судіей жизни, побужденій и дѣятельности человѣка". Но кто это— Пославшій человѣка въ міръ по пониманію Толстого? Есть ли это— нашъ христіанскій Богъ? Нѣтъ. Слово „Пославшій" Толстой укралъ изъ Евангелія, гдѣ Господь говоритъ о Себѣ, именуя Отца Своего *Пославшимъ*, а примѣняетъ это слово въ смыслѣ пантеистическомъ. Отсюда вся его нравственность— языческая, и все его „добро" спасающей цѣны не имѣетъ, какъ лишенное духа смиренія Христова.— Вотъ почему всѣ разсужденія г. Смоленскаго о какихъ-то заслугахъ Толстого предъ Церковію не имѣютъ ни малѣйшей цѣны, и напрасно авторъ отнялъ у журнала цѣлыхъ 16 страницъ, удѣливъ церковной правдѣ только полстранички... Нынѣ время тревожное для Церкви: не смущать вѣрующихъ въ простотѣ сердца сужденіями о какихъ-то заслугахъ, о какихъ-то нравственныхъ качествахъ погибшей души гордаго писателя, а внѣдрять въ нихъ истинно-церковный взглядъ на христіанскую жизнь и ученіе Церкви о спасеніи должно въ наше время духовнымъ нашимъ изданіямъ. Иначе вмѣсто пользы они будутъ приносить только одинъ вредъ, расшатывая и разрушая цѣльность церковнаго пониманія вещей...

55.

На стражѣ Господней.

На стражи моей стану.
Св. Григорій Богословъ.

Мы, пастыри, мало читаемъ писанія великихъ вселенскихъ учителей вѣры и потому нерѣдко теряемъ руководящее начало въ нашей пастырской дѣятельности, теряемъ твердость и мужество, и, прикрываясь современными якобы „гуманными" принципами, часто подкладываемъ, по выраженію древняго пророка, мягкую подушку подъ всякій локоть руки... Особенно это стало часто проявляться въ наше дряблое время. Является лжеучитель, пишетъ и печатаетъ, что ему вздумается, проповѣдуетъ устно, не только въ домашней бесѣдѣ, но и въ публичныхъ собраніяхъ; его дерзость становится съ каждымъ днемъ все нестерпимѣе, у него являются послѣдователи, а мы все терпимъ, все снисходимъ, сначала будто не замѣчаемъ этого, потомъ какъ-то робко, будто извиняясь, что его побезпокоили, начинаемъ чрезъ миссіонеровъ вразумлять его, но и при этомъ—не слышится властнаго слова, сильнаго не только любовью, но и благоговѣніемъ къ непреложности ученія Церкви, слова, крѣпкаго вѣрою въ правоту защищаемаго нами ученія Церкви,—и лжеучитель чувствуетъ эту робость, эту какъ бы неувѣренность, какъ бы холодное, вѣрнѣе сказать — тепло-

прохладное отношеніе къ святынѣ истины, и не внимаетъ нашимъ увѣщаніямъ, растворяемымъ гуманными фразами... Въ немъ растетъ самоувѣренность, онъ уже не боится послѣдствій даже отлученія отъ Церкви, ибо не чувствуетъ въ нашемъ увѣщаніи властнаго и любящаго голоса самой матери Церкви. Холодомъ, разсудочностью вѣетъ отъ этихъ оффиціальныхъ увѣщаній, обращенныхъ къ заблуждающимся. Вѣдь если бы мы искренно любили святую истину, то этого не могло бы быть: мы плакали бы, болѣли бы душою за того, кто вражьимъ дѣйствіемъ уклонился отъ нея; онъ не могъ бы не чувствовать, не сознавать, что если мы такъ горячо относимся къ его несчастію, то стало быть оно велико, стало быть слѣдуетъ задуматься: „да правъ ли я?“

Недавно въ „Троицкомъ Словѣ“ было разсказано, какъ митрополитъ Петербургскій Гавріилъ обращалъ раскольника отъ заблужденія его: онъ плакалъ, горячо молился, воздѣвая руки къ небу, и Господь вразумилъ упорствующаго, и смягчилъ его сердце, и онъ бросился къ стопамъ святителя и обратился къ православію. Такая ревность о святой истинѣ, такая пламенная любовь къ заблудшему, такая горячая о немъ молитва — творятъ чудеса. А наша лжегуманная осторожность, наша излишняя деликатность въ отношеніи къ лжеучителямъ только вредятъ дѣлу. Мы какъ будто не сознаемъ своего—не только права, но и *долга* обращать заблудшихъ на путь правый, обличать, запрещать, умолять со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ. Мы забываемъ, что мы—не овцы, а пастыри, что на насъ лежитъ тяжкая отвѣтственность за гибнущія души, что мы обязаны не только „идти въ пустыню“ за сими гибнущими, но и оберегать другихъ, еще не зараженныхъ отъ ихъ лжеученія. Да что я говорю—отъ лжеученія? Нашъ долгъ охранять ихъ и отъ всякой духовной заразы, отъ всякаго порока. Послушаемъ, что говоритъ великій вселенскій учитель св. Златоустъ. „Вотъ еще достойное посмѣянія и служащее къ нашему стыду. Если у насъ кто-нибудь будетъ обличенъ въ самыхъ постыдныхъ дѣлахъ и на него захотятъ наложить какую-нибудь эпитемію, то всѣ весьма безпокоятся и боятся, какъ бы, говорятъ, онъ не отдѣлился отъ насъ (отъ Церкви) и не присталъ къ другимъ“. Такъ во времена Златоуста „говорили“, такія опасенія высказывали вѣрующіе. Пастыри Церкви, повидимому, тогда исполняли свой долгъ, не смущаясь такими опасеніями. А теперь приходится слышать эти опасенія отъ пастырей самихъ. Теперь есть архіереи, которые намѣренно закрываютъ глаза на то, что въ ихъ епархіяхъ творится. Ссылаются на „свободу совѣсти“ и допускаютъ явнымъ еретикамъ распространять открыто лжеученія. На ихъ глазахъ происходятъ собранія у такихъ еретиковъ, а они все надѣются своею снисходительностью привлечь сихъ еретиковъ въ нѣдра Церкви, позволяютъ имъ публичныя проповѣди, все опасаясь, какъ бы такіе не отдѣлились отъ Церкви... А того, что сіи самочинные проповѣдники уже отдѣлились отъ Церкви сами собою, своимъ своеволіемъ, уже только тѣмъ, что самочинно выступили на проповѣдь, не испросивъ предварительно на то благословенія епископа,—какъ будто не замѣчаютъ... Все надѣются, что они сами вразумятся, сами одумаются и вернутся къ послушанію Церкви. Были даже примѣры такого сни-

схожденія къ самочиннымъ учителямъ, что архіереи, хорошо зная, что они не послушаются, если имъ рѣшительно воспретить проповѣдь, стороною имъ подсказывали, чтобы тѣ попросили—для порядка—разрѣшенія на проповѣдь якобы подъ наблюденіемъ пастырей. Тѣ такъ и поступали, и вотъ проповѣдь сомнительныхъ лицъ въ отношеніи ихъ православія такимъ порядкомъ „легализировалась“ и становилась болѣе авторитетною въ глазахъ вѣрующихъ. Зараза распространялась уже „на законномъ основаніи“. И всему причиною эта боязнь: какъ бы самочинникъ не отложился, не увлекъ за собою отъ Церкви своихъ постоянныхъ слушателей. На глазахъ церковной власти образовывалась секта... Не такъ разсуждаетъ великій учитель Церкви св. Златоустъ. „Пусть отдѣляется хоть тысячу разъ, и пусть пристаетъ къ другимъ; я говорю не о согрѣшившихъ только, но хотя бы кто и вовсе былъ безгрѣшенъ,—если хочетъ отложиться, пусть отложится. Хотя я печалюсь,—спѣшитъ прибавить святитель,—и страдаю, огорчаюсь и мучусь внутренно, лишаясь въ такомъ какъ бы собственнаго члена, но огорчаюсь не такъ, чтобы спасеніе всего этого могло принудить меня сдѣлать что-либо недолжное“. Такъ дорожитъ святитель Христовъ благомъ Церкви. Такъ строго требуетъ онъ отъ членовъ Церкви послушанія ей. Онъ не хочетъ покупать кажущейся цѣлости ея, цѣною излишняго снисхожденія къ самочинію ея членовъ, поблажками сему самочинію, и притомъ—замѣтьте: это не только въ области ученія вѣры, но и въ области нравственной жизни членовъ Церкви. Что же онъ сказалъ бы въ отношеніи погибельныхъ лжеученій тѣхъ ересей, которыя теперь открыто, печатно проповѣдуются самочинными, непризванными учителями-писателями - публицистами, ничего не понимающими въ вопросахъ вѣры и позволяющими себѣ судить о томъ, чего не знаютъ? Что онъ сказалъ бы о тѣхъ невѣждахъ—фанатикахъ, которые собираютъ вокругъ себя толпы темнаго люда и проповѣдуютъ хлыстовскія бредни? Нѣтъ сомнѣнія, онъ, послѣ нѣсколькихъ, можетъ быть, слезныхъ увѣщаній, предалъ бы нераскаянныхъ торжественной анаѳемѣ. И это онъ сдѣлалъ бы ради блага Церкви, ради сохраненія ея цѣлости, ея единства и чистоты, ради огражденія ея отъ раздѣленій. Какъ видите, онъ не дорожитъ количествомъ вѣрующихъ, именующихъ себя православными: „мы не повелѣваемъ вашей вѣрѣ, возлюбленные, говоритъ онъ, не деспотически приказываемъ вамъ это. Мы поставлены для поученія васъ словомъ, а не для начальствованія и самовластія надъ вами: наше дѣло совѣтовать вамъ и увѣщевать. Совѣтникъ говоритъ, что ему должно, но не принуждаетъ слушателя, предоставляя ему полную свободу—принять или не принять совѣтъ. Онъ будетъ виновенъ только въ томъ, если не скажетъ того, что ему поручено. Потому-то мы и говоримъ все это, обо всемъ этомъ напоминаемъ, чтобы вамъ уже нельзя было сказать въ тотъ (послѣдній) день: никто этого намъ не говорилъ, никто не объяснялъ, мы этого не знали и вовсе не считали грѣхомъ. Итакъ, я говорю и свидѣтельствую, что производить раздѣленія въ Церкви (самочинничать) не меньшее зло, какъ и впадать въ ереси“.

Какъ эти слова великаго іерарха прикладны къ нашему времени! Мірская власть дала свободу вѣроисповѣданія. Эта свобода никогда

въ сущности и не стѣснялась: на Руси не было преслѣдованія за то или другое вѣроисповѣданіе. Напрасно клевещутъ на Церковь нашу Православную, будто она гнала и преслѣдовала еретиковъ и отступниковъ: не Церковь, а мірская власть, признавая союзъ государства съ Церковію, находила нужнымъ иногда стѣснять еретиковъ и отступниковъ, и не въ видахъ собственно преслѣдованія ихъ за ихъ вѣрованія, а лишь въ видахъ пресѣченія зла, для охраненія Церкви отъ того вреда, какой могли принести Церкви еретики распространеніемъ своего ученія среди простецовъ въ вѣрѣ, вѣрныхъ чадъ Церкви. Теперь свобода исповѣданія расширена: стало возможно прежде запрещаемое законами такъ называемое „оказательство“ раскола, дозволено раскольникамъ и сектантамъ открыто совершать богослуженія, дѣлать молитвенныя собранія и пр. Тѣмъ зорче должны стоять на стражѣ Церкви, мы—ея пастыри, тѣмъ внимательнѣе присматриваться: нѣтъ ли среди нашихъ пасомыхъ если не волковъ въ овчихъ одеждахъ, то козлищъ, притворяющихся кроткими агнцами? Недавно объ одномъ, глубоко мною уважаемомъ, образованномъ старцѣ, котораго я считалъ искреннимъ хрістіаниномъ, мнѣ сказали въ откровенной бесѣдѣ: „да, человѣкъ прекрасный, стойкій черносотенецъ, но онъ считаетъ буддизмъ чистой философіей, а не идолопоклонствомъ, отстаиваетъ оккультизмъ, заявляетъ, что такъ или иначе нужно стараться узнать будущее, хотя бы даже посредствомъ оккультныхъ знаній, вызыванія духовъ, спиритическихъ сеансовъ и под., причемъ кощунственно заявляетъ, что „вѣдь и преподобному Сергію были видѣнія“... Таковы иные, считаемые нами „православными“, интеллигенты. Хорошо, что тотъ, о комъ я говорю, не позволяетъ себѣ распространять своихъ „убѣжденій“; при встрѣчѣ съ нимъ можно его предостеречь, и можетъ быть онъ отречется отъ своихъ мнѣній. А сколько, говорю, у насъ такихъ, которые щеголяютъ своими лжеученіями, стараются распространять ихъ и въ печати, и въ собраніяхъ, и при каждомъ случаѣ! Много ли мы, пастыри, дѣлаемъ для обращенія таковыхъ отъ ихъ прямо еретическихъ заблужденій. Не смотримъ ли мы на сихъ, якобы православныхъ (только по паспорту), какъ говорится, сквозь пальцы? Гдѣ же наша пастырская ревность?—Мнѣ скажутъ, если такихъ отлучать, то немного останется у насъ пасомыхъ.—Я повторю на это только слова св. Златоуста: „пусть отлагаются, если не хотятъ повиноваться Церкви; хотя я и печалюсь, и страдаю, и мучусь внутренно, лишаясь въ каждомъ такомъ какъ бы собственнаго члена, но огорчаюсь не такъ, чтобы опасеніе всего этого могло меня принудить сдѣлать что-либо недолжное“, то есть, чтобы считать такого человѣка членомъ Церкви, когда онъ уже пересталъ быть таковымъ.

Тѣмъ паче, еще разъ повторяю, тѣмъ паче мы должны всемѣрно заботиться о томъ, чтобъ не допускать такихъ, считающихъ себя еще православными, открыто проповѣдывать въ качествѣ какихъ-то Богомъ призванныхъ учителей вѣры: это уже явная поблажка возникающей ереси и грозитъ отпаденіемъ отъ Церкви не одного такого проповѣдника, но и многихъ вѣрующихъ душъ... Это уже будетъ, по выраженію св. Златоуста, „дѣломъ, достойнымъ посмѣянія и служащимъ для насъ, пастырей, къ стыду“!..

56.

Можно ли іудеямъ дозволять носить хрістіанскія имена?

Газеты сообщаютъ, что при С. Синодѣ образована еще одна комиссія для обсужденія вопроса о томъ: могутъ ли іудеи носить хрістіанскія имена? Давно назрѣлъ этотъ вопросъ и пора рѣшить его разъ навсегда и окончательно. Имя есть первая собственность, собственность неотъемлемая, которую человѣкъ получаетъ здѣсь на землѣ и которую уноситъ съ собою въ загробный міръ. Творецъ всемогущій, сотворивъ свѣтъ, нарекъ его днемъ, тьму—ночью,—всѣ звѣзды называетъ Онъ именами ихъ... Имя есть символъ власти надъ тѣмъ, кому оно дается. На всемъ пространствѣ Ветхаго Завѣта, отъ первозданнаго Адама и Евы до праведныхъ родителей Предтечи Господня, право давать имена принадлежало родителямъ. На имя смотрѣли какъ на нѣчто священное, съ уваженіемъ. Имя не есть №, подъ которымъ разумѣется тотъ или другой экземпляръ, та или другая особь: имя можетъ принадлежать только *человѣку*, какъ разумнонравственному существу. Этотъ взглядъ на значеніе имени можно усматривать еще въ Ветхомъ Завѣтѣ; въ Новомъ Завѣтѣ у хрістіанъ, особенно въ Православной Церкви, оно получило еще большее значеніе. Вошло въ священный обычай при крещеніи давать младенцамъ и взрослымъ имена святыхъ, Богомъ прославленныхъ. Угодникъ Божій, имя коего я ношу, есть мой небесный воспріемникъ или отъ купели крещенія, или отъ св. Евангелія при моемъ монашескомъ постриженіи. Это—мой благодатный покровитель, мой заступникъ и молитвенникъ предъ Богомъ, мой наставникъ въ моемъ земномъ странствованіи, мой второй ангелъ хранитель. Вотъ почему для насъ, православныхъ хрістіанъ, особенно дороги тѣ имена, которыя мы носимъ. Это—священные символы нашего духовнаго родства съ небесною Церковію, нашего постояннаго съ нею общенія. Пусть іудеи носятъ имена ветхозавѣтныхъ праведниковъ: къ сожалѣнію, мы едвали въ правѣ запретить имъ это, хотя очень бы желали,—въ виду того, что и многіе изъ насъ носятъ сіи имена,—чтобы іудеи и произносили эти имена не по нашему, а по своему—чтобы Моисеи именовались Мойшами, Израили—Срулями; но допускать, чтобъ они носили имена святыхъ Божіихъ, во Хрістѣ прославленныхъ, было бы кощунствомъ и святотатствомъ съ точки зрѣнія Церкви Православной. Пріятно ли и простому человѣку смертному, напримѣръ хоть бы тому, кто возбудилъ вопросъ о правѣ іудеевъ именоваться христіанскими именами, пріятно ли ему, если іудей, не испросивъ предварительно его разрѣшенія, возметъ себѣ его имя и родовую его фамилію и будетъ величать себя ими? Пріятно ли ему будетъ, когда все, что сей іудей сдѣлаетъ, будетъ, по недоразумѣнію, ложиться тѣнью на него или его семью? Затѣмъ: если признать это право за іудеями, то покакому праву мы будемъ отнимать его у магометанъ, какъ извѣстно, также носящихъ немало библейскихъ именъ? А тамъ, во имя свободы совѣсти, свободы вѣротерпимости и другихъ свободъ, найдемъ ли мы основаніе отрицать это право и для

язычниковъ — буддистовъ, огнепоклонниковъ и др. нехрістіанъ? Вѣдь еще вопросъ: кто болѣе враждебно относится къ св. вѣрѣ нашей, іудей ли, или язычникъ и магометанинъ? Прочтите Шулханъ-арухъ, эту такъ сказать, эссенцію, іудейской ненависти къ хрістіанамъ, и вы поймете, какъ глубокооскорбительно было бы для православной вѣры, для угодниковъ Божіихъ, для Самого Господа нашего Іисуса Хріста такое попустительство. *Мнѣ же зѣло честни быша други Твои, Боже*, говоритъ Царь пророкъ Давидъ. Не тѣмъ паче ли мы должны ревновать о чести святыхъ Божіихъ? Представьте себѣ, что какой нибудь іудей, заклятый врагъ Хріста и нашей вѣры святой, назоветъ себя именемъ святителя Хрістова Николая, только ради того, что такъ ему будетъ удобнѣе, такъ сказать, замѣшаться въ толпѣ православныхъ людей, чтобъ удобнѣе ихъ обманывать: ужели не оскорбимъ мы позволеніемъ носить сіе имя нашего великаго заступника и святителя—чудотворца? Ужели не будетъ даже для насъ самихъ оскорбительнымъ, если іудей, въ своемъ обществѣ издѣвающійся надъ нашими подвижниками, будетъ — безъ сомнѣнія только у насъ на глазахъ—носить имя преподобнаго Сергія? Я не говорю уже о тѣхъ іудеяхъ, которые возбуждаютъ противъ себя массы народныя своею безсовѣстною эксплоатаціей: даже тѣ, которые стараются показать, что они—„честные евреи", даже и они—по какому праву будутъ величать себя нашими православными именами, столь для насъ священными, а для нихъ, въ сущности, ненавистными? И для чего все это нужно? Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что іудеи, почти двѣ тысячи лѣтъ не имѣвшіе въ томъ нужды, теперь хлопочутъ о томъ, чтобы получить законное право на то, чѣмъ иногда пользовались незаконно—для того только, чтобы, прикрываясь хрістіанскими именами, постоянно обманывать насъ, укрывать отъ насъ свою настоящую личину. Имъ это нужно, иногда очень нужно. Не даромъ они, некрещенные, имѣютъ въ своихъ домахъ иконы православныя, въ своихъ лавкахъ на базарахъ теплятъ лампады, даже въ праздники ходятъ въ храмы православные, благо въ этомъ отношеніи царитъ едва ли позволительная съ точки зрѣнія церковныхъ правилъ терпимость, мало того: по мѣстамъ принимаютъ къ себѣ наше духовенство: скажите ради Бога—что это, какъ не личина, обманъ, отводъ глазъ для простыхъ вѣрующихъ душъ? Ужели еще надо узаконять и имена, ими похищаемыя у нашей Церкви? Нѣтъ, Церковь должна крѣпко отстаивать святыню именъ святыхъ Божіихъ отъ такого святотатства. Еще шагъ и ихъ синагоги будутъ, тоже для отвода глазъ нашихъ сентиментальныхъ бюрократовъ, называться синагогами князя Владиміра, Александра Невскаго, Николая чудотворца, Георгія Побѣдоносца... Уже и теперь іудеямъ дано слишкомъ много свободы въ отношеніи напримѣръ фамилій: крестится ли, не крестится ли іудей—онъ именуетъ себя любою фамиліей, и вотъ, вы слышите самую русскую фамилію, вы думаете, что имѣете дѣло съ русскимъ человѣкомъ, а онъ — некрещенный іудей! Мнѣ самому приходилось обманываться такимъ образомъ: какой-нибудь Николай Григорьевичъ Яковлевъ подавшій заявленіе о желаніи взять въ аренду домъ или лавку, оказывался у нотаріуса Натаномъ Гиршовичемъ Янкелемъ, и приходилось уступать его мольбамъ, ибо онъ уже

внесъ пошлину, актъ записанъ и оставалось только его подписать... Это ли желательно узаконить?

Итакъ, даже съ точки зрѣнія гражданской, не говоря уже о церковной, давать право іудеямъ именоваться хрістіанскими именами нежелательно. Вспомнимъ, что теперь у насъ входитъ въ жизнь выборное право. Убѣдите простаго человѣка, что Николай Григорьевичъ есть Натанъ Гиршовичъ! Разъ онъ формально запишетъ себя именемъ хрістіанскимъ—онъ для выборщиковъ будетъ равенъ по правамъ съ хрістіаниномъ. Если и теперь въ нашу несчастную государственную думу попадаютъ іудеи даже отъ столицъ, то при новомъ порядкѣ вещей будутъ сплошь и рядомъ попадать даже некрещенные іудеи отъ православнаго населенія. Ужели желательно это? Ужели мало зла на Руси отъ нашей дряблости, отъ нашей сентиментальности, якобы—гуманности, лжелиберализма? Ужели и въ этомъ вопросѣ возьметъ верхъ все тотъ же безпринципный принципъ равенства національностей и исповѣданій, который уже такъ много зла принесъ нашей бѣдной родинѣ? Мы вѣримъ, мы надѣемся, что отъ этого новаго зла спасетъ насъ матерь наша Церковь православная въ лицѣ нашего С. Синода, давъ заключеніе, что не только нельзя, непозволительно съ ея точки зрѣнія давать право іудеямъ именоваться хрістіанскими именами, но слѣдуетъ подтвердить имъ, что за самовольное присвоеніе хрістіанскихъ именъ они подлежатъ строгой отвѣтственности по закону, какъ за присвоеніе чужаго имени, что посему слѣдуетъ возстановить нѣсколько лѣтъ назадъ распубликованное распоряженіе, чтобы іудеи на вывѣскахъ своихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній писали не сокращенно, а сполна свои іудейскія имена... Если вѣдь они себя уважаютъ, то ничего въ этомъ унизительнаго нѣтъ, а русскіе люди будутъ знать, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Пусть комиссія вдумчиво перечитаетъ правило 8-е 7-го вселенскаго собора и толкованія на него. Правило это относится къ іудеямъ, притворно принимавшимъ хрістіанство, а развѣ некрещенные іудеи, принимающіе имена хрістіанскія, не тѣми же цѣлями руководятся, какъ и тогдашніе, и развѣ позволятъ имъ носить наши имена не то же, что принимать ихъ въ нѣкое общеніе съ нами?

Помнить надо: въ наше смутное время всякая такая попытка іудеевъ къ незамѣтному сліянію съ русскимъ православнымъ населеніемъ есть великое зло и поблажать этому злу есть великій грѣхъ. Повторяю: къ счастью для нашего народа, вопросъ этотъ теперь въ рукахъ церковной власти, которая обсудитъ его уже не съ одной политической, но и съ церковно-канонической точки зрѣнія и оградитъ народъ отъ новой напасти со стороны іудейскаго іезуитизма...

57.

Торжество Царскаго Самодержавія и истинная свобода.

I.

Полвѣка исполнилось съ того достопамятнаго въ русской исторіи дня, какъ радостнымъ благовѣстомъ пронеслось съ высоты Престола по Русской землѣ Царское слово: „осѣ-

ни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ!"... Теперь уже немногіе помнятъ ту свѣтлую радость, которая озарила и согрѣла тогда русское сердце; еще меньше остается теперь тѣхъ старцевъ, которые сами были тогда подъ бременемъ крѣпостнаго права, являются и доселѣ живыми свидѣтелями того быта и строя, которые теперь, пожалуй, уже непонятны для нынѣшняго поколѣнія. Крѣпостное право не было рабствомъ въ собственномъ смыслѣ, но когда помѣщикъ злоупотреблялъ имъ, то подвластный ему крестьянинъ обращался почти въ раба. Великій подвигъ совершилъ Царь-Мученикъ, уничтоживъ крѣпостное право, такой подвигъ, который можетъ совершить только Царь-Самодержецъ! Посему день освобожденія крестьянъ есть праздникъ свободы, торжества и славы Русскаго Самодержавія! Никто, кромѣ Самодержавнаго Царя, не въ силахъ былъ бы сдѣлать это—по крайней мѣрѣ—такъ мирно, такъ спокойно, какъ совершилъ это самодержецъ Императоръ Александръ II-й. Справедливо Митрополитъ Филаретъ говоритъ: „Богъ по образу Своего вседержительства далъ намъ Царя Самодержавнаго": какъ Богъ всемогущій все творитъ словомъ Своимъ: *рече и бысша, повелѣ и создашася*, по подобію сего повелѣваетъ Самодержавный Царь: „быть по сему" и бываетъ и никто не смѣетъ противостать волѣ Царской, и творитъ Царь благо народу Своему, какъ восхощетъ. Нѣтъ силы, нѣтъ закона, который могъ бы воспрепятствовать Самодержцу сдѣлать добро Своему народу, кромѣ Его же царской воли! Русскіе люди! Храните какъ зѣницу ока Царское Самодержавіе! Не позволяйте ни единому отступнику, ни единому измѣннику ни слова молвить противъ Царскаго Самодержавія: гоните всякаго такого врага Царскаго прочь отъ себя, какъ заклятаго врага вашего, какъ противника волѣ Божіей, ибо Богомъ Цари царствуютъ, и сердце Царево только въ рукѣ Божіей! Царское Самодержавіе есть залогъ нашего роднаго счастія, есть наше народное сокровище, какого нѣтъ у другихъ народовъ, а потому кто осмѣлится говорить объ ограниченіи его, тотъ—нашъ врагъ и измѣнникъ!

II.

Есть струна въ нашемъ грѣшномъ сердцѣ, которая особенно въ наше время до болѣзненности отзывчива къ каждому прикосновенію, это—любовь къ свободѣ. Въ нашу душу Творецъ всемогущій заложилъ какъ лучшую черту богоподобія свободную волю, дабы сотворенный по образу и подобію Божію человѣкъ имѣлъ возможность удовлетворить благороднѣйшей потребности своего сердца—отблагодарить своего Творца за всѣ блага своего бытія, повергнуть къ стопамъ Его сей безцѣнный даръ: „Отче и Творче мой! Ничего у меня нѣтъ своего—все отъ Тебя и Твое: Твоя отъ Твоихъ Тебѣ и приношу—приношу мое сердце, мою волю, данную мнѣ Тобою же свободу! Хочу единой Твоей всеблагой воли, ибо Ты лучше меня вѣдаешь, что мнѣ благо есть,—отрекаюсь отъ своей воли, чтобъ жить Твоею святою волею! Повелѣвай и азъ рабъ Твой, готово сердце мое, Боже, готово сердце мое!" И въ такомъ самопреданіи волѣ Бога—Творца и Промыслителя человѣкъ обрѣлъ бы блаженство свое, обрѣлъ бы ту свободу, какой и нынѣ жаждетъ сердце его. Въ такомъ

блаженствѣ, въ такой свободѣ, пребываютъ ангелы Божіи; такой свободы, такого блаженства достигаютъ, отсѣченіемъ воли своей въ исполненіи воли Божіей—заповѣдей Божіихъ—святые Божіи. На нихъ сбывается слово Господа: *аще Сынъ свободитъ вы, воистину свободни будете* (Іоан. 8, 36).

Увы! Человѣкъ предпочелъ послушать змія вселукаваго—діавола, который оклеветалъ предъ нимъ Творца, подмѣнилъ ему понятіе о свободѣ—своимъ, лживымъ ея истолкованіемъ, самоволіемъ, увлекъ мечтою *быть яко бози* и плѣнилъ въ рабство грѣху: *всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха*! (Іоан. 8, 34). Съ той поры грѣшное сердце человѣка ревниво оберегаетъ свою мнимую свободу—рабствовать грѣху, подозрительно относится къ каждому намеку на „послушаніе“, всякое повелѣніе закона считая нарушеніемъ этой свободы, отрицая всякую заповѣдь, какъ насиліе этой свободы. Отсюда—то свободолюбіе, которое никогда, можетъ быть, не проявлялось такъ болѣзненно, какъ въ наше время. О „свободѣ“ только и слышишь повсюду, о ней всѣ заботы у нашихъ законосоставителей, о ней кричатъ на страницахъ всѣхъ изданій, даже тѣхъ, которыя должны бы напоминать и о послушаніи, какъ величайшей добродѣтели, открывающей путь къ истиной, свободѣ. „Свобода“ всякаго рода—это идолъ современнаго культурнаго человѣчества. Пользуются всякимъ случаемъ, чтобъ напомнить о ней, чтобъ покадить ей. Пусть это будетъ только историческій фактъ, значеніе котораго для жизни народа недостаточно выяснено, но разъ въ названіи этого факта есть корень любимаго словечка „свобода“, предъ фактомъ уже преклоняются, его воспоминаютъ, какъ великое событіе, память дѣятелей чествуютъ, какъ великихъ людей, какъ создателей счастія человѣчества. Что до того, что исторія не оправдала всѣхъ надеждъ, возлагавшихся въ свое время на этотъ—тогда ожидаемый—фактъ? Лишь бы звучало дорогое слово „свобода“, „освобожденіе“.

19 февраля исполняется 50 лѣтъ со дня изданія манифеста объ отмѣнѣ крѣпостного права. Манифестъ возвѣстилъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этого было довольно для глашатаевъ разныхъ свободъ, чтобы кричать о нихъ, восхвалять ихъ, призывать къ нимъ... Никто не спрашиваетъ: а какъ использовали свою свободу освобожденные? Много ли пользы принесла она имъ, да и принесла ли еще? Въ томъ-то и дѣло, что тутъ какъ и въ другихъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о свободѣ, принимается за безспорную истину, что свобода сама по себѣ есть уже благо, безъ всякаго отношенія къ тому, какъ используетъ ее человѣкъ. Между тѣмъ вѣдь слово „свобода“ есть чисто формальное понятіе, не заключающее въ себѣ никакого нравственнаго признака, а посему свобода не есть зло, но не есть еще и добро. Все дѣло въ томъ, какое содержаніе вложишь въ это понятіе. Оно требуетъ нѣсколькихъ себѣ дополненій, чтобы получить нравственную цѣнность. Надобно поставить вопросъ: свобода—кому? на что? Свобода доброму человѣку творить добро, свобода преступнику дѣлать зло, свобода трудиться, свобода бездѣльничать и т. п. Всегда какъ будто подразумѣвается первое—свобода на все доброе и полезное. Но почему-то это подразумѣваемое какъ будто намѣренно—умалчивается. Правда, мы слышали дополнительныя слова къ свободѣ,

но опять такія неопредѣленныя, что и эти слова непремѣнно требовали себѣ опять дополнительныхъ признаковъ: иначе они обращались въ пустые звуки, только смущающіе недалекихъ людей. Мы слышали слова: „свобода совѣсти, свобода печати, слова, свобода личности, исповѣданій, собраній, союзовъ“ и такъ безъ конца. Этими громкими словами прикрывалась пустота и вносилась смута въ умы молодежи, рабочихъ, въ умы нашей полуинтеллигенціи, которая всегда мнитъ о себѣ больше, чѣмъ настоящая интеллигенція—то-есть люди получившіе серьезное научное образованіе и доказавшіе свое серьезное отношеніе и къ наукѣ, и къ жизни своимъ хрістіанскимъ смиреніемъ. Тѣ, кому это было нужно, отлично пользовались такою—смутою — для достиженія своихъ цѣлей ничего общаго съ истинной свободой и общимъ благомъ неимѣющихъ. А люди, отуманенные этими толками о свободахъ, воображали себя передовыми провозвѣстниками наступающаго золотого вѣка, на дѣлѣ превращаясь въ слѣпое орудіе враговъ Церкви, отечества и всего человѣчества. Отъ ихъ сознанія тщательно закрывалось главное: что всякая внѣшняя свобода есть только отсутствіе препятствій для дѣятельности, а самая дѣятельность, ея нравственное достоинство, должно быть опредѣляемо уже самимъ „освобожденнымъ“ человѣкомъ, и именно — его духовною настроенностью, стремленіемъ его сердца къ добру или злу. Вѣдь всегда надо помнить, что человѣкъ не умомъ живетъ, а сердцемъ, что умъ всегда на послугахъ у сердца. Если сердце не находится въ плѣну у страстей, то и умъ будетъ искать истины по требованію сердца, и вся дѣятельность будетъ направлена въ сторону добра, и свобода используется человѣкомъ для добра. А если въ сердцѣ живутъ страсти, то оно прикажетъ и уму услужить тѣмъ же господамъ—страстямъ и тогда умъ будетъ подъискивать для слова „свобода“ такихъ дополнительныхъ или опредѣлительныхъ понятій, которыя оправдывали бы грѣховную разнузданность въ жизни якобы „свободнаго“, на дѣлѣ же жалкаго раба страстей. Нужно ли еще доказывать это? Въ послѣднія пять лѣтъ мы измучились душою отъ зрѣлища такой лжесвободы, такого рабства страстямъ, доводящаго человѣка до состоянія не только животнаго, но и дикаго, лютаго звѣря. Обращаясь мыслію къ уничтоженному крѣпостному праву, невольно оглядываешься назадъ, невольно спрашиваешь: лучше ли стало теперь, чѣмъ было тогда, до 19 февраля 1861 года? Увы! Свобода не использована народомъ такъ, какъ того желалъ Царь-Освободитель; вмѣсто помѣщика, который все же жалѣлъ крестьянъ, а многіе помѣщики прямо были великими благодѣтелями—отцами своихъ крѣпостныхъ, — на Руси царствуетъ и властвуетъ кабакъ; крестьянинъ не столько работалъ тогда на помѣщика, сколько работаетъ теперь на винныя лавки; народное здоровье, какъ свидѣтельствуютъ военные врачи, пошатнулось настолько, что пришлось принимать молодежь на военную службу съ болѣе узкою грудью; по деревнямъ не видно домовъ, свидѣтельствующихъ о благосостояніи ихъ хозяевъ, а если и увидишь ихъ, то это—дома кулаковъ міроѣдовъ, эксплоатирующихъ народный трудъ не хуже жида; земледѣліе и скотоводство упало; народный духъ измельчалъ; народные нравы стали неузнаваемы: прежнихъ патріарховъ — старцевъ

не видно; великодушіе, честность, безкорыстіе, чувство долга—исчезаютъ; всѣ помѣшались на „правахъ“; исканіе „правовъ“ проникло даже въ церковныя отношенія: готовы судиться не только съ священникомъ, но и съ архіереемъ; любовь къ родной Церкви охладѣла; всюду расползаются мутныя лжеученія, нерѣдко самыя сумасбродныя, антихрістіанскія; пропаганда политической мерзости проникаетъ даже въ отдаленнѣйшія, самыя глухія деревушки; о любви къ отечеству нигдѣ уже не слышно... Развѣ громъ грянетъ—русскій человѣкъ еще перекрестится. Вотъ какъ воспользовались враги народа тою свободою, какую Царь далъ народу для его блага, для созиданія, а не на разореніе Святой Руси! Конечно, не свобода тутъ виновата, а злоупотребленіе ею. Плоды этого злоупотребленія на лицо и невольно спрашиваешь себя: радоваться ли въ знаменательный день 19 февраля или плакать? Плакать—не о крѣпостномъ правѣ, а о томъ, что и послѣднее что было хорошаго въ тѣ времена, уходитъ отъ насъ... И само собою какъ-то уходитъ, вслѣдствіе злоупотребленія свободой, да и враги наши, притворяющіеся радѣтелями народа, ужъ очень усердно стараются о томъ, чтобъ поскорѣе вытравить изъ души народной все то хорошее, что скопилось въ ней, воспиталось вѣками. И опять: мнѣ нѣтъ нужды указывать кто эти враги: ихъ всѣ мы видимъ. кто еще не ослѣпъ, у кого есть очи, чтобы видѣть. Въ тѣ, далекія теперь, времена крѣпостнаго права, народъ оберегали ихъ естественные попечители—помѣщики, а теперь—двери открыты для всякаго пропагандиста, какъ религіознаго, такъ и политическаго. Свобода!. Я никогда не кончилъ бы, если бы сталъ перечислять всѣ тѣ послѣдствія разныхъ свободъ, отъ которыхъ вотъ уже шестой годъ стономъ стонетъ Русская земля. Въ наше время надо знать и помнить, что враги человѣчества зорко слѣдятъ за теченіемъ жизни и, какъ я сказалъ выше, ищутъ всячески случая поджигать народныя массы, возбуждая въ нихъ несбыточныя мечты о всякаго рода свободахъ и гражданскихъ, и политическихъ, и религіозныхъ, съ единственною цѣлію—затуманивъ и перепутавъ всѣ понятія, повести эти массы на разрушеніе существующаго порядка общественнаго и государственнаго, а затѣмъ воцарить на всей землѣ такое рабство, какого она еще не видѣла со дня сотворенія міра. Поработивъ людей грѣху, лишивъ ихъ нравственной свободы въ духѣ, превратить затѣмъ въ скотовъ несмысленныхъ и повелѣвать ими по своему усмотрѣнію. А потому всѣми мѣрами должно беречь душу народную отъ развращенія: воспитывать народъ въ послушаніи закону Хрістову, въ чемъ и состоитъ истинная свобода духа. Въ сердцѣ человѣка неизгладимо живетъ стремленіе къ благобытію, къ счастію, къ блаженству: нѣтъ человѣка, который не мечталъ бы о счастьѣ, не желалъ бы его, не искалъ бы... Но сердце, ослѣпленное живущими въ немъ страстями, искажаетъ въ самомъ себѣ понятіе объ искомомъ имъ благѣ и каждый видитъ его въ томъ, чего жаждетъ его грѣшное сердце. Люди хотятъ утолить жажду вѣчнаго блаженства соленою водою временныхъ удовольствій. Понятно, что жажда только еще болѣе разгорается, но не утоляется. Что же можетъ утолить ее? Только то, что соотвѣтствуетъ природѣ нашего духа, сотвореннаго по образу и подобію Божію; только то, что отвѣ-

чаетъ заложеннымъ въ этомъ духѣ идеаламъ абсолютной истины, всесовершеннаго добра и вѣчной красоты. Въ области истины—Божественное откровеніе, въ области добра—заповѣди Божіи или всесовершенная воля Божія, въ области красоты—совершеніе совершенствъ Божіихъ, какъ въ твореніи, такъ и въ откровеніи Божіемъ. Се—норма человѣческаго счастія! И чѣмъ ближе человѣкъ къ этой нормѣ, тѣмъ онъ совершеннѣе испытываетъ въ своемъ сердцѣ это счастіе, это блаженство. Уже и въ ветхозавѣтныя времена, когда ученіе о благодати Духа Утѣшителя еще не было раскрыто вполнѣ, люди, близкіе къ Богу по исполненію Его святой воли, восхищались тѣмъ счастіемъ, тѣмъ блаженствомъ, какое они испытывали, переживали своимъ сердцемъ, когда жили по заповѣдямъ Божіимъ. Возмите священную книгу Псалтирь: тамъ болѣе 25 разъ вы прочтете это сладостное сердцу человѣческому слово—*блаженъ*, счастливъ! А въ Новомъ Завѣтѣ Законоположникъ нашъ, Господь Іисусъ Христосъ, самыя заповѣди Свои всѣ облекъ въ это слово: *блаженны*—счастливы нищіе духомъ, плачущіе, кроткіе. Ветхій Завѣтъ властно повелѣваетъ еще: дѣлай или не дѣлай то или другое, а Евангеліе говоритъ: хочешь быть счастливымъ, блаженнымъ—вотъ къ тому средство: будь смиренъ, кротокъ, милостивъ и под. Такъ изложить законъ для человѣческаго сердца могъ только Сердцевѣдецъ и Творецъ этого сердца. Можетъ ли при этомъ быть рѣчь о свободѣ или неволѣ? Наше сердце ищетъ, проситъ счастья: оно и дается ему, и всеконечно пріемлется свободною волею, какъ восприяли это блаженство ангелы Божіи, никогда ненарушавшіе заповѣди Божіей. Свободны ли ангелы Божіи согрѣшать? Никто не отнималъ у нихъ этой свободы, но они всѣмъ существомъ своимъ извѣдали все благо, все блаженство въ послушаніи волѣ Божіей и никогда уже не захотятъ потерять его: ихъ свобода только еще крѣпче привязываетъ ихъ волю къ послушанію Богу. То же должно бы произойти и съ первозданнымъ человѣкомъ, если бы онъ своей свободы не отдалъ въ послушаніе врагу. То же совершается съ каждымъ спасающимся христіаниномъ, по мѣрѣ исполненія имъ, силою Божіей благодати, животворящихъ заповѣдей Христовыхъ. Сочетавая свою волю съ волею Божіей въ исполненіи сихъ заповѣдей, онъ не порабощаетъ себя, а напротивъ, освобождаетъ себя отъ рабства грѣху, укрѣпляя въ себѣ господство духа надъ плотію, надъ низшими влеченіями душевнаго человѣка. Въ немъ совершается чудное сочетаніе его свободнаго произволенія съ всеблагою волею Божіей подобно тому, какъ въ Самомъ Господѣ и Спасителѣ нашемъ въ дивной гармоніи сочеталась воля Божія и воля человѣческая, съ тою лишь разницей, что Онъ былъ Богъ всесовершенный, а мы—чада Его по благодати. И когда мы исполняемъ Его святыя заповѣди, то не мы дѣйствуемъ, а Онъ въ насъ и чрезъ насъ совершаетъ это Своею всемощною благодатію. Понятно посему то блаженство, какое испытываетъ христіанинъ, когда благодать Христова дѣйствуетъ въ немъ, когда онъ является живымъ и дѣйственнымъ членомъ единаго благодатнаго тѣла Христова—Его св. Церкви. И чѣмъ болѣе онъ отдаетъ свою свободу воздѣйствію благодати, тѣмъ болѣе ощущаетъ въ себѣ вѣяніе Духа Божія и той благодатной свободы, о коей сказано: *гдѣ Духъ*

Господень, тамъ свобода (2 Кор. 3, 17). При такомъ пониманіи христіанской свободы можно ли давать большое значеніе внѣшней свободѣ, политической, гражданской и какой бы то ни было? И становится понятнымъ, почему св. Апостолы такъ спокойно учили и о свободѣ и рабствѣ—даже рабствѣ—въ области житейскихъ отношеній: *рабы, повинуйтесь господамъ своимъ, какъ Христу, не съ видимою только услужливостію, какъ человѣкоугодники, но какъ рабы Христовы, исполняя волю Божію отъ души, служа съ усердіемъ, какъ Господу, а не какъ человѣкамъ* (Еф. 6, 5—7) *Каждый оставайся въ томъ званіи, въ какомъ призванъ. Рабомъ ли ты призванъ, не смущайся* (1 Кор. 7, 20. 21). И рабъ, и господинъ его—оба рабы Господни, оба равны предъ Господомъ, *Ибо рабъ, призванный въ Господѣ, есть свободный Господа, равно и призванный свободнымъ* (господинъ его) *есть рабъ Христовъ* (ст. 22). Одно помните: *вы куплены дорогою цѣною* кровію Христовою: *посему не дѣлайтесь рабами человѣковъ* въ душѣ, въ совѣсти своей, не позволяйте себѣ изъ человѣкоугодничества грѣшныхъ дѣлъ. А за внѣшнею гражданскою свободою не гоняйтесь: есть она—пользуйтесь ею, нѣтъ—предавайте себя въ волю Божію. Храните свою духовную свободу, свободу отъ рабства грѣху: вотъ это—великое благо, это—счастье и блаженство, котораго никто насиліемъ не можетъ отнять у васъ.

Вотъ то, что благопотребно, думаю я, напомнить народу да и самимъ себѣ, намъ, пастырямъ, при воспоминаніи великаго дѣла, совершеннаго волею Самодержавной Власти Царя Освободителя. Богъ да ублажитъ и упокоитъ душу Его и Его сотрудниковъ въ этомъ дѣлѣ—въ селеніяхъ праведныхъ, а намъ да подастъ ясное разумѣніе какъ истинной свободы, такъ и великаго блага для народа нашего въ Царскомъ Самодержавіи!...

58.

Сорокъ лѣтъ назадъ и теперь.

Когда эти строки будутъ набираться въ типографіи, въ Св. Синодъ поступитъ въ окончательно разработанномъ видѣ проектъ новаго устава духовныхъ семинарій. Эту реформу давно ждали, необходимость ея всѣ сознавали, къ сожалѣнію, работы 16-ти комиссій происходили въ такой тайнѣ, что въ печати нельзя было найти точныхъ откликовъ на нихъ, и теперь, когда общая коммиссія уже заканчиваетъ проектъ, мы не можемъ еще сказать, что дастъ намъ эта реформа? Говорятъ, что будетъ введена и медицина, и гигіена, что новые языки будутъ введены какъ обязательные предметы, говорятъ, будто не дадутъ мѣста одному изъ важнѣйшихъ предметовъ—чтенію св. отцевъ и учителей Церкви [1])... Рѣшительно не понимаю, какъ это я заявлялъ и въ прошломъ году, зачѣмъ семинаристамъ всѣмъ *безъ исключенія и обязательно* изучать

[1]) По послѣднимъ извѣстіямъ этотъ предметъ будетъ преподаваться; на этомъ настояли участвовавшіе въ совѣщаніяхъ о.о. ректора семинарій. Спасибо имъ!

новые языки: съ кѣмъ они будутъ говорить на нихъ; если семинарія назначается первѣе всего для будущихъ пастырей и лишь одна десятая доля изъ нихъ, болѣе даровитыхъ, а слѣд. имѣющихъ возможность изучать эти языки и тогда, когда они необязательны, пойдутъ въ духовныя академіи. А до другихъ высшихъ учебныхъ заведеній Церкви дѣла нѣтъ. Но видно еще не назрѣла до очевидности нужда въ пастыряхъ, видно еще хотятъ заставить Церковь Божію еще и еще продолжить на свои средства воспитывать ветеринаровъ, адвокатовъ, докторовъ, чиновниковъ и... хоть бы актеровъ! Подождемъ— увидимъ. Еще не теряемъ надежды, что Св. Синодъ внимательно разсмотритъ программы и все касающееся обученія; объ одномъ умоляемъ его: поставить дѣло духовно-нравственнаго и патріотическаго воспитанія такъ, чтобъ не пришлось краснѣть за питомцевъ духовныхъ школъ, чтобы въ нашихъ семинаріяхъ съ корнемъ былъ вырванъ тотъ духъ отрицанія, политиканства, вражды къ роднымъ завѣтамъ родной Церкви и какихъ-то безсмысленныхъ протестовъ, доходящихъ до хулиганства и ужаснаго кощунства. Кто жъ не знаетъ, что творилось въ нашихъ семинаріяхъ въ послѣдніе годы? Горько, обидно, стыдно вспомнить!! А вѣдь пол сотни лѣтъ тому назадъ было не то. Мои читатели помнятъ въ одномъ изъ моихъ дневниковъ мои воспоминанія о своихъ наставникахъ, о ректорѣ о. Благоразумовѣ, о помощникѣ инспектора Скворцовѣ... Тепло и уютно жилось намъ не только въ физическомъ, но и въ духовномъ отношеніи. Вѣдь и строгостей такихъ не было, какія потомъ были введены въ семинаріи. Мы издавали рукописные журналы (я пять лѣтъ велъ еженедѣльно. „Памятныя Записки“, покойный Н. Д. Молчановъ, скончавшійся въ санѣ архіепископа Литовскаго съ именемъ Никандра — „Семинарскій Досугъ“), устраивали по классамъ литературно-вокальные вечера, получали газеты, сами сотрудничали въ газетахъ (я — въ „Русскомъ Мірѣ“ покойнаго В. В. Комарова и въ Совр. Извѣстіяхъ“ Н. П. Гиляров) и ничего дурнаго изъ сего не выходило. Наши журналы, наши газетныя статьи читались инспекціей, преподавателями, ходили по рукамъ и внѣ семинаріи, и ничего въ нихъ не находили „нелегальнаго“, хотя въ нихъ былъ не одинъ литературный отдѣлъ, но и дневники, такъ сказать, нашей внутренней семинарской жизни, обсуждалось то, что творилось въ классѣ, свободно высказывалось мнѣніе даже о распоряженіяхъ начальства. Но все это было такъ „корректно“, что наше начальство нимало тому не препятствовало. Помню, какъ однажды негодяй мальчишка позволилъ себѣ испачкать классный журналъ, оскорбивъ всѣхъ преподавателей неприличными надписями противъ ихъ фамилій, поднялась цѣлая буря въ нашихъ „журналахъ“: мы потребовали, чтобы негодяй былъ обличенъ и наказанъ. И подъ давленіемъ нашего „общественнаго мнѣнія“, по настойчивому требованію товарищей, на утро онъ самъ пришелъ къ ректору и повинился и, несмотря на такое самообличеніе — былъ исключенъ изъ семинаріи. Этого требовалъ не только законъ, но и мы, его товарищи. „Измите злаго отъ васъ самѣхъ!“ — подъ такимъ заглавіемъ явилась въ моихъ „Пам. Запискахъ Семинариста“ статья по поводу этого случая. Я не слыхалъ ни тѣни намека тѣИъ

упрековъ отъ товарищей, какіе теперь конечно раздались бы со всѣхъ сторонъ. Мы понимали, что можно и чего нельзя, и наше начальство, снисходя великодушно къ тому, что можно, было безпощадно къ тому, чего нельзя. Мои товарищи помнятъ наши литературные вечера. Задолго до такого вечера мы начинали готовиться. Обычно они пріурочивались къ подачѣ нашихъ „сочиненій“: наканунѣ подачи „перваковъ“, (первый въ разрядномъ спискѣ учениковъ) обычно, прочитывалъ на такомъ вечерѣ то сочиненіе, какое на завтра слѣдовало подать преподавателю. Въ корридорѣ вывѣшивалась программа вечера: такой-то прочтетъ свое сочиненіе на такую-то тему, такой-то—продекламируетъ свое стихотвореніе, такой-то прочтетъ свой разсказъ, а хоръ любителей пѣнія въ промежутки исполнитъ то-то. И музыка, и слова нерѣдко были *своего* же сочиненія. Я позволю себѣ привести здѣсь одно патріотическое стихотвореніе, написанное ученикомъ II класса Н. Р. и положенное на ноты его товарищемъ, регентомъ хора любителей такъ, что строфы пѣлись тремя учениками, а припѣвъ громко и дружно принималъ весь хоръ. Чтобы произвести эффектъ новизны, хоръ спѣвался въ бесѣдкѣ, въ отдаленномъ углу сада. Это было ровно 40 лѣтъ тому назадъ, въ 1870 году.

ПѢСНЯ БѢЛОМУ ЦАРЮ.

Братья! вѣкъ нашъ полонъ славы
Александра чудныхъ дѣлъ:
Онъ достоинъ, чтобы вѣчно
Ему гимнъ отъ насъ гремѣлъ.
Слава Царю Бѣлому, слава!
Слава Православному, слава!
Двадцати тремъ милліонамъ
Онъ свободу даровалъ
И, издавъ для нихъ законы,
Путь къ наукамъ показалъ:
Слава...

Взялъ Онъ мощною рукою
Крѣпко за руку народъ,
Исполинскими шагами
Онъ повелъ его впередъ:
Слава...
Всѣ преграды разрушались
Словомъ Мудраго Царя,
И для Русскихъ занималась
Свѣтлыхъ радостей заря:
Слава...
Утомленія не зная,
Онъ трудился день и ночь,
И труды позабывая,
Отгонялъ усталость прочь:
Слава...
Всѣ сословья окружаютъ
Александра мирный тронъ,
„Здравствуй, Царь нашъ“ восклицаютъ;
„Здравствуй, Русскій Соломонъ!“
Слава...
„Подъ Твоимъ Премудрымъ кровомъ
„Воцарился правый судъ,
„И дана свобода слову,—
„Процвѣтаетъ книжный трудъ:
Слава...
„Ты теперь насъ призываешь
„Подъ родныя знамена [1]):
„Мы готовы, нашъ родимый,
„Лишь цвѣла-бъ наша страна“.
Слава...
Всѣ народы удивлялись
Славѣ Русскаго Царя,
Стрѣлы вражьи притуплялись,
Александра не касались,—
Неслась слава за моря!
Слава...
Веселися-жъ, Русь Святая!
Веселися, край родной!
И Царя благословляя,
Громко въ честь ему воспой:
„Слава... [2])

[1]) Разумѣется уставъ о всеобщей воинской повинности.

[2]) Стихотвореніе написано подъ впечатлѣніемъ извѣстія о прибытіи Его Императорскаго Величества въ Москву 25 августа 1870 года.

Какъ видите, и „свободы“ семинаристамъ предоставлено было достаточно, и ни малѣйшихъ проявленій политическихъ бредней не было замѣтно. Напротивъ: иногда проявлялась даже добрая инициатива со стороны учащихся. Такъ въ 1869 г. исполнилось тысячелѣтіе со дня кончины просвѣтителя славянъ св. Кирилла; не въ модѣ еще были тогда шумные юбилеи, какъ-то не замѣтно прошолъ этотъ юбилей, но его замѣтили и отмѣтили московскіе семинаристы: они испросили у ректора разрѣшеніе сдѣлать сборъ на икону первоучителей славянскихъ для семинарской своей церкви, о. ректоръ съ радостью откликнулся на эту просьбу и пригласилъ преподавателей къ участію въ этомъ добромъ дѣлѣ, и вотъ въ семинарскомъ храмѣ явилась прекрасная аналойная икона, въ серебряной ризѣ, для величаній въ праздники нашихъ первоучителей. Въ началѣ 70-хъ годовъ былъ голодъ въ Самарской губерніи: ученики по собственной иниціативѣ собрали нѣсколько рублей и при письмѣ отправили на голодающихъ чрезъ редакцію „Моск. Вѣд.“ Помню ту дѣтскую радость, когда покойный Катковъ напечаталъ письмо семинаристовъ въ своей газетѣ! Эти жертвы собирались изъ тѣхъ копѣекъ, которыя отцы давали семинаристамъ на чай. Тогда вѣдь ни казеннаго чая, ни булокъ къ чаю не полагалось: приносили въ чайную корзину чернаго хлѣба: бери и ѣшь, сколько хочешь, а хочешь—бѣлаго—въ корридорѣ стоитъ мальчикъ съ хлѣбами, можешь купить. Но у иныхъ не только на хлѣбъ, но и на чай не было копѣйки. Бывало, пригласишь бѣднякa товарища къ чаю, а онъ отказывается. „Что же, Егорушка, или не хочешь?“—„Поневолѣ не захочешь: боюсь привыкнуть, вѣдь своего-то чаю не на что купить. Хорошо тебѣ: у тебя уроки есть“. И вотъ, за такого бѣдняка охотно внесешь свой двугривенный на какую-нибудь жертву: „только впиши, братъ, свое имя, а я за тебя внесу“.—Да, было много еще хорошаго въ нашихъ семинаріяхъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Правда, еще Горацій сказалъ, что старики любятъ хвалить то время, когда они были молоды, но вѣдь было бы что хвалить... Что похвалитъ нынѣшній семинаристъ? Много ли добраго вспомнитъ? Вспомнитъ то, какъ онъ участвовалъ въ сходкахъ революціонной молодежи? То, какъ онъ, любуясь своимъ мундиромъ (охъ ужъ эти мундиры! какъ они кружатъ головы нашимъ семинарамъ!), ходилъ по городу представляя изъ себя „студента“, благо въ большинствѣ провинціальныхъ губернскихъ городовъ университетовъ нѣтъ? Или какъ его товарищи издавали „Факелы“, „Семинарскіе Голоса“ и под. гадость, которую противно въ руки взять порядочному человѣку? Не говорю уже о семинарскихъ союзахъ подъ водительствомъ жидовъ, о съѣздахъ съ смертными приговорами ректорамъ и архіереямъ и под... Бѣдная „духовная“ молодежь! И что съ тобою случилось? Какой бѣсъ посѣялъ среди тебя плевелы и заглушилъ въ тебѣ добрую пшеницу? И ужели эти плевелы не будутъ вырваны съ корнемъ? Ужели невозможно этого сдѣлать? Ужели нельзя уничтожить разъ навсегда ту отраву, которая дурманитъ тебя? Вѣдь ты—надежда Церкви, надежда Руси родной, ты родная дочь — питомица Церкви: *аще въ суровъ древъ сіе творятъ, въ сухъ что будетъ?!* Если въ школахъ—все же пастырскихъ вѣетъ духъ отрицанія, смуты, даже вражды къ Церкви: чего ждать отъ свѣтскихъ школъ? Вѣруемъ Господу,

Пастыреначальнику и Главѣ Церкви, что Онъ внушитъ нашей церковной власти отбросить ложный стыдъ и трезво, строго по-церковному взглянуть на дѣло обновленія нашего пастырства чрезъ пастырскую школу. Я винюсь, что употребилъ слово „ложный стыдъ“: оно какъ-то само собою подсказывается въ данномъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ: что мѣшаетъ погнать вонъ изъ нашихъ академій такихъ гг. профессоровъ, которые, открыто проповѣдуя сочувствіе „свободительному движенію“ и порицая епископатъ за его несочувствіе этой мерзости, мнятся службу приносити Богу? Или тѣхъ, которые не стыдятся въ своихъ многотомныхъ сочиненіяхъ писать, что давать дѣтямъ въ руки св. Евангеліе—значитъ дѣлать ихъ нравственными уродами? Или тѣхъ, что увѣряютъ, будто протестъ противъ постройки идольскаго капища въ нашей столицѣ есть признакъ потери истиннаго пониманія христіанства? Да мало ли такихъ! А вѣдь они—буквально воспитываютъ цѣлые кадры учителей для нашихъ пастырскихъ школъ—семинарій. А въ уставахъ семинарій почему бы не пойти рѣшительно, безъ всякихъ колебаній навстрѣчу нуждамъ Церкви: не объ новыхъ языкахъ заботиться, а о воспитаніи пастырскаго духа, о любви къ св. отцамъ, не о мундирахъ заботиться, а просто бы нарядить всѣхъ питомцевъ духовныхъ школъ въ одежду послушанія: авось она облегчила бы и бюджетъ семинарій, отпугнувъ отъ нихъ всѣхъ любителей мундировъ; не допускать танцевальныхъ вечеровъ семинаристовъ съ епархіалками, а пріучать ихъ къ исполненію уставовъ церковныхъ, вводить во вкусъ, такъ сказать, той красоты церковной, которою восхищались даже мірскіе люди, любившіе Церковь, какъ покойный А. Н. Муравьевъ, Н. В. Гоголь, Ѳ. М. Достоевскій и под. Не стыдно ли: спросишь семинариста; почему праздникъ Преображенія Господня празднуется 6 августа? Онъ не знаетъ. Какъ перевести на русскій языкъ тотъ или другой праздничный ирмосъ или даже тропарь? Молчитъ... Читалъ ли Муравьева о богослуженіи? или хотя Гоголя „Размышленія о Божественной литургіи?“.. Увы... И все зло, по моему убѣжденію,—въ томъ, что задачи семинарій нашихъ двойственны; именуясь школами пастырскими оффиціально, онѣ готовятъ юношей и въ ветеринары, и въ медики, и въ юристы, и куда угодно... А служеніе Церкви—на послѣднемъ мѣстѣ. А на составъ преподавателей въ отношеніи ихъ *церковности* смотрятъ сквозь пальцы. А съ каѳедръ семинарскихъ молодежь слышитъ, что нерукотворенный образъ Христовъ — выдумка позднѣйшихъ писателей, что Евангелія писаны не однимъ лицомъ, не сразу, что въ нихъ имѣются позднѣйшія вставки... Такъ пишутъ вѣдь гг. профессора академій: почему же не сообщить это и молодежи, которая, конечно, не съумѣетъ разобраться въ бредѣ іудействующихъ профессоровъ. Уже и въ наше время эти искорки лжи проникали на каѳедры семинарскія, но мы не давали имъ разгораться и въ своихъ рукописныхъ журналахъ смѣло отмѣчали ихъ, а сверху принимались мѣры... А теперь кто слѣдитъ за этимъ? Одинъ святитель на дняхъ разсказывалъ мнѣ, какъ либералъ-профессоръ академіи обманывалъ московскаго первосвятителя Іоанникія: при входѣ его въ аудиторію рукопись лекціи мгновенно уходила въ карманъ г. профессора, откуда появлялась взамѣнъ ея другая и

лекція продолжалась въ самомъ благочестивомъ тонѣ... А вѣдь студенты все видѣли, все запоминали и теперь вспоминаютъ.

Но довольно. Еще разъ скажу: помолимся, чтобъ Господь вразумилъ Св. Синодъ провести дѣло реформы во благо родной Церкви!

Привѣтствую моихъ читателей съ наступленіемъ Великаго Поста.

Постъ — весна душамъ. Пусть наша душа отдохнетъ и подышетъ благодатнымъ воздухомъ святыхъ молитвъ, покаянныхъ размышленій, а чтобы это не безплодно было, понудимъ себя къ воздержанію не только въ пищѣ, но и въ словѣ, и въ чтеніи того, что намъ вовсе не нужно для спасенія. Понудимъ себя къ дѣланію заповѣдей Божіихъ, наипаче же къ дѣламъ милосердія и всепрощенія... Порадуемъ небожителей своимъ покаяніемъ...

59.

Покаемся!

Постъ—время покаянія, а что въ наши смутные дни нужнѣе покаянія? Тучи гнѣва Божія сгущаются надъ нами, а чѣмъ мы умилостивимъ праведнаго Судію, какъ не покаяніемъ? Нашъ долгъ — долгъ пастырей Церкви громко призывать всѣхъ къ покаянію наипаче въ великіе и святые дни великаго поста. Въ сей мысли я долгомъ почелъ разослать по всѣмъ церквамъ моей епархіи нижеслѣдующее посланіе. Если хотя одинъ грѣшникъ приметъ къ сердцу мое слабое слово, то буду счастливъ: вѣдь Господь сказалъ, что на небѣ бываетъ радость у ангеловъ Божіихъ и о единомъ грѣшникѣ кающемся—больше, чѣмъ о 99-ти мнимыхъ праведникахъ, нетребующихъ покаянія. Тѣмъ паче возрадуется сердце пастыря, когда увидитъ, что благодать Божія оросила его слово силою Божіей, что оно пало на доброе сердце и принесло нѣкій плодъ во славу Божію. Сею радостію радовался Апостолъ любви Іоаннъ Богословъ, когда писалъ: *для меня нѣтъ большей радости, какъ слышать, что дѣти мои ходятъ въ истинѣ* (3 Іоан. 4).—Порадуются и добрые сотрудники мои о Господѣ—пастыри, видя овцу заблудшую, возвращающуюся въ стадо Христово.

Божіею милостію смиренный Никонъ, Епископъ Вологодскій и Тотемскій, возлюбленнымъ о Господѣ чадамъ Церкви Вологодской миръ и Божіе вседѣйствующее благословеніе!

Настало время святаго и великаго поста и святая матерь наша Церковь Православная раскрываетъ предъ нами книгу великаго ветхозавѣтнаго пророка Исаіи, призывающаго всѣхъ грѣшниковъ къ покаянію. Приклонимъ, братіе, уши сердечныя и выслушаемъ его обличенія. 26 столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ возгремѣло грозное слово его, а оно такъ живо и дѣйственно, какъ будто писано для нашихъ дней. Сердце трепещетъ, внимая ему,—какъ будто великій пророкъ стоитъ предъ нами и своимъ глаголомъ жжетъ наши сердца. Не къ одному какому-либо грѣшнику обращено грозное слово его, а къ цѣлому народу, и совѣсть наша свидѣтельствуетъ, что весь народъ Русскій, тяжко предъ Богомъ согрѣшившій, особенно въ послѣдніе годы смуты и духовной распущенности, долженъ благоговѣйно внимать обличеніямъ пророка.

„Слушайте, небеса, внимай, земля, потому что Господь говоритъ: Я воспиталъ и возвысилъ сыновей, а они возмутились противъ Меня. Волъ знаетъ владѣтеля своего, и оселъ ясли господина своего, а Израиль—не знаетъ Меня, народъ Мой не разумѣетъ. Увы, народъ грѣшный, народъ, обремененный беззаконіями!... Оставили Господа, презрѣли Святаго Израилева,— повернулись назадъ. Во что васъ бить еще, продолжающіе свое упорство? Вся голова въ язвахъ, и все сердце исчахло“.

Братія и чада мои возлюбленныя! Православные русскіе люди! Не говоритъ ли вамъ совѣсть ваша, что Израиль—это мы, народъ Русскій, народъ, обремененный грѣхами? Какъ древнему Израилю, народу Божію, ввѣрено было слово Божіе, то есть, истинное ученіе вѣры, для того, чтобы онъ передалъ это сокровище всѣмъ народамъ земнымъ: такъ и намъ Господь ввѣрилъ великое сокровище Православной вѣры для того, чтобы мы берегли это сокровище для всего человѣчества. Измѣнилъ Богу народъ Еврейскій, самъ на себя призвалъ клятву Божію, когда кричалъ Пилату: *кровь Его*, то есть Іисуса Христа *на насъ и на чадѣхъ нашихъ*, и проклятіе отяготѣло на этомъ народѣ, и сталъ онъ поношеніемъ среди народовъ земныхъ, и потерялъ онъ и царство свое, и языкъ свой, и вѣру свою подмѣнилъ суевѣріемъ, и скитается онъ, разсѣянный по всему лицу земному, какъ всѣми презираемый бродяга, не имѣя отечества... А мы—хранимъ ли ввѣренное намъ Богомъ всемірное сокровище святой нашей вѣры православной? Дорожимъ ли ею? Не расхищаютъ ли его разные еретики и раскольники, какъ волки хищные въ одеждахъ овчихъ всюду бродящіе? Далъ намъ Государь свободу исповѣданія, чтобы не стѣснять никого изъ иновѣрцевъ: пусть каждый по своему Богу молится; а многіе изъ насъ бросаютъ сокровище безцѣнное — вѣру Православную и мѣняютъ ее на ереси и расколы, не хотятъ знать ученія матери своей Церкви, не хотятъ слушать Богомъ поставленныхъ пастырей, идутъ на бесѣды къ сектантамъ и лжеучителямъ и, слыша хулы на Церковь, смущаются, заражаются ересями, ибо не познали еще святой истины православія во всей ея чистотѣ. „Волъ знаетъ владѣтеля своего“, а чада Церкви не знаютъ, какъ учитъ ихъ мать—Церковь! „Оселъ знаетъ ясли господина своего“, а православные не могутъ еретику отвѣтить: какъ и почему такъ учитъ святая Церковь Православная, къ которой они принадлежатъ! Не стыдно ли это? Не грѣшно ли такъ равнодушно, особенно въ наше смутное время, относиться къ святому ученію своей родной Церкви? А не зная ученія своей вѣры, такіе православные не могутъ и защитить ее и легко поддаются искушеніямъ отпаденія отъ вѣры въ ереси и расколы. Не зная истинной вѣры, такіе люди не знаютъ и того, чего требуетъ отъ нихъ эта вѣра. Не знаютъ, какъ надо жить по православному. И вотъ, какой-нибудь сектантъ, еретикъ или раскольникъ приходитъ и говоритъ: „смотрите, какъ плохо живутъ ваши православные: у нихъ и пьянство, и распутство, и ложь, и обманъ, и лѣность, и сквернословіе; идите къ намъ, смотрите, какіе мы люди трезвые, трудолюбивые, честные, какъ мы любимъ другъ друга, какъ помогаемъ другъ другу“... Какъ будто наша святая вѣра учитъ порокамъ! Какъ будто ужъ нельзя быть и честнымъ, и трезвымъ и исполнять всѣ заповѣди Божіи, оставаясь

православнымъ! Стыдъ покрываетъ лице наше, братіе возлюбленные, когда слышишь все это! Св. Церковь немолчно зоветъ гласомъ веліимъ: *пріидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ!* Вѣдайте, чада мои, что *вѣра безъ дѣлъ—мертва есть!* Вѣдайте, что говоритъ Господь: *не всякъ глаголяй Мнѣ: Господи, Господи, внидетъ въ царство небесное* а только тотъ, *кто творитъ волю Отца Моего небеснаго...* Церковь учитъ, что надо исполнять всѣ заповѣди Божіи, что одно наружное, показное благочестіе не спасетъ насъ... Что же мы? Слушаемся ли своей любящей матери? Увы! Немало среди насъ такихъ, которые охотнѣе слушаютъ сектанта-лжеучителя, чѣмъ пастыря Церкви. Послушайте вотъ, какъ жалуется пророкъ Исаія на своихъ современниковъ: „*горе тѣмъ, которые съ ранняго утра ищутъ крѣпкаго напитка и до поздняго вечера разгорячаютъ себя виномъ, а на дѣла Господни они не взираютъ... Горе тѣмъ, которые зло называютъ добромъ, и добро зломъ, тьму почитаютъ свѣтомъ и свѣтъ тьмою, горькое почитаютъ сладкимъ и сладкое горькимъ!* (5, 11—20) *Бѣда мнѣ, увы мнѣ*, плачетъ пророкъ Божій: *злодѣи злодѣйствуютъ и злодѣйствуютъ злодѣйски... Основанія земли потрясаются, шатается земля какъ пьяный, качается какъ колыбель и беззаконіе ея тяготѣетъ на ней...* (24, 16. 18. 20). *Увы, народъ грѣшный, народъ, обремененный беззаконіями!... Оставили Господа, призрѣли Святаго Израилева!*“... 2600 лѣтъ прошло съ того времени, какъ гремѣли эти обличенія на улицахъ Іерусалима, но не отзываются ли они и сейчасъ въ совѣсти нашей, православные, какъ будто прямо относятся къ намъ? Не то же ли творится и нынѣ на Руси грѣшной? Не злодѣйствуютъ ли злодѣйски злодѣи и у насъ? Не находится ли и среди насъ немало людей, которые добро уже называютъ зломъ, а зло добромъ, тьму безбожныхъ ученій—свѣтомъ, а свѣтъ Христова ученія—тьмою? А такихъ людей, которые съ ранняго утра ищутъ водки и до поздняго вечера разгорячаютъ себя виномъ—не встрѣчаемъ ли мы на каждомъ шагу? Страшно подумать, больно говорить о томъ, сколько зла творится среди насъ! Никогда, съ самаго начала Руси, не было слышно на нашей землѣ такого богохульства, такого кощунства, какое слышали и слышатъ уши наши. Никогда не было такого отступничества отъ святой вѣры православной, какъ въ дни наши. Самые ужасные пороки нынѣ возводятъ чуть ли не въ добродѣтели. Самыя добродѣтели нынѣ смѣшиваютъ съ пороками, и тѣмъ лишаютъ ихъ всякой цѣны въ очахъ Божіихъ. Нынѣ пляшутъ и любуются на безнравственныя зрѣлища въ театрахъ—въ пользу пострадавшихъ отъ того или иного бѣдствія. Нынѣ ставятъ памятники безбожникамъ. Православные люди сквернятъ свои руки постройкою идольскаго капища. Распутство стало обыденнымъ явленіемъ. Отбить у сосѣда жену, прогнать свою, нанять лжесвидѣтелей, чтобъ развестись—да этому ужъ никто не удивляется. Убить, отравить, развратить, загубить душу—да объ этомъ мы читаемъ въ газетахъ каждый день. И это творится во всѣхъ слояхъ общества: и среди простого народа, и среди образованныхъ людей. Полная распущенность нравовъ, уподобляются люди скотамъ несмысленнымъ!...

И вотъ, гремятъ надъ нами громы

небесные. Потрясается земля въ основаніяхъ своихъ! Были землетрясенія въ отдаленныхъ земляхъ: на островѣ Мартиникѣ погибъ большой городъ съ 40,000 жителей, погибла Мессина, — теперь трясется земля уже въ нашихъ русскихъ предѣлахъ—въ Семирѣченской области. До тысячи человѣкъ убитыхъ, а сколько раненыхъ, сколько осталось семей безъ крова, безъ пищи и одежды! Но вразумляемся ли мы? Каемся ли во грѣхахъ нашихъ? Надвигается на насъ туча черная, чума страшная, смертоносная; она уже у границъ нашихъ, тысячи китайцевъ и нашихъ братій русскихъ коситъ она, какъ сухую траву: идетъ человѣкъ по улицѣ и падаетъ, и тутъ же умираетъ; сосѣдній съ нашими владѣніями городъ китайскій вымеръ почти весь. Черная смерть никого не щадитъ: а мы—мы каемся ли, братья мои возлюбленные? Готовимся ли къ смерти? Умилостивляемъ ли Господа Бога? Эта смерть уже переступила наши границы, уже въ нашемъ Владивостокѣ, въ разстояніи десятидвѣнадцати дней пути отъ столицъ нашихъ: что же мы? Просимъ, умоляемъ Господа о помилованіи? *Горе мнѣ, увы мнѣ,* приходится повторять съ пророкомъ Божіимъ: *злодѣи злодѣйствуютъ и злодѣйствуютъ злодѣйски* по прежнему!...

Братья мои, чада мои о Господѣ! Вотъ наступаетъ великій постъ: Господь ждетъ нашего покаянія. Слышите, что говоритъ Онъ устами другого пророка: *живу Я: не хочу смерти грѣшника, но чтобы грѣшникъ обратился отъ пути своего и живъ былъ. Обратитесь, обратитесь отъ злыхъ путей вашихъ! Для чего умирать вамъ, домъ Израилевъ?* (Іез. 33, 11). Поспѣшите принести предъ Господомъ покаяніе во всѣхъ грѣхахъ вашихъ! Но не на словахъ только должно быть наше покаяніе. Спѣшите принести плоды, достойны покаянія, и опять повторяю: слышите, что говоритъ Господь чрезъ пророка Своего Исаію? Говоритъ къ тѣмъ, которые лицемѣрно приходили въ святой храмъ Его, молились по-фарисейски?—которые приносили и жертвы Господу, а сердце ихъ было далеко отъ Господа и полно было беззаконія и всякой неправды? „*Къ чему Мнѣ множество жертвъ вашихъ? Крови тельцовъ и агнцевъ и козловъ не хочу! Кто требуетъ, чтобы вы топтали дворы Мои? Не нужны Мнѣ куренія ваши, праздничныхъ собраній вашихъ не могу терпѣть: собраніе—и празднованіе! Праздники ваши ненавидитъ душа Моя, они—бремя для Меня, Мнѣ тяжело снести ихъ,* потому что сопровождаются они пьянствомъ и другими беззаконіями! *И когда вы простираете ко Мнѣ руки свои, Я закрываю отъ васъ очи Мои; и когда вы умножаете моленія ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови! Омойтесь, очиститесь; удалите злыя дѣянія ваши отъ очей Моихъ; перестаньте дѣлать зло; научитесь дѣлать добро; ищите правды; спасайте угнетеннаго; защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите и разсудимъ, говоритъ Господь. Если будутъ грѣхи ваши какъ багряное—какъ снѣгъ убѣлю; если будутъ красны, какъ пурпуръ—какъ волну, какъ ленъ убѣлю. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли. Если же отречетесь и будете упорствовать, то мечъ пожретъ васъ: ибо уста Господни это говорятъ!*“ (Ис. 1, 11—20).

Что можетъ сказать слабое слово человѣческое послѣ сихъ грозныхъ, потрясающихъ и совѣсть, и сердце

и все существо человѣческое, словесъ Божіихъ? Братія мои, чада мои возлюбленныя! Мечъ Божій уже виситъ надъ нами: чума, страшная черная смерть уже коситъ тысячами сосѣдей нашихъ китайцевъ, уже проникла въ наши предѣлы... Господь еще ждетъ нашего покаянія, еще милуетъ, еще долготерпитъ намъ. Поспѣшимъ покаяться, исправиться. Дадимъ обѣтъ воздержанія отъ пьянства; всѣмъ сердцемъ возненавидимъ грѣхи блудные, грѣхи мерзостные. Отбросимъ гордость, простимъ отъ всего сердца всѣмъ, кто въ чемъ-либо согрѣшилъ предъ нами. Начнемъ жить по-хрістіански, по православному. Будемъ послушными сынами святой матери—Церкви, и она помолится за насъ грѣшныхъ правосудному, но и милосердому Господу. И тогда услышитъ Онъ молитвы наши, услышитъ вопли кающихся, и отвратитъ гнѣвъ Свой, на ны праведно движимый. И минуетъ насъ гроза Божія, за молитвы Пресвятыя Владычицы Богородицы, нашей крѣпкой и усердной Заступницы. И речетъ Господь черной смерти, моровой язвѣ или чумѣ: *молчи, престани!* И отдохнетъ тогда наша грѣшная, нашими грѣхами измученная Русь. И возрадуются ангелы Божіи на небѣ нашему покаянію, нашему обращенію къ Богу.

Господи Боже, Спасителю нашъ! Боже правосудный и многомилостивый! Не вниди въ судъ съ рабами Твоими! Отврати гнѣвъ Твой, праведно на насъ движимый! Удержи мечъ Твой, готовый посѣщи насъ! Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, неправдовахомъ предъ Тобою; недостойны мы милости Твоей! Но не ради нашей грѣшной молитвы — ради молитвъ Пречистой Матери Твоей и святыхъ угодниковъ Твоихъ, нашихъ братій по плоти — смилуйся надъ нами, прости насъ и помилуй, помилуй, помилуй! Аминь.

60.

О пастырскихъ домашнихъ бесѣдахъ съ прихожанами.

Рѣдко приходится мнѣ бесѣдовать съ моими читателями объ отрадныхъ явленіяхъ въ нашей церковной и общественной жизни: добро приходится собирать по крупицамъ, а говорить все только о печальномъ и безотрадномъ... Можетъ быть, такъ и подобаетъ: вѣдь мы живемъ въ юдоли плачевной, вѣдь о такихъ людяхъ, какъ мы грѣшные, давно сказано: *нѣсть радоватися нечестивому...* Тѣмъ отраднѣе отмѣтить хоть что-нибудь и доброе, хорошее.

Писалъ я, что наши „свѣтильники гаснутъ“, что наше духовенство погружается въ житейскій матеріализмъ, что духъ пастырства отлетаетъ отъ пастырей... Больно говорить объ этомъ, хотѣлось бы увѣрить себя въ противоположномъ, и радъ-радъ бываешь, когда то тутъ, то тамъ мелькнетъ огонекъ и теплымъ лучемъ озаритъ облегающій со всѣхъ сторонъ полумракъ. Есть еще на Руси добрые пастыри, всю свою душу, все свое любящее сердце отдающіе своимъ пасомымъ. А если они есть, то еще есть и надежда, что Русь наша жива, что если ея пастыри возгрѣютъ въ своихъ сердцахъ благодатный огонекъ ревности о Богѣ, то и она обновится, и милость Божія къ ней возвратится. И думаю я, что заботы о матеріальномъ обезпеченіи—сами

по себѣ много не помогутъ дѣлу,—дѣло показываетъ, что добрые-то пастыри и проявляютъ свое дѣланіе во спасеніе ближняго именно тамъ, гдѣ царитъ бѣднота въ средѣ ихъ пасомыхъ, а вслѣдствіе темноты духовной и всякая нравственная муть...

Вотъ что пишетъ мнѣ одинъ изъ такихъ пастырей—смиренныхъ тружениковъ нивы Господней.

„Прихожане мои крестьяне, вслѣдствіе малоземелья и отсутствія какихъ бы то ни было заработковъ, крайне бѣдны. Рядомъ съ матеріальной бѣдностью царитъ и бѣдность духовная. Всевозможные пороки и тайные и явные, пьянство, суевѣрія и предразсудки, полное охлажденіе къ молитвѣ домашней и церковной, отчужденіе отъ храма, отсутствіе всякой церковности—вотъ показатели той нравственной бѣдности и духовной тьмы, какія господствуютъ среди моихъ прихожанъ. Къ прискорбію, некому здѣсь разгонять царящую духовную тьму, некому просвѣщать этихъ бѣдныхъ овечекъ стада Христова. Священники здѣсь не уживаются: за послѣдніе четыре года здѣсь перемѣнилось шесть священниковъ“.

Вотъ великое зло нашей церковной жизни: пастыри все ищутъ болѣе злачныхъ мѣстъ, гдѣ могли бы больше получать млека и волны, и бѣгутъ оттуда, куда сами же просились, когда гнала ихъ нужда въ насущномъ хлѣбѣ. Такой приходъ не успѣетъ сродниться съ своимъ пастыремъ, и пастырь съ своими пасомыми, какъ уже расходятся и приходъ сиротѣетъ... Можетъ ли при такихъ условіяхъ образоваться та духовная, благодатная связь между ними, которая сродняетъ души навсегда и ради которой пастырь готовъ жертвовать всѣми благами на землѣ, лишь бы не покинуть своихъ родныхъ, Богомъ ему данныхъ чадъ? И почему бы молодымъ, малосемейнымъ-то пастырямъ не поработать на бѣдной нивѣ? Увы, снова съ горечью приходится сказать: забываютъ нынѣшніе кандидаты священства столь утѣшительное, столь трогательное обѣтованіе Господа: *ищите прежде всего царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ*! Нынѣ все наоборотъ — ищутъ прежде вотъ именно сего *приложенія*—такъ сказать—авансомъ его требуютъ отъ Господа, а затѣмъ уже — обѣщаютъ — искать царствія Божія! И вотъ, 6 священниковъ сбѣжали съ бѣднаго захолустнаго прихода, въ продолженіи всего только четырехъ лѣтъ, а 7-й—дай ему Богъ силъ и разумѣнія—пишетъ мнѣ:

„Съ болью и сокрушеніемъ сердечнымъ годъ тому назадъ началъ я служеніе свое въ этомъ приходѣ. Признаться: не хотѣлось быть наемникомъ, хотѣлось быть добрымъ пастыремъ бѣдныхъ словесныхъ овецъ. Главнымъ дѣломъ я поставилъ: проповѣдь церковную, собесѣдованія и чтенія. Помимо чтеній въ праздники, въ мѣстной церковно-приходской школѣ, я завелъ въ приходѣ такъ называемыя пастырскія вечернія хожденія по домамъ прихожанъ и въ будни. Дѣлается это у меня такъ. Въ церкви объявляю, что въ такой то день буду въ домѣ такого-то прихожанина, причемъ предлагаю собраться туда же и ближайшимъ сосѣдямъ этого прихожанина. Съ однимъ изъ членовъ причта являюсь въ означенный домъ и начинаю чтеніе и бесѣду. Читаю, обыкновенно изъ евангелія и апостола съ объясненіями, изъ Пролога, изъ духовныхъ журналовъ, Троицкихъ и Аѳонскихъ листковъ, разныхъ сборниковъ и житій святыхъ. Многіе просятъ почитать

книжку о сельскомъ хозяйствѣ, а то и просто хорошую газету, показать картинки и под. Чтенія и бесѣды, самыя задушевныя и безъискусственныя, затягиваются иногда до полуночи и всегда заканчиваются чтеніемъ вечернихъ молитвъ и общимъ пѣніемъ. На слѣдующій вечеръ назначаю чтеніе въ другомъ домѣ, а тамъ и въ третьемъ и т. д. Прихожанамъ моимъ такое пастырское посѣщеніе ихъ домовъ сильно понравилось. Многіе изъ нихъ приходятъ ко мнѣ на домъ и просятъ прочитать у нихъ, „наставить ихъ“, какъ они выражаются.— А вотъ и плоды сего хожденія по домамъ: по ночамъ въ селѣ не кричатъ и не дебоширятъ, какъ это было прежде, меньше встрѣчается пьяныхъ и больше людей стало ходить въ церковь. Благодарю Господа и за это. Мнѣ невольно припоминаются слова Апостола Павла: „три года училъ я васъ и день и ночь“, разумѣется, переходя изъ дома въ домъ, куда собирались его, поучающаго, слушать. Эти духовные плоды исполняютъ меня ревности еще и еще послужить и потрудиться для богодарованной мнѣ паствы. Одно сокрушаетъ меня — недостатокъ въ духовныхъ книгахъ и журналахъ и въ отсутствіи средствъ для пріобрѣтенія таковыхъ. Въ церкви, кромѣ епархіальныхъ и церковныхъ вѣдомостей нѣтъ ни одной книжки, а денегъ я засталъ всего 15 рублей: личныхъ средствъ и подавно у меня нѣтъ!

Въ заключеніе священникъ проситъ у меня какихъ-нибудь книжекъ и листковъ: „всякой книжкѣ и всякому листочку здѣсь будутъ рады, ибо здѣсь ощущается большой гладъ и большая жажда духовная. Ради Бога помогите мнѣ утолить ихъ“.

Вотъ примѣръ того, что можетъ сдѣлать добрый пастырь въ своемъ приходѣ. Ужъ для такихъ-то домашнихъ бесѣдъ не нужно большихъ средствъ, такія-то бесѣды не отнимутъ того времени, которое сельскій батюшка употребляетъ въ полѣ на работѣ. Отчего не отдать свободные зимніе вечера такимъ бесѣдамъ? А между тѣмъ—сколько добра-то внесли бы онѣ въ души пасомыхъ! Сколько свѣта въ эту темную, но жаждущую свѣта среду! Какую трогательную картину представляли бы! Семья добрыхъ прихожанъ, тутъ и отцы, и матери, и дѣтки-подростки, и малютки, всѣ съ открытымъ сердцемъ, съ жаждою послушать что-нибудь „божественное“... Припоминаю я свое дѣтство. Именно такую картину представлялъ нашъ домъ, хотя это былъ домъ не священника-пастыря, а простаго сельскаго дьячка, въ вечера великаго поста или наканунѣ большихъ праздниковъ. Сижу я, тогда еще мальчикъ лѣтъ 8—10-ти, за столомъ и читаю житія святыхъ—четьи-минеи, или Благовѣстникъ Ѳеофилакта, или творенія святителей Тихона, Димитрія, Златоуста, взятыя нарочито для сего изъ церковной библіотеки. Не всегда горѣла и сальная свѣчка: ее замѣнялъ самодѣльный *ночникъ* или простой черепокъ отъ горшка, куда вливалось конопляное масло и вкладывался фитиль изъ бумажной пряжи. Звонко раздается мой дѣтскій голосокъ, съ благоговѣніемъ внимаютъ ему мои простые слушатели-крестьяне, пришедшіе изъ дальнихъ деревень поговѣть или же на праздникъ, чтобы ночевать у своего любимца—стараго дьячка Ивана Андреевича.[1]) Когда чтеніе доходитъ

[1]) У этого „любимца“ было полприхода прихожанъ — крестниковъ: вся бѣднота, къ кому никто не шелъ въ кумовья, просили Ивана Андреевича

до особенно трогательныхъ мѣстъ, когда задрожитъ голосокъ чтеца отъ сердечнаго умиленія, то послышатся вздохи среди слушателей, а иной изъ нихъ и слезу отретъ отъ полноты добраго чувства, и такъ хорошо станетъ у всѣхъ на душѣ, такъ тепло и свѣтло, будто ангелъ Божій пролетитъ тогда надъ нами и всѣхъ пріосѣнитъ своимъ крыломъ благодатнымъ... Прошло слишкомъ 50 лѣтъ съ той поры, а я никогда не забуду этихъ святыхъ вечеровъ, этихъ смиренныхъ сердцемъ моихъ простецовъ-слушателей, расположившихся и на лавкахъ, и на полу, и на лежанкѣ... И долго-долго длится это чтеніе, пока утомленный чтецъ не закроетъ свою большую кожанную книгу. За то и любили меня, крѣпко любили добрые прихожане, и кому—копейку, а мнѣ давали семитку и даже гривну, когда я приходилъ съ причтомъ славить Христа, родившагося или воскресшаго изъ мертвыхъ. И уносили они съ этихъ чтеній много добрыхъ сѣмянъ въ своихъ душахъ, а были среди нихъ и такіе способные, которые буквально запоминали слышанное и потомъ разсказывали дома. Таковъ былъ, царство ему небесное, мужичекъ, барскій „бурмистръ“, безграмотный Захаръ Онисимовичъ: онъ зналъ на память, напримѣръ, житіе Филарета Милостиваго, и случалось: придутъ къ нему въ вотчинную контору (это было еще во времена крѣпостного права) сельскіе старосты, попросятъ его почитать житіе это, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ отговорокъ, беретъ въ руки газету, книгу, — что нибудь печатное, чтобъ въ рукахъ было, и начинаетъ: „въ странѣ Пафлагонстѣй, въ веси, нарицаемой Амнія“... Есть ли теперь такіе неграмотные начетчики? такіе любители житій святыхъ? А не мы ли виноваты, ну хоть отчасти, если не цѣликомъ, что ихъ не стало, отцы и братіе—пастыри Христова стада? Простите мнѣ мои личныя воспоминанія: они такъ дороги мнѣ и такъ полезны, думаю, для васъ! Вѣдь если бы вотъ, какъ вышеупомянутый священникъ, котораго, щадя его пастырское смиреніе, не называю по имени, скажу только, что онъ трудится въ епархіи Кіевской,—какъ онъ, говорю, почаще вели бы свои бесѣды съ прихожанами по домамъ, то не было бы, можетъ быть, ни штунды, ни всѣхъ этихъ баптистовъ, молоканъ, всѣхъ этихъ сектантовъ, отколовшихся отъ Церкви. Вѣдь народъ-то жаждетъ слышанія слова Божія, и, не находя утоленія сей жажды у своихъ Богомъ данныхъ пастырей, бѣжитъ къ кладенцамъ сокрушеннымъ, къ этимъ лжеучителямъ, коихъ такъ много развелось теперь на Руси, благодаря разнымъ свободамъ безчинія въ вопросахъ вѣры. Отцы и братія! Зажигайте огни въ своихъ сердцахъ! Мракъ сгущается надъ Русью когда-то святой, идите къ своимъ пасомымъ съ простымъ словомъ утѣшенія духовнаго, назиданія проповѣди, словомъ отъ горящаго любовію сердца! Ей, народъ пойметъ васъ, оцѣнитъ, потечетъ къ вамъ съ любовію, и разные самозванцы-учители останутся безъ слушателей! Слышите, что говоритъ Господинъ жатвы: жатва многа, дѣлателей же мало: молитеся Господину жатвы, да изведетъ дѣлателей на жатву Свою!

Сей дневникъ былъ написанъ

быть кумомъ, и онъ никому не отказывалъ, а когда крестники женились или выходили замужъ, онъ благословлялъ ихъ непремѣнно иконою, конечно Суздальскаго письма. Онъ въ одномъ приходѣ прослужилъ 55 лѣтъ.

когда мнѣ, по указанію редакціи „Приходскаго Чтенія“, пришлось прочитать въ „Минскихъ Еп. Вѣдомостяхъ“ откликъ на мою статью „Свѣтильники гаснутъ“ нѣкоего священника Михаила Пѣшковскаго. Кто сей іерей, какъ пастырь словеснаго Хрістова стада, я не знаю, но самъ онъ о себѣ говоритъ, что и ему „хочется жить“, что, по его мнѣнію, занятіе „картинками не заслуживаетъ упрека“, что онъ считаетъ невозможнымъ „вести общіе разговоры съ крестьянами“, что „рояли и піанино не у всѣхъ батюшекъ бываютъ (еще бы!), а если и есть у нѣкоторыхъ, то неужели авторъ, (т. е. я) полагаетъ, что это куплено изъ средствъ прихода? Нисколько, говоритъ онъ, о. Пѣшковскій,—большею частію это все приданое нашихъ матушекъ или куплено за ихъ счетъ“. (Ну, а матушки-то или матушки сихъ матушекъ откуда нашли средства купить ихъ?...) Авторъ замѣтки, очевидно, читаетъ и „лѣвыя газеты“,—только вотъ моего „Троицкаго Слова“, стоющаго всего 1 р. за 50 №№, не читаетъ... Иначе зналъ бы автора, статью котораго критикуетъ. Съ такимъ пастыремъ входить въ полемику, кажется, дѣло безполезное. Совѣтую ему только посмотрѣть на себя въ то зеркало, какое представляетъ подвигъ, да—подвигъ упомянутаго сельскаго батюшки изъ Кіевской епархіи. Авось ему стыдно будетъ. Нехорошо также клеветать и на матушку, которая будто бы спрятала въ сараѣ своего батюшку отъ собесѣдованія съ сектантами: хорошъ былъ бы и такой батюшка—въ послушаніи у матушки! Ахъ, отцы—отцы! Одно у васъ на умѣ—жалованье, а вѣдь я ничего не говорю въ сущности и противъ жалованья,—я только повторяю: боюсь, что вотъ такіе ревнители жалованья—первые и превратятся въ чиновниковъ, или даже—ремесленниковъ, ибо добрые-то пастыри свое дѣло дѣлаютъ не ожидая, когда получатъ жалованье... И Богъ видимо благословляетъ ихъ дѣланіе.

Горе, когда Божіе отходитъ на второй планъ, а человѣческое занимаетъ его мѣсто! Если это—законъ для всѣхъ хрістіанъ, то для пастырей—сугубо.

61.

За святые дни.

Вопросъ о праздникахъ, поднятый 35-ю членами Г. Совѣта и столько нашумѣвшій въ прошломъ году, снова выступилъ на очередь и 16 февраля разсматривался въ общемъ собраніи Г. Совѣта со стороны принципіальной: желательно ли провести этотъ законъ? Нуженъ ли онъ, полезенъ ли? Не скрою и отъ самихъ почтенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, людей, большею частію украшенныхъ сѣдиною, умудренныхъ опытомъ жизни, что ихъ рѣшеніе произвело на меня тяжелое впечатлѣніе. Мнѣ могутъ сказать, что въ этомъ вопросѣ страдаетъ мое личное самолюбіе: я такъ много писалъ и печаталъ противъ этого законопроэкта, а потому для меня лично непріятно рѣшеніе большинства. Стою предъ Богомъ въ своей совѣсти и спокойно говорю: нѣтъ! Самолюбіе тутъ совсѣмъ въ сторонѣ; вопросъ идетъ о значеніи голоса Церкви въ русскомъ законодательствѣ, не голоса епископа Вологодскаго, даже не голоса С. Синода, а именно всей Право-

славной Церкви. Если государство въ союзѣ съ Церковію, то оно— должно преклониться предъ ея авторитетомъ въ вопросѣ такого церковнаго значенія, какъ вопросъ о праздникахъ. Наша Православная Церковь не вмѣшивается въ дѣла гражданскія, политическія, когда сіи дѣла не касаются духовной жизни народа, но она должна подавать свой голосъ, когда дѣло идетъ объ исполненіи ея дѣтьми заповѣдей Божіихъ. Вотъ то, что говорилъ я въ Г. Совѣтѣ 16-го февраля:

Когда законодатель призывалъ насъ, представителей монашествующаго и бѣлаго духовенства къ участію въ трудахъ Г. Совѣта, то, смѣемъ думать, онъ имѣлъ въ виду возложить на насъ заботу о духовныхъ нуждахъ и пользахъ православнаго народа, объ охраненіи завѣтныхъ историческихъ святынь его сердца, тѣхъ основныхъ началъ его духовнаго міросозерцанія, которыми живетъ наша православная русская народная душа. Вопросъ о сокращеніи праздничныхъ неприсутственныхъ дней, т. е., праздниковъ въ ихъ отношеніи къ государственной и общественной жизни, безъ сомнѣнія, близко касается церковнаго значенія этихъ дней, какъ это признала и наша комиссія. Къ сожалѣнію, большинство комиссіи остановилось почти исключительно на экономическомъ, утилитарномъ значеніи этого вопроса, не принявъ во вниманіе заключеніе С. Синода, т. е. голосъ представителей Церкви—іерарховъ. Въ основу своихъ сужденій оно положило лишь тѣ соображенія практическаго характера, которыми руководились инициаторы предложенія, 35 членовъ Г. Совѣта, и сущность которыхъ сводится къ признанію вреда, приносимаго культурному и экономическому развитію Россіи чрезмѣрнымъ количествомъ праздниковъ, ктому же проводимыхъ населеніемъ, къ несчастію нашему, въ пьянствѣ и разгулѣ. Между тѣмъ комиссія сама же признаетъ, что укладъ трудовой жизни народа весьма слабо поддается воздѣйствію законодательныхъ опредѣленій, что слѣдовательно, эти опредѣленія относительно количества праздниковъ безсильны сократить народную праздность и разгулъ. Въ самомъ дѣлѣ: законъ теперь знаетъ только 91—95 праздниковъ въ году, а народъ празднуетъ отъ 120 до 150-ти. Не ясно ли, что законъ безсиленъ регулировать свободный трудъ народа путемъ установленія перечня праздниковъ, что народъ не хочетъ знать въ этомъ отношеніи никакихъ оффиціальныхъ рамокъ, а потому, если ужъ говорить о культурномъ и экономическомъ развитіи страны, (а по мысли инициаторовъ, законопроектъ именно въ этомъ и заключается), то не слѣдовало ли нѣсколько измѣнить самую постановку вопроса: вмѣсто сокращенія неприсутственныхъ дней, говорить о мѣрахъ борьбы съ народной праздностью и пьянствомъ, имѣя притомъ въ виду, что и то и другое зло имѣетъ мѣсто и въ будни? Что касается праздниковъ, можно бы напримѣръ, установить, чтобы винныя лавки закрывались наканунѣ праздниковъ съ 4 часовъ вечера и открывались только на другой день праздника; чтобы всякаго рода кормчество, теперь почти открыто всюду спаивающее народъ, преслѣдовалось и каралось безпощадно; чтобы преступленія, совершаемыя въ праздники, наказывались строже; чтобы опьяненіе законъ признавалъ не заслуживающимъ снисхожденія, а усиливающимъ вину обстоятельствомъ: вотъ тѣ мѣры, которыя рано или поздно законъ долженъ будетъ принять для

борьбы съ постоянно возрастающею распущенностью деревни, чтобы помочь Церкви, въ ея усиліяхъ въ борьбѣ съ народными пороками. Этого проситъ сама народная жизнь. За это будетъ глубоко благодарна и Церковь.

Къ сожалѣнію, наша комиссія, сознавъ почти полную безполезность борьбы съ народною праздностью и пьянствомъ путемъ сокращенія числа дней неприсутственныхъ, не отказалась отъ этого средства и, за невозможностью провести его въ народную жизнь непосредственно, примѣняетъ его къ той области народнаго труда, гдѣ менѣе всего проявляется праздность и пьянство—къ занятіямъ въ присутственныхъ мѣстахъ. Большинство комиссіи надѣется, что примѣръ работы чиновниковъ можетъ воздѣйствовать на народныя понятія о праздникахъ въ смыслѣ болѣе разумнаго отношенія къ потерѣ трудового времени,—другими словами — перевоспитать эти понятія. Напрасная надежда! Да будетъ мнѣ позволено напомнить то, что я говорилъ три года назадъ по вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ. Я говорилъ, что только тѣ законодательныя мѣры будутъ жизненны и привьются къ совѣсти народной, которыя согласны съ народнымъ міросозерцаніемъ. Исходя изъ этой мысли, я позволяю себѣ утверждать, что тотъ путь, какимъ большинство нашей комиссіи надѣется перевоспитать народныя понятія о праздникахъ, совершенно не отвѣчаетъ народному міровоззрѣнію и вмѣсто пользы можетъ принести вредъ. Надо помнить, что масса народная въ сущности глубоко религіозна. Пусть эта религіозность искажена неправильными, иногда даже противоцерковными воззрѣніями и предразсудками, но въ основѣ своей всякая религіозность—такъ сказать—ревнива: скажу больше, чѣмъ она искаженнѣе, тѣмъ фанатичнѣе. Примите это во вниманіе и скажите: не послужитъ ли новый законъ, требующій работы въ присутственныхъ мѣстахъ даже въ нѣкоторые двунадесятые праздники, особенно благоговѣйно чтимые народомъ,—поводомъ къ недовольству, къ критикѣ дѣйствій правительства, къ осужденію его намѣреній, а тамъ, гдѣ этотъ законъ вздумаютъ насильственно примѣнять къ обязательному труду, напримѣръ на фабрикахъ и заводахъ,—и къ забастовкамъ, и къ безпорядкамъ? Мы, служители Церкви, стоящіе близко къ духовной жизни народа, мы уже слышимъ въ народныхъ массахъ глухое недовольство современнымъ направленіемъ законодательства. До деревни какими то путями доходятъ слухи о законодательныхъ предположеніяхъ, касающихся вѣры и Церкви, и доходятъ въ окраскѣ, враждебной вѣрѣ и Церкви. Какими то путями православный русскій человѣкъ узналъ и уже подчеркнулъ, и въ счетъ поставилъ иниціаторамъ законопроекта о сокращеніи неприсутственныхъ дней то, что сокращаются праздники исключительно православнаго и римско-католическаго мѣсяцеслова. Мнѣ лично пришлось это слышать отъ простыхъ людей въ Вологдѣ на нашихъ бесѣдахъ съ народомъ въ праздники. Какъ угодно, а съ этимъ явленіемъ необходимо считаться. Нельзя перестроить міросозерцаніе 80-ти милліоновъ однимъ почеркомъ пера. Пытался это сдѣлать великій преобразователь 200 лѣтъ назадъ въ нѣкоторыхъ, дорогихъ русскому сердцу областяхъ жизни народной, но народъ и понынѣ въ массѣ вѣренъ завѣтамъ сѣдой старины въ этихъ областяхъ. Не великъ будетъ

авторитетъ въ глазахъ народа—то или другое присутственное мѣсто, работающее въ праздникъ, если совѣсть народная не можетъ одобрить этой работы. Уже и теперь слышатся тревожные толки: „что же это творится? Ужъ и праздники-то святые хотятъ отмѣнить... Какъ имъ не грѣшно! Вѣдь мы не басурманы еще“... И въ этихъ толкахъ слышится, чувствуется тоскливая забота о будущемъ: „что же дальше-то будетъ? Нынѣ отмѣнили нѣкоторые праздники, завтра сократятъ или вовсе отмѣнятъ посты, а тамъ дадутъ раскольникамъ и еретикамъ свободу издѣваться надъ Церковію, а тамъ будутъ судить насъ и за исполненіе заповѣдей Божіихъ“... Пора прислушаться къ тому, что говоритъ народная совѣсть! Пора принять во вниманіе, что въ массахъ народныхъ уже образовалось и все растетъ предубѣжденіе противъ законодательныхъ учрежденій, которыя будто бы подпали подъ вліяніе элементовъ, враждебно относящихся къ вѣрѣ и Церкви... И въ самомъ дѣлѣ, сознаемся: въ послѣдніе годы такъ много сдѣлано въ либеральномъ духѣ для сектантовъ и раскольниковъ и такъ мало почти ничего для Церкви! Чѣмъ мы, именующіе себя представителями народа, порадовали православный Русскій народъ въ этомъ отношеніи? Естественно ожидать, что и законъ о сокращеніи праздниковъ будетъ принятъ народомъ какъ новое оскорбленіе матери Церкви. Полезно ли безъ крайней нужды увеличить эту подозрительность, это недовѣріе народное по отношенію къ государственнымъ законодательнымъ учрежденіямъ? Да и много ли будетъ пользы изъ сего для самого государства?...

Но что я говорю о простомъ народѣ? Пусть простятъ мнѣ гг. члены коммиссіи, если откровенно скажу, что и на насъ, неподписавшихъ ея заключеній, произвело тяжелое впечатлѣніе отношеніе коммиссіи къ заключеніямъ С. Синода. С. Синодъ опредѣленно и точно высказался за невозможность исключенія нѣкоторыхъ дней изъ числа неприсутственныхъ и за необходимость сохранить ихъ. Казалось бы, эта „невозможность исключенія“ и „необходимость сохраненія“ дней, указанныхъ высшимъ авторитетомъ Церковной Власти, и должны были послужить для коммиссіи руководящимъ началомъ въ рѣшеніи вопроса о неприсутственныхъ дняхъ. По крайней мѣрѣ то, что С. Синодъ призналъ необходимымъ или невозможнымъ, должна была признать и коммиссія, хотя бы по уваженію къ высшему авторитету Господствующей Церкви. Къ глубокому сожалѣнію, состоялось постановленіе большинства коммиссіи совершенно обратное постановленію С. Синода. Въ нѣкоторой уступкѣ, сдѣланной С. Синодомъ касательно четырехъ пасхальныхъ дней, коммиссія усмотрѣла принципіальную возможность того, что С. Синодъ такъ рѣшительно и опредѣленно призналъ невозможнымъ и недопустимымъ, а въ опредѣленіи С. Синода касательно 1 января усмотрѣла даже сочувствіе къ установленію полупраздниковъ и на основаніи этого даже изъ двунадесятыхъ праздниковъ три обратила въ полупраздники, руководясь исключительно утилитарными соображеніями „необходимости и пользы государственной“. Я не буду касаться вопроса о „необходимости“: Церковь допускаетъ необходимыя занятія и въ праздники. Можно бы спорить о полезномъ, ибо понятія пользы слишкомъ растяжимы: на нихъ построенъ весь законопроектъ о неприсутственныхъ

днях. Я позволю себѣ только обратить вниманіе вотъ на что: Съ одной стороны комиссія нашла необходимымъ обратиться къ авторитету С. Синода, съ другой— не признала возможнымъ принять указанія сего авторитета. Мнѣ кажется, нельзя въ одно и то же время утверждать, что въ основѣ праздниковъ лежитъ ихъ церковное значеніе и отвергать указанія церковной Власти. Въ вопросахъ церковнаго значенія законодательство православной Россіи должно съ уваженіемъ прислушиваться къ авторитетному для него голосу Православной Церкви и отнюдь не становится съ нею въ противорѣчіе. А въ данномъ случаѣ и является именно такое противорѣчіе: церковная Власть говоритъ: невозможно исключить, необходимо сохранить извѣстные праздники, а коммисія постановляетъ исключить ихъ изъ числа дней неприсутственныхъ, т. е. праздничныхъ. Правда, комиссія говоритъ, что такое исключеніе не является умаленіемъ святости и достоинства праздниковъ, что установленія Церкви остаются неприкосновенными. Но во 1-хъ: если бы это было вѣрно, то С. Синодъ не сталъ бы такъ рѣшительно отстаивать праздники, а во 2-хъ, что такое Церковь? Вѣдь это—не одна только іерархія, вѣдь она объемлетъ въ себѣ всѣхъ вѣрующихъ во Христа, на которыхъ она въ дни праздничные возлагаетъ извѣстныя обязанности, напримѣръ, вѣрующіе во Христа въ праздники должны посѣщать богослуженіе, навѣщать больныхъ и въ скорбяхъ сущихъ несчастныхъ, поучаться слову Божію въ своей семьѣ, что особенно благопотребно въ наше время; можно и работать, но какъ работать? Не ради корысти, не ради жалованья, не по принужденію, а свободно, по усердію, для того, чтобы исполнить заповѣдь милосердія. Я бы понялъ, если бы начальникъ учрежденія въ праздникъ пришелъ въ канцелярію, чтобы исполнить работу за какого-нибудь больного писца: это было бы доброе дѣло, которое Богъ ему вмѣнилъ бы, какъ если бы онъ свѣчу поставилъ въ храмѣ Божіемъ. Но обращать дни неприсутственные въ присутственные значитъ лишать членовъ Церкви возможности исполнить свою обязанность. Какъ же можно говорить, что установленія Церкви остаются „неприкосновенными“? Нынѣ такъ много говорятъ о свободѣ совѣсти: нельзя же въ православномъ государствѣ насиловать совѣсть православнаго человѣка и требовать отъ него принудительнаго труда въ тотъ день, который его вѣра, его Церковь, его совѣсть повелительно требуютъ отдать Богу! Вѣдь будетъ совершенно послѣдовательно, если чиновникъ, напримѣръ, въ день Казанской иконы Богоматери, покровительницы нашей столицы, пойдетъ въ Казанскій соборъ или въ день Петра и Павла — въ Петропавловскій (прошу припомнить, что и столица-то наша посвящена Апостолу Петру, почему и называется Петроградъ), затѣмъ усталый вернется домой, а потому не явится въ присутствіе, то можетъ быть подвергнутъ тому или другому взысканію: за что же будетъ наложено на него это взысканіе, это наказаніе? Скажутъ: за опущеніе по службѣ. Нѣтъ, говорю я: за исполненіе заповѣди Божіей, долга христіанскаго.

Въ прошломъ году здѣсь, въ Петербургѣ, судили православную дѣвушку—добрую христіанку за то, что она будто бы похитила дѣтей у іудейки, на дѣлѣ же за то, что она проповѣдывала святое ученіе

Христа Спасителя этимъ дѣтямъ. Не потребуютъ ли къ отвѣту и тѣхъ, кто въ дни будніе по гражданскому, но праздничные по церковному закону не явится въ присутствіе и пойдетъ въ церковь? Но не будетъ ли это первымъ шагомъ къ тому, что уже творится теперь въ несчастной безбожной Франціи? Ужели наше законодательство, возвѣщая свободу совѣсти едва ли не до совращенія въ язычество, будетъ стѣснять нашу христіанскую православную совѣсть, привлекая къ отвѣтственности за исполненіе заповѣди Божіей, за посѣщеніе храма Божія въ признаваемый Церковію, но не признаваемый государствомъ праздникъ? Вѣдь какъ это ни прискорбно, а надо признаться, что въ нашихъ различныхъ управленіяхъ немало развелось либераловъ начальниковъ, которые воспользуются этимъ случаемъ, чтобы добраго христіанина чиновника подвергнуть взысканію лишь для того, чтобы посмѣяться надъ его религіознымъ чувствомъ. Нѣтъ: этого быть не должно! Достоинство такого учрежденія, какъ нашъ государственный Совѣтъ, не должно допускать того.

Знаю, мнѣ скажутъ, что желающій помолиться можетъ сходить къ ранней литургіи, а въ болѣе важные праздники занятія въ присутственныхъ мѣстахъ будутъ, по предположенію комиссіи, начинаться послѣ богослуженія.

Будемъ откровенны, станемъ передъ Богомъ въ своей совѣсти, какъ добрые христіане, спросимъ себя: будетъ ли это на дѣлѣ? Встанетъ ли чиновникъ къ ранней обѣднѣ въ праздникъ только потому, что во время поздней ему надо будетъ видѣть въ канцеляріи? Да наконецъ и то нужно сказать: вѣдь и Богу молиться въ церкви—нелегкій трудъ, послѣ котораго нужно и отдохнуть человѣку, за что же люди, обязанные работать въ праздники въ канцеляріяхъ и въ то же время желающіе по совѣсти исполнять долгъ христіанскій, будутъ нести въ эти дни *двойной* трудъ? Только за то, что они христіане, что они хотятъ почтить святой день молитвою? Развѣ это — не стѣсненіе ихъ совѣсти? Развѣ это похвально въ христіанскомъ законодательствѣ? И все это—изъ-за какихъ-нибудь десяти дней въ году!..

Повторяю: законодательство православной страны должно охранять народъ отъ соблазна противорѣчій закона гражданскаго съ требованіями Церкви; оно не имѣетъ нравственнаго права вторгаться въ область, гдѣ дѣйствующимъ началомъ является народная совѣсть, руководимая Церковію. Находясь въ союзѣ съ Церковію, православное государство должно вносить въ свои законы, соприкасающіеся съ жизнію Церкви, только то, что признаетъ возможнымъ принять сама Церковь. Иначе оно станетъ на путь отдѣленія отъ Церкви, путь вредный для Церкви, но и гибельный для государства.

Съ силою говорили, кромѣ меня, высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Новгородскій, извѣстный миссіонеръ — о. протоіерей Т. И. Буткевичъ и другіе правые ораторы, но все оказалось напраснымъ: большинствомъ голосовъ Г. Совѣтъ рѣшилъ признать возможнымъ и полезнымъ сокращеніе праздничныхъ неприсутственныхъ дней, а такъ какъ правительство, въ лицѣ г. Оберъ-прокурора С. Синода, отказалось отъ составленія такого законопроэкта, то это дѣло поручено особой комиссіи въ Г. Совѣтѣ...

Доселѣ православные русскіе люди съ надеждою взирали на Г. Совѣтъ, видя въ немъ оплотъ отъ раз-

рушительныхъ въ отношеніи Церкви замысловъ лѣвой половины Г. Думы; теперь эта надежда колеблется, ибо вотъ уже другое дѣло проходитъ въ немъ въ духѣ либеральныхъ вѣяній: первое было—о разстригахъ.

Впрочемъ, можетъ быть Богъ дастъ: широкій размахъ сократителей праздниковъ сократится до минимума: вѣдь и мы, чада Церкви, ничего не имѣемъ, если Г. Совѣтъ поставитъ крестъ на широкой масленицѣ...

62.

Наше духовное сиротство и бездерзновеніе вѣры.

Еще на зарѣ хрістіанства одинъ вдумчивый философъ-хрістіанинъ сказалъ, что душа человѣческая по природѣ хрістіанка. Въ самомъ дѣлѣ; отчего такъ тоскливо живется на свѣтѣ въ наши смутные, безвѣрные дни? Не оттого ли, что все дальше и дальше улетаютъ отъ нашего сознанія истинные хрістіанскіе идеалы? Не оттого ли, что мы все больше и больше духовно сиротѣемъ? Оглянешься назадъ, вспомнишь сравнительно недавнее прошлое: Митрополиты Филаретъ премудрый и Иннокентій препростый—московскіе, Филаретъ милостивый, Филоѳей подвижникъ и другіе—кіевскіе, святители-затворники Ѳеофанъ и Іеремія, старцы-подвижники Макарій и Амвросій Оптинскіе, Варнава Гефсиманскій, Іеронимъ и Макарій Аѳонскіе, пастырь-молитвенникъ о. Іоаннъ Кронштадтскій... и много-много другихъ именъ, съ любовію произносимыхъ православнымъ народомъ русскимъ. И тепло было на душѣ сознавать, что они съ нами и мы съ ними, что во всякомъ горѣ можно прибѣгнуть къ нимъ, въ простотѣ сердца повѣдать имъ свои думы, заботы и недоумѣнія, въ увѣренности, что получишь у нихъ и отвѣтъ, и успокоеніе. А теперь гдѣ они—сіи свѣтлые носители Духа Хрістова, сіи свѣточи вѣры православной?—Къ Богу ушли. А мы осиротѣли. Можетъ быть, да конечно это такъ и есть: безъ праведниковъ свѣтъ не стоитъ—можетъ быть и теперь есть рабы Божіи, за грѣшный міръ молящіеся, но какъ-то мало слышно о нихъ, будто не открываетъ ихъ намъ Господь за недостоинство наше... И грустно, и сиротливо себя чувствуетъ православный русскій человѣкъ. И душа проситъ общенія съ тѣми, которыхъ уже не видно среди насъ; и идешь въ храмъ Божій, какъ въ домъ Отчій, чтобы согрѣть свою скорбящую, томящуюся духовнымъ одиночествомъ душу: вѣдь въ храмѣ Божіемъ небо всегда отверсто, вѣдь тамъ—врата небесныя, тамъ можно всегда войти въ благодатное общеніе съ тѣми, по комъ груститъ сердце.

И счастливъ ты еще, русскій православный человѣкъ, что тамъ, на небѣ, у тебя столько родныхъ тебѣ по плоти святыхъ Божіихъ, которые съ такою любовью смотрятъ на тебя съ высоты небесной, молятся за тебя, съ готовностью принимаютъ твою слабую молитву и несутъ ее къ Престолу Всевышняго! Только не оскудѣла бы твоя вѣра, а ихъ любовь неоскудѣваема! Счастливъ ты братъ мой возлюбленный, что можешь не только взирать на святые лики ихъ здѣсь, но въ разныхъ уголкахъ твоей родной Руси можешь съ любовію и дѣтской простотой припадать и къ

нетлѣннымъ останкамъ ихъ, и у подножія ихъ выплакивать горе твое, оплакивать духовное сиротство твое!

И царственный градъ св. Петра не лишенъ благодати сей: здѣсь почиваетъ святыми костями своими одинъ изъ величайшихъ печальниковъ за землю Русскую—благовѣрный великій князь Александръ Невскій. Подходишь къ его блистающей сребромъ гробницѣ и невольно повторяешь этотъ чудный тропарь: „Познай свою братію, Россійскій Іосифе, не въ Египтѣ, но на небеси царствующій, благовѣрный княже Александре, и пріими моленія ихъ!..“

Повторяешь устами и сердцемъ, а совѣсть тихо шепчетъ тебѣ: но можемъ ли мы, теперешніе русскіе люди, въ правѣ ли называть себя его братіями? *Познаетъ* ли онъ насъ? Что осталось въ насъ *сходнаго* съ нимъ и съ тѣми русскими людьми, которые жили въ его время и страдали съ нимъ за родную землю? Тамъ беззавѣтная любовь и сыновняя преданность родной Церкви православной, здѣсь—холодное равнодушіе къ ея судьбамъ, непростительное пренебреженіе къ ея завѣтамъ и уставамъ; тамъ готовность умереть за святую вѣру православную, здѣсь—полный просторъ для всѣхъ ересей и расколовъ до безбожія и богохульства включительно; тамъ умилительно-трогательная любовь къ родной матери землѣ, здѣсь—возмутительное презрѣніе къ завѣтнымъ святынямъ русскаго сердца—до измѣны отечеству... И скорбно—безмолвно никнешь грѣшною главою у священной раки, и слово молитвы смолкаетъ на грѣшныхъ устахъ...

То, что творится теперь на Руси, лишаетъ насъ дерзновенія вѣры. Какъ будто пришелъ къ намъ на святую когда-то Русь какой-то незримый врагъ всего святаго, врагъ Божій, и сначала обманомъ, лестью, а потомъ и насиліемъ вырываетъ изъ нашей русской души все наше родное, завѣтное міросозерцаніе, подмѣниваетъ тамъ всѣ прежнія понятія новыми, имъ противоположными, отравляетъ насъ, особенно же дѣтей нашихъ, какимъ-то страшнымъ ядомъ, а мы до того обезсилѣли, стали до такой степени духовно-дряблыми, что похожи на загипнотизированныхъ, захлороформированныхъ, съ которыми — дѣлай, что хочешь—они не станутъ противиться... А все же—„душа наша хрістіанка“: все же не можетъ она не протестовать, и сбывается на насъ слово Апостола Павла: „желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу“ (Рим. 7, 18).

Опытные миссіонеры говорятъ: надобно снисходительно относиться къ тѣмъ заблуждающимся, которые начинаютъ сознавать свое заблужденіе и не требовать отъ нихъ немедленнаго формальнаго обращенія въ Церкви: внутренній процессъ переубѣжденія, а главное—окончательное склоненіе сердца на сторону истины до рѣшимости измѣнить старой вѣрѣ, совершается медленно: сердце не скоро и не безъ боли разстается съ заблужденіями, которыя въ него вросли глубоко своими корнями. Вотъ почему одинъ приснопамятный наставникъ семинаріи говорилъ намъ, ученикамъ еще IV. класса: „каждый юноша переживаетъ годы, когда его мучатъ вопросы: что, какъ и почему? Счастливъ тотъ, у кого *въ сердцѣ* найдется прочное основаніе для рѣшенія этихъ вопросовъ, у кого заложены вѣчныя истины въ его *духовной природѣ*. Въ минуту колебаній онъ опрется на это основаніе и выдержитъ напоръ сомнѣній“. Знаютъ этотъ законъ нашего духа и враги

наши, и всѣми мѣрами стараются его использовать. Теперь всѣ ихъ усилія и направлены къ отравленію юношества; они знаютъ, что если мы еще тоскуемъ душою по старымъ завѣтамъ родной Руси, то именно потому, что въ насъ дѣйствуетъ этотъ законъ, имѣющій себѣ опору въ томъ, что душа наша по природѣ хрістіанка: значитъ, надобно съ дѣтства вытравить изъ души этотъ законъ, захватить въ свои руки воспитаніе юношества, наполнить всю атмосферу русской жизни ядомъ невѣрія, безбожія, анархизма, внести путаницу понятій въ область нравственную, а чтобы этотъ ядъ скорѣе принять къ сердцу—источнику духовной жизни, надо всячески развращать нравственно и физически молодежь... Расчетъ вѣрный, ибо отъ юности прилежитъ человѣку помышленіе на злая по вся дни—сердце наше грѣхолюбиво и падко на всякую грѣховную приманку. А тутъ еще ему доказываютъ, что и грѣха то вовсе нѣтъ ни въ чемъ: все-де естественно! И вотъ, окружаетъ насъ непроглядный туманъ: мы задыхаемся отъ проповѣди всяческихъ лжесвободъ и переоцѣнокъ чрезъ якобы „свободную“ печать, которая почти сплошь состоитъ въ услуженіи у нашихъ враговъ; мы пережили сердцемъ когда-то лучшіе дни, дни, когда такъ было тепло на душѣ, будто ясное весеннее солнышко согрѣвало насъ, будто небо было надъ нами открыто и Отецъ Небесный взиралъ на насъ, какъ на дѣтей Своихъ... А теперь?.. Какая-то темная сила насъ плѣнила и хозяйничаетъ на Руси! А мы, во имя какихъ-то принциповъ, въ коихъ сами себѣ отчета не можемъ дать, не дерзаемъ противиться ей... Удивительное дѣло: на нашихъ глазахъ расхищаются духовныя сокровища народной души, оскорбляются народныя святыни нашего русскаго сердца: это измученное сердце готово крикнуть: „руки прочь, лицемѣры, невѣры, измѣнники!“ Но что-то какъ темное привидѣніе стоитъ предъ нами и властно повелѣваетъ намъ: „молчать! это нелиберально! нынѣ вѣкъ свободы слова, свободы печати, свободы совѣсти!“... Совѣсти, которой именно и нѣтъ свободы отъ безсовѣстности! И мы смиряемся, и молчимъ... А если бы и вздумали поднять голосъ противъ этого привидѣнія—безполезно; насъ остановятъ во имя тѣхъ же свободъ. И вотъ, наши цензурныя учрежденія снимаютъ даже наложенный уже арестъ съ самыхъ возмутительныхъ книгъ въ родѣ Толстовскаго „Ученія Христа для дѣтей“, а сколько духовнаго яда распространяется теперь по лицу родной земли, сколько кощунства, богохульства—силъ нѣтъ говорить! „Еще на дняхъ „Земщина“ сдѣлала выписки изъ одного *казеннаго* изданія столь кощунственныя, что я не рѣшусь ихъ здѣсь повторять. Скажите ли ради Бога: какой смыслъ въ такой терпимости? За что мучаютъ наше сердце разрѣшеніемъ на все это? Кому намъ жаловаться? Гдѣ искать защиты отъ этого—простите—прямо сквернословія? Изволь, русскій православный человѣкъ, терпѣть всю эту мерзость во имя „свободы“! Ты не хочешь видѣть этого кощунства? Іудеи и ихъ приспѣшники принесутъ тебѣ на домъ и картинку, и газету, и брошюру, начиненныя этимъ ядомъ, подъ твоими окнами мальчишки прокричатъ объ этой мерзости, всунутъ ее тебѣ въ руки... Милліоны листковъ разсылаются по селамъ и деревнямъ нашей простодушной Россіи — кѣмъ, на какія средства—никто изъ насъ не знаетъ, да и знать какъ будто не хочетъ, а

благодушные представители власти во имя той же свободы не смѣютъ положить предѣлъ этому развращенію народа. Въ школахъ народъ развращается учителями — безбожниками, въ войскахъ—агитаторами, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—безсовѣстными профессорами, въ судахъ адвокатами—да скажите: гдѣ еще нѣтъ пропаганды политическаго, религіознаго и нравственнаго развращенія? И мы все это видимъ, видимъ и терпимъ—во имя „свободы"... Господи, да что же это за сумасшествіе такое? На что же и власти? Куда мы идемъ?!...

И тоскливо сжимается русское бѣдное сердце, а тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ этого сердца, въ святилищѣ совѣсти, въ нашемъ внутреннемъ человѣкѣ,—прислушайтесь — кто-то тихо, ласково, но настойчиво говоритъ: „не вини другихъ—на себя оглянись": Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь если бы всѣ русскіе люди дали себѣ слово—не братъ въ руки ни одной газеты, издаваемой врагами Церкви и родного народа, то и печатать то, на что мы жалуемся, перестали бы. Если бы ни одинъ русскій человѣкъ не ходилъ на тѣ зрѣлища, гдѣ проявляется кощунство и поруганіе всего святаго для насъ, то и зрѣлища закрылись бы. Если бы русскіе люди не пускали дѣтей въ тѣ школы, высшія и низшія, гдѣ ихъ развращаютъ, то и учащіе свою безбожную и бунтарную проповѣдь прекратили бы. Если бы православные, любя свою вѣру, твердо знали ученіе своей Церкви и могли отражать всякую хулу на это ученіе, то ни одинъ еретикъ, ни одинъ раскольникъ не посмѣлъ бы являться къ намъ съ своею проповѣдью. Истина—одна, и мы ею обладаемъ, она въ ученіи нашей родной Церкви: *мы* виноваты, что не знаемъ этого ученія, не заботимся вкоренять его въ сердца — не въ умы только, но и *въ сердца* нашихъ дѣтей, отчего и происходитъ, что всякіе лжеучители смущаютъ ихъ и отъ Церкви отторгаютъ. Не знаешь своей вѣры, не можешь защитить ее: тогда по крайней мѣрѣ смирись, сознайся въ своемъ невѣжествѣ и не вступай въ споры съ врагомъ твоей вѣры. А у насъ—отъ проповѣди своего батюшки изъ церкви бѣгутъ, а появится лжеучитель—всѣ стремятся послушать его; а онъ и радъ смущать слушателей своими хулами на Церковь Божію и ея служителей! Вотъ теперь на улицахъ Невской столицы на всѣхъ углахъ продаютъ открытки съ кощунственнымъ изображеніемъ Христа Спасителя, обнимающаго еретика и богохульника Толстаго. Смыслъ понятенъ: Церковь отлучила еретика, а вотъ-де Самъ Христосъ его принимаетъ... Не насмѣшка ли это надъ нашею матерію—Церковію? А мы, ея дѣти, раскупаемъ эту открытку на расхватъ. Чтожъ? Жидамъ—издателямъ хорошая нажива, да и соблазнъ великій: врагамъ Церкви вдвойнѣ выгодно. А мы только сѣтуемъ: почему власть не запретитъ? Да кто же намъ-то запрещаетъ гнать отъ своихъ домовъ такихъ продавцовъ, отплевываться отъ нихъ, не брать въ руки богохульной открытки?! Власть—властью, но во имя той же препрославленной свободы мы и сами должны и можемъ ограждать себя отъ соблазна. Власть отвѣчаетъ предъ Богомъ за допускаемый соблазнъ, но и мы не безотвѣтны за наше равнодушіе, за наше „непротивленіе злу". Нынѣ въ модѣ всякіе бойкоты и забастовки: кто намъ запрещаетъ тоже „забастовать" противъ покупки развращающихъ изданій, „бойкотировать" всѣхъ этихъ лжеучителей, всѣ эти развращающія

зрѣлища, школы, и т. под.? Вотъ—добрая задача для всѣхъ союзовъ, братствъ, обществъ, поставившихъ себѣ цѣлію охраненіе святынь нашего сердца! Этою мирною борьбою со зломъ, насъ отравляющихъ, мы скорѣе оздоровили бы нашу родину, чѣмъ жалобами по начальству, хотя и это не воспрещается.

Но мнѣ хотѣлось бы просить моихъ читателей еще поглубже заглянуть въ свое—конечно—грѣшное сердце. Не кроется ли тамъ, гдѣ-то на днѣ души, какая то необъяснимая боязнь выступить на борьбу со зломъ самому, начать съ себя самого? Вотъ пусть бы власть запретила: тогда мнѣ легче было бы съ собою справиться... Запретите спектакли наканунѣ праздниковъ и мы рады будемъ, мы де на нихъ не пойдемъ. А то—всѣ идутъ, всѣ во время всенощныхъ устраиваютъ балы и маскарады: какъ-то не ловко намъ выставлять себя святошами, и негодуемъ, а идемъ... Вотъ запретили бы... Такъ и во всемъ. На улицахъ выкрикиваютъ тенденціозное названіе новаго издѣлія масонской кухни, предназначенное для нашего отравленія: всѣ покупаютъ, любопытство подстрекаетъ и насъ... Новое сочиненіе графа Толстаго—и всѣ накидываются на новую отраву. А почувствовавъ въ себѣ дѣйствіе яда, одни, въ комъ еще не замерла совсѣмъ „душа-хрістіанка“, негодуютъ на власть: зачѣмъ позволяютъ продавать такую дрянь,—другіе, уже достаточно пропитанные ядомъ, смакуютъ новую его порцію, и только потомъ, пресыщенные имъ, ощущаютъ такую пустоту, такую безотрадную тоску, какая обычно свойственна всѣмъ ядамъ духовнымъ. Вотъ это-то рабство грѣху и дѣлаетъ насъ бездерзновенными предъ Богомъ и святыми Его. Мы боимся заглянуть поглубже въ свою совѣсть, а совѣсть все же будитъ насъ, все же не молчитъ: мы слышимъ ея стоны, ея жалобы, и, безотвѣтные предъ Богомъ плѣнники грѣха, мы не чувствуемъ въ себѣ дерзновенія молитвы. Мы обращаемся къ нашимъ небеснымъ собратіямъ: познайте насъ, своихъ братій, небесные граждане! А сами въ себѣ не видимъ ничего, по чему они познали бы насъ... Какъ будто мы стали имъ чужіе. Какъ будто перестали быть хрістіанами. И давитъ сердце чувство тоски, сиротства, одиночества...

Но—ужели нѣтъ никакого исхода изъ этого чувства? Уже всѣ нити, соединяющія насъ съ небомъ, роднящія насъ съ Церковію небесною, оборваны? Ужели двери покаянія затворились и Отецъ Небесный отвратилъ лицо Свое отъ насъ? Нѣтъ и паки реку: нѣтъ! *Живу Азъ, глаголетъ Господь: не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему.* Онъ ждетъ нашего покаянія. Только было бы оно искренно, чистосердечно, безъ лукавства и самооправданія, съ рѣшимостію начать новую жизнь и разстаться съ прежнею навсегда! Нынѣ время къ сему благопріятное: нынѣ постъ—весна душамъ, время покаянія. Пріидите—очистимся и возрадуются ангели Божіи, видя насъ возвращающихся въ объятія Отчи...

63.

Съ чего начать?

Святое дѣло—покаяніе, и время къ тому самое благопріятное—Великій постъ. Но съ чего начать?..

Вотъ мы до чего дожили: считаемъ себя хрістіанами всю жизнь, а быть на дѣлѣ хрістіанами еще и не начинали! Значитъ, проснулась совѣсть хрістіанская, рванулась душа-хрістіанка къ Богу и видитъ, что еще и шага не сдѣлано ею къ Тому, Кто давно ждетъ ее, зоветъ и влечетъ къ Себѣ—съ любовію выше-материнской, съ любовію безконечной... Прислушайтесь сердцемъ къ этому нѣжно-любящему голосу: пріидите ко Мнѣ вси труждающіяся, пріидите ко Мнѣ всѣ душою смущенные, сердцемъ тоскующіе, пріидите обремененные грѣхами, измученные суетой житейской; всѣхъ васъ Я успокою, всѣмъ продью въ сердце миръ и отраду, всѣмъ дамъ то счастье, котораго такъ давно, но такъ напрасно вы ищите. Полно вамъ мучить себя подобно капризнымъ дѣтямъ, которые упорно отказываются исполнить волю родителей, хотя всѣмъ сердцемъ чувствуютъ, что именно въ этой волѣ — ихъ счастье, ихъ радость: только вотъ смириться не хочется, сознаться въ своемъ упорствѣ, въ своемъ своеволіи... Но вѣдайте, если не будете, какъ дѣти, если не смиритесь, не сломите свою самость, то не будете способны и войти въ царствіе Божіе.

Итакъ, первое, что нужно, чтобы стать хрістіаниномъ, это—подобно блудному сыну притчи Хрістовой—„войти въ себя“, сознать свое грѣховное погибельное для души состояніе, свою нищету, наготу духовную, безпощадно отолкнуть отъ себя всякое самооправданіе, всякое саможалѣніе и, въ такомъ состояніи духовной скудности и худости, повергнуть себя къ стопамъ Господа и Спасителя въ таинствѣ покаянія. Вспомните Петра, начавшаго утопать въ волнахъ бушующаго Галилейскаго моря, вспомните его отчаянный крикъ съ простертыми ко Господу руками: „Господи спаси меня, погибаю!“ Вотъ образъ грѣшника, познавшаго свое погибельное состояніе. Но не отчаяніе должно звучать въ его воплѣ у подножія креста Господня, а крѣпкая вѣра, что Господь затѣмъ и пришелъ, чтобы грѣшниковъ спасти, отъ нихъ же первый есть каждый изъ насъ. Одной капли крови Господней было бы достаточно, чтобы искупить грѣхи всего міра, а ея пролились цѣлые потоки: ея ли не достанетъ для омовенія твоихъ грѣховъ? Грѣхи всего міра—горсть песку, брошенная въ безконечное море Божія милосердія: твои ли грѣхи могутъ побѣдить это милосердіе?... Лишь бы не было съ твоей стороны того самооправданія, того извиненія себя, какое такъ свойственно всякому грѣшнику. Вѣдай: чѣмъ безпощаднѣе будешь себя обвинять предъ лицемъ Божіимъ, тѣмъ скорѣе выйдешь съ сего суда оправданнымъ. Нѣтъ ничего противнѣе Богу, какъ самооправданіе грѣшника. Не щади себя, чтобы пощадилъ тебя Богъ. Выбрасывай со дна души твоей всякую нечистоту, всякое лукавство, все то, что тревожило и тревожитъ совѣсть твою, въ чемъ тебѣ такъ хотѣлось бы оправдаться предъ собою, чтобъ успокоить совѣсть: не бойся, не смущайся. Богъ и безъ твоей исповѣди видитъ всѣ тайны грѣшной души твоей, но Онъ хочетъ, чтобъ ты самъ, своимъ добрымъ произволеніемъ раскрылъ предъ Нимъ гноящіяся раны твои, и вотъ именно—въ присутствіи духовника, который нуженъ тебѣ какъ свидѣтель твоего покаянія, какъ посланецъ Господа, Который сказалъ ему: все, что ты разрѣшишь, будетъ и Мною разрѣшено, что свяжешь—будетъ и Мною связано... Да, твое произволеніе, твоя исповѣдь нужны

для тебя самого. Это—потребность искренно кающейся души. Душа сама просить исповѣди. Таковъ законъ ея природы. Душа требуетъ, чтобы ядъ грѣховный, который терзаетъ ее въ совѣсти, былъ совершенно изъ нея извергнутъ покаяніемъ. Грѣхъ—это ядовитая змѣя, которая не перестанетъ мучить грѣшную душу, пока ее не убьешь, не выкинешь изъ души съ отвращеніемъ и ненавистію къ этой гадинѣ, пока не пожалуешься Богу и на себя самого, допустившаго эту змѣю поселиться въ сердцѣ, и на грѣхъ, воспріявшій надъ твоимъ сердцемъ нѣкую насилующую его власть, по твоему нерадѣнію, по реченному: *творяй грѣхъ рабъ есть грѣха*. Повторяю: не нужно Всевѣдущему твоихъ оправданій: Онъ лучше тебя знаетъ, какъ оправдать тебя! Ему, лучше сказать—тебѣ самому нужно, чтобъ ты вольною волею оторвалъ отъ своего сердца, съ ненавистью отбросилъ отъ себя то, что томитъ твою душу, мучитъ твое сердце. Сдѣлай же это—съ дѣтской простотой, какъ дитя, когда его обижаютъ: бѣжитъ къ матери, бросается въ ея объятія и изливаетъ ей всю свою душу, все скорбное сердце. Вотъ съ такою же беззавѣтной любовью, съ такою же дѣтской преданностью спѣши и ты къ своему Господу и Спасителю, раскрывай предъ Нимъ всѣ язвы души твоей, плачь у ногъ Его вмѣстѣ съ евангельской блудницей, кайся съ мытаремъ, жалуйся на себя съ блуднымъ сыномъ... *Отче, согрѣшихъ на небо и предъ Тобою! Нѣсмь достоинъ нарещися сынъ Твой! Милостивъ буди мнѣ грѣшнику!*.. И вотъ, когда ты выбросишь изъ своего сердца все то, что отравляло его, что терзало твою совѣсть, когда іерей Божій накроетъ главу твою епитрахилью—символомъ Божіей милости, и изречетъ тебѣ слово всепрощенія отъ лица Господа, когда услышишь ты сіи превожделѣнныя слова священнодѣйствія: „и азъ недостойный іерей, властію Его, мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа“—вотъ тогда—какъ бремя тяжкое скатится съ души твоей, и вольется въ сердце твое такая радость, какую испытываютъ только истинно кающіеся грѣшники. Таинство совершилось: душа очищена отъ грѣховъ, освобождена отъ плѣна, врагъ бѣжалъ, душа, какъ младенецъ готова всецѣло отдать себя Тому, Кто не отвергъ ея покаянія, Кто разорвалъ узы, ее томившія, Кто примирилъ ее съ Собою, всѣ долги простилъ, все отпустилъ ей! Дорожи этими святыми минутами, братъ возлюбленный! Напоминай себѣ: чѣмъ особенно увлекалъ тебя грѣхъ, плѣнялъ, уводилъ отъ твоего Господа, жалуйся Господу на него, проси Спасителя твоего укрѣпить тебя въ борьбѣ съ грѣхомъ; когда снова онъ будетъ приставать къ тебѣ, закрѣпляй въ себѣ рѣшимость крѣпко стоять противъ его искушеній.

Вслѣдъ за таинствомъ покаянія обычно ты приступаешь къ святѣйшему изъ таинствъ—къ Животворящимъ Тайнамъ Господнимъ. Ты причащаешься пречистаго Тѣла и Крови твоего Господа и Спасителя. Кто можетъ изобразить все величіе сего Таинства? Есть ли на языкѣ человѣческомъ слова, чтобы достойно изъяснить всю неизреченную любовь Божію, изліянную къ намъ грѣшнымъ въ этомъ святѣйшемъ таинствѣ? Подумать только, что совершается: мы пріискреннѣ соединяемся съ Господомъ, въ насъ течетъ тогда Его Божественная Кровь, мы—становимся плоть отъ

Плоти Его, едино тѣло съ Нимъ: Онъ—наша глава,—мы Его члены. Онъ съ нами и въ насъ, мы съ Нимъ и въ Немъ. Кто—Онъ и кто—мы?... О, несказанная Любовь Божія! Мать питаетъ дитя свое только млекомъ, а Онъ—насъ пречистымъ Тѣломъ Своимъ и пресвятою Кровію Своею. Онъ говоритъ каждому изъ насъ: если и жена забудетъ дитя свое, но Я не забуду тебя! *Се Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка*! Но и по скончаніи вѣка, въ блаженной вѣчности Онъ пребудетъ съ любящими Его во вѣки вѣковъ. А если Онъ съ нами—кто противъ насъ? И чего не въ силахъ мы сдѣлать, мы немощные, силою Его? *Вся могу о укрѣпляющемъ имя Іисусъ Христъ*, взываетъ великій Апостолъ Христовъ. Все можемъ и мы, если пребудемъ съ Нимъ. Вѣдь и вся цѣль нашего земного странствованія въ томъ, чтобы, содѣлавъ себя живыми членами тѣла Христова—Его Церкви, соединиться со Христомъ и жить съ Нимъ единою жизнію въ блаженной вѣчности.

Мы, священнослужители, приступающіе къ трапезѣ Господней каждый разъ, какъ служимъ литургію, удивляемся: какъ это міряне цѣлый годъ живутъ безъ причащенія Божественнаго Тѣла и Крови Христовыхъ? Мы, грѣшные иноки, только и живемъ исповѣдію да симъ спасительнымъ таинствомъ. Говорю о жизни духовной: изнеможетъ душа, очерствѣетъ сердце, осуетится умъ—что дѣлать тогда? Пойдешь къ духовному отцу, откроешь предъ нимъ всю душу, очистишь совѣсть таинствомъ покаянія, потомъ причастишься святѣйшихъ Таинъ Христовыхъ и вотъ—опять станетъ легко, отрадно и свѣтло на душѣ, опять ободришься, духомъ обновишься и легко гонишь прочь грѣховные помыслы. Да и одни ли иноки сіе испытываютъ? Не всѣ ли внимающіе дѣлу своего спасенія, ощущаютъ то же самое?—„Святому причащенію обязана я, грѣшная, своимъ духовнымъ возрожденіемъ“, пишетъ мнѣ одна добрая христіанка, „почему и сподобляюсь Св. Таинъ часто, почти каждый мѣсяцъ. Не могу жить безъ этой пищи нетлѣнной, животворящей, спасающей“. Поистинѣ это—Хлѣбъ небесный, это—Чаша жизни! Вкушая отъ нихъ, наша душа живетъ жизнію безсмертною. Поистинѣ это—величайшее чудо благодати, совершаемое непрестанно въ Христовой Церкви ея Божественною главою—Господомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Загляните въ писанія богомудрыхъ отцовъ и учителей Церкви: тамъ вы найдете множество свидѣтельствъ тому, что я говорю. „Когда мы недостойные, говоритъ преподобный Исихій, сподобляемся со страхомъ и трепетомъ причаститься Божественныхъ и пречистыхъ Таинъ Бога, тогда сей Божественный Огнь, входя въ насъ, тотчасъ прогоняетъ изъ сердца лукавыхъ духовъ злобы и прощаетъ намъ прежде бывшіе грѣхи, а умъ нашъ тогда освобождается отъ безпокойной докучливости лукавыхъ помысловъ“. „Ничто такъ не помогаетъ усмиренію страстей и отгнанію бѣсовъ, пишутъ преподобные Каллистъ и Игнатій, какъ возможно частое, отъ чистаго сердца и усердія пріобщеніе святыхъ и животворящихъ Таинъ Христовыхъ“. „Врагъ души не осмѣливается нанести никакого вреда тому, въ комъ видитъ пребывающаго Христа“, говоритъ наше „Православное Исповѣданіе Церкви Восточной“. Сами бѣсы неволею свидѣтельствуютъ, какъ страшны для нихъ Божественныя Тайны Христовы. Такъ, они принуждены были сказать препо-

добному Іоанну Бострскому: „если бы вы, хрістіане, хорошо умѣли хранить то, чего причащаетесь, то никто не посмѣлъ бы подойти къ вамъ". Вникните съ благоговѣйнымъ вниманіемъ въ глубокій смыслъ тѣхъ молитвъ, которыя положено читать предъ причащеніемъ святыхъ Таинъ. Вотъ св. Іоаннъ Златоустъ умоляетъ Господа и говоритъ: „Господи Боже мой!... да будетъ ми угль пресвятаго Тѣла Твоего и честныя Крове Твоея во освященіе и просвѣщеніе... въ соблюденіе отъ всякаго діавольскаго дѣйства, во умерщвленіе страстей"... „Сподоби мя неосужденно причаститися пречистыхъ Таинъ Твоихъ въ потребленіе и совершенное погубленіе лукавыхъ моихъ помысловъ и помышленій, и предпріятій и нощныхъ мечтаній темныхъ и лукавыхъ духовъ"... Вотъ и святитель Василій Великій молится: „умилосердися, Господи, и да будутъ ми святая сія (св. Тайны) во отгнаніе всякаго мечтанія и лукаваго дѣянія и дѣйства діавольскаго, мысленно въ удесѣхъ моихъ дѣйствуемаго"...

Такова благодатная сила святѣйшаго Таинства причащенія Тѣла и Крови Господа нашего. Истинно слово Его: *ядый Мою Плоть и піяй Мою Кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ. Ядый Мою Плоть и піяй Мою Кровь имать животъ вѣчный. Аминь, аминь глаголю вамъ: аще не снѣсте Плоти Сына Человѣческаго, ни піете Крове Его, живота не имате въ себѣ* (Іоанн. 6, 56. 54. 53). И сего-то святѣйшаго Хлѣба жизни люди лишаютъ себя по цѣлому году,—я не говорю уже о тѣхъ, которые не говѣютъ по нѣскольку лѣтъ: какіе же это хрістіане?! И еще жалуется иной: никакъ не слажу съ собою, не могу одолѣть грѣховныхъ влеченій! Да развѣ человѣкъ сможетъ сдѣлать это безъ всесильной помощи Господа Спасителя? Развѣ можетъ хрістіанинъ жить въ удаленіи отъ Христа? Развѣ можетъ приносить плодъ вѣтка, отсѣченная отъ дерева? Вѣдь если мы и дѣлаемъ какое добро, какъ хрістіане, то не мы дѣлаемъ его, а Христосъ въ насъ и чрезъ насъ Свои же заповѣди исполняетъ. Такъ какъ же мы хотимъ исполнить ихъ—безъ Него?

Вотъ, други мои, причина, почему мы такъ ослабѣли, такъ духовно изнемогли, что не въ силахъ бороться противъ волнъ бушующаго моря житейскаго. Мы—одиноки, мы забыли Того, Кто единъ можетъ держать насъ за руку и присно говорить сердцу нашему: маловѣре, почто усумнился еси? Кто можетъ рещи и волненію морскому: молчи, престани! Чьего Имени трепещутъ демоны, Кому послушна вся тварь! Мы постоянно двоимся, хотимъ служить и Богу, и міру, а Богъ не терпитъ такой двойственности: не можете работати Богу и мамонѣ, говоритъ Господь нашъ! Не можете дѣлить свое сердце пополамъ! Хочешь быть хрістіаниномъ—имѣй же наконецъ мужество быть таковымъ на дѣлѣ, а не на словахъ только! Вотъ ты поговѣлъ, очистилъ свою совѣсть исповѣдію, соединился съ Господомъ, пріялъ Его въ свое сердце, въ свою душу: не разлучайся же съ Нимъ, не измѣняй Ему! Какъ иногда немного нужно мужества, чтобъ остаться вѣрнымъ Ему! Въ самомъ дѣлѣ: много ли нужно мужества, напримѣръ, чтобы отказаться отъ бала или театра подъ воскресный или праздничный день и пойти вмѣсто того ко всенощной службѣ Божіей? Ужели много нужно усилій, чтобы въ праздникъ не проспать—по крайне мѣрѣ обѣдни?

Ужели у нашихъ женщинъ и дѣвушекъ-хрістіанокъ, если онѣ хрі-

сіанки не-по имени только, не достанетъ твердой рѣшимости и силы воли, чтобъ отказаться, осудить, отбросить съ негодованіемъ хотя бы эти несносные смѣшные головные уборы, которые теперь такъ ихъ безобразятъ, превращая въ какихъ-то черкесовъ въ папахахъ или заставляя ихъ носить на головѣ цѣлыя гнѣзда мертвыхъ птицъ? И не возмутительно ли, что эту мертвечину, эту, говоря простымъ языкомъ, падаль онѣ дерзаютъ вносить въ храмъ Божій, откуда по канонамъ церковнымъ слѣдовало бы ихъ гнать, яко оскверняющихъ Божій храмъ, а храмъ освящать, яко осквернённый падалью? А эти шпильки въ нѣсколько вершковъ—что это, какъ не оскорбленіе храма Божія? Не подобаетъ ли изгонять вонъ изъ храма такихъ модницъ, напоминая имъ словеса Божіи, сказанныя пророкомъ Исаіей: „когда вы приходите являться предъ лице Мое, кто требуетъ отъ васъ, чтобы вы топтали дворы Мои?“ (Ис. I, 12). Господи, до какой суетности доходятъ тѣ, которые дерзаютъ носить имя Твое на себѣ! Стыдно предъ раскольниками, предъ сектантами, у которыхъ женщины скромно покрываютъ свои головы платочками, когда являются въ молитвенное собраніе... Говорить ли дальше?

Много ли нужно мужества, чтобъ отказаться отъ лишняго наряда и вмѣсто того прикрыть наготу сиротки одинокаго или помочь вдовѣ многосемейной? Скажу даже: въ наше скорбное, можно сказать-траурное время, когда со всѣхъ сторонъ собираются надъ нами тучи гнѣва Божія, это сдѣлать легче, чѣмъ въ другое, мирное время. Есть причины, которыя не только могутъ оправдать ревнующихъ о благочестіи, но и пристыдить, увлечь, примѣромъ — нерадящихъ о своемъ спасеніи. Вѣдь надо же хотя перстомъ двигнуть, чтобы показать, что мы еще хрістіане! Ужели мы до того оміршились, до того стали рабами суеты и моды, что и этого не въ силахъ сдѣлать? Ужели стыдъ, ложный стыдъ — быть не такими, какъ сыны вѣка сего, стыдъ прослыть въ средѣ невѣровъ „святошами“ сильнѣе любви ко Христу, къ Его св. Церкви, сильнѣе голоса Ангела-Хранителя, голоса совѣсти, долга хрістіанскаго? Тогда какіе же мы хрістіане? Какъ мы смѣемъ называть себя симъ священнымъ именемъ?...

Въ моей совѣсти звучатъ слова Господа, изреченныя за 2300 лѣтъ до нашего времени чрезъ одного изъ великихъ пророковъ: „о тебѣ, сынъ человѣческій, сыны народа твоего разговариваютъ у стѣнъ и въ дверяхъ домовъ, и говорятъ одинъ другому, братъ брату: „пойдите, послушайте, какое слово вышло отъ Господа“. И они приходятъ къ тебѣ, какъ на народное сходбище, и слушаютъ слова твои, но не исполняютъ ихъ, ибо они въ устахъ своихъ дѣлаютъ изъ этого забаву, и вотъ ты для нихъ какъ забавный пѣвецъ съ пріятнымъ голосомъ и хорошо играющій: они слушаютъ слова твои, но не исполняютъ ихъ“ (Іезек. 33, 30—32).— Не то же ли происходитъ и съ нашею проповѣдью, съ нашими пастырскими бесѣдами, поученіями? Къ намъ, проповѣдникамъ, приходятъ послушать, какъ ходятъ на концертъ, въ театръ; бываетъ, что и умиляются нашимъ словомъ, но какъ только вышли отъ насъ, такъ и забыли то, что слышали... Душа болитъ, когда сознаешь эту безплодность проповѣди, это удивительно равнодушное отношеніе нынѣшнихъ хрістіанъ къ дѣлу своего спасенія!

Но не быть же намъ и отступниками отъ Христа. Въ насъ еще не совсѣмъ погасла совѣсть. Надо возжигать этотъ свѣточъ божественный. Пусть онъ горитъ и свѣтитъ намъ все ярче, все животворнѣй! Вотъ, онъ ярко освѣтилъ наше сердце, все наше духовное существо, во дни говѣнія. Не давайте же ему гаснуть. Поддерживайте этотъ священный огонекъ. Чѣмъ, какъ?—Прежде всего—ежедневною молитвою. Увы, я знаю, что многіе, считающіе себя образованными, именующіе себя православными христіанами, не только не читаютъ, но и не знаютъ всѣхъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ! Дай Богъ, чтобъ изъ тѣхъ, кто будетъ читать эти строки, не было ни одного такого! Такимъ именуемымъ православнымъ, все некогда, все недосужно — имъ, видите ли, минута дорога: когда тутъ молиться—дѣла ждутъ! Вотъ если цѣлые часы терять на празднословіе, пересуды, чтеніе печатныхъ простынь — это нужно, на это тратится половина жизни... А съ Господомъ побесѣдовать, съ святыми Божіими—времени нѣтъ, досуга нѣтъ! А хотимъ, чтобы Господь насъ миловалъ, благословлялъ труды наши, сами же не хотимъ понудить,—какъ скорбно мнѣ произносить это слово: *понудить* себя вмѣсто того, чтобы сказать—*имѣть счастіе*—съ Отцомъ Небеснымъ побесѣдовать, Его благословенія себѣ на грядущій день, Его покрова на наступающую ночь испросить!.. Положимъ же за твердое, неотмѣнное правило: читать утромъ и вечеромъ хотя по три молитвы: вѣдь на это только нѣсколько минутъ нужно будетъ удѣлить. Садясь за обѣдъ и ужинъ, принимаясь за дѣло, хотя крестнымъ знаменіемъ себя ограждать, хотя мысленно къ Богу обращаться. Видите, для начала христіанской жизни надо же поставить себя въ присутствіе Божіе, а это и совершается чрезъ молитвенное обращеніе къ Богу. Надо заставить себя дѣлать это, пріучить себѣ, сдѣлать это насущною потребностью сердца. Ужели и на это воли не достанетъ? Ужели и тутъ ложный стыдъ насъ удержитъ? Какъ же послѣ этого требовать, какъ желать и ожидать, чтобъ совѣсть наша не погасла?

Другимъ средствомъ къ поддержанію въ себѣ духовной жизни служитъ ежедневное чтеніе или слушаніе слова Божія. У всѣхъ ли православныхъ есть въ домѣ Священное Писаніе? Мнѣ какъ-то стыдно и больно ставить даже этотъ вопросъ: вѣдь у протестантовъ и другихъ инославныхъ христіанъ Библія—настольная книга. Ее читаютъ тамъ каждый день. А у насъ—увы—во многихъ домахъ не только Библіи, но и Евангелія и Новаго Завѣта не найдешь! Горькую правду говорю! Между тѣмъ въ словѣ Божіемъ—великая благодатная, животворящая сила обитаетъ! Вѣдь словомъ Божіимъ міръ сотворенъ, словомъ Господа мертвые вставали изъ гробовъ; вѣдь это всемогущее слово заключено въ книгахъ священныхъ, оно—предъ нами, стоитъ только взять священную книгу въ руки, съ благоговѣніемъ и молитвою, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, раскрыть ее и Духъ Божій, вѣщавшій чрезъ пророковъ и апостоловъ, заговоритъ съ тобою, и душа почувствуетъ Его вѣяніе, и въ сердце западетъ благодатное сѣмя. Кто знаетъ? Быть можетъ та святая мысль, которая упадетъ добрымъ сѣменемъ въ твое сердце, охранитъ тебя въ наступившій новый день твоей жизни не только отъ грѣха, но и отъ великой опасности, тебѣ угрожающей, но тобою

непредвидимой. Быть можетъ это слово благодатное принесетъ и плодъ по роду своему и послужитъ началомъ добраго дѣла, добраго настроенія, началомъ новой благодатной жизни. Не напрасно св. Отцы совѣтуютъ каждый день полагать начало благое. Не напрасно объ этомъ учитъ молиться и св. Церковь въ вечернихъ молитвахъ. Почитайте житія святыхъ и вы увидите, какія чудеса въ нравственной жизни совершались словомъ Божіимъ, его чтеніемъ или слушаніемъ. Господи! А намъ грѣшнымъ все некогда и съ тобою-то, нашимъ Творцомъ и Спасителемъ, побесѣдовать! Вотъ газеты, издаваемые врагами Твоей Церкви, другое дѣло: мы хватаемся за нихъ еще въ постели... А для того, чтобы внять сердцемъ глаголу Твоему, у насъ и минутки въ день не найдется... Изнываетъ душа-хрістіанка отъ тоски по Господѣ, это мы—если не сознаемъ, то ощущаемъ—въ той пустотѣ духовной, въ холодности ко всему, что чувствуется сердцемъ,—а мы не хотимъ удѣлить минутъ пять-шесть утра, чтобъ освятить свой умъ, согрѣть свое сердце, укрѣпить свою волю—чтеніемъ слова Божія! Ну какіе же мы хрістіане?

Но и молитва, и чтеніе слова Божія недостаточны для духовной жизни: нужно эту жизнь поддерживать непремѣнно исполненіемъ заповѣдей Божіихъ. Эта жизнь, какъ я сказалъ, подобна огоньку. Благодать зажигаетъ этотъ огонекъ въ сердцѣ, а мы должны подливать маслица въ сію священную лампаду. Каждое доброе дѣло, сдѣланное нами во исполненіе заповѣди Господа нашего, и есть это маслице въ лампадѣ нашей совѣсти, нашей духовной жизни. Вѣдь не мы дѣлаемъ добро, какъ я сказалъ уже, а Самъ Хрістосъ чрезъ насъ. Сдѣлалъ ты добро—Хрістосъ его сдѣлалъ. Хрістосъ прикоснулся къ тебѣ, содѣлалъ тебя, такъ сказать, орудіемъ Своей жизнедѣятельности на землѣ. Вѣдь ты—членъ тѣла Его—Церкви. Вотъ, теперь ты сталъ живымъ членомъ сего тѣла. Въ тебѣ проявилась жизнь Хрістова. И въ твоемъ сердцѣ ты не можешь не ощущать этого. О, если бы мы больше дѣлали добра во имя и отъ имени Хрістова! Какое счастье ощущали бы мы въ совѣсти нашей, какой небесный миръ обиталъ бы въ сердцѣ нашемъ! Мы сами себя лишаемъ сего мира, сей радости о Господѣ, радости добродѣланія. А вѣдь это счастье всегда къ намъ такъ близко! Хотя бы ради этой радости, коей мы въ сущности недостойны, коей и искать намъ не подобаетъ,—хотя бы ради этого духовнаго утѣшенія мы понуждали себя дѣлать добро! И ближе всего—дѣла милосердія хрістіанскаго, творимыя по заповѣди: да не увѣсть шуйца, что творитъ десница твоя. Вотъ первое дѣло милосердія: простить, забыть, изъ сердца выкинуть всякую обиду, какую нанесъ намъ ближній нашъ. Скажите: легко ли это? Да, не легко, если злое чувство вросло въ сердцѣ, если оно грызетъ совѣсть, какъ змѣя. Но ужели это угрызеніе совѣсти, эта мука адская пріятнѣе чувства любви и всепрощенія? Ужели лучше носить змѣю въ пазухѣ, чѣмъ выкинуть ее? Я укажу вамъ, по руководству св. отцевъ, учителей жизни духовной, вѣрное средство умиротворить и себя и врага своего: это—помолиться за него, сдѣлать для него какое-либо благодѣяніе. Помолиться не только дома, единолично, но призвать и Церковь на помощь: подавать за врага просфоры на божественной литургіи, вынимать частицы на проскомидіи...

А благодѣяніе оказывать врагу такъ, чтобъ и онъ не зналъ, откуда идетъ оно. Попытайте это могущественное благодатное средство и вы увидите воистину чудо: въ вашемъ сердцѣ растаетъ злое чувство ко врагу и затеплится чувство любви; вы какимъ-то чуднымъ образомъ увидите, что не онъ, а вы виновны въ своемъ съ нимъ столкновеніи, замѣтите, что и въ немъ происходитъ перемѣна: при встрѣчахъ съ вами онъ не уклонится отъ вашего привѣтствія, онъ подастъ вамъ руку, онъ заговоритъ съ вами... Велика сила Божьей благодати, дѣйствующей въ насъ и чрезъ насъ, аще мы восхощемъ того!—Но не врагамъ только благотворите, а и всѣмъ, кто нуждается въ вашемъ благотвореніи, всѣмъ, кого укажетъ вамъ ваша совѣсть, руководимая Ангеломъ Хранителемъ вашимъ. Понуждайте себя на дѣла милосердія: въ нихъ великая сила, содѣлывающая помимо воли нашей сердце наше *милующимъ*, а слѣдовательно чувствующимъ и въ себѣ милость Божію. И въ семъ есть тайна: твори добро и забывай, что творишь: твори добро и благодари Того, Кто въ тебѣ и чрезъ тебя творитъ его. Твори добро и прячь его отъ себя самого: *да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя!* О, если бы мы тратили на такое добродѣланіе хотя только то, что тратимъ на свои удовольствія! Пусть человѣкъ состоятельный откажетъ себѣ въ удовольствіи быть въ театрѣ и употребитъ эти деньги на помощь сиротамъ. Пустъ добрая христіанка откажется отъ лишнихъ нарядовъ и подумаетъ, что она могла бы отдать отъ своихъ избытковъ бѣднотѣ, которой вездѣ такъ много, или на украшеніе убогаго храма Божія. Пусть даже простой поселянинъ, фабричный рабочій, ремесленникъ поставятъ правиломъ хотя половину того, что они тратятъ на водку, отдавать Христу въ лицѣ бѣдныхъ собратій своихъ, и Христосъ, молитвами сихъ бѣдныхъ, поможетъ имъ совсѣмъ оставить спиртные напитки и благословитъ ихъ труды. Пусть даже дитя откажется отъ лакомствъ, отъ игрушекъ въ пользу дѣтокъ-сиротокъ. Вѣдь и дѣти должны жить христіанскою жизнію. Вѣдь въ дѣтствѣ-то и надобно закладывать въ нихъ прочные устои добродѣтельной жизни. Пусть дѣтское сердце—оно вѣдь такъ воспріимчиво—пусть оно познаетъ сладость самоограниченія во славу Божію, во имя любви христіанской. Вѣдь я не призываю къ великимъ подвигамъ, къ самопожертвованію, а предлагаю вамъ только млеко животворящаго Христова ученія, а не твердую пищу. Вкусите и видите, яко благъ Господь! Я призываю васъ къ *свободѣ*, къ истинной свободѣ отъ грѣха,—нынѣ же времена всяческихъ свободъ! Освободите себя во имя Христа, Освободителя душъ нашихъ, отъ этого рабства міру и его безсмысленнымъ обычаямъ, привычкамъ, приличіямъ! Дайте вздохнуть свободно душамъ вашимъ, измученнымъ въ этомъ плѣну житейской суеты! Познайте опытомъ сердца сладость этой свободы во Христѣ! Во дни покаянія вы стоите къ ней ближе, чѣмъ когда либо въ другое время. Постъ—весна душамъ. Пусть же благотворное и животворящее вѣяніе Духа Божія коснется сердецъ вашихъ. Пусть оно пробудитъ въ нихъ зачатки духовной жизни. Пусть эта жизнь пуститъ ростки и мы начнемъ — да, *начнемъ* быть христіанами, если доселѣ только *назывались* таковыми. Помнить надо: время сокращенно есть прочее и судъ Божій близко... Грѣхи че-

ловѣческіе умножились, какъ никогда, и вопіютъ на небо. Не медлите же обратитися ко Господу—вы, имѣющіе счастіе именовать себя чадами святой матери Церкви Православной!

65.

Вмѣсто дневника помѣщаю на великой седмицѣ свое слово на Великій Пятокъ надъ плащаницею, приготовленное мною для „Троицкаго Листка“. Молитвенно желаю моимъ читателямъ провести великіе дни въ мирѣ и духовномъ утѣшеніи, отстранить отъ себя подальше суету земную и подобно Маріи, присѣдѣвшей у ногъ Хрістовыхъ, сосредоточить свои мысли у гроба Жизнодавца.

Слезы у Хрістова гроба.

Увы мнѣ, сладчайшій Іисусе!...

Когда святая Церковь въ сей священный и великій день искупленія міра крестною смертію Единороднаго Сына Божія, насъ ради воплотившагося, приводитъ насъ ко гробу нашего Спасителя, когда мы здѣсь созерцаемъ святыхъ мужей Іосифа и Никодима, погребающихъ Его и горько рыдающихъ, то и изъ нашего сердца невольно исторгается скорбный вопль: увы намъ, сладчайшій Іисусе! Вѣдь все, что совершилось сегодня, все, что претерпѣлъ Ты и во дворцахъ Анны и Каіафы, и въ чертогахъ Пилата и Ирода, и на священной Голгоѳѣ, на крестѣ—все это—дѣло любви Твоей къ намъ грѣшнымъ: а мы чѣмъ мы платимъ Тебѣ за это?.. Отвѣчаемъ ли мы на любовь Твою—любовью, готовы ли мы—не говорю уже пролить свою кровь, отдать жизнь за Тебя—нѣтъ, а хотя бы только не оскорблять Тебя грѣхами своими, не распинать Тебя ими снова, хотя бы отречься отъ суетныхъ забавъ и утѣхъ земныхъ, чтобы исполнять Твои заповѣди—вѣдь въ этомъ только и можемъ мы проявить свою любовь къ Тебѣ по слову Твоему: аще любите Мя—заповѣди Моя соблюдите?.. Увы намъ, сладчайшій Іисусе! Праведные Іосифъ и Никодимъ рыдали надъ бездыханнымъ Тѣломъ Твоимъ, омывая его слезами пламенной любви, а намъ—о, дай намъ, Господи, пролить надъ гробомъ Твоимъ хотя одну слезу истиннаго покаянія—нераскаяннаго!...

Да, братіе мои—покаянія нераскаяннаго, неизмѣннаго, безъ возврата ко грѣхамъ. Только такое покаяніе Богу пріятно и намъ спасительно, только такія слезы уподобляются тѣмъ ароматамъ, какими помазывали тѣло Господа нашего Его вѣрные, хотя и тайные ученики. Есть добрыя, нѣжныя сердца, которыя и теперь плачутъ надъ гробомъ своего Спасителя; въ комъ есть искра вѣры, въ чьемъ сердцѣ еще не погасла совѣсть, тотъ не можетъ безъ слезъ сердечнаго умиленія созерцать наши трогательные священные обряды сихъ великихъ дней, не можетъ равнодушно слушать наши умилительныя, возвышенно-поэтическія священныя пѣснопѣнія, въ коихъ святая Церковь, устами святыхъ пѣснописцевъ, выразила всю свою любовь къ своему Жениху небесному, за нее пострадавшему и во гробъ сошедшему. Мы—чада Церкви, мы не можемъ не откликаться сердцами на то, чѣмъ живетъ сердце нашей матери.

Блаженъ, кто прольетъ и эти богоданныя слезы надъ святою плащаницею: это—даръ благодати Хрістовой, призывающей его ко спасенію.

Но это—не тѣ слезы, коихъ ждетъ отъ насъ почивающій во гробѣ Господь нашъ. Это—тѣ слезы, коими плакали добрыя жены, сопровождавшія Господа на Голгоѳу,—тѣ жены, которымъ Господь изрекъ: не плачитеся о Мнѣ,—о себѣ плачите и о чадахъ вашихъ. Это слезы состраданія къ Страждущему, слезы добраго, но еще не сознающаго своей вины, не кающагося сердца. Это слезы минутной растроганности, подъ святыми впечатлѣніями трогательнаго церковнаго обряда. Нѣтъ, это еще не то, чего ждетъ отъ насъ Господь нашъ. Онъ ждетъ отъ насъ тѣхъ слезъ, какими плакали наши прародители у дверей райскихъ, какими омочалъ свое царственное ложе и утолялъ свою жажду псалмопѣвецъ Давидъ, какими горько плакалъ отрекшійся отъ Хріста Петръ, какими омывала ноги Господа нашего великая грѣшница, давшая намъ великій примѣръ покаянія... О—эти святыя слезы жемчужины, собираемыя нашими Ангелами Хранителями и приносимыя Господу какъ чистѣйшій даръ любви нашей къ Нему! Если бы мы знали всю сладость этихъ горестныхъ, но не горькихъ слезъ! Если бы знали, какъ радуются имъ Ангелы Божіи на небесахъ! Если бы знали, съ какою отеческою любовью пріемлетъ ихъ Тотъ, Кто потоки крови Своей безцѣнной пролилъ, чтобы дать цѣну этимъ слезамъ въ очахъ Правды Божіей! А это и есть слезы—искренняго, неизмѣннаго покаянія,

Братія мои! Плачетъ ли кто сегодня у гроба Хрістова такими слезами? Если есть здѣсь, въ храмѣ семъ, хотя одинъ такой счастливецъ: радуюсь за него, благодарю Господа, Который коснулся сердца его и растопилъ его въ слезахъ. *Блаженни плачущіи*, говоритъ о таковыхъ Самъ Господь, *яко тіи утѣшатся*. Съ сего дня начнется для него новая жизнь, жизнь во Хрістѣ и со Хрістомъ. Господь возьметъ его за руку и поведетъ за Собою туда, куда ввелъ Онъ сегодня разбойника: *днесь со Мною будеши въ раи*! Такой человѣкъ готовъ будетъ на все для возлюбленнаго Господа Іисуса. Такой человѣкъ увѣренъ съ Апостоломъ Павломъ, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, никакая тварь не можетъ разлучить его отъ любви къ Тому, Кто возлюбилъ его даже до смерти, смерти же крестныя.

Можемъ ли мы, грѣшные, сказать о себѣ это? Позволитъ ли сказать это—наша совѣсть? Здѣсь, у гроба Хріста-Сердцевѣдца, не будемъ лукавить, скажемъ себѣ откровенно: вѣдь сегодня мы молимся, можемъ быть даже плачемъ надъ гробомъ Божественнаго Страдальца, а чрезъ день, лишь только востанетъ Онъ изъ гроба, мы покинемъ Его и снова погрузимся въ омутъ житейской суеты: одни пойдутъ въ театры и другія зрѣлища, другіе—въ увеселительныя заведенія, иные предадутся страсти пьянственной, а большая часть изъ насъ совсѣмъ забудутъ то, что пережили въ эти священныя минуты... И сбудется на насъ скорбное слово Хрістово: „вотъ, наступаетъ часъ, что вы разсѣетесь каждый въ свою сторону, а Меня оставите одного“... Горько мнѣ говорить это, но вѣдь это горькая правда: когда же и гдѣ же ее высказать, какъ не у сего гроба, въ святыя минуты, когда совѣсть наша съ особенною силою должна звать насъ къ покаянію?.. Наступаетъ одиннадесятый часъ—послѣдній день времени поста и по-

каянія: долгъ пастырскій властно повелѣваетъ намъ сегодня громко возглашать: кто еще не исполнилъ долга хрістіанскаго? Кто не очистилъ совѣсти исповѣданіемъ грѣховъ своихъ? Кто еще не приступалъ къ Чашѣ Господней? Именемъ Господа, именемъ сладчайшаго Іисуса призываю васъ: спѣшите сложить бремя грѣховъ вашихъ у сего святаго гроба: се—Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра—Онъ сниметъ съ васъ тяжелое бремя грѣховное! Кто хочетъ встрѣтить грядущіе свѣтлые дни Господни въ мірѣ и радости о Господѣ? Спѣшите соединиться съ Господомъ въ святѣйшемъ таинствѣ Божественнаго причащенія! Время сокращенно есть прочее—спѣшите воспользоваться имъ! Только въ единеніи съ Господомъ можно войти въ радость Господа, только съ чистою совѣстію можно наслаждаться сею радостію цѣлымъ сердцемъ.

Одинъ великій святитель нашей Церкви, пораженный величіемъ крестной Жертвы и ничтожествомъ человѣка, ради котораго принесена сія Жертва, въ своемъ словѣ надъ святою плащаницею восклицаетъ: „братья, будемъ молиться и плакать!“ Дерзаю и я повторить это слово здѣсь: братья будемъ каяться и плакать у гроба нашего Спасителя! Будемъ проливать слезы надъ симъ священнымъ изображеніемъ, будемъ лобызать сіи животворящія язвы, исцѣлившія неисцѣльную язву грѣха Адама и всего рода человѣческаго! Будемъ изъ глубины сердца взывать къ Почивающему въ семъ гробѣ: увы намъ, Сладчайшій нашъ Господи Іисусе! Не стоимъ мы милости Твоей, не достойны того, чтобъ склонять грѣшную главу свою предъ сею святою плащаницею! Одолѣлъ насъ грѣхъ; мы измѣняемъ Тебѣ каждый день и каждый часъ; нѣтъ у насъ никакого въ томъ оправданія, но, Господи Сердцевѣдче! Ты вѣдаешь, что хотя мы и грѣшники, а все же Твои, хотя мы и падаемъ, а все же нехотимъ отрекаться отъ Тебя, нашъ Спаситель... Вѣруемъ и исповѣдуемъ, яко Ты еси Богъ нашъ! Вмѣни же вѣру нашу вмѣсто дѣлъ добрыхъ, которыхъ нѣтъ у насъ! Укрѣпи волю нашу въ исполненіи Твоихъ животворящихъ заповѣдей! Согрѣй сердце наше любовію къ Твоимъ святымъ завѣтамъ! Ты претерпѣлъ крестныя муки ради нашего спасенія: да не одолѣетъ же наше грѣхолюбіе неизреченной благости и милосердія Твоего! Аще хощемъ, аще ли не хощемъ—имиже вѣси судьбами спаси насъ, Спасителю нашъ, аминь.

66.

Свѣтлая радость воскресенія Хрістова. Хрістосъ Воскресе!

Яко воистину священная и всепразднственная сія, спасительная нощь и свѣтозарная, свѣтоноснаго дне востанія сущи провозвѣстница...

Если бы смертному человѣку дано было подняться въ высоту небесъ и оттуда созерцать, что творится на Русской землѣ въ сію священную и спасительную полночь, то предъ его взорами открылось бы чудное зрѣлище. Тихо спустилась на землю темная весенняя ночь. Смолкла суета земная, все будто притаилось въ ожиданіи чего то великаго, таинственнаго... И вотъ, тамъ, гдѣ-то на безпредѣльномъ пространствѣ дале-

каго Великаго океана наступаетъ полночь; она надвигается на пустынныя берега нашей Камчатки и Сибири и тутъ, въ этихъ рѣдко разбросанныхъ селеніяхъ, гдѣ только имѣются храмы Божіи, зажигаются огоньки, будто звѣздочки падаютъ съ небесъ, начинается торжественный звонъ небольшихъ колоколовъ сельскихъ церквей,—полночь быстро движется отъ востока къ западу по необъятному пространству Сибири: за нею будто свѣтлый потокъ течетъ по лицу родной земли этотъ свѣтъ пасхальныхъ огней, этотъ торжественный, побѣдный звонъ... Вотъ полночь перешагнула Уралъ, а за нею широкою волною свѣтлая радость Воскресенія залила всю Русь... Гудятъ тысячи колоколовъ, горятъ милліоны огней, десятки милліоновъ православныхъ русскихъ людей ликуютъ духомъ въ сотняхъ тысячъ храмовъ Божіихъ: насталъ праздниковъ праздникъ—Свѣтлое Хрістово Воскресеніе! Вся ночь проводится народомъ въ храмахъ Божіихъ, встаетъ радостное весеннее солнце и будто само ликуетъ и радуется, и играетъ лучами своими, пробуждая всю природу все къ той же всемірной радости о Воскресшемъ Спасителѣ міра...

Дивная картина! Чудное зрѣлище! Небо спустилось на грѣшную землю и освятило ее, и земля стала небомъ: Хрістосъ воскресъ!

Нигдѣ въ мірѣ такъ свѣтло не празднуется Воскресеніе Хрістово, какъ въ Церкви Православной, и нигдѣ такъ поэтично, такъ трогательно не выражается эта радость праздника, какъ на Святой Руси. У хрістіанъ Запада праздникъ праздниковъ—Рождество Хрістово: у насъ—Свѣтлое Хрістово Воскресеніе. Да такъ и быть должно. Вѣдь если бы Хрістосъ не всталъ изъ гроба, то тщетна была бы и вѣра наша, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ; мы были бы несчастнѣйшими изъ людей. Но воскресъ Хрістосъ и—все исполнилось свѣта, все обновилось, все ликуетъ побѣду надъ смертью, торжествуетъ миръ съ Богомъ, съ небомъ, и льется благодатный миръ и свѣтлая радость по лицу всей земли...

Но особенно свѣтло, живымъ ключемъ бьетъ эта радость небесная въ храмахъ Божіихъ. И праздничное убранство храма, особенно же престола Божія, и отверстыя въ продолженіи всей седмицы врата царскія, и благоуханіе ѳиміама, и многое множество горящихъ свѣчей и разноцвѣтныхъ лампадъ, и эти ликующія, дышащія святымъ восторгомъ лица молящихся, и эти неподражаемыя, возвышенно поэтическія пѣснопѣнія пасхальнаго канона—все это въ совокупности переноситъ насъ въ ту вѣчноблаженную жизнь, которая настанетъ въ послѣдній день міра послѣ онаго превожделѣннаго призыва: *пріидите, благословеніи Отца Моего, наслѣдуйте царствіе, уготованное вамъ отъ сложенія міра...* Даже воспоминаніе о грѣхахъ не смущаетъ души: вѣдь св. Златоустъ и грѣшника успокоиваетъ: *никтоже*, говоритъ онъ, *да плачется прегрѣшеній: Прощеніе бо отъ гроба возсія.* Такъ глубока, всеобъемлюща, такъ свѣтла и животворна радость Воскресенія: Хрістосъ воскресе!

И тысячи разъ повторяются эти два сладостныя, поистинѣ животворящія слова: *Хрістосъ воскресе!* И отовсюду слышится радостный откликъ на нихъ: *воистину воскресе!*

Хотите ли, братіе, чтобъ эта радость не прекращалась, чтобъ она хотя малымъ лучемъ озаряла ваше сердце, согрѣвала вашу душу—всегда, во всѣ дни вашего земнаго странствованія? Чтобъ она разго-

няла этотъ холодный мракъ современныхъ настроеній, была залогомъ той радости, какою возрадуются праведники, когда просвѣтятся яко солнце во царствіи Отца небеснаго?

Не уходите отъ Христа Жизнодавца. Держитесь за Него, идите за Нимъ, исполняйте святую волю Его. Въ Его святыхъ заповѣдяхъ—жизнь, свѣтъ, вѣчная радость. Вѣдь Онъ Самъ сказалъ Своимъ Апостоламъ: пріиду къ вамъ, и узрю васъ, и паки возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возьметъ отъ васъ. Онъ Самъ привѣтствовалъ всѣхъ по воскресеніи Своемъ симъ всерадостнымъ словомъ: *радуйтесь!* Дѣлитесь же своею пасхальною радостью съ тѣми, кто не можетъ радоваться полною радостью. Радость есть благодатный огонекъ въ сердцѣ: огонекъ не убавится, если отъ него зажигается другой свѣтильникъ: отъ сего будетъ еще свѣтлѣе, радость только умножится въ вашемъ сердцѣ, если вы будете радовать другихъ... Порадуйте же ради Свѣтлаго праздника тѣхъ, кто нуждается въ вашемъ участіи! Порадуйте сиротокъ, вдовицъ, бѣдняковъ—и сами вы будете радоваться сугубою радостью о воскресшемъ Господѣ и Спасителѣ, и сей свѣтлой радости никтоже возьметъ отъ васъ! *Христосъ воскресе!*

67.

Паки и паки о Толстомъ.

Читатели мои не забыли, конечно, моего дневника, гдѣ я позволилъ себѣ обратить вниманіе ихъ на то нецерковное отношеніе нашихъ духовныхъ періодическихъ изданій къ факту смерти Толстого и къ его еретичеству, какое выразилось между прочимъ въ замѣткѣ г. Поселянина въ „Р. Паломникѣ“. Г. Поселянинъ счелъ нужнымъ прислать въ редакцію „Колокола“ свой отвѣтъ на мой дневникъ въ той его части, которая касалась его, г. Поселянина. Вотъ этотъ отвѣтъ.

Отвѣтъ на статью преосвященнаго Нікона Вологодскаго.

(„Колоколъ“, 1440).

Преосвященный Ніконъ Вологодскій удостоилъ своего вниманія нѣсколько строкъ изъ статьи моей объ Оптиной пустыни и Шамординскомъ монастырѣ, помѣщенной въ журналѣ „Русскій Паломникъ“ въ концѣ истекшаго года. Строки эти относились къ графу Л. Н. Толстому и показались преосвященному Нікону заслуживающими полнаго осужденія.

Вспоминая объ одной изъ шамординскихъ инокинь, любимой и любящей сестрѣ умершаго графа, я вспомнилъ слышанное отъ нея же утвержденіе, что ея братъ былъ ближе къ Церкви, чѣмъ думаютъ и болѣе ею дорожилъ, чѣмъ это казалось. Упомянувъ объ ясно выраженномъ въ его пріѣздѣ въ Оптину желаніи приблизиться къ Церкви и насиліи его злыхъ геніевъ, увезшихъ его изъ тѣхъ мѣстъ, куда влекло его сердце, я выразилъ упованіе, что „между душой старца и его Богомъ, въ послѣдніе часы догорающей жизни, невѣдомо ни для кого произошла великая тайна,—что Богъ, сторожащій душу человѣческую и до послѣдняго мгновенія борющійся за ея спасеніе, призвалъ къ Себѣ эту скорбную, мятущуюся душу, что

радостно прильнула она къ ногамъ Христовымъ, и въ томъ обрѣла себѣ покой и спасеніе".

Преосв. Никонъ возмущается тѣмъ, что эта надежда высказывается относительно человѣка, отлученнаго отъ Церкви и произносившаго хулы на Христа.

Но я позволю себѣ спросить преосв. Никона: приговоръ земной Церкви является ли обязательнымъ и для Христа, и не силенъ ли Христосъ принять отреченнаго отъ Церкви Своего врага и хулителя, если этотъ врагъ и хулитель въ послѣднія минуты жизни, ни для кого незримо, принесъ Богу одному искреннее покаяніе и у Него просилъ пощады?

Нѣкоторые люди могутъ относиться равнодушно къ гибели другихъ людей: „Пропалъ—и дѣло съ концомъ!" Нелегко примиряться съ погибелью лицъ, которыя были близки и дороги, которыя доставили сердцу столько счастливыхъ часовъ!

И для людей, считающихъ литературу святынею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привязанныхъ къ Церкви, чувства относительно Толстого все двоились. Восторгъ предъ нимъ, какъ предъ писателемъ, среди другихъ родныхъ образовъ создавшимъ столько образовъ, свѣтящихся кроткимъ тихимъ свѣтомъ православія — смѣшивался съ негодованіемъ противъ его невыносимыхъ кощунствъ.

И вотъ, казалось, шагъ къ Церкви, и этотъ геніальный сынъ сейчасъ падетъ предъ отвергнутымъ Отцомъ.

И тутъ вдругъ увозъ, болѣзнь, запертыя двери, фанатики, и смерть нашла его въ этихъ кандалахъ и въ этой тюрьмѣ.

И кто не въ силахъ равнодушно и злорадно отвернуться отъ несчастнаго старика, ради давней и привычной къ нему любви, при всемъ страданіи, какое возбуждали его богоборныя писанія,—тѣ съ грустью и тоской спрашивали себя: неужели истина до конца оставалась предъ нимъ закрыта, и, если ложный стыдъ мѣшалъ ему предъ людьми исповѣдать то, что онъ громко отрицалъ, то неужели хоть тогда, въ послѣднія минуты, онъ не позналъ своего заблужденія и не поклонился Христу?

Да, земная Церковь молчитъ. Земная Церковь не приноситъ за отвергнутаго ею молитвъ.

Но въ жизни духа есть минуты, ускользающія отъ этой Церкви. Это минуты, когда Богъ даетъ какъ бы послѣднее сраженіе упорству отрицающаго Его человѣка.

Одинъ католическій знаменитый проповѣдникъ выражаетъ такую мысль:

„Если вы увидите, какъ священникъ склонился къ ложу умирающаго съ крестомъ въ рукахъ, а умирающій собралъ послѣднія усилія, чтобы оттолкнуть этотъ крестъ: и тогда вы не можете быть увѣренными, что Богъ не побѣдилъ.—Кто знаетъ, что произойдетъ еще между Богомъ и душою въ послѣднія минуты? Мать борется за жизнь дѣтей, не сдаваясь до конца.—Богъ ли, ближайшій матери, не будетъ бороться до конца за жизнь человѣка?"

Я видѣлъ близко таинство смерти. Я на лицѣ отходящихъ дорогихъ мнѣ людей слѣдилъ, какъ ложилась на нихъ печать радостнаго изумленія и глубокаго созерцанія. И изъ этого опыта я вынесъ вѣру, что великое что-то открывается людямъ въ послѣднія минуты, когда душа еще въ тѣлѣ. — И тутъ есть еще время бѣднымъ заблуждавшимся людямъ исповѣдать Христа... На эти минуты я надѣялся для Толстого.

И если пробуждать въ людяхъ упованіе на превосходящее всякій умъ Божественное милосердіе, зна-

читъ вливать въ нихъ ядъ, тогда я спокойно принимаю на себя обвиненіе преосвященнаго Нікона.

Е. Поселянинъ.

Почтенная редакція „Колокола“ прислала рукопись г. Поселянина мнѣ для отзыва. Какъ ни наскучили всѣмъ до тошноты эти безконечныя разсужденія о якобы „великомъ“ писателѣ (почему-то другихъ писателей не чествуютъ симъ именемъ такъ часто, какъ этого богоотступника), а приходится еще и еще говорить о немъ: вѣдь, все, что пишутъ о немъ въ газетахъ и журналахъ, имѣетъ принципіальное значеніе, есть своего рода знаменіе времени, со всѣмъ этимъ намъ, пастырямъ Церкви, приходится считаться, какъ съ явленіемъ не только печальнымъ, но и прямо грознымъ, и въ большей части—богоотступническимъ...

Вотъ Мой отвѣтъ на отвѣтъ г. Поселянина.

Въ доброе старое время люди не спѣшили жить, и наши писатели несравненно строже насъ относились къ своему слову, назначаемому въ печать. О Пушкинѣ и Гоголѣ разсказываютъ, что они, написавъ что-либо для печати, клали рукопись въ столъ и давали ей „вылеживаться“: не разъ ее пересматривали, исправляли, даже переписывали и уже тогда отдавали въ наборъ. Теперь не то: мы живемъ въ вѣкъ пара и электричества: торопимся жить, писать, работать... Многіе пишутъ прямо набѣло и, не пересмотрѣвъ, отдаютъ свою работу въ типографію. А между тѣмъ, сознаемся откровенно, самолюбія у насъ куда—больше, чѣмъ у тѣхъ нашихъ предшественниковъ, которыхъ мы же называемъ классиками. Въ былое время одинъ народный писатель говорилъ мнѣ: „напишу я что-нибудь для народа—не довѣряю себѣ: хочется знать, поймутъ ли меня читатели, для кого я писалъ, и вотъ выхожу съ рукописью къ какимъ-нибудь сторожамъ, солдатикамъ простецамъ, прошу ихъ прослушать мое писанье и спрашиваю: все ли они поняли? И случалось, что они обращали мое вниманіе на такіе недостатки, которыхъ исправленіе было прямо необходимо... И я дорожилъ замѣчаніями моихъ простецовъ цензоровъ“. Дѣлаемъ ли такъ мы, нынѣшніе писатели? Сорвется у насъ иногда необдуманное, неосторожное слово на бумагу, попадетъ въ печать; намъ замѣтятъ эту оплошность, даже въ большую вину не поставятъ, а такъ, дружески укажутъ на нашу оплошность, а мы, вмѣсто того, чтобъ вдуматься въ сдѣланное намъ замѣчаніе, начинаемъ защищать свою ошибку, горой стоимъ за свою якобы правоту и въ пылу защиты иногда доходимъ до новыхъ ошибокъ, которыя опять придется защищать. А нашъ противникъ пользуется этимъ, доводя наши оплошности до абсурда. Особенно опасно это въ области религіознаго мышленія. Отъ самолюбія, отъ желанія во что бы то ни стало защищать свое ошибочное въ догматическомъ смыслѣ мнѣніе, произошло немало ересей, сектъ и расколовъ, вожди коихъ, можетъ быть, въ началѣ и не думали противорѣчить Церкви, ея ученію и учителямъ, отъ Бога поставленнымъ, а потомъ, защищая свои ошибки, доходили до страшныхъ ересей, и отпадали отъ Церкви.

Я счелъ нужнымъ высказать эти общія мысли по поводу вышеприведенной попытки почтеннаго г. Е. Поселянина защитить свое „упованіе“, какъ онъ выражается, „что между душою старца (Толстого) и его Богомъ (Котораго личное бытіе онъ отвергалъ съ упорствомъ, до-

стойнымъ лучшаго дѣла), въ послѣдніе часы догорающей жизни, невѣдомо ни для кого произошла великая тайна,—что Богъ, сторожащій душу человѣческую и до послѣдняго мгновенія борющійся за ея спасеніе, призвалъ къ Себѣ эту скорбную мятущуюся душу, что радостно прильнула она къ ногамъ Хрістовымъ и въ томъ обрѣла себѣ покой и спасеніе"...

Г. Поселянинъ спрашиваетъ меня: „приговоръ земной Церкви является ли обязательнымъ и для Хріста, и не силенъ ли Хрістосъ принять отлученнаго отъ Церкви Своего врага и хулителя, если этотъ врагъ и хулитель въ послѣднія минуты жизни, ни для кого незримо, принесъ Богу одному искреннее покаяніе и у Него просилъ пощады?"

Есть вопросы, на которые отвѣчать надобно крайне осторожно, съ глубокимъ смиреніемъ, ибо они представляютъ собою какъ-бы стремленіе пытливаго ума человѣческаго вторгнуться въ ту область Божественной жизнедѣятельности, о коей сказано: нѣсть ваше разумѣти... Не все дано разумѣти слабому, но гордому уму человѣческому и во многихъ случаяхъ для него безопаснѣе смириться предъ Божественною Мудростію и сказать: Ты лучше насъ все знаешь, Господи, ибо сказано намъ: „высшихъ себе не ищи и крѣпльшихъ не испытуй, яже ти повелѣнная — въ сихъ пребывай", и довольно съ тебя.—Церковь Хрістова есть непорочная невѣста Его, она—столпъ и утвержденіе истины ей заповѣдалъ Хрістосъ повиноваться и противникамъ ея пригрозилъ строгимъ отлученіемъ, а она учитъ насъ, что внѣ ея материнскихъ нѣдръ—нѣтъ спасенія. Мы и пребываемъ въ семъ смиренномъ исповѣданіи. Мало-ли что покажется нашему пытливому и—этого не слѣдуетъ забывать — своекорыстному, грѣхолюбивому уму недостаточно яснымъ, недостаточно широкимъ: такъ повелѣлъ Хрістосъ, тако вѣруемъ и исповѣдуемъ, а пытливому уму отвѣчаемъ: молчи, престани и высшихъ себе не ищи!.. Въ семъ отношеніи очень полезно привести себѣ на память другой, несравненно болѣе важный вопросъ, касающійся не какого-то еретика Толстого, а Самого Господа и Спасителя нашего Іисуса Хріста. Этотъ вопросъ можно формулировать такъ: Богъ всемогущъ, Онъ могъ спасти міръ безъ страданій воплотившагося Единороднаго Сына Своего; нѣтъ сомнѣнія, что какъ Божіе всемогущество, такъ и благость Его, и премудрость Его—безпредѣльны: безъ сомнѣнія, все возможно для Него: зачѣмъ-же Онъ избралъ путь спасенія для людей —именно чрезъ страданія и искупительную смерть Сына Своего? Вспомните, что именно въ этомъ великомъ вопросѣ и заключалось величайшее таинственное искушеніе Господа нашего въ Геѳсиманскомъ саду наканунѣ Его искупительныхъ страданій. Припомните Его вопли къ Отцу Небесному: „Отче, вся возможна Тебѣ, мимонеси отъ Мене чашу сію!" Даже Онъ, Сама воплощенная Любовь, яко Человѣкъ, былъ въ великомъ подвигѣ, въ борѣніи, какъ говоритъ Евангелистъ, молился до пота кроваваго противъ сего искушенія и обрѣлъ успокоеніе страждущей за грѣхи міра Душѣ Своей только во всецѣлой преданности Богу—Отцу Своему. Такъ благоугодно Богу Отцу: тако и да будетъ — да будетъ воля Твоя, Отче Мой!.. Нѣтъ надобности рѣшать: почему такъ, а не иначе было благоугодно Отцу небесному спасти грѣшный міръ. Это—тайна, сокрытая отъ ума человѣческаго на всѣ времена, и если мы когда познаемъ сію тайну, то,

можетъ быть, только въ вѣчности. Умъ же человѣческій долженъ лишь въ благоговѣніи склониться предъ нею.

Предлагаю и моему почтенному совопроснику подумать: можно ли ставить вопросъ такъ, какъ онъ ставитъ? Не слѣдуетъ-ли сойти съ этой юридической, я сказалъ бы, неправославной, латинской точки зрѣнія; ибо на вопросъ: силенъ ли Христосъ, всякій отвѣтитъ: конечно, силенъ; обязательно-ли для Него рѣшеніе земной Церкви, конечно, будетъ отвѣтъ: необязательно. Но я спросилъ бы: восхощетъ-ли Христосъ Спаситель совершать спасеніе людей мимо Церкви, когда Самъ Онъ установилъ законъ спасенія только въ нѣдрахъ Церкви, ей ввѣрилъ тѣ таинства, безъ коихъ невозможно войти въ царство небесное (крещеніе, муропомазаніе, покаяніе, божественное причащеніе и священство)? Восхощетъ ли Церковь, руководимая Духомъ Божіимъ, сдѣлать постановленіе, противное Христовымъ велѣніямъ? Ужели Христосъ Спаситель не можетъ неисповѣдимыми путями Своего Божественнаго промышленія привести грѣшника къ Церкви, устранивъ къ тому всѣ препятствія, полагаемыя сатаною чрезъ своихъ слугъ и приспѣшниковъ, если только грѣшникъ вольною волею захочетъ придти къ церкви и слѣдовательно — къ Главѣ Церкви Господу Іисусу? И если въ грѣшникѣ, въ его вольной волѣ, есть хотя малѣйшая искра потребнаго къ тому расположенія, если есть, по всевѣдѣнію Божію, хотя малая возможность покаянія, то ужели могутъ разные слуги діавола заградить путь промышленію Божію, ведущему грѣшника къ покаянію?

Во избѣжаніе недоразумѣній, я долгомъ считаю пояснить, что подъ именемъ Церкви я разумѣю не іерарховъ только, не Св. Синодъ только, не православновѣрующихъ нынѣ живущихъ на землѣ только, но всю совокупность спасаемыхъ и спасенныхъ во Христѣ, всю Церковь на небесахъ торжествующую и на землѣ воинствующую, ея же Божественная Глава—Самъ Христосъ. Такая Церковь — непогрѣшима въ своихъ опредѣленіяхъ и рѣшеніяхъ, и только тѣ рѣшенія Церкви „земной“ (какъ не разъ, повидимому, съ особымъ удареніемъ выражается г. Поселянинъ), которыя совершенно согласны съ ученіемъ Христа Спасителя, съ ученіемъ Его апостоловъ, съ ученіемъ всѣхъ святыхъ Божіихъ, отъ вѣка Богу угодившихъ и Богомъ прославленныхъ, только такія рѣшенія Церкви непогрѣшимы. А опредѣленіе Св. Синода относительно Толстого именно таково, и никто никогда не докажетъ, что оно въ чемъ-либо противорѣчитъ непреложному свидѣтельству Церкви вселенской, Церкви всѣхъ вѣковъ и временъ. Посему во всей силѣ къ нему приложимо слово Христово: что свяжете на землѣ, то будетъ связано и на небесахъ... И конечно, Господь не станетъ ни для кого отмѣнять Своего на вѣки даннаго Церкви полномочія, не станетъ измѣнять Имъ же установленнаго пути спасенія; да и нужды въ томъ не имѣетъ; хотя Онъ и всемогущъ, но, во-первыхъ, свободы ничьей не вяжетъ, насиліемъ не спасаетъ, а во-вторыхъ, имѣетъ тысячи средствъ въ премудрости Своей, чтобъ не нарушать разъ Имъ установленнаго порядка въ дѣлѣ спасенія *чрезъ Церковь* и ея спасительныя таинства. Прошу также постоянно имѣть въ виду грозныя словеса Господа: горе тому, чрезъ кого соблазнъ приходитъ! Лучше было бы ему, если бы мельничный жерновъ былъ повѣшенъ ему на шею, и онъ брошенъ былъ въ

пучину морскую!—Страшное слово! И къ кому же оно наиболѣе относиться можетъ, какъ не къ такому соблазнителю, какимъ былъ Толстой!..

Изъ сказаннаго видно, что ни увозъ, ни болѣзнь, ни запертыя двери, никакіе фанатики, никакія „кандалы и тюрьмы“ не могли бы воспрепятствовать Божіей премудрости и благости открыть путь покаянія несчастному старику, еслибъ въ его душѣ таилась хотя малѣйшая къ тому возможность. Но сего не было, и онъ погибъ... Г. Поселянинъ говоритъ: „и кто не въ силахъ равнодушно и злорадно (почему „равнодушно“? почему „злорадно“?) отвернуться отъ несчастнаго старика ради давней и привычной къ нему любви (несмотря на словеса Господни: „аще кто любитъ отца или матерь паче Мене—нѣсть Мене достоинъ“?), при всемъ страданіи, негодованіи, возмущеніи, какое возбуждали его богоборныя писанія,—тѣ съ грустью и тоской спрашивали себя: неужели истина до конца оставалась предъ нимъ закрыта?“—Да, къ несчастью, такъ: онъ самъ закрылъ очи предъ свѣтомъ истины и до конца отвращался отъ нея, и истина не насиловала его воли... И если,—продолжаетъ г. Поселянинъ,—ложный стыдъ мѣшалъ ему предъ людьми исповѣдать то, что онъ громко отрицалъ (а слова Господа: „аще кто постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ, сего и Азъ постыжуся предъ ангелы Божіими“?), то неужели хоть тогда, въ послѣднія минуты, онъ не позналъ своего заблужденія и не поклонился Христу?“ — Да, къ несчастію, не поклонился Христу, хотя конечно „позналъ истину“, когда закрылись его тѣлесныя очи и открылись духовныя, но уже поздно: нельзя безнаказанно смѣяться надъ истиной Божіей, такъ упорствовать въ своихъ хуленіяхъ на нее, т. е. на Духа Святаго: такой грѣхъ не прощается ни въ сей жизни, ни въ будущей... Именно въ послѣдній моментъ его жизни, даже ранѣе того: по неисповѣднымъ судьбамъ Божіимъ, за тотъ великій соблазнъ, какой онъ внесъ въ души множества своихъ почитателей, за погибель сихъ душъ—затворени быша двери милосердія Божія предъ нимъ, и онъ погибъ вѣчной погибелью... Погибъ: ибо душа его, въ продолженіе столькихъ лѣтъ омраченная личной враждой и ненавистью ко Христу Спасителю, отдалась всецѣло во власть духа тьмы и стала рѣшительно неспособною къ воспріятію воздѣйствія Божіей спасающей благодати. Предъ судомъ Божіимъ нѣтъ великихъ людей: напротивъ, чѣмъ кто больше получилъ отъ Бога талантовъ, тѣмъ строже будетъ отвѣчать предъ судомъ правды Божіей: кому много дано, съ того много и взыщется—это слово Самого Господа Іисуса Христа. Возстануть на судѣ всѣ еретики древности и осудятъ новаго еретика, богоотступника Толстого, ибо онъ превзошелъ всѣхъ ихъ ересью и богохульствомъ своимъ. Самъ же г. Поселянинъ говоритъ, что „чувства относительно Толстого все двоились: восторгъ предъ нимъ, какъ предъ писателемъ, среди другихъ родныхъ образовъ создавшимъ столько образовъ, свѣтящихся кроткимъ, тихимъ свѣтомъ Православія, смѣшивался съ негодованіемъ противъ его невыносимыхъ кощунствъ“.—Вспомните теперь слово праведнаго Судіи Господа, реченное устами одного изъ великихъ пророковъ—Іезекіиля: „праведность праведника не спасетъ въ день преступленія его, и беззаконникъ за беззаконіе свое не падетъ въ день обращенія его отъ безаконія своего... всѣ праведныя дѣла пра-

ведника не помянутся, и онъ умретъ отъ неправды своей, какую сдѣлалъ". Если даже ставить въ добродѣтель то, что писалъ 25 лѣтъ назадъ гр. Толстой, но отъ чего онъ отрекся, и тогда нѣтъ ни малѣйшихъ основаній къ тому упованію на спасеніе *внѣ Церкви*, какое высказалъ г. Поселянинъ. Онъ говоритъ, между прочимъ, будто „въ жизни духа есть минуты, ускользающія отъ этой (земной) Церкви: это — минуты, когда Богъ даетъ какъ бы послѣднее сраженіе упорству отрицающаго Его человѣка". Конечно, если подъ церковію понимать Св. Синодъ, то это вѣрно, но мы вѣдь подъ Церковію разумѣемъ нѣчто несравненно высшее, чѣмъ Св. Синодъ, который является только органомъ, выразителемъ опредѣленій этого высшаго божественнаго учрежденія, т. е. вселенской Церкви, Главою коей является Самъ Хрістосъ, невидимо ею управляющій, всегда въ ней пребывающій и яко глава дѣйствующій чрезъ нее, яко тѣло Свое. Отъ сей Главы не можетъ „ускользнуть" ни единая минута жизни человѣка. Онъ же и предвидитъ всякую минуту, всегда такъ располагаетъ обстоятельства жизни человѣка, что, если предвидитъ возможность его обращенія, то и даетъ человѣку возможность осуществить свое обращеніе къ Богу *чрезъ Церковь* во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Предполагать то, что предполагаетъ г. Поселянинъ, значитъ создавать теорію спасенія внѣ Церкви, невѣдомо для Церкви, допустить это—значило бы въ корнѣ подорвать все ученіе православной Церкви о спасеніи нашемъ. Вѣдь тогда возникаетъ вопросъ: нужна ли и сама Церковь? Мнѣніе какого-то католическаго, хотя бы и „знаменитаго", проповѣдника для насъ, православныхъ архіереевъ, не авторитетно. Думаю, что и латинская церковь не раздѣляетъ его. Вѣдь если согласиться съ симъ проповѣдникомъ, то придется снять всѣ анаѳемы со всѣхъ еретиковъ и безбожниковъ, ибо кто же „можетъ быть увѣреннымъ, что Богъ не побѣдилъ" въ послѣднія минуты ихъ жизни? Однако же Церковь сего не дѣлаетъ, а она, конечно, лучше упомянутаго безыменнаго проповѣдника знаетъ и любовь Божію и правду Божію, и свой долгъ въ отношеніи къ людямъ. Она лучше насъ знаетъ и природу души человѣческой: кто способенъ и кто не способенъ къ покаянію, и сообразно съ симъ установила свои „каноны" или правила по отношенію къ еретикамъ. Вспомните, что простыхъ грѣшниковъ, даже самыхъ отчаянныхъ преступниковъ, если они не отступили отъ вѣры, не отреклись отъ Хріста, она не предаетъ анаѳемѣ, а еретиковъ не щадитъ и гремитъ противъ нихъ симъ духовнымъ оружіемъ, какъ противъ враговъ Божіихъ. Грѣхъ ереси есть грѣхъ ума, а не воли, а грѣхи ума, вкоренившись въ душу, не поддаются воздѣйствію благодати и являются хулою на Духа Святаго, которая не прощается, по слову Господа, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.

Въ заключеніе своего „отвѣта" мой совопросникъ патетически восклицаетъ: „если пробуждать въ людяхъ упованіе на превосходящее всякій умъ Божественное милосердіе значитъ вливать въ нихъ ядъ: тогда я спокойно принимаю на себя обвиненіе преосвященнаго Нікона".

Отвѣчаю ему: если вы, почтеннѣйшій г. Поселянинъ, пробуждаете въ людяхъ только „упованіе на превосходящее всякій умъ Божественное милосердіе", совершенно умалчивая о Божіемъ правосудіи, то вы дѣйствительно вливаете въ нихъ тотъ ядъ, который называется въ нравственномъ богословіи безразсудною

надеждою на Божіе милосердіе и ставится рядомъ съ грѣхомъ отчаянія. Отчаяніе есть невѣріе въ Божіе милосердіе, а такая надежда есть невѣріе въ Божіе правосудіе. И то и другое влечетъ къ грѣху неудержимою силою, то и другое употребляетъ искуситель осаждая душу грѣшника. Безразсудною надеждою на милосердіе Божіе онъ влечетъ ко грѣху: „Богъ милостивъ— все проститъ, не безпокойся— согрѣши еще разокъ!“ А отчаяніемъ боретъ послѣ грѣха: „все потеряно, нѣтъ тебѣ прощенія, не стоитъ и думать уже о покаяніи: грѣши во всю!“... Если безразсудная надежда на Божіе милосердіе вредна въ смыслѣ нравственномъ, въ отношеніи къ грѣхамъ воли: то въ тысячу разъ она вреднѣе и опаснѣе въ отношеніи къ догматамъ вѣры, на коихъ зиждется наша нравственность.

Мнѣ хотѣлось бы еще сказать почтенному моему оппоненту, что считать и называть „святынею“ мірскую литературу, даже самыя художественныя произведенія такихъ писателей, какъ Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій или Толстой, значитъ унижать понятіе святыни въ сознаніи православныхъ людей: найдется какое-нибудь другое слово для того понятія, какое хотѣлъ выразить г. Поселянинъ. Нельзя же художественные образы, созданные талантомъ писателя, ставить рядомъ, называть тѣмъ же именемъ, какое мы употребляемъ въ отношеніи предметовъ нашего церковнаго почитанія, напримѣръ, иконы, мощи святыхъ и пр. Надѣюсь, г. Поселянинъ не будетъ спорить со мною объ этомъ,

Въ заключеніе нелишнимъ считаю сообщить г. Поселянину одно скорбное предположеніе, высказанное мнѣ однимъ простецомъ,—дай Богъ, чтобъ оно не было фактомъ: сей простецъ предполагаетъ, что появившаяся въ продажѣ открытка съ изображеніемъ Христа Спасителя, заключающаго въ свои объятія анаѳематствованнаго богоотступника Толстого, внушена рисовальщику-поляку Яну Стыкѣ статьею г. Поселянина. Думаю, это скорѣе было внушено іудеями—врагами Христа; однако же видите, г. Поселянинъ, какъ въ наше время опасно высказывать мысли, противныя воззрѣніямъ Церкви. Я получилъ немало писемъ и отъ простыхъ людей, и отъ интеллигентныхъ, выражающихъ чувство удовлетворенія оскорбленнаго религіознаго чувства по поводу моего обличительнаго дневника: будемъ же осторожны и не будемъ давать вины ищущимъ вины...

Въ Свѣтлую седмицу Воскресенія Христова въ нынѣшнемъ году я получилъ очень много привѣтствій отъ моихъ читателей. Приношу имъ мою глубокую благодарность и взаимно привѣтствую ихъ всерадостнымъ:

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРІСТОСЪ!

Вотъ дни, когда отдыхаешь душою, хотя мы, служители Церкви, и въ эти великіе дни не имѣемъ возможности отдохнуть тѣлесно и даже отвѣтить на письма и привѣтствія нашихъ духовныхъ чадъ и друзей... За все Господу слава! Вѣдь мы грѣшные недостойны того, чтобы постоянно чувствовать надъ собою небо отверстымъ, а вотъ въ эти воистину свѣтлые и пресвѣтлые дни вѣрующее сердце чувствуетъ... чувствуетъ, какъ съ высоты небесъ льется незримый очами тѣлесными свѣтъ, льется неощутимое для чувствъ тѣлесныхъ тепло... Возблагодаримъ и за сіе Господа Жизнодавца! А что

бы было, какъ мрачно и холодно жилось бы безъ этого особенно въ наше грѣшное время на этой грѣшной землѣ? Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!..

68.

Полемика продолжается.

Полемика по вопросу: есть ли надежда на спасеніе души ересіарха Толстого, все еще продолжается. Г. Поселянинъ напечаталъ въ „Колоколѣ“ второй мнѣ отвѣтъ, на который пришлось опять отвѣчать. Словомъ: тотъ психологическій законъ, о которомъ говорилъ я прошлый разъ, по которому наши писатели—стараются всячески оправдать свою ошибку, хотя и сознаютъ ее, проявился и въ данномъ случаѣ. Что-жъ дѣлать? Г. Поселянинъ можетъ думать, что именно въ силу этого закона и я съ нимъ полемизирую, но вѣдь я-то говорю не отъ своего имени, а отъ имени Церкви, а онъ высказываетъ только свои личныя мнѣнія и предположенія. Послушайте вотъ, что пишетъ онъ въ „Колоколѣ“.

Заключительное письмо преосвященному Нікону Вологодскому.

Съ теплымъ чувствомъ прочелъ я благостный отвѣтъ преосвященнаго Нікона Вологодскаго.

Съ присущею ему ревностью владыка излагаетъ свои взгляды на то, что онъ считаетъ оплошностями въ моихъ строкахъ относительно нѣкотораго упованія, которое смягчаетъ безпросвѣтность осужденія и гибели души умершаго графа Л. Н. Толстого.

Не могу не согласиться съ владыкою, что опасно вторгаться въ ту область Божественной жизнедѣятельности, о коей сказано: „нѣсть ваше разумѣти“; и, быть можетъ, правильнѣе всего смиряться безъ разсужденія и давить въ себѣ мысль, ищущую выхода въ положеніяхъ тяжкихъ.

Еще хуже:—то, что составляетъ предметъ переживаемыхъ сомнѣній, колебаній и, быть можетъ, мукъ—выносить наружу, а не затаивать въ себѣ.

Но такъ часто, въ суетѣ нашей, до такой степени осложнившейся жизни, — подъ напоромъ чувства выскажешь что-нибудь такое, что лучше бы было сохранить про себя, и оно не такъ понимается.

Какъ человѣкъ вѣрующій, я не могъ не видѣть, что Церковь правильно отлучила графа Л. Н. Толстого, послѣ всего сказаннаго имъ. Такой человѣкъ не могъ оставаться въ церковной оградѣ и, не покаявшись всенародно, не могъ быть по смерти обѣляемъ молитвами Церкви за цѣну той пречистой Крови, надъ которой онъ глумился.

Но въ этомъ человѣкѣ, котораго нельзя не считать предъ Церковью преступникомъ, были черты, которыя говорили, что онъ-не весь откололся отъ Бога. Потихоньку онъ ходилъ въ церковь и въ темномъ уголку простаивалъ службы.

Невыносимыя кощунства въ описаніи обѣдни въ „Воскресеніи“ напечатаны въ заграничномъ изданіи злостнымъ г. Чертковымъ противъ формальнаго запрещенія автора.

Наконецъ, не имѣя силъ при жизни смирить свою гордыню, онъ хотѣлъ умереть въ Церкви. И еще на дняхъ

я слышалъ отъ родного внука монашествующей сестры графа Л. Н., что онъ предварилъ семью, что когда станетъ умирать и подастъ извѣстный знакъ, чтобы немедленно бѣжали за священникомъ.

Что происходило тамъ, въ этомъ возмутительномъ „застѣнкѣ", устроенномъ чертковцами на станціи Астапово?—Это тайна... Но Толстой настолько же могъ отрицать до конца, какъ могъ въ послѣдніе часы все признавать и во всемъ покаяться—и вдумчивому психологу послѣднее, въ виду предшествующихъ дней его и настроенія его въ эти дни, послѣднее покажется, несомнѣнно, вѣроятнѣе.

Я лично думаю, что невѣровъ нѣтъ. Есть богоборцы, противящіеся живущей въ нихъ вѣрѣ. Но, какъ человѣкъ, имѣющій глаза, не можетъ не видѣть солнца, такъ душа, созданная для богопознанія, не можетъ не чувствовать Бога, хотя можетъ бороться съ этимъ чувствомъ. И въ русской странной, загадочной, изломанной душѣ—душѣ невѣроятныхъ чудовищныхъ контрастовъ, пламенная ненависть и вражда является только видомъ особой странной, требующей любви, не сумѣвшей приспособиться и спокойно занять свое мѣсто у любимаго предмета, человѣка, явленія.

Владыка Никонъ говоритъ объ опасности чрезмѣрнаго надѣянія на милосердіе, и необходимости памятованія правосудія?.

Но не идетъ ли милосердіе впереди правосудія? Не кажется ли намъ изумительнымъ слово о томъ, что человѣкъ человѣку долженъ прощать 490 разъ въ день, т. е., вычитая время сна, по 30 разъ въ часъ, и притча о работавшихъ въ виноградникѣ и о простоявшихъ на торжищахъ празднѣ.

Есть въ области вѣры такіе интимные уголки, которые человѣкъ долженъ хранить про себя. У одинаково вѣрующихъ и желающихъ жить въ послушаніи Церкви людей могутъ быть разныя завѣтныя мечты и надежды въ зависимости отъ ихъ характера.

И, принося владыкѣ Никону, въ этомъ послѣднемъ объясненіи, глубочайшую признательность за его отеческое вниманіе къ строкамъ, возбудившимъ его сѣтованіе, позволю себѣ сказать, что сказанное мною пространно и, признаюсь, мечтательно, въ иныхъ словахъ говорилъ отчасти и самъ владыка, когда выразилъ предположеніе, что оптинскіе старцы, вѣроятно, посовѣтовали скорбящей сестрѣ умершаго, инокинѣ Маріи, предать судьбу души ея отлученнаго брата—милосердію Христа.

Не одному, вѣдь, суду, но и милосердію.

Е. Поселянинъ.

На эту статью я отвѣтилъ на другой же день въ томъ же „Колоколѣ" вотъ что:

Еще доброе слово г. Поселянину.

Г. Поселянинъ откликнулся на мою статью въ отвѣтъ на его отвѣтъ, и—это пріятно отмѣтить—откликнулся сознаніемъ своей оплошности. Тѣмъ не менѣе, онъ все же считаетъ нужнымъ отмѣтить кое-какія „черты, которыя говорили, что Толстой не весь откололся отъ Бога: потихоньку онъ ходилъ въ церковь и въ темномъ уголку простаивалъ службы". Можетъ быть, и заходилъ иногда въ церкви, хотя бы для того, чтобы провѣрить свои старыя впечатлѣнія отъ службъ въ виду своихъ новыхъ литературныхъ работъ.—спорить не буду, а вотъ несомнѣнный фактъ, что во дни своего духовнаго кризиса,

онъ говорилъ своей сестрѣ, что готовъ подчиниться чему угодно въ монастырѣ, только чтобъ его въ церковь не принуждали ходить... До того тяжело ему было даже думать о храмѣ, о богослуженіи! Будто онъ подпалъ тогда бѣснованію: извѣстно, что бѣсноватые не терпятъ близости святыни...

„Невыносимыя кощунства напечатаны злостнымъ Чертковымъ противъ формальнаго запрещенія автора“... А все же написаны-то они, эти невыносимыя кощунства — гр. Толстымъ? А стало быть пережиты его душою, его сердцемъ, и не видно, чтобъ онъ оплакивалъ ихъ. Да кромѣ этихъ кощунствъ, сколько въ его позднѣйшихъ писаніяхъ можно найти не менѣе возмутительныхъ выпадовъ противъ Христа Спасителя, Его Матери и св. Церкви!

„Онъ хотѣлъ умереть въ Церкви, онъ предварилъ семью, что когда станетъ умирать и подастъ извѣстный знакъ,—чтобъ немедленно бѣжали за священникомъ“. Это—новая легенда, чтобъ такъ или иначе умалить ужасъ анаѳемы, произнесенной Церковью надъ Толстымъ. Но такое отлаганіе покаянія до послѣдняго часа смертнаго не есть ли искушеніе Божія долготерпѣнія? Сохрани, Господи, всякаго человѣка отъ такого искушенія!

„Толстой настолько же могъ отрицать до конца, какъ могъ въ послѣдніе часы все признать и во всемъ покаяться, и вдумчивому психологу, въ виду предшествующихъ дней его и настроенія его въ эти дни, послѣднее покажется несомнѣнно вѣроятнѣе“. — Я уже раньше писалъ, что если бы „Толстой *могъ* покаяться“, т. е., если бы въ его душѣ была возможность сего, то благодать Божія и предоставила бы этой возможности осуществиться, но мы видимъ совершенно обратное: попущеніемъ Божіимъ онъ лишенъ возможности покаяться, слѣдовательно, такой возможности и не было въ его душѣ.

„Въ русской странной, загадочной, изломанной душѣ—душѣ невѣроятныхъ чудовищныхъ контрастовъ пламенная ненависть и вражда является только видомъ особой, странной, требующей (?) любви, не сумѣвшей приспособиться и спокойно занять свое мѣсто у любимаго предмета, человѣка, явленія“... Странная любовь, выражающаяся въ пламенной ненависти! любовь, не съ умѣвшая приспособиться!... Да вѣдь любовь вся—въ смиреніи сердца, а смиреніе ли не съумѣетъ приспособиться? Странныя рѣчи! Припомните, г. Поселянинъ, что Толстой вѣдь отрицалъ *личнаго* Бога, разумѣя подъ симъ словомъ нѣчто пантеистическое: о какой же любви можно говорить къ чему-то безличному?...

„Владыка Никонъ говоритъ объ опасности чрезмѣрнаго надѣянія на милосердіе и необходимости памятованія правосудія. Но не идетъ ли милосердіе впереди правосудія?“ спрашиваетъ г. Поселянинъ.—Отвѣчаю: да, вотъ именно такъ: милосердіе — впереди правосудія, если угодно. Правосудный Судія предвидѣлъ, что въ послѣдній моментъ Толстой не способенъ будетъ къ покаянію, а кто знаетъ, вѣдь онъ могъ бы, при видѣ священника съ Св. Дарами у своей постели, еще чѣмъ-либо оскорбить святыню Божію,— вотъ по милосердію Своему Богъ и устранилъ отъ сего искушенія несчастнаго богохульника, отнявъ послѣдній, уже безплодный, призывъ къ покаянію, дабы не дать ему возможности содѣлать еще грѣхъ непростительный...

Въ заключеніе г. Поселянинъ хочетъ обличить меня въ томъ же, въ чемъ я будто бы обличаю его,

именно, что я выражаю предположеніе, что оптинскіе старцы посовѣтовали сестрѣ Толстого предать судьбу души брата милосердію Христа.—Да, я это писалъ, но ужели это означаетъ, что милосердіе Христа помилуетъ сію душу вопреки правосудію Божію? Этого я не могъ говорить и не говорилъ. Я хотѣлъ только сказать, что для души нераскаяннаго еретика и адскія муки суть дѣло не только Божіей правды, но и милосердія Божія... Почему? Какъ? — Подумайте сами, г. Поселянинъ...

Но не пора ли намъ кончить эту полемику въ области всяческихъ предположеній? Не лучше ли подумать надъ другимъ, болѣе—скажу прямо—грознымъ вопросомъ: почему нашимъ интеллигентамъ, даже вѣрующимъ, даже церковно-вѣрующимъ, такъ страстно хотѣлось бы всячески смягчить, какъ бы затушевать судъ церковной анаѳемы именно для сего еретика, забывая всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которые увлечены имъ и раздѣляютъ съ нимъ его участь погибельную?

Что ему за привиллегія такая? Вѣдь предъ Богомъ всѣ души равны...

Поставленный мною послѣдній вопросъ имѣетъ весьма важное значеніе. О немъ поговорю когда нибудь особо.

69.

Можетъ ли прельщенный быть руководителемъ духовной жизни народа?

Миссіонеръ... хотя и не русское, хотя и латинское, то-есть, принятое отъ неправославнаго запада, а все же хорошее слово. Когда-то, въ юности, и я мечталъ быть миссіонеромъ: уйти въ далекую Сибирь, къ этимъ полудикимъ дѣтямъ природы, къ алтайцамъ, якутамъ, алеутамъ, колошамъ, и проповѣдывать имъ Христово Евангеліе... Святыя мечты! Увы, Богъ не судилъ имъ исполниться!

Потомъ, уже въ семинаріи, я узналъ о другихъ миссіонерахъ-противораскольническихъ. Какъ ни юнъ я былъ, но не могъ, въ своей простотѣ, понять: зачѣмъ это, въ нѣдрахъ самой Церкви, понадобились миссіонеры? Вѣдь раскольники были когда-то православными, чадами Церкви; кому же и заботиться объ ихъ обращеніи, думалъ я, какъ не пастырямъ же Церкви? Зачѣмъ это—особые спеціалисты — миссіонеры? Развѣ пастыри-то Церкви не обязаны заботиться объ этихъ заблуждающихъ овцахъ?.. Но время шло, я какъ-то привыкъ смотрѣть и на сихъ, противораскольническихъ миссіонеровъ, какъ на явленіе нормальное: видно такъ-де и надобно быть въ Церкви православной. Со временемъ я узналъ, что кромѣ противораскольническихъ, есть еще и противосектантскіе миссіонеры. И стала у меня закрадываться мысль: стало быть наши пастыри не въ силахъ справиться не только съ старымъ, двухвѣковымъ расколомъ, но и со вчерашними сектами? Но вѣдь если они въ семинаріяхъ изучаютъ всякія богословскія науки, не исключая и основного, и полемическаго богословія, то кому же, какъ не имъ, бороться съ лжеученіями всякаго рода? Появится въ приходѣ секта, другими словами, появится волкъ въ овечьей шкурѣ, похитить

словесную овцу, и пастырь, вмѣсто того, чтобы, оставивъ 99 въ горахъ, искать заблудшей или похищенной, преслѣдовать хищника, поражать его мечемъ слова Божія (въ знаменіе чего иной пастырь и набедренникъ носитъ), сей пастырь въ лучшемъ случаѣ проситъ прислать къ нему миссіонера... Нормально ли это? Подобаетъ ли сему быть въ Церкви Божіей? Не должно ли это вносить соблазнъ въ среду его же паствы, какъ бы показывая его же безсиліе?... Такъ думалъ я въ моей молодости, а проходя курсъ семинарскихъ наукъ, не въ похвалу себѣ скажу, съ усердіемъ и добросовѣстно, я мало-по-малу сталъ познавать, что науки эти далеко не отвѣчаютъ въ своей постановкѣ тому святому идеалу, какому служить долженъ будущій пастырь... Я никакъ не могъ постигнуть, напримѣръ, почему и зачѣмъ мы долбили наизусть Гомера или Горація, а не видали вовсе чудныхъ поэтическихъ твореній Іоанна Дамаскина въ ихъ подлинникѣ? Почему для будущихъ пастырей нужнѣе оказались поэты-язычники, чѣмъ неподражаемый поэтъ-богословъ? Зачѣмъ нужна будущему пастырю тригонометрія и алгебра и почему вовсе заброшенъ чудный славянскій языкъ? И многое приходило тогда въ юную голову такихъ вопросовъ, которые остаются, признаюсь, для меня неразрѣшимыми и доселѣ. А вопросъ о такъ называемой внутренней миссіи всегда занималъ меня именно со стороны ея, такъ сказать, логичности: ну, пусть, думалось, существуютъ спеціалисты-руководители самихъ пастырей въ дѣлѣ борьбы съ сектами и расколами, пусть они дѣлятся своимъ опытомъ, своимъ знаніемъ дѣла съ пастырями, но дѣло-то должны вести сами пастыри, если не хотятъ уронить себя въ мнѣніи своей же паствы. Мнѣ послѣ пришлось слышать такое же сужденіе отъ одного извѣстнаго миссіонера проповѣдника: „да я счелъ бы для себя постыднымъ, говорилъ онъ, если бы въ мой приходъ для собесѣдованій съ сектантами пришлось пригласить посторонняго миссіонера...?—Со временемъ пришлось мнѣ познакомиться и съ мірянами-миссіонерами. Какъ ни почтенны эти служители-добровольцы, но это уже не пастыри въ собственномъ смыслѣ: это только ревнители Церкви, только какъ братья, а не какъ отцы выступающіе въ Церкви Божіей и, защищающіе ея истину. Въ наше печальное время и сіе добро, особенно въ отношеніи къ сектантамъ, хоть въ глазахъ православныхъ ихъ авторитетъ уже не можетъ стоять на той высотѣ, какъ авторитетъ облагодатствованнаго пастыря. И до послѣдняго времени, до этихъ смутныхъ дней всяческихъ свободъ въ области мысли и слова, мы немало видѣли и знали такихъ почтенныхъ дѣятелей миссіи изъ людей свѣтскихъ, предъ которыми преклонялись и пастыри и даже архипастыри. Сіи достойнѣйшіе стражи чистоты ученія церковнаго зорко слѣдили за своею совѣстью и не допускали ни малѣйшаго уклоненія ея въ сторону якобы либеральныхъ, на дѣлѣ же суетныхъ, мудрованій. Они не способны были входить въ сдѣлку съ совѣстью своей тамъ, гдѣ это, казалось бы, было даже выгодно для ихъ дѣла. Они хорошо понимали и истинную терпимость, снисходительность къ мнѣніямъ заблуждающихъ, и тѣ границы, гдѣ эта терпимость могла перейти въ нѣчто въ родѣ іезуитскаго: цѣль оправдываетъ средства. Можно ли поручиться за нынѣшнихъ миссіонеровъ въ этомъ отношеніи? Какъ ни хотѣлось бы мнѣ убѣдить себя

въ томъ, что они всѣ въ этомъ безупречны, всѣ свободны отъ искушеній лукаваго, я долженъ, во имя святой истины, во имя долга служенія матери — Церкви, предостеречь кого слѣдуетъ отъ довѣрія къ нѣкоторымъ гг. миссіонерамъ. Дай Богъ, чтобы этихъ господъ оказалось пока одинъ-два не больше. Я боюсь, что если ихъ логику усвоятъ другіе, то—быть бѣдѣ!..

Чтобы быть безпристрастнымъ, чтобы не касаться по возможности лицъ и фамилій, я приведу буквально слова одного такого миссіонера, котораго съ точки зрѣнія церковной ужъ никакъ не могу одобрить въ его сужденіяхъ. Я не назову его имени, хотя онъ и подписался подъ своими словами: онъ, конечно, узнаетъ себя въ своихъ словахъ, но пока—пусть мои читатели его не судятъ какъ личность, если только сами еще не читали его статьи. Вотъ что онъ пишетъ:

„У насъ не забываютъ и о той духовной прелести, въ которой, безспорно, пребываетъ Чуриковъ; только спасаютъ его отъ этой прелести въ Петербургѣ мѣрами пастырской попечительности и духовной осторожности“.

Вотъ слова г. миссіонера. Читатели мои знаютъ, кто это — Чуриковъ. Это нашумѣвшій своими бесѣдами нѣкій „братецъ“, сидѣвшій нѣкогда въ Суздальской крѣпости за распространеніе хлыстовщины, а теперь проповѣдующій трезвость своимъ послѣдователямъ. Въ Церкви Божіей вся благообразно и по чину бываютъ: *како проповѣдятъ*, говоритъ Апостолъ объ учительствѣ, *аще не послани будутъ?* А сей самозванецъ-учитель появился въ Петербургѣ самочинно, сталъ проповѣдывать самозванно, никѣмъ на то не уполномоченный; неимѣющій никакой, самой низшей степени въ клирѣ, надѣлъ на себя крестъ поверхъ рубахи невѣдомо для какой цѣли, съ чьего разрѣшенія и назвалъ себя почему-то „братцемъ“, снимаясь въ фотографіяхъ съ „сестрицами“... И вотъ о немъ-то г. миссіонеръ свидѣтельствуетъ, что онъ находится въ состояніи „прелести“, духовной прелести, и сему-то, пребывающему въ прелести, петербургскій миссіонерскій совѣтъ даетъ право,—въ сущности, не рѣшаясь лишить его сего, самовольно имъ захваченнаго права по новымъ правиламъ о свободахъ,—формально признаетъ за нимъ это право проповѣдывать массамъ народнымъ якобы трезвость... Пусть простятъ мнѣ—и г. миссіонеръ, и преосвященный предсѣдатель совѣта, и всѣ члены сего совѣта, если я громко во услышаніе всей Церкви православной скажу: нельзя давать права проповѣдничества человѣку, „безспорно“ пребывающему въ прелести! Не мнѣ объяснять имъ, что прелесть есть въ духовномъ отношеніи то же, что сумасшествіе въ психическомъ, что это есть своего рода бѣснованіе: человѣкъ находится всецѣло во власти духа тьмы, а посему и вся суть его проповѣди въ концѣ концовъ должна сводиться къ гордынѣ, къ противленію Церкви, какъ бы ни маскировался, какъ бы ни притворялся проповѣдникъ якобы послушнымъ сыномъ Церкви! Вѣдь надо всегда помнить предостереженіе великаго Апостола: если и сатана иногда преобразуется въ ангела свѣта, то тѣмъ паче его служители, еретики и враги Церкви, имъ прельщенные, въ его власти пребывающіе, принимаютъ на себя видъ служителей свѣта. Не собираютъ съ терновника виноградъ или съ репейника смоквы, говоритъ Господь. Допустимъ даже, что Чуриковъ не станетъ проповѣдывать ни-

какой ереси, что его ученіе съ внѣшней стороны будетъ совершенно православно, но и тогда непремѣнно духъ гордыни проникнетъ въ души его учениковъ, его слушателей, и тогда его проповѣданіе принесетъ ужасный, ничѣмъ непоправимый вредъ для Церкви. Почитайте св. отцовъ, спросите опытныхъ въ духовной жизни старцевъ, опытныхъ духовниковъ: никто, рѣшительно никто изъ нихъ не посовѣтуетъ принимать такихъ мѣръ „пастырской попечительности", какія приняты въ отношеніи къ Чурикову: именно, учительство-то и есть опаснѣйшее дѣло для человѣка, состоящаго въ духовной прелести. Онъ и безъ того находится въ состояніи страшнаго самообмана, самоцѣна, и безъ того считаетъ себя „за кого-то великаго" (Дѣян. 8, 9), а тутъ его окружаютъ толпы народа, считаютъ его чудотворцемъ, проповѣдникомъ, отъ Бога посланнымъ, преклоняются предъ нимъ: какъ не вскружиться бѣдной головѣ такого проповѣдника?! Пожалѣйте несчастнаго, умомъ котораго уже овладѣлъ искуситель, не давайте пищи искушенію, не усыпляйте его совѣсти сознаніемъ, что его проповѣдничество благословлено Церковію, если только онъ въ своей душѣ уже не отрекся отъ Церкви, если уже не смѣется надъ церковной властью, укрѣпляя свое вліяніе на народныя массы такимъ снисхожденіемъ власти церковной... Особенно же пощадите эти простыя души отъ того ужаснаго яда, который не можетъ не вливаться въ нихъ чрезъ проповѣдь такого проповѣдника. Повѣрьте: это совершается какъ-то помимо словъ самого проповѣдника, какимъ-то особымъ, неуловимымъ внушеніемъ, и я увѣренъ, что въ настроеніи слушателей это внушеніе уже сказывается, ядъ уже дѣйствуетъ... Того смиренія, которое свойственно православному чаду Церкви православной, которое никого не судитъ, ничѣмъ не превозносится, которое готово слушать слово Божіе и изъ устъ немощствующаго даже піянственною страстію іерея Божія, если только онъ говоритъ отъ души, исполняя свой долгъ,—такого смиренія уже не обрѣтете въ душахъ постоянныхъ слушателей Чурикова... Не нужно намъ гордыхъ своею трезвостью трезвенниковъ: въ очахъ Господа кающійся грѣшникъ во сто кратъ дороже гордаго праведника! Миссіонеръ говоритъ, что разрѣшеніемъ проповѣди Чурикова спасаютъ отъ прелести... что это—мѣра пастырской попечительности и духовной осторожности... Ужели въ этомъ должна проявляться „духовная осторожность"? По отношенію къ кому? Къ Чурикову или къ его слушателямъ? Ужели изъ опасенія, что вотъ-вотъ несчастный прельщенный, духовно помѣшанный, объявитъ, что онъ отдѣляется отъ Церкви, а съ нимъ и тысячная толпа отпадетъ отъ общенія съ Церковію, ужели Церковь можетъ позволить сему сумасброду проповѣдывать отъ имени даже Церкви? Да что же это такое? И кто же тутъ является властью, Церковь или этотъ сумасбродъ съ своими послѣдователями? Гдѣ же порядокъ, Господомъ установленный? Гдѣ то послушаніе Церкви, которое Господь поставилъ необходимымъ условіемъ спасенія? Кто кого тутъ слушаетъ? Чуриковъ Церковь или Церковная власть—Чурикова?... И можно ли такое послушаніе прельщенному считать „осторожностью", да еще „духовной"? Не есть ли это—извращеніе всякаго Богомъ установленнаго порядка въ церковной жизни?...

Я нарочито остановился на этомъ въ высшей степени печальномъ яв-

леніи нашего смутнаго времени. Мы начинаемъ поступаться уже принципами, а не какими-нибудь обрядовыми мелочами. Мірянинъ, не знающій своей вѣры, берется учить всѣхъ, кто хочетъ его слушать, ни у кого не испрашивая на то разрѣшенія; власть церковная не только не протестуетъ противъ такого самочинія, но и какъ будто одобряетъ это, мірянинъ *пастырствуетъ*; массы православнаго люда, минуя прямыхъ, Церковію поставленныхъ пастырей, идутъ къ этому самозванцу; самъ онъ, по засвидѣтельствованію г. миссіонера, находится въ опасномъ духовномъ состояніи, называемомъ прелестью; это извѣстно миссіонерскому комитету и тѣмъ не менѣе не считается препятствіемъ признавать этого прельщеннаго руководителемъ духовной жизни народа... Скажите: куда еще итти дальше въ разложеніи церковной жизни? Остается дать открытые листы всѣмъ хлыстамъ, всѣмъ бѣсноватымъ и помѣшаннымъ, на право проповѣди въ нѣдрахъ Церкви. Но тогда что же останется отъ нашего святаго православія?

А когда вспомнишь, что въ области печатнаго слова оно уже такъ и есть: всякій еретикъ печатаетъ, что вздумается, считаясь оффиціально православнымъ, и Церковь безмолвствуетъ, и пастырямъ, и—да простятъ мнѣ сію ревность о домѣ Божіемъ наши святители-архипастыри — даже какъ будто намъ, архипастырямъ дѣла нѣтъ до сихъ еретиковъ, какъ будто мы боимся ихъ потревожить словомъ вразумленія, увѣщанія, по заповѣди апостольской, какъ будто нарочито закрываемъ на нихъ глаза, чтобъ не видѣть гибели ихъ въ духовномъ отношеніи, когда видишь, что это попустительство отъ непризванныхъ богослововъ писателей сошло уже внизъ, къ разнымъ Чуриковымъ и разнымъ пройдохамъ... когда все это видишь, то страшно становится за родную Русскую Церковь, за Русь, за весь міръ хрістіанскій... Да, Церковь пребудетъ до скончанія вѣка,—такъ обѣтовалъ Хрістосъ: но вѣдь это обѣтованіе относится къ Церкви вселенской, а не спеціально Русской... Вспомните страшныя слова Держащаго седмь звѣздъ въ десницѣ Своей: „вспомни, откуда ты ниспалъ и покайся, а если не такъ, скоро приду къ тебѣ и сдвину свѣтильникъ твой съ мѣста его...“ (Апок. 2, 5). И: „отымется царствіе Божіе отъ васъ и дастся языку, творящему плоды его“... Ужели сего намъ ждать? Господи, помилуй!... Утвержденіе на Тя надѣющихся! Утверди Церковь Твою!

70.

Тонкая отрава язычества.

Признаюсь откровенно: я пересталъ, потому *усталъ* удивляться тому, что творится у насъ на православной Руси... Хочется увѣрить себя, что все это — тяжелый сонъ, кошмаръ, что вотъ-вотъ проснешься, и онъ разсѣется, и утреннее солнышко приласкаетъ тебя своими теплыми лучами, но время идетъ, а кошмаръ становится все тяжелѣе, все мучительнѣе для сердца... Боже милосердый! И будетъ ли просвѣтъ, проглянетъ ли красное солнышко, прояснится ли надъ Русью нынѣ столь мрачный, а когда-то чистый, свѣтлый небосклонъ?...

Отъ времени до времени я имѣю счастіе—да, именно *счастіе* получать письма отъ нашего святителя-апостола Японіи Архіепископа Николая и всегда поражаюсь его свѣтлымъ настроеніемъ, всегда отдыхаю душою, читая его жизнерадостныя письма, и думаю: что это значитъ? Вотъ человѣкъ живетъ среди языческаго міра, въ странѣ, гдѣ царитъ идолопоклонство, или открытое безбожіе, а онъ такъ благодушенъ, такъ полонъ упованія на Бога, свѣтлыхъ надеждъ на будущее... Отчего же намъ все кажется въ такомъ мрачномъ цвѣтѣ, будто конецъ міру близокъ, будто все рушится вокругъ насъ?

Въ отвѣтъ на эти мучительные вопросы напрашивается мысль: да не обманываемъ ли мы самихъ себя? Мы вѣдь все хотимъ увѣрить себя, что если наша Русь именуется страною православною, то она и въ самомъ дѣлѣ такова, что и законы ея построены на православномъ міросозерцаніи, что и жизнь ея въ общественномъ, государственномъ и особенно церковномъ смыслѣ въ общемъ течетъ по руслу, исторически проложенному нашими предками въ духѣ роднаго нашего православія; мы забываемъ, что съ недавняго прошлаго наша Русь сдвинута съ своихъ вѣковыхъ основаній, что ее повели по новымъ, невѣдомымъ ей дотолѣ путямъ, и на этихъ путяхъ, Божіимъ попущеніемъ, за грѣхи наши, мы попали въ полосу тумановъ, гдѣ стали меркнуть свѣтлые наши православные идеалы, отъ коихъ мы стали уходить, а взамѣнъ ихъ появились чуждые нашему духу призраки языческихъ воззрѣній... И вотъ, они охватываютъ насъ со всѣхъ сторонъ; они врываются даже въ ту область, гдѣ ужъ никакъ нельзя было бы ихъ ожидать... И мы какъ-то теряемся, недоумѣваемъ, негодуемъ, отбиваемся отъ этого кошмара, и страдаемъ душой... Попытаемся на минуту—не примириться! тутъ миръ невозможенъ, а просто признать за фактъ, что тонкое язычество какъ бы пронизало всю окружающую насъ духовную атмосферу, что имъ заразились даже тѣ, которые именуютъ себя, и притомъ—сознательно, православными, не сознавая въ себѣ этого зараженія; попытаемся, говорю, признать этотъ ужасный, — да, поистинѣ ужасный фактъ нѣкоего отступничества нашей интеллигенціи отъ завѣтовъ вѣры и матери — Церкви, и тогда нечему будетъ удивляться: останется только плакать и скорбѣть, скорбѣть и всѣ усилія наши направлять къ тому, чтобъ разсѣивать мглу язычества вокругъ насъ. Наши братья потеряли дорогу, но мы-то ее видимъ, знаемъ, — такъ вотъ и будемъ неустанно призывать заблудившихся вернуться на этотъ путь. И если хоть одна душа услышитъ нашъ призывъ, если откликнется, вернется—вотъ и будетъ для насъ радость вдовицы, обрѣтшей потерянную драхму. Не этою ли радостью живетъ душа святителя-миссіонера въ далекой языческой Японіи при обращеніи ко Христовой вѣрѣ язычниковъ? Не этой ли радостью постоянно сіяло лицо незабвеннаго старца о. Іоанна Кронштадтскаго, да и всѣхъ старцевъ Божіихъ, свидѣтелей покаянія грѣшныхъ душъ?

Правда, есть у нихъ другая, постоянная причина радостнаго настроенія: живутъ они въ Богѣ и съ Богомъ, всецѣло служа Богу единому, а Богъ вѣдь и есть весь—радость, весь любовь... Гдѣ свѣтитъ солнце, тамъ птички радостно поютъ свои пѣсни въ выси небесной, какая бы грязь ни была внизу подъ

ними на землѣ: гдѣ душа чувствуетъ Бога, тамъ никакой мракъ и смрадъ чужихъ пороковъ не нарушитъ внутренняго мира души, пребывающей въ Богѣ. Это и есть то, что говоритъ Господь нашъ: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лк. 17, 21) и что поясняетъ Апостолъ Павелъ: *царствіе Божіе есть праведность, миръ и радость во Святомъ Духѣ.* (Рим. 14, 17). Это и есть то, чего недостаетъ намъ грѣшнымъ, безъ чего такъ грустно и мрачно живется на землѣ. Вотъ мы прежде всего и должны заботиться объ очищеніи своего сердца, чтобы тамъ нашлось мѣсто этому миру, этой радости и праведности во Святомъ Духѣ. Слава Богу и за то, что мы видимъ путь къ сему, что можемъ и другимъ указать этотъ путь изъ мрака окружившаго насъ со всѣхъ сторонъ язычества: этотъ путь—одинъ: жизнь въ Церкви, въ самомъ тѣсномъ единеніи съ нею. Вѣдь чѣмъ больше опасность для дѣтей, тѣмъ тѣснѣе они прижимаются къ матери: чѣмъ больше опасности для вѣрующихъ, тѣмъ неразлучнѣе они должны быть съ матерью Церковью. Къ сему и должны мы звать нашихъ собратій.

Нашъ призывъ долженъ быть обращенъ прежде всего къ тѣмъ, которые еще не совсѣмъ порвали своихъ связей съ Церковью, которые еще не стыдятся называть себя православными хрістіанами, но которые уже вошли въ область языческой мглы, насъ окружающей, и начинаютъ сбиваться съ пути... Такимъ-то вотъ и хочется крикнуть: братья, берегитесь! Врагъ близокъ, онъ хочетъ обмануть васъ!..

Недавно въ одной патріотической газетѣ мы прочитали замѣтку какого-то „волковыскаго черносотенца Парѳенія Юрчука“, который въ простотѣ своей рекомендуетъ, а газета, издаваемая почтеннымъ борцомъ за Церковь, печатаетъ эту рекомендацію — орудія борьбы съ тайными и явными врагами Союза Русскаго Народа — откуда бы вы думали? Изъ спиритическаго журнала „Спиритуалистъ“. На простой взглядъ православно вѣрующаго, что могло бы быть общаго у православія съ сатанинскимъ ученіемъ спиритизма? Мыслимо ли для вѣрнаго сына Церкви входить въ какое-либо сношеніе, даже просто—принимать къ свѣдѣнію спиритическія сообщенія? По ученію Церкви все это ученіе есть погибельная прелесть бѣсовская, всякое прикосновеніе къ спиритизму и его послѣдователямъ грозитъ великою опасностью, оскорбительно для Духа Святаго, можетъ быть гибельно для души. Но вотъ, повидимому, и Парѳеній Юрчукъ, и почтенная редакція патрістической газеты этого и не подозрѣваютъ и признаютъ возможнымъ позаимствовать нѣкій свѣтъ изъ сообщеній этой области тьмы... Какъ не крикнуть имъ: братья, берегитесь! Помните слова Апостола: *самъ сатана принимаетъ видъ ангела свѣтла, а потому не великое дѣло, если и служители его принимаютъ видъ служителей правды, но конецъ ихъ будетъ по дѣламъ ихъ* (2 Кор. 11, 14, 15). *Что общаго у свѣта со тьмою? Или какое согласіе можетъ быть между Хрістомъ и Веліаромъ?* (6, 14, 15). Почитайте житія святыхъ: тамъ вы найдете множество примѣровъ, какъ сатана обольщалъ подвижниковъ ложными чудесами, какъ онъ обманывалъ ихъ бдительность ссылками на Св. Писаніе (вѣдь и Самаго Господа нашего онъ такъ же пытался обмануть!), а въ писаніяхъ даже современныхъ намъ подвижниковъ можно найти разсказы и о томъ, какъ врагъ рода человѣческаго от-

крывалъ тайны людскія, чтобъ сдѣлать имъ прельщенныхъ людей якобы пророками и провидцами... Я побесѣдую съ читателями „Троицкаго Слова“ особо о томъ, что такое въ своей сущности спиритизмъ; теперь скажу одно: внѣ всякаго сомнѣнія, съ точки зрѣнія ученія хрістіанскаго это — бѣсовская прелесть, просто говоря — колдовство, запрещенное еще въ ветхомъ завѣтѣ подъ страхомъ смертной казни и тѣмъ виновнѣе, непростительнѣе — въ новозавѣтныя времена. Понятно, что занятіе спиритизмомъ должно быть приравнено къ богоотступничеству.

Нужно ли говорить, какъ неразумно дѣлаетъ газета, помѣщая замѣтку г. Юрчука? Какой соблазнъ вноситъ она въ души православно вѣрующихъ? И вотъ, я получаю письма, въ коихъ сіи вѣрующіе просятъ меня „высказаться въ печати по сему поводу, дабы оградить души, готовыя поддаться соблазну“. Справедливо говоритъ одинъ изъ моихъ читателей, что „если стать на этотъ путь, то легко придти къ убѣжденію въ желательности полученія совѣтовъ отъ медіумовъ на спиритическихъ сеансахъ по всѣмъ вопросамъ не только политической, но и духовной жизни“. Въ самомъ дѣлѣ: если не грѣшно спросить медіума о томъ, какъ примирить съ собою политическихъ противниковъ, то почему же не спросить о томъ, какъ вообще достигнуть царства небеснаго? А тогда — зачѣмъ и Церковь, и ея пастыри, на что и слово Божіе, и всѣ писанія богомудрыхъ отцовъ и учителей Церкви, и весь опытъ духовной жизни, скопленный Церковію на протяженіи почти двухъ тысячъ лѣтъ?...

Такъ должно думать по поводу упомянутой замѣтки по принципу. Сдѣлаю нѣсколько замѣчаній въ отдѣльности.

Замѣтка говоритъ: „Въ высокой степени цѣнное указаніе получено (откуда? По нашему мнѣнію надо полагать—изъ преисподней!) однимъ изъ серьезныхъ московскихъ спиритуалистическихъ (спиритическихъ?) кружковъ“. Авторъ, какъ видите, полагаетъ, что спиритизмъ есть нѣчто „серьезное“ въ научномъ смыслѣ: выше я уже сказалъ, какъ онъ въ этомъ глубоко ошибается, принимая за „науку“ прелесть діавольскую.

„Медіумъ, говоритъ онъ, настаивая на возможно частомъ пріобщеніи св. Хрістовыхъ Таинъ, и указывая тѣ неисчислимыя благодѣянія, которыя изливаются на лицо, обновившееся чрезъ это таинство (перечисляются сіи блага), между прочимъ обратилъ особенное вниманіе на слѣдующее обстоятельство, о которомъ совершенно ничего неизвѣстно и въ духовной и свѣтской хрістіанской литературѣ: каждый, вспоминающій въ высокій моментъ принятія св. Хрістовыхъ Таинъ одно или нѣсколько именъ отшедшихъ, доставляетъ имъ чрезвычайно высокое облегченіе, и, образно выражаясь, какъ бы сопричащаетъ ихъ съ собой св. Хрістовыхъ Таинъ“.

Остановимся на этомъ. Авторъ видимо хочетъ указать на какое-то открытіе, идущее изъ области спиритизма, открытіе, если оно вѣрно, имѣющее-де громадное значеніе въ духовной жизни хрістіанъ. То, о чемъ идетъ тутъ рѣчь, такъ запутано, что необходимо разобраться: есть ли тутъ открытіе и что въ этомъ сообщеніи имѣетъ тѣнь истины, а что—примыселъ отъ лукаваго. Кто имѣетъ мои „Троицкіе Листки“, тотъ пусть прочтетъ №288 подъ заглавіемъ: „Какъ помочь усопшимъ братіямъ?“ Тамъ я даю

совѣтъ, предлагаемый Церковію: приносить безкровную жертву за почившаго, а при этомъ—и самъ помолись, попостись, очисти и свои грѣхи таинствомъ покаянія, соединись и самъ со Христомъ въ причащеніи Его пречистаго Тѣла и Крови... принеси Господу въ молитвѣ свое смиренное сердце, какъ жертву умилостивленія за усопшаго: тогда благодать Божія непостижимо таинственнымъ образомъ расположитъ къ теплой молитвѣ за него и служителей Церкви, и всѣхъ молящихся—и самую Церковь небесную, всѣхъ святыхъ Божіихъ, и Господь приметъ твою молитву, приметъ Жертву безкровную, Церковію за усопшаго приносимую, омоетъ грѣхи его пречистою Своею Кровію, въ которую опускается частица, вынутая въ память усопшаго, и въ семъ упованіи ты обрѣтешь небесное утѣшеніе и выйдешь изъ храма Божія, будто повидавшись съ усопшимъ, соутѣшившись съ нимъ собесѣдованіемъ!

Какъ видитъ читатель, мысль объ общеніи съ почившими посредствомъ молитвы и причащенія св. Таинъ Христовыхъ — не новая мысль, не открытіе кого-то, а то, чему всегда учила Церковь; но обратите вниманіе на самую постановку дѣла въ ученіи Церкви и въ сообщенія медіума: Церковь учитъ, что молитва, какъ кровь Церкви, какъ проявленіе жизни Церкви въ дѣятельной любви неумирающей, будучи сама возгрѣваема и возжигаема любовію Главы Церкви Христа Спасителя въ насъ, земныхъ Его членахъ, подвизаетъ и любовь Божію касаться благодатію спасающею немоществующихъ членовъ Церкви, въ иной міръ отшедшихъ, очищая ихъ и дѣлая способными къ воспріятію жизни вѣчной. Здѣсь главнымъ дѣятелемъ является не то лицо, которое причащается св. Таинъ, а вся Церковь, съ своею Вѣчною Главою—Господомъ Іисусомъ, а молящійся за почившаго является въ своемъ собственномъ сознаніи „первымъ изъ грѣшниковъ“, дерзающимъ во имя любви прибѣгнуть къ молитвамъ Церкви за близкаго ему человѣка. А въ сообщеніи медіума центромъ является то лицо, которое причащается и вспоминаетъ имена: дѣло представляется какъ бы совершающимся механически, съ необходимостью химическихъ или физическихъ законовъ... Подходя къ св. Чашѣ, вспомни, перечисли имена отшедшихъ, и дѣло сдѣлано: ты причастилъ ихъ св. Таинъ съ собою. Справедливо пишетъ мнѣ одинъ мой читатель, что при такомъ механическомъ, такъ сказать, взглядѣ на дѣло, причастникъ будетъ подходить къ св. Чашѣ не столько помышляя о своемъ недостоинствѣ, сколько заботясь о томъ, чтобъ не забыть имена своихъ близкихъ, и кто знаетъ? можетъ быть не безъ тайной горделивой мысли о томъ, что онъ-де помогаетъ участи усопшихъ. Не кроется ли въ этомъ случаѣ у руководившаго медіумомъ „духа“ тайнаго желанія — отвлечь причастника отъ самого себя и развлечь его мысли припоминаніемъ именъ усопшихъ, а можетъ быть, если причастникъ женщина, то и какими-либо усиліями воображенія?... Хитеръ врагъ въ дѣлѣ погибели нашей!

Но продолжаю выписку изъ замѣтки г. Юрчука. Переходя къ живымъ, медіумъ примѣняетъ тѣ же разсужденія и къ нимъ: „поминая имя кого-либо изъ живыхъ, говоритъ онъ, причащающійся способствуетъ тому же самому таинственному благотворному воздѣйствію на духъ, душу и жизнь воспоминаемаго лица, *которое въ этотъ моментъ*

воспринимаетъ всѣ благотворныя послѣдствія этого великаго таинства. Но этого недостаточно. Если это лицо обуревается невѣріемъ и не имѣетъ видимой склонности проникнуться глубокой вѣрой, благодаря чудному воздѣйствію великаго таинства, оно послѣдовательно возвращается къ утраченной вѣрѣ. Если же это лицо питаетъ враждебныя чувства къ тому, кто поминаетъ его въ моментъ воспріятія великаго Таинства, эта вражда, какъ огонь, обильно политый дождемъ, утрачиваетъ свою интенсивность; и путемъ послѣдовательныхъ поминовеній можно совершенно уничтожить эту вражду".

Здѣсь уже ясно проводится ученіе о перенесеніи плодовъ божественнаго Причащенія съ одного лица на другое, а отсюда не трудно вывести заключеніе и о возможности замѣны одного лица другимъ въ св. Таинствѣ... То благодатное воздѣйствіе, которое Церковь приписываетъ благодати Божіей въ силу молитвы самой церкви, чрезъ принесеніе безкровной Жертвы, приписывается въ ученіи медіума внѣшнему акту принятія св. Таинъ лицомъ, поминающимъ своего врага или вообще того, кого причастникъ поминаетъ въ моментъ причащенія. И въ этомъ случаѣ я попрошу моего читателя прочитать мой же „Троицкій Листокъ" № 55 дополнительнаго счета: „Какъ молитва Церкви дѣлаетъ изъ врага другомъ". Частое, почти ежедневное поминовеніе враговъ на проскомидіи, съ вынутіемъ за нихъ частицъ, опускаемыхъ, при совершеніи литургіи, въ кровь Господню,—поминовеніе, истекающее изъ всепрощающей любви къ симъ врагамъ, соединяемое съ личною смиренною молитвою поминающаго — вотъ что можетъ сдѣлать изъ врага друга. Только непремѣнное условіе при этомъ: ищи въ самомъ себѣ, въ собственномъ сердцѣ причины разлада и вражды, а если не находишь—усердно проси у Господа даровать тебѣ зрѣніе грѣховъ твоихъ, пока наконецъ, совершится это и ты убѣдишься, что виновенъ не твой врагъ, а именно ты: тогда дѣйствительно совершится чудо въ твоемъ сердцѣ: погаснетъ вражда, а за тѣмъ погаснетъ она и въ сердцѣ твоего врага, и вы станете друзьями. Видите: не самый актъ Божественнаго Причащенія, который можетъ быть и во осужденіе причастнику, приступающему въ сознаніи своихъ ненормальныхъ отношеній съ такъ называемымъ врагомъ, а безкровная Жертва, приносимая Церковію при условіи смиреннаго сознанія своей вины предъ врагомъ со стороны молящагося за врага, вотъ что сильно примиритъ врага. Шедъ прежде самъ смирися... А если не смиришься, то хотя бы ты каждый день причащался св. Таинъ съ поминовеніемъ твоего врага—не только не будетъ пользы отъ сего, но и будешь причащаться себѣ же во осужденіе. А когда идетъ тебѣ этотъ совѣтъ отъ какого-то медіума, другими словами—человѣка, являющагося посредникомъ въ сношеніяхъ съ духомъ тьмы, то тѣмъ паче бойся: очень можетъ быть, что врагъ рода человѣческаго именно потому и старается подчеркнуть значеніе самаго акта причащенія, чтобы придать ему какъ бы магическое свойство физическаго, слѣпо дѣйствующаго закона, а не свободно дѣйствующей благодати Божіей. Но вѣдь это уже граничитъ съ богохульствомъ...

Признаюсь, мнѣ, архіерею, было страшно читать строки, написанныя г. Юрчукомъ, въ которыхъ онъ обвиняетъ своихъ политическихъ не-

друговъ въ томъ, что они „потеряли якобы стыдъ и совѣсть, закрыли нѣкоторые отдѣлы Союза Р. Народа, стали убивать (конечно не въ буквальномъ смыслѣ) своихъ же болѣе храбрыхъ воиновъ, почему остается прибѣгнуть къ помощи Того, безъ Котораго всуе трудишася зиждущіи, всуе бдѣ стрегій“... Страшно за г. Юрчука и за тѣхъ, кто послѣдуетъ его совѣту приступать въ такомъ враждебномъ настроеніи къ св. Чашѣ Господней, хотя и съ молитвою, но съ гордою, лицемѣрною, осуждающею братьевъ и сознающею свое надъ ними превосходство... Вѣдь вотъ къ чему ведетъ знакомство съ бреднями спиритовъ и ихъ медіумовъ, и я съ болью сердца узналъ изъ той же замѣтки Юрчука, что какой-то священникъ печатаетъ свои замѣтки, хотя и полезныя, въ журналѣ спиритовъ „Смѣлыя Мысли“... Служителю-то Церкви ужъ это никакъ не подобало бы: вѣдь для него это—сугубый грѣхъ!

Кстати: было время, когда служители алтаря всячески открещивались отъ всего, что носило на себѣ печать вражды къ Церкви; теперь нерѣдко встрѣтить батюшку, съ интересомъ читающаго спиритическій журнальчикъ или іудейскую газетку. Года два назадъ, проѣзжая по Волгѣ, я замѣтилъ священника съ „Спиритуалистомъ“ въ рукахъ.—Что это вы, батюшка, читаете?—Онъ показалъ тетрадку.—Да вѣдь это изданіе спиритовъ! —Но тутъ вотъ есть ссылки на Евангеліе, отвѣтилъ мнѣ сей іерей. Пытался я доказать ему, что это положительно еретическое изданіе, но батюшка ничего не находилъ въ немъ зазорнаго. Даже наставленія, какъ вести бесѣду съ духами, находилъ полезными. Я полюбопытствовалъ: кто этотъ іерей? Оказалось, духовникъ одной изъ семинарій... Оставалось сказать, что если бы въ моей семинаріи оказался таковый любитель спиритизма, то я запретилъ бы ему священнослуженіе и удалилъ съ должности. Онъ не понялъ даже, за что же?...

Вотъ наше горе: соль наша теряетъ свою силу!!!... Не правда ли, что отрава язычества тонкою струею просачивается даже въ наше пастырство.

71.

Наши духовныя нужды.

Вмѣсто обычнаго дневника сегодня я даю своимъ читателямъ свое „доброе слово“, обращенное мною къ членамъ Русскаго Собранія чрезъ печатный органъ этого Собранія.

Вотъ что писалъ я тамъ:

„Старѣйшая изъ патріотическихъ организацій, образовавшихся въ періодъ духовнаго броженія на Руси, съ цѣлію укрѣпить устои духовной и государственной жизни на началахъ, завѣщанныхъ исторіей, „Русское Собраніе“ полагаетъ начало доброму дѣлу—открытію духовныхъ бесѣдъ сначала для своихъ сочленовъ, а потомъ, Богъ поможетъ, и для всѣхъ желающихъ, въ дни праздничные. „Русское Собраніе“ имѣетъ своею задачею раскрытіе, выясненіе и такъ сказать—углубленіе въ сознаніи русскихъ людей тѣхъ дорогихъ началъ, на коихъ зиждется вся духовая мощь нашего великаго народа, и наконецъ, про-

веденіе въ жизнь этихъ великихъ и святыхъ началъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что въ основѣ всей духовной жизни Русскаго народа лежитъ наше святое православіе. Православная Церковь, какъ поистинѣ нѣжная мать, восприняла нашъ народъ съ самой колыбели его историческаго бытія, просвѣтила сего младенца-богатыря святымъ крещеніемъ, воспитала въ немъ тотъ мощный духъ, который создалъ великую державу, занимающую шестую часть свѣта, заложила въ его душѣ все то, что мы называемъ свойствами именно нашего народнаго духа или *народностью*, и дала ему свѣтлый идеалъ Самодержавія—тотъ идеальнѣйшій образъ правленія, въ которомъ все стоитъ на вѣчныхъ началахъ нравственныхъ, на отношеніяхъ Верховной Власти къ подданнымъ, какъ отца къ дѣтямъ и обратно, вопреки юридическимъ идеаламъ другихъ народовъ, строющихъ свое благогосударственное на конституціи, на взаимномъ недовѣріи и договорѣ... Православное міропониманіе и міросозерцаніе есть то завѣтное сокровище, та святыня, дороже которой нѣтъ и не можетъ быть для русскаго православнаго человѣка. Православная Русь знаетъ, что ей ввѣрено это сокровище, чтобъ хранить его для блага всего человѣчества и что съ утратою или искаженіемъ его она сама будетъ недостойна милости Божіей и потеряетъ смыслъ своего историческаго бытія въ средѣ другихъ народовъ. Вотъ почему и всѣ наши патріотическія организаціи должны во главѣ всего отстаивать это священное сокровище, всѣ усилія направляя къ тому, чтобы просвѣщать умы и освящать сердца, укрѣплять и воспитывать волю въ духѣ святаго православія, подъ сѣнію и руководствомъ матери Церкви Православной. Вотъ почему отъ всей души должно привѣтствовать святое начинаніе „Русскаго Собранія“ въ открытіи духовныхъ бесѣдъ и дай Богъ, чтобъ это благое дѣло стало на жизненный путь, чтобъ это не было празднымъ времяпровожденіемъ, теоретическимъ только обсужденіемъ тѣхъ или другихъ вопросовъ духовной, церковной и общественной жизни, а оставляло слѣдъ въ сердцахъ собесѣдниковъ, ложилось добрымъ сѣменемъ на ихъ личность. И я полагалъ бы на первыхъ порахъ не раскрывать широко двери для постороннихъ, къ нашему содружеству непринадлежащихъ; дѣло это новое: въ домашней, такъ сказать, семейной обстановкѣ такое дѣло скорѣе привьется и станетъ благотворно прежде всего для насъ самихъ; выяснится то, что, можетъ быть, теперь еще не достаточно ясно обрисовывается въ нашихъ мечтахъ. Богъ укажетъ, что полезно будетъ потомъ: слава Ему и за сію добрую мысль и если мы постараемся провести ее въ жизнь, Онъ изъ нея, какъ изъ зерна ростокъ подастъ, и плодъ возраститъ. Итакъ, я полагалъ бы открыть наши бесѣды только для членовъ Русскаго Собранія и *ихъ семейныхъ*.—Далѣе, вопросъ: о чемъ же и на какія темы будутъ вестись наши бесѣды? Будетъ ли это рядъ лекцій въ опредѣленной системѣ изложенныхъ, по вопросамъ догматики, нравственности, и вообще изъ области религіозно-нравственой, или же свободный обмѣнъ мыслей по тѣмъ или другимъ вопросамъ изъ той же области? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо знать духовныя потребности тѣхъ, кто придетъ на эти бесѣды. Въ общихъ чертахъ намъ, пастырямъ Церкви, не безъизвѣстны эти потребности: мы знаемъ, что есть даже такія потреб-

ности, которыхъ сами нуждающіеся или недостаточно сознаютъ или же вовсе не сознаютъ: дѣло пастырей Церкви указать на эти потребности, освѣтить ихъ свѣтомъ ученія Церкви такъ, чтобы онѣ были сознаны, чтобъ онѣ пробудились въ совѣсти и сердцѣ, чтобъ запросила отвѣта на нихъ сама душа. Насколько мы, имѣющіе доступъ въ святилище совѣсти вѣрующихъ, можемъ видѣть эти потребности, мы будемъ отвѣчать имъ: это нашъ пастырскій долгъ. Но мы не всевѣдущи, мы—не приходскіе пастыри, которымъ, предполагается, открыты тайны каждой души прихожанъ; наши сужденія могутъ основываться или на общихъ, или же на случайныхъ наблюденіяхъ; а поэтому я позволяю себѣ обратиться къ сочленамъ по нашему содружеству съ почтительнѣйшею просьбою: не отказывать намъ, принявшимъ на себя руководительство сими бесѣдами, въ сообщеніи своихъ соображеній, наблюденій, мнѣній и даже, если сіе не будетъ съ нашей стороны слишкомъ дерзновенно, своихъ личныхъ духовныхъ нуждъ, которыя давали бы намъ темы для собесѣдованій. Есть положенія, для насъ, пастырей, кажущіяся азбучными истинами, о которыхъ было бы излишне и какъ-то странно и говорить, предполагая, что онѣ извѣстны каждому православному, но на дѣлѣ иногда оказывается, что именно сіи-то положенія и необходимо раскрыть для многихъ православныхъ. Говорю по опыту. Къ глубокой скорби нашей, многіе изъ людей, даже прошедшихъ среднюю школу, нуждаются въ млекѣ хрістіанскаго ученія вѣры, какъ только коснется вопросъ о проведеніи въ жизнь этого ученія. И когда представляется имъ случай слышать раскрытіе основныхъ началъ ученія Православія не въ школьномъ книжномъ изложеніи, а въ живомъ и жизненномъ ученіи Церкви у св. отцовъ и учителей нашихъ, то они бываютъ поражены духовною красотою и духовною силою сего ученія. Православіе есть—жизнь въ Церкви и только тотъ въ состояніи постигнуть его благодатную животворящую силу, кто всѣмъ сердцемъ стремится провести въ свою *личную* жизнь святые завѣты его, животворящія Господни заповѣди въ духѣ ученія св. матери Церкви, при содѣйствіи благодати Божіей въ ея святыхъ таинствахъ.

Такъ думаю я относительно предполагаемыхъ бэсѣдъ въ „Русскомъ Собраніи“: Покорнѣйше прошу членовъ онаго, сочувствующихъ сему начинанію, откликнуться на мое имя (Невская лавра) или на имя о. Протоіерея Буткевича (Вас. о. 11-я линія, 52, кв. 5)“.

Мои читатели видятъ, что это доброе начинаніе достопочтенной организаціи ставитъ себѣ въ сущности ту же цѣль, какую поставило и наше „Троицкое Слово“. Нельзя не порадоваться, нельзя отъ души не привѣтствовать, что истинно русскіе люди изъ образованнаго общества сердцемъ почувствовали, что они должны пойти впереди народа въ любви къ родной Церкви, къ ея святому ученію, чтобъ не только самимъ проникаться благоуханіемъ Православія, но и вносить его всюду, гдѣ есть души, способныя воспринимать его. Только при такомъ отношеніи къ Церкви мы можемъ быть истинно русскими людьми, только при этомъ наша древняя Русь признаетъ насъ своими сынами и наслѣдниками сокровищъ ея духа...

Старая Русь... Большой деревянный домъ, русская „изба“, съ гостепріимнымъ крыльцомъ, съ горницей, или свѣтлицей, украшеніемъ которой служитъ большая въ древнемъ стилѣ писанная икона, въ золотой низанной жемчугомъ ризѣ, въ рѣзномъ изъ дуба кіотѣ, и непремѣнно съ лампадой, озаряющей тихимъ свѣтомъ строгій ликъ Христовъ или милосердый ликъ Владычицы... Вотъ старая Русь!

А новая Россія?.. о, это каменный дворецъ, въ европейскомъ вкусѣ, дворецъ, на фасадѣ котораго едва примѣтишь входъ, въ роскошныхъ залахъ котораго не скоро отыщешь—если только отыщешь—образокъ въ два вершка, и неизвѣстно, не легко разсмотрѣть, кто изображенъ на этомъ образкѣ.., Святыня будто стыдливо прячется въ этихъ палатахъ, обитатели которыхъ стыдятся помолиться, садясь за столъ, никогда не крестятся, входя въ домъ... Вотъ новая Россія,—не Русь, а Россія!

И на сколько тепло и уютно, по родному—семейно чувствуешь себя въ той русской избѣ, настолько холодно и казенно, будто гдѣ-то у чужихъ людей—въ этихъ разубранныхъ картинами и статуями палатахъ оевропеившейся Россіи.

И эта изба, и эти палаты — образъ старой и новой Россіи. Для старой Руси—не было ничего выше, святѣе святыни православія, символомъ коего служила древняя икона съ горящей лампадой. Вся государственная жизнь, весь ея строй, даже наука и искусство, вся культура, — все было обвѣяно духомъ Православія, все жило подъ благословеніемъ матери Церкви. За то и все горе, какое судилъ Богъ понести народу Русскому въ его исторіи, срастворялось въ душѣ народной благодатнымъ чувствомъ въ общеніи съ небомъ подъ покровомъ и руководствомъ Православной Церкви.

То ли теперь?..

Къ несчастью, верхніе, руководящіе слои народные откололись отъ толщи народной, а эта толща, лишенная руководителей, — кромѣ, конечно, пастырей, — подъ развращающимъ вліяніемъ потерявшей Бога полуинтеллигенціи и уличной печати, духовно дичаетъ, теряя свой православный обликъ... Школа пошла въ большинствѣ (исключая церковной) по стопамъ интеллигенціи, и дѣти слышатъ отъ наставниковъ въ классѣ—это фактъ! — что слово „религія“ значитъ „суевѣріе“... Увы! И такихъ наставниковъ—духовныхъ отравителей не гонятъ изъ школы! Не заразились ли уже и отцы этимъ воззрѣніемъ на религію, что прячутъ св. иконы въ самый укромный уголокъ, что считаютъ будто неприличнымъ ставить икону размѣромъ побольше, а объ лампадахъ уже и не упоминаютъ!.. Русь, гдѣ ты, родная? Откликнись!..

Увы, это—Россія новая, „обновленная“ Россія, а не старая матушка Русь...

Приглашаю моихъ добрыхъ читателей откликнуться на вышепомѣщенный мой призывъ, имѣя въ виду нашъ скромный листокъ, который можетъ въ нѣкоей мѣрѣ если не восполнить, то напомнить имъ тотъ залъ Русскаго Собранія, гдѣ, Богъ дастъ, съ осени будутъ вестись духовныя бесѣды, и можетъ дать хоть краткіе отвѣты на запросы ихъ русской православной души...

Мы переживаемъ время тяжелое: дорога каждая крупинка добра, каждый самый слабый лучъ свѣта...

72.

Опасность новой моды благотворенія.

Есть особый видъ людей среди нашей интеллигенціи, посвятившихъ себя якобы благотворительности, на дѣлѣ же изобрѣтенію всякихъ способовъ извлеченія изъ чужихъ кармановъ денегъ, можетъ быть, въ нѣкоторой долѣ поступающихъ и на дѣла благотворенія, но главнымъ образомъ идущихъ на прославленіе самихъ изобрѣтателей этихъ способовъ, а въ общемъ—Богъ вѣдаетъ на что... Недавно какой-то дамѣ пришла счастливая мысль использовать въ цѣляхъ благотворенія... угадайте—что? Скромность и привлекательность юныхъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ! Простите: иначе я не умѣю назвать такой способъ благотворительнаго сбора, какой устроила г-жа Бруннеръ, (любопытно бы знать, кто эта госпожа и какого происхожденія?) подъ именемъ „бѣлаго цвѣтка“ въ пользу страдающихъ чахоткою. И вотъ, въ опредѣленный день, именно 20 апрѣля, по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, по всѣмъ общественнымъ и даже государственнымъ учрежденіямъ, отъ кофейни и трактира до Государственнаго Совѣта, по всѣмъ трамваямъ и вагонамъ жел. дорогъ появились продавщицы бѣлыхъ цвѣтковъ въ нарядахъ и шляпкахъ, обращающихъ на себя вниманіе, дѣвушки и молодыя женщины, предлагающія купить цвѣтокъ... Расчетъ предпринимателей былъ вѣрный: кто же откажется купить вещицу, цѣна коей объявляется въ пятачекъ, купить у дѣвушки или молодой женщины: вѣдь отказать въ такомъ случаѣ значитъ оскорбить продавщицу, поступить противъ всякихъ рыцарскихъ традицій?.. И вотъ, вмѣсто пятачковъ сыплются рубли, десятки рублей, собираются крупныя суммы; едва ли нашелся кто-либо, отказавшійся купить цвѣтокъ, тѣмъ болѣе, что цвѣтки было удобно тутъ же приколоть себѣ на грудь,—получалось нѣчто въ родѣ ордена на часъ, и изъ пятачковъ собирались сотни тысячъ рублей, и никому въ голову не приходило даже спросить: да кто же распоряжается этими деньгами? На какихъ „чахоточныхъ“ онѣ пойдутъ?..

И вотъ въ № 642 патріотической газеты „Земщина“ появляется замѣтка князя М. Н. Волконскаго подъ заглавіемъ: „Нѣсколько вопросовъ г-жѣ Бруннеръ“. Привожу эту замѣтку, въ виду ея важности—не въ смыслѣ обличенія какого-либо обмана,—мы, да и князь, кажется, не допускаемъ мысли о грубой эксплоатаціи нашихъ кармановъ въ данномъ случаѣ,—нѣтъ, а въ виду важности тѣхъ вопросовъ, тѣхъ размышленій, на какія наводитъ вся эта исторія сбора на „бѣлый цвѣтокъ“. Вотъ что пишетъ князь:

Нѣсколько вопросовъ г-жѣ Бруннеръ.

Письмо въ редакцію.

Госпожа А. А. Бруннеръ напечатала во всѣхъ петербургскихъ газетахъ письмо, въ которомъ въ качествѣ „главной устроительницы“ праздника бѣлаго цвѣтка, объявляетъ, что день этого праздника прошелъ и что подведены итоги... Затѣмъ г-жа А. А. Бруннеръ говоритъ о „свѣтлой радости въ душѣ“, о „глубокомъ удовлетвореніи и о

томъ, что „смыслъ дня“ нашелъ „пути“ въ „отзывчивыя сердца людей“.

Все это, конечно, хорошо, и мы всѣ, вѣроятно, очень рады, что у г-жи Бруннеръ такія прекрасныя чувства и что выражаетъ она ихъ въ лирическо-повышенномъ тонѣ; но также вѣроятно намъ было-бы интересно узнать изъ ея устъ—кромѣ лирики и цыфры подведенныхъ итоговъ.

На ряду съ этимъ да позволитъ намъ г-жа Бруннеръ, разъ ужъ она заговорила, обратиться къ ней съ слѣдующими вопросами и ждать отъ нея печатный отвѣтъ на нихъ:

1) Куда поступили собранныя отъ продажи „бѣлаго цвѣтка“ деньги, и цѣликомъ ли онѣ будутъ израсходованы въ Россіи, или часть ихъ отошлется за границу и если это случится, то подъ какимъ предлогомъ?

2) Подъ чьимъ контролемъ будутъ расходоваться деньги?

3) Въ чемъ будутъ состоять эти расходы, ибо „помощь“ чахоточнымъ и борьба съ туберкулезомъ могутъ проявляться весьма различно?

4) Какъ г-жа Бруннеръ смотритъ, если она хрістіанка, на перечеркнутый лишней чертой не хрістіанскій, а масонскій, „опороченный“ (для ношенія его евреями) крестъ, который она и ея помощницы носили на себѣ и на щитахъ и который *совершенно неправильно* именуется „восьмиконечнымъ“, ибо онъ не только весьма существенно разнится по начертанію отъ настоящаго восьмиконечнаго креста—эмблемы хрістіанской, но и по мистическому толкованію совершенно противоположенъ идеѣ хрістіанства?

5) Обратила ли вниманіе г-жа Бруннеръ на промелькнувшее на этихъ дняхъ сообщеніе въ газетахъ о томъ, что въ имѣніи извѣстнаго масона Новикова, въ видѣ увѣковѣченія его памяти,—предположено устроить санаторію для чахоточныхъ, и не пойдетъ ли часть собранныхъ въ день бѣлаго цвѣтка денегъ на такое „увѣковѣченіе“ памяти „великаго“ масона и поддержаніе его „усадьбы“ въ неприкосновенности, какъ дорогой и „священной“ реликвіи?...

Князь М. Н. Волконскій.

Вопросы перепечатаны въ „Колоколѣ“.

Подъ впечатлѣніемъ разсказа одной вѣрующей матери, съ негодованіемъ наблюдавшей то, что творилось въ гостинномъ дворѣ и на улицахъ Петербурга, я написалъ въ „Земщинѣ“ же нижеслѣдующія строки подъ заглавіемъ:

Красиво ли? Допустимо ли?

Праздникъ „Бѣлаго цвѣтка“ послужилъ поводомъ для газетъ къ восторженнымъ похваламъ нашей благотворительности.

Спасибо „Земщинѣ“, что она первая (надѣюсь и не послѣдняя) обратила вниманіе на другую сторону этого дѣла, предложивъ иниціаторшѣ его пять весьма серьезныхъ вопросовъ. Подождемъ, когда она отвѣтитъ на нихъ, а пока что, обратимъ вниманіе на не совсѣмъ красивый, чтобъ не сказать рѣзче, способъ этого новаго благотворительнаго сбора. Вѣдь, чего добраго, пожалуй, онъ у насъ войдетъ въ моду и можетъ быть уже сейчасъ кто-нибудь, изъ досужихъ благотворителей на чужой счетъ, придумываетъ подобный сборъ еще на какое-нибудь „доброе дѣло“, подъ именемъ сбора на голубой или иной какой цвѣтокъ...

Мнѣ скажутъ: почему же этотъ способъ я называю „некрасивымъ“? Отвѣчаю: спросите добрыхъ матерей хрістіанокъ, которыя были свидѣтельницами, какъ дѣвушки, лѣтъ 17-ти, въ фантастическихъ нарядахъ и шляпкахъ метались изъ магазина въ магазинъ по крытымъ галереямъ гостинаго двора, гдѣ толпились всякаго рода студенты; какъ иныя красавицы, чтобы получить побольше, чуть не кидались на шею мужчинамъ, навѣшивая имъ свои цвѣтки, иногда противъ ихъ желанія; какъ онѣ хвалились одна передъ другой: а мнѣ такой-то далъ 10 руб., а мнѣ 15, какъ гимназистки старались одна передъ другой перехватить молодыхъ людей, которые, въ свою очередь, были рады показать свою щедрость...

Хорошо еще, что 20 апрѣля былъ дождь и творилось это не на открытой улицѣ, и скажите: красиво ли это въ нравственномъ отношеніи, можно ли это назвать хрістіанской благотворительностью? Желательно ли, чтобъ это повторилось? На чемъ, въ психологическомъ отношеніи, построенъ былъ весь успѣхъ сбора? Былъ ли бы этотъ успѣхъ, если бы цвѣтки продавались не дѣвушками, не дѣвочками, а простыми богадѣлками, артельщиками, ну, словомъ: не тѣми, которыя своимъ нарядомъ, своими шляпками и, конечно, молодостью способны привлечь вниманіе къ своей особѣ.

Какъ служитель Церкви, я ставлю прямо вопросъ: нравственно ли пускать въ ходъ такіе способы сбора на добрыя дѣла? Можно ли, не оскорбительно ли для хрістіанства допускать такіе способы сбора? Не дѣйствуютъ ли они разрушительно на нравственность сборщицъ, невинныхъ дѣвушекъ?

Я знаю, что на меня набросятся г-жа Бруннеръ и ея единомышленники, что къ нимъ присоединится весь хоръ іудейскихъ газетъ, если только не замолчатъ мой протестъ; но я увѣренъ, что ко мнѣ присоединятся всѣ вѣрующія матери, всѣ добрые хрістіане, коимъ дорога чистота души ихъ дочерей, которыя не утратили истинно-хрістіанскаго пониманія дѣла всякой благотворительности.

Можетъ быть денегъ и много собрано, но сколько юныхъ сердецъ отравлено ядомъ тонкаго порока?...

Одно несомнѣнно: мы все дальше и дальше уходимъ отъ чистаго идеала благотворительности: то концерты съ танцами и плясками въ пользу всякаго рода пострадавшихъ, то зрѣлища въ ихъ же пользу, то вотъ еще новый способъ открывать скупые карманы на дѣла благотворенія...

Я не напоминаю уже о заповѣди Хрістовой: *егда твориши милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя*,—это уже отходитъ въ область добрыхъ преданій, нынѣ вѣдь любятъ благотворить „за наличный разсчетъ“, чтобъ тутъ же и удовольствіе получить въ томъ или въ другомъ видѣ,—я ставлю только вопросъ: допустимо ли это въ цѣляхъ воспитанія молодежи въ началахъ хрістіанской нравственности?

Или нынѣ объ этомъ и спрашивать не довволяется?..

Думается: пора наконецъ возстать намъ, пастырямъ Церкви, съ безпощаднымъ обличеніемъ того лицемѣрія, которое стремится подъ разными видами подмѣнить хрістіанскую добродѣтель мірскими развлеченіями, отравляющими души тонкимъ ядомъ пороковъ и совершено отнимающими всякую цѣну добраго дѣла въ очахъ Божіихъ. Я не разъ говорилъ и не перестану повторять: язычество грязною волною вторгается въ наше

хрістіанство: Пастыри Церкви! Берегите своихъ чадъ о Господѣ! Господь съ насъ взыщетъ ихъ души!

А въ данномъ случаѣ мелькнула тѣнь масонщины, а гдѣ масоны, тамъ и заклятые враги Хрістовы—іудеи... Но объ этомъ поговоримъ, когда дѣло станетъ яснѣе, когда г-жа Бруннеръ отвѣтитъ, — если только удостоитъ отвѣта на вопросы черносотенныхъ газетъ не презрительнымъ молчаніемъ, а дѣльнымъ словомъ...

Но дѣльнаго, простого слова не послѣдовало, а вмѣсто того общество борьбы съ бугорчаткою устроило 15 мая очень торжественное засѣданіе, въ которомъ читался отчетъ о денежныхъ суммахъ, приводились цыфры, но дѣлалось это, повидимому, такъ странно, что репортеръ газеты „Новое Время“ слышалъ, что 10% валоваго сбора отчислено въ запасный капиталъ, который достигъ нынѣ суммы 36,000, а репортеръ газеты „Рѣчь“ о запасномъ капиталѣ ничего не слыхалъ, а удостовѣряетъ, что этотъ десяти-процентный остатокъ пойдетъ на устройство праздника бѣлаго цвѣтка въ будущемъ году...

Но Богъ съ ними, съ этими деньгами. Для насъ гораздо важнѣе то, что пишетъ тотъ же князь М. Н. Волконскій въ той же газетѣ „Земщина“:

„Докторъ Чигаевъ, говоритъ онъ, распространился о томъ, что „правая печать“ „признала“ крестъ, который былъ на всѣхъ кружкахъ и лентахъ у продавщицъ масонскимъ—„между тѣмъ, какъ знакъ этотъ является символомъ борьбы съ бугорчаткой и былъ установленъ конференціей по борьбѣ съ туберкулезомъ“.

Напрасно, однако, докторъ Чигаевъ ломаетъ такого наивнаго незнайку — само собою, что „знакъ этотъ“ гдѣ-нибудь да установленъ и для обществъ борьбы съ бугорчаткой, но вотъ, что онъ является „эмблемой“ этой борьбы—это не правда.

Ужъ если докторъ Чигаевъ заговорилъ объ эмблемахъ, то ему нужно было по крайней мѣрѣ познакомиться съ тѣмъ предметомъ, о которомъ онъ рѣшился, и довольно развязно, говорить публично: — „знакъ этотъ“, т. е. опороченный лишними чертами хрістіанскій крестъ, былъ масонской эмблемой еще задолго до возникновенія общества борьбы съ бугорчаткой, и докторъ Чигаевъ можетъ справиться объ этомъ въ любомъ спеціальномъ изданіи или хотя бы въ клубѣ общественныхъ дѣятелей, гдѣ вѣроятно цѣлъ экранъ, на которомъ недавно г-жа Т. Соколовская демонстрировала „знакъ этотъ“, какъ масонскую эмблему... По поводу „санаторіи“ въ имѣніи масона Новикова — отвѣта газеты не передали. Вѣроятно, его и не было.

И вся эта исторія съ помпезнымъ засѣданіемъ, вмѣсто простого яснаго и опредѣленнаго отвѣта, весьма похожа на масонскую манеру выходить изъ затрудненій:—говорить очень громко и ничего не сказать. Великолѣпно, но не убѣдительно настолько, что „убѣждаетъ“ какъ разъ въ противномъ, т. е. что тутъ сильно пахнетъ „масонами“.

Итакъ, дѣло пока остается темнымъ и подозрительнымъ...

73.

Мое доброе слово миссіонеру Д. И. Боголюбову.

Я въ долгу предъ Дмитріемъ Ивановичемъ Боголюбовымъ,—тѣмъ миссіонеромъ, котораго я не назвалъ по имени въ своемъ дневникѣ подъ

заглавіемъ: „Можетъ ли прельщенный быть руководителемъ духовной жизни народа?“ Онъ мнѣ отвѣчаетъ теперь въ „Приходскомъ Священникѣ“ за полной подписью и въ свою очередь ставитъ мнѣ вопросы. Къ сожалѣнію, не могу всего читать, что на Руси печатается, и потому иногда только случайно, по присылаемымъ вырѣзкамъ узнаю, что пишутъ по моему адресу.

А пишетъ г. Боголюбовъ между прочимъ вотъ что:

„Во 1-хъ, что эта за позиція „на церковной стражѣ“? Кто санкціонировалъ для преосвященнаго Нікона долгъ вникать въ церковно-административныя дѣла чужихъ епархій?... Преосвященный Ніконъ забываетъ, что надо мной есть свое духовное начальство. Такъ неужели безъ его помощи оно не можетъ разсудить: заслуживаютъ „одобренія“ мои сужденія или нѣтъ? Что это, въ самомъ дѣлѣ, за услужливость, имѣющая на мой взглядъ ярко партійную окраску?!“...

Отвѣчаю вамъ, любезнѣйшій Дмитрій Ивановичъ. На первый вопросъ вы тутъ же отвѣтили сами, всего чрезъ десять строкъ, когда говорите, что „на стражѣ церковной обязанъ стоять всякій епископъ“; дѣло значитъ, въ „позиціи“: кто „санкціонировалъ долгъ вникать въ дѣла чужой епархіи?“ На этотъ вопросъ я отвѣчу вопросомъ же: а вамъ, Дмитрій Ивановичъ, кто „санкціонировалъ“—если не „долгъ“, то хотя право судить о дѣяніяхъ Епархіальной власти въ Москвѣ? Вѣдь вы тутъ же говорите, что вотъ-де „въ Москвѣ большую мелкоту отлучили и пока изъ того ничего путнаго (хоть бы выразились-то поприличнѣе: вѣдь отлученіе-то совершено первосвятителемъ московскимъ!) не вышло.“ Вы мірянинъ и однакоже позволяете себѣ публично сказать и напечатать, что изъ распоряженій московскаго первосвятителя ничего путнаго не вышло; я—епископъ, по вашему же признанію обязанный стоять на стражѣ, долгомъ почитаю предостеречь тоже епископа, стоящаго во главѣ миссіонерскаго совѣта въ столицѣ,—предостеречь и другихъ собратій моихъ, епископовъ другихъ епархій, да и всѣхъ православныхъ отъ нарождающейся опасной ереси: если ужъ говорить о правѣ или долгѣ, то конечно и право и долгъ не на вашей сторонѣ, а слѣдовательно и не вамъ меня, а скорѣе мнѣ бы васъ слѣдовало спросить: по какому праву вы позволяете себѣ произносить приговоръ надъ дѣяніемъ московской епархіальной власти? Пусть Св. Синодъ воспретитъ всѣмъ намъ, епископамъ, высказывать въ печати свои сужденія по вопросамъ церковной жизни: тогда мы и замолчимъ и предоставимъ это... ну хотя бы вамъ, гг. епархіальные миссіонеры. Только помните, что этимъ правомъ захватно пользуются всѣ іудеи, всѣ враги Церкви: какъ лишите вы его насъ, епископовъ?

Но этого мало. Въ Петербургѣ живетъ не одинъ десятокъ тысячъ и моихъ вологжанъ: вѣдь и они заражаются тонкимъ ядомъ чуриковщины, и одни изъ нихъ съ тоскою въ душѣ приходятъ ко мнѣ съ жалобою на духовнаго развратителя, другіе уже несутъ его заразу въ предѣлы моей епархіи въ видѣ вражды къ духовенству и духовной гордыни: какъ же мнѣ молчать? Ереси и расколы широкою волною распространяются по лицу родной земли, а мы, епископы, будемъ молчать изъ опасенія какъ бы тому или другому г. миссіонеру не показалось наше слово въ защиту терзаемой матери Церкви неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла стоящаго

надъ симъ миссіонеромъ его духовнаго начальства? Простите, гг. и оо. миссіонеры! У васъ начинается пожаръ, а мы будто и права лишены крикнуть хотя бы и вашему „начальству“: смотрите! берегитесь! гасите огонь!... Вы, Дмитрій Ивановичъ, видите въ моей статьѣ не слово ревности о святой Церкви, а какую-то „услужливость, имѣющую партійную окраску“. Вы говорите, что „именно такой окраской одобрены благоглаголивыя размышленія“ мои (пусть судятъ читатели, насколько вѣжливы такія выраженія въ отношеніи къ епископу: я въ своемъ дѣлѣ не судья)... А знаете ли, что эти размышленія излились изъ наболѣвшаго сердца, при видѣ той разрухи, которая виситъ надъ нами, при видѣ той растерянности, какую проявляютъ стоящіе на стражѣ?... Вы сочли мои строки, кажется, доносомъ съ моей стороны, и въ свою очередь доносите на меня, что я вмѣшиваюсь въ дѣла чужой епархіи... Ахъ, дорогой Дмитрій Ивановичъ! До того ли теперь, чтобъ заглядывать въ чужую душу: по какимъ побужденіямъ писано то или другое „размышленіе“? Пусть каждый смотритъ въ свою совѣсть, въ свое сердце: „знай себя и будетъ съ тебя“, какъ говорилъ одинъ оптинскій старецъ. А вотъ, когда мы видимъ бѣду для Церкви, то и должны—да, во услышаніе всей Церкви должны вричать объ этой опасности... Недолго ждать: время покажетъ, кто изъ насъ правъ!

Вы говорите мнѣ: „не будьте голословны въ приговорѣ обо мнѣ“. Но я отъ устъ вашихъ же сужу о васъ, Дмитрій Ивановичъ. Вотъ вы говорите: „я знаю церковное ученіе и знаю, что его я исповѣдую все“... Все? А развѣ Церковь поручала когда-нибудь преподавать свое ученіе людямъ, находящимся въ несомнѣнной прелести? Вѣдь это слова, это опредѣленіе Чурикова — ваше, Дмитрій Ивановичъ! Вѣдь вы сами же утверждаете, что Чуриковъ во многомъ заблуждается, что вы его ошибки и погрѣшности и безъ „Колокола“ отлично знаете. Знаете, слѣдовательно, и то, что это — по меньшей мѣрѣ невѣжда, искажающій слово Божіе. Знаете, конечно, и то, что повелѣно св. Апостоломъ: *не мнози учители бывайте.* Знаете и другое апостольское слово: *како проповѣдятъ, аще не послани будутъ.* Знаете, что публичное учительство въ Церкви есть дѣло пастырей и только тѣхъ изъ мірянъ, кому будетъ поручено сіе отъ пастырей же. Сами же говорите, что Чурикову права на учительство, „собственно, никто не давалъ: онъ самъ его *взялъ*, а, взявъ, такъ умѣло воспользовался фактомъ, (т. е. самочиніемъ своимъ), что за него потомъ всталъ народъ, какъ за Иліодора (но Иліодоръ не самочинно училъ народъ, а съ благословенія и по заповѣди своего епископа и приравнивать его къ самозванцу Чурикову не подобаетъ) и пришлось, во вниманіе къ мольбамъ народа, (мало ли о чемъ будетъ „молить“ толпа сбитыхъ съ толку простецовъ!) разрѣшить Чурикову проповѣдывать, хотъ и подъ строгимъ пастырскимъ надзоромъ“. Такимъ образомъ вы сами сознаетесь, за весь миссіонерскій совѣтъ, что вы ничего не могли сдѣлать съ самозванцемъ, что противъ воли пришлось „санкціонировать“, какъ нынѣ говорятъ, бесѣды самозванца учителя. А онъ, пользуясь такою слабостью совѣта, охотно подписалъ отнынѣ знаменитыя „три бумаги“, о коихъ вы говорите. И вы думаете, что этимъ „обезвредили“ самозванца? Простите, мнѣ припоминается извѣстная птица, которая при видѣ опасности,

прячетъ свою голову подъ крыло, воображая, что ее никто не видитъ, и опасность минуетъ...

Теперь, простите, я обращаюсь уже къ вашей совѣсти и говорю: мнѣ страшно за васъ, Дмитрій Ивановичъ! Не оскорбляете ли вы св. Апостола Павла, прячась за его авторитетъ, когда приводите мнѣ на память его слова: „одни по любопренію проповѣдуютъ Христа нечисто... нѣкоторые по зависти... что до того? Какъ бы ни проповѣдывали Христа, я и тому радуюсь, и буду радоваться?(Филип.1,15—18)“.— „Слова Апостола, восклицаете вы,— для отвѣта преосвященному Нікону прямо замѣчательны!“ Но ужели Апостолъ Христовъ имѣлъ въ виду прельщенныхъ, зараженныхъ самомнѣніемъ, находящихся подъ вліяніемъ злого духа? Ужели тотъ, кто имѣлъ умъ Христовъ, въ комъ, по его выраженію, жилъ Самъ Христосъ, ужели онъ радовался, когда ученіе Христово распространялось среди язычниковъ чрезъ такихъ одержимыхъ? Не мнѣ учить васъ, дорогой Дмитрій Ивановичъ: вы много лѣтъ имѣете дѣло съ сектантами и лучше меня, конечно, знаете науку герменевтику; вы знаете, что Церковь наша не признаетъ іезуитскаго правила: цѣль оправдываетъ средства, а потому не допуститъ къ святому дѣлу духовнаго „окормленія“ чадъ своихъ того, кого даже вы, при всей своей снисходительности, называете прельщеннымъ. Церковь знаетъ, что прелесть есть наихудшая изъ ересей: она захватываетъ и умъ, и сердце, и волю человѣка, ею одержимаго, и заражаетъ другихъ, соприкасающихся съ такимъ человѣкомъ. Это—не то, что простой грѣхъ: это — хула на Духа Святаго, если только особое милосердіе Божіе не вразумитъ прельщеннаго. Апостолъ разумѣлъ, по изъясненію всѣхъ нашихъ православныхъ толковниковъ, не такихъ людей, не зараженныхъ ересью,— да и вы то же признаете: такъ какъ же это вы примѣняете къ прельщенному его словеса? Апостолъ разумѣлъ такихъ вотъ грѣшниковъ, какъ и мы съ вами, отъ которыхъ вреда святой вѣрѣ произойти не могло. Правда, вы такимъ и считаете Чурикова, но я-то сію мѣрку въ отношеніи къ Чурикову прикладывать не имѣю основаній. Я боюсь, что скоро и вамъ придется сознаться въ своей ошибкѣ. И давно бы пора: вѣдь ровно годъ тому назадъ вы говорили мнѣ лично, что Чуриковъ считаетъ себя особымъ избранникомъ Божіимъ: ну, какъ же ему ввѣрять для духовнаго руководства души, въ простотѣ сердца вѣрующія? Ужели сдѣлалъ бы это Апостолъ? Ужели порадовался бы, если бы въ средѣ его паствы явился таковой лжепророкъ и даже — чудотворецъ?

Спасибо о. іером. Веніамину: своими основательными статьями въ „Колоколѣ“ онъ избавилъ меня отъ необходимости доказывать, что Чуриковъ — неправославенъ, что чуриковщина есть секта, родственная хлыстовству, что въ концѣ концовъ она ведетъ къ подмѣнѣ „хрістіанства“, къ подмѣнѣ благодатнаго— человѣческимъ, духовнаго—душевно-плотскимъ, жизни въ Богѣ—вѣрой въ человѣка. [1]). Можно ли допускать такую проповѣдь, давать на нее благословеніе со стороны Церкви?

Вы спрашиваете: „что было дѣлать намъ—проклинать и отлучать?“

---

[1]) Было бы очень полезно выпустить статьи о. іеромонаха Веніамина отдѣльной брошюркой и раздавать ихъ у дверей Чурикова: кстати тутъ обнаружилось бы и то, какъ относятся слушатели къ обличенію сего самозванца.

Вѣроятно, это тонкій намекъ опять на „Москву“. Отвѣчаю вамъ: ни того, ни другого *пока* не слѣдовало дѣлать. Должно было испытать *смиреніе* Чурикова. Вѣдь смиреніе есть основная стихія духовной жизни въ православной Церкви: гдѣ нѣтъ благоуханія сей стихіи, тамъ нѣтъ и духовной православной жизни, тамъ—смрадъ мертвящей душу гордыни. Должно было потребовать отъ него снятія креста, остриженія волосъ, прекращенія проповѣди, какъ такого дѣла, къ коему онъ не пригоденъ съ точки зрѣнія Церкви. И только тогда, когда онъ не послушалъ бы, повести съ нимъ полемическія, какъ съ сектантомъ, бесѣды, хотя бы вотъ вамъ, Дмитрій Ивановичъ. И ужъ ни въ какомъ случаѣ не освящать его бесѣдъ благословеніемъ церковнымъ.

Въ заключеніе вы говорите по моему адресу: „такъ вотъ что грустно: по нынѣшнимъ временамъ оказывается, не всякой стражѣ слѣпо довѣряться можно“. Это въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: Епископу Нікону вѣритъ не слѣдуетъ, а Чурикову надо всюду открыть двери, приглашать его по церквамъ для проповѣди, итти пастырямъ Церкви къ нему на выучку. Чтожъ? Вѣдь если о немъ вы говорите: „дай Богъ побольше такихъ православныхъ“, то почему же бы и не такъ? Нынѣ народъ жаждетъ слышанія слова Божія; вѣдь вотъ вы мірянинъ, а вамъ дано право проповѣди: почему же бы „умѣлому“ и, какъ видно, опытному въ семъ дѣлѣ Чурикову не предоставить того же права?

Заключу и я свое доброе слово вамъ: грустно, до боли сердца грустно, что якобы гуманный, на дѣлѣ же очень туманный сентиментализмъ вторгается уже въ область церковной жизни нашей, и нельзя стало полагаться въ дѣлѣ распознаванія „духовъ“ даже на такихъ спеціалистовъ, какъ наши миссіонеры... И какъ бы хотѣлось вѣрить, что вы, Дмитрій Ивановичъ, оправдаете на себѣ вторую половину стиха 8-го изъ 9-й главы Притчей Соломоновыхъ...

74.

Что у людей высоко, то мерзость предъ Богомъ.

Я ждалъ, что мой голосъ, голосъ архипастыря Православной Церкви, по поводу сбора на чахоточныхъ путемъ продажи бѣлаго цвѣтка дѣвушками и женщинами, или будетъ замолчанъ, или же вызоветъ злобный откликъ въ іудейскихъ газетахъ. Такъ оно и случилось. Не утерпѣли тѣ, кому выгодно вытравлять изъ православной русской души чистые идеалы хрістіанскаго благотворенія, кто всѣми путями стремится подмѣнить все міросозерцаніе хрістіанскоэ — масонскими бреднями, чтобы перевоспитать самую душу народную на свой ладъ. И вотъ, они уже накинулись на меня въ одномъ изъ своихъ органовъ, который извѣстенъ, какъ органъ іудейскій. Этого достаточно для того, кто умѣетъ распознавать, откуда вѣтеръ дуетъ... Хоть бы газетку-то выбрали почище, чтобъ прикрыться ею, а то—„Современное Слово“!.. Прикидываются людьми благородными, защищающими „прекрасное общественное дѣло и его работниковъ, прекрасную молодежь и ея чистый хрістіанскій (?!) порывъ“, отъ „безпримѣрнаго оскор-

бленія", мною будто бы имъ нанесеннаго...

Я не сталъ бы отвѣчать на эту „грязную" выходку уличной газетки, если бы въ наше время не было такой необходимости защищать наши святые идеалы отъ вторженія въ ихъ область, отъ подмѣны ихъ со стороны іудеевъ и ихъ усердныхъ приспѣшниковъ. Вѣдь вотъ какая-то другая газетка не дождалась даже до завтра, до выпуска своего №, и въ корректурномъ оттискѣ прислала мнѣ выдержку изъ „Современнаго Слова", въ которой нѣкто П. Николинъ (вѣроятно псевдонимъ какого-либо іудея) ставитъ мнѣ самымъ серьезнымъ образомъ вопросы: почему никто изъ духовенства или монашества не откликнулся на призывъ лиги борьбы помочь ей? Почему ни одинъ священникъ, ни одинъ монахъ не пришолъ на помощь? (почему это—два вопроса, а не одинъ и тотъ же?) Если-де священники, монахи могутъ брать деньги за требы (это какое же отношеніе къ сбору?), сбирать пожертвованія и личные сборы въ церкви (ой—писалъ іудей! вѣдь какъ хотите, русскіе люди, а тутъ выходитъ не по-русски...) и на объѣздахъ своихъ прихожанъ (ну право же не по-русски: на объѣздахъ прихожанъ!), то почему стыдно было выйти на улицу и просить пожертвованій на недугующихъ чахоточныхъ? (Уже не священникамъ или монахамъ „выйти на улицу и просить"?) Монахи и монашки со своими тарелками ходятъ по кабакамъ и трактирамъ (послѣдняя строка подчеркнута: любуйтесь-де на то, что творится у васъ!).

Вотъ и извольте отвѣчать іудею: почему „стыдно"!... Дѣло идетъ о юныхъ дѣвушкахъ, которые—повторяю—своею красотою должны были привлекать вниманіе мужчинъ, чтобъ собрать побольше: съ точки зрѣнія іудея, это вѣдь такъ естественно, онъ не понимаетъ, не можетъ себѣ даже представить: *почему*, а мы хрістіане вчужѣ стыдимся за современныхъ родителей и воспитателей, которые допускаютъ это: цѣлая пропасть насъ раздѣляетъ, не говоря уже о томъ, что съ точки зрѣнія хрістіанской это уже оскорбленіе самой идеи хрістіанской благотворительности, чистой, по духу ученія Хрістова: нужно ли да и возможно ли втолковать іудею нашу точку зрѣнія? Онъ не только не сможетъ, но и не захочетъ ее понять. Поставивъ мнѣ такіе нехитрые вопросы, онъ хвалится, что еще много такихъ вопросовъ могъ бы задать мнѣ. Пусть не трудится: мы вѣдь догадываемся, съ кѣмъ имѣемъ дѣло: лига очень бы рада была и, можетъ быть, дѣлала попытку войти въ наши святые храмы съ своими сборщиками, да не удалось: не пустили и не пустимъ, ибо не Хрістовымъ духомъ вѣетъ отъ всѣхъ этихъ „лигъ" и православные должны подальше держаться отъ нихъ. Вѣдь вотъ на вопросы, предложенные княземъ М. Н. Волконскимъ вы, гг. лигисты, такъ и не дали прямого отвѣта; мы такъ и не знаемъ: сколько же собрано и куда, на что, подъ чьимъ контролемъ пойдутъ деньги, что это за пріютъ въ имѣніи Новикова и почему масона Новикова, а не гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, что это за перечеркнутый крестъ и почему именно этотъ масонскій знакъ лига избрала себѣ за эмблему и т. д. Мы даже и не пытаемся настаивать на рѣшеніи такихъ вопросовъ; вѣдь такъ недавно, года три назадъ, какой-то князь приглашалъ насъ, архіереевъ,—не только приглашалъ, а и прямо записывалъ въ члены какого-

то общества помощи во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ; я тогда же предостерегалъ людей нейти на удочку этого князя и вотъ оказалось нѣчто очень некрасивое въ этой княжеской затѣѣ, и его судили и присудили къ чему-то... У него тоже стоялъ масонскій знакъ на бумагѣ — опрокинутый треугольникъ... Нѣтъ, господа: когда насъ призываютъ хоть и къ доброму дѣлу, но подъ знаменемъ перечеркнутаго креста—или опрокинутаго треугольника, мы не пойдемъ за вами, не посовѣтуемъ итти и православнымъ, предостережемъ ихъ...

Газета, поспѣшившая прислать мнѣ корректурную выдержку изъ столь милой ея сердцу статьи г. Николина, называетъ мое скорбное слово по поводу „праздника бѣлаго цвѣтка“ глумленіемъ надъ людьми, самоотверженно работавшими по сбору пожертвованій для борьбы съ чахоткой. Глумленіе значитъ насмѣшка, издѣвательство, а я не насмѣхаюсь, а глубоко скорблю, что среди хрістіанъ появляется мода, совершенно обезцѣнивающая въ очахъ Божіихъ и слѣдовательно лишающая Божія благословенія доброе дѣло, совершаемое не ради Христовой заповѣди, а ради служенія своимъ же страстишкамъ: вотъ я и говорю, что это доброе дѣло уже не хрістіанское, а языческое, и это почувствовали сердцемъ тѣ хрістіане, родители и начальствующіе въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, которые не позволили своимъ питомицамъ, учащимся въ сихъ заведеніяхъ дѣвушкамъ, принимать участіе въ „праздникѣ бѣлаго цвѣтка“. А такіе хрістіане—славу Богу, есть даже въ полуязыческомъ Петербургѣ. Значитъ, не я одинъ, а вотъ и эти люди сознавали, что въ этой затѣѣ что-то неладно, некрасиво, неприлично...

Въ заключеніе своей замѣтки г. Николинъ бросаетъ мнѣ въ лицо: „стыдно, ваше преосвященство!“ Я не буду употреблять этого слова въ отношеніи къ нему: вѣдь онъ все равно меня не пойметъ,—я скажу: считаю за великую честь, что іудейская газета бранитъ меня, ибо давно сказалъ Господь нашъ: что у такихъ людей высоко, то—мерзость есть предъ Богомъ!

Сей дневникъ былъ уже набранъ, когда появился „Отчетъ по организаціи праздника бѣлаго цвѣтка“ 20 апр. 1911 г. Отчетъ этотъ возбуждаетъ рядъ недоразумѣній... Во 1-хъ, онъ говоритъ что „всей суммы“ поступило 58514 р. 95 к., но не говоритъ: входятъ ли въ эту сумму тѣ деньги, которые собраны въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ и др. городахъ? Если да, то почему не указано: откуда сколько? Вѣдь газеты оповѣщали о десяткахъ тысячъ по каждому изъ сихъ городовъ: гдѣ же они? А если рѣчь идетъ только о Петербургѣ и его окрестностяхъ, то зачѣмъ же было упоминать о продажѣ цвѣтовъ въ провинціи? Вообще, выходитъ что-то странное: не то „лига“ дѣйствуетъ только въ Петербургѣ и окрестностяхъ, не то она простираетъ свое дѣйствіе на всю Россію или по крайней мѣрѣ на упомянутые выше города... Что-то и почему-то не договаривается. Въ числѣ лицъ организаціоннаго комитета больше, чѣмъ на половину, имена нерусскія...

Но, повторяю: суть не въ деньгахъ, не въ сборѣ, а въ тѣхъ загадкахъ, тѣхъ вопросахъ, на которые лига не хочетъ отвѣчать... А въ наше время приходится относиться подозрительно и осторожно къ каждому загадочному явленію, къ каждому недоговоренному слову...

75.

Пощадите народную душу!

„Одобренъ ко внесенію въ Г. Думу законопроэктъ объ усиленіи наказанія за причиненіе животнымъ напрасныхъ мученій". Такъ говорятъ газеты. Чтожъ? Спасибо тѣмъ, кто заботится и о животныхъ. И въ Писаніи сказано: *блаженъ, иже и скоты милуетъ*. Но замѣчаете ли, читатель, что не сказано просто: *скоты*, а сказано: *и скоты*... Ясно, что предъ словомъ *скоты* впереди само собою подразумѣвается слово *люди*. О людяхъ, конечно, слѣдуетъ больше заботиться, чѣмъ о скотахъ. *Прежде* — о людяхъ, *потомъ* уже о скотахъ. Казалось бы: ужели объ этомъ нужно говорить? Казалось бы—странно и ставить вопросъ въ такой формѣ: да развѣ можно людей приравнивать къ скотамъ?...

Да, конечно, все это такъ, все это несомнѣнно для насъ съ вами, читатели мои. Но мы вѣдь живемъ въ совсѣмъ особое время. Исторія потомъ лучше насъ съ вами охарактеризуетъ это туманное время, когда всѣ понятія перепутались, когда—если и думаютъ о людяхъ, то только о тѣхъ, которые сами уподобились скотамъ несмысленнымъ, по выраженію пророка Давида,— о преступникахъ всякаго рода. Думаютъ о тѣхъ, которые забыли свое человѣческое достоинство, потеряли совѣсть, отреклись отъ своей богоподобной души... О нихъ, какъ и „объ усиленіи наказанія за причиненіе животнымъ напрасныхъ мученій"—заботятся: и чтобы имъ было въ тюрьмахъ хорошо, и удобно,—не забыто даже, чтобъ, при постройкѣ новыхъ тюремъ, въ камерахъ были своды, а не потолки, дабы, видите ли, воздухъ въ углахъ потолка не застаивался,—и чтобъ ихъ кормили сытно,—иначе можетъ быть голодовка-забастовка, и чтобъ не наказывали ихъ тѣлесно: иначе будетъ въ Гос. Думѣ возбужденъ запросъ; въ тѣхъ же цѣляхъ составляются законопроэкты: о досрочномъ освобожденіи, объ условномъ осужденіи и т. под.

Не спорю, конечно, что и „сего не подобаетъ оставляти", что и въ этихъ заботахъ есть доля добра, хотя долженъ сказать, что всѣ, занятые сими заботами, похитивъ у хрістіанства идею, дѣлаютъ изъ нея идоложертвенное употребленіе: вмѣсто Христа—приносятъ жертву идолу либерализма. Нынѣ ужъ такая мода на тюрьмы и преступниковъ: многіе члены Г. Думы считаютъ за честь, что они отбыли тюремный цензъ. Какъ же имъ не позаботиться о тѣхъ, къ которымъ судьба была не такъ милостива, которые, вмѣсто креселъ въ высокомъ государственномъ учрежденіи, продолжаютъ сидѣть въ тюрьмахъ: этого требуетъ простой долгъ товарищества...

А между тѣмъ есть о комъ и о чемъ позаботиться нашимъ законодателямъ *прежде* животныхъ, прежде всякихъ каторжниковъ нераскаянныхъ. Это — тѣ православные русскіе люди, которые изстрадались душою, измучились сердцемъ отъ всякаго духовнаго насилія, духовной отравы, на которыхъ отразились всѣ „блага"... нѣтъ: надо читать—всѣ въ высшей степени печальныя послѣдствія всяческихъ свободъ, которыми такъ безсовѣстно злоупотребляютъ всѣ враги Церкви и отечества, но которыми не мо-

жемъ или, по простотѣ своей, не умѣемъ пользоваться мы. Скажите: за что, за что страдаетъ русская народная душа?! Она съ колыбели обвѣяна православнымъ міросозерцаніемъ, на все привыкла смотрѣть по-православному, во всѣхъ явленіяхъ жизни, какъ церковной, такъ и общественной, и государственной ищетъ смысла съ точки зрѣнія русской, православной. Она рѣшительно не можетъ постигнуть тѣхъ основныхъ началъ, или принциповъ, какіе полагаются теперь въ основу такъ называемаго „обновленія“ всего строя нашей русской жизни, И она права: опытъ показываетъ, что эти новые принципы рѣшительно неприложимы къ русской жизни, противны всему духу ея, а потому ими и пользуются, какъ выше мною сказано, только враги Русской земли и Православной Церкви, враги всего человѣчества. Возьмите, напримѣръ, печать. На что она употребила свободу? Смрадомъ разложенія наполнила она всю атмосферу русской жизни. Кто захватилъ въ руки эту могучую силу? Явные и тайные враги Церкви и отечества. Тонкій ядъ богохульства, кощунства, клеветы, распутства, духовной отравы въ милліонахъ листовъ всякаго рода періодическихъ изданій мутною, грязною волною разливается по лицу родной земли: мы, русскіе люди, плачемъ, не зная какъ оберечь нашу молодежъ отъ этой мерзости: цѣлыми тюками кто-то разсылаетъ даже *безплатно* наиболѣе вредныя изданія, въ родѣ нѣкоей газеты, именуемой „Ясная Поляна“ (конечно—въ память анаѳематствованнаго еретика),—скажите ради Самого Господа: какая польза давать свободу распространенію этой отравы? И что это за принципъ такой: отравляй свободно, безнаказанно, кого хочешь, проповѣдуй лжеученія, какія только на умъ взбредутъ, развращай молодежь, сколько угодно — все разрѣшается! Вѣдь вотъ къ чему сводится на дѣлѣ эта свобода печати. Въ сущности невинную книжку „Правда объ іеромонахѣ Иліодорѣ“ арестуютъ, запрещаютъ; пламенное обличеніе лжеученій яснополянскаго еретика, написанное миссіонеромъ Айвазовымъ и напечатанное въ органѣ С. Синода, уничтожаютъ; а „Ученіе, якобы, Христа въ изложеніи Толстого для дѣтей“ разрѣшается... Тутъ ужъ рѣшительно недоумѣваешь: какого принципа держатся сіе творящіе... Пусть они не сѣтуютъ на „отсталаго“ вологодскаго архіерея! Поносить Господа Іисуса Христа можно, искажать Его святѣйшее божественное ученіе разрѣшается, а сказать слово въ защиту, хотя можетъ быть и не всегда въ мѣру ревностнаго обличителя-инока—нельзя?.. Ужъ свобода, господа, такъ и намъ пусть будетъ свобода! И намъ, служителямъ Церкви Христовой, не запрещайте говорить правду-матушку о всѣхъ и о всемъ, не смотря на лица! Знаю, мнѣ скажутъ: „никто вамъ сего и не запрещаетъ“. Въ томъ-то и дѣло, что это—только на словахъ: на дѣлѣ же скажи правду о какомъ-нибудь власть имущемъ—тотчасъ закроютъ уста. Іудеямъ и ихъ приспѣшникамъ и наемникамъ—все можно, все разрѣшается, какъ будто и закона для нихъ не писано, а намъ, православнымъ русскимъ людямъ,—даже благодатно - уполномоченнымъ отъ Самого Господа Іисуса Христа—Его служителямъ—нельзя. Будто живемъ мы подъ двумя законами: для насъ, православныхъ, есть одинъ законъ, насъ ограничивающій, а для нашихъ заклятыхъ враговъ — другой или же никакой не существуетъ. Россія положительно разлагается

отъ отравы, распространяемой іудейской печатью: мы, православные, задыхаемся отъ этой отравы: вѣдь если мы и не читаемъ этой дряни, то на каждомъ шагу видимъ весь ея вредъ, видимъ, какъ гибнутъ наши братья, наши дѣти, мы не можемъ же смотрѣть на все это равнодушно съ холоднымъ сердцемъ, и мы кричимъ: пощадите русскую народную душу! Не дайте ее въ обиду! Вѣдь на то и поставлены Богомъ власти, на то и мечъ имъ данъ, чтобы обуздывать всякое зло, чтобъ пресѣкать его, не допускать его... Но никто насъ не слышитъ, всѣ толкуютъ лишь о свободѣ печати которую-де нельзя же отнимать. Да въ томъ-то и дѣло, что настоящей-то свободы *нѣтъ*, свободы обличать, напримѣръ, неправду людскую, какъ дѣлаетъ это о. Иліодоръ; а лгать, клеветать, кощунствовать, издѣваться надъ всѣмъ, что дорого и свято для нашей души — разрѣшается... Вотъ о чемъ бы позаботились наши законосочинители прежде, чѣмъ издавать законъ „объ усиленіи наказаній за причиненіе животнымъ напрасныхъ мученій“! Живую душу православную пожалѣли бы, ея истязателей обуздали бы!

Дали свободу исповѣданій, а враги Церкви и народа постарались такъ поставить дѣло, что какъ будто получили свободу не только открыто проповѣдывать свои лжеученія, но и насильственно обращать въ свои секты православныхъ. Въ столицахъ, на виду у всѣхъ, идетъ открытая проповѣдь разныхъ лжеученій, начиная съ раціоналистическихъ сектъ и мистическихъ бредней, до оккультизма, спиритизма и всякой—простите—бѣсовщины, и все это считается легальнымъ, лишь бы соблюдены были извѣстныя правила о собраніяхъ: нельзя-де запрещать—свобода! И толпами идутъ на эти собранія, на эти лекціи, проповѣди, православные русскіе люди, идутъ изъ любопытства, изъ желанія услышать что-либо новое, полезное, идутъ и простые, и такъ называемые интеллигенты, которые въ дѣлахъ вѣры иногда знаютъ меньше простецовъ, идутъ и отравляются... Отравляются сами и несутъ отраву въ свои семьи, въ среду знакомыхъ, родныхъ, увлекая и сихъ въ широко раставленныя еретиками сѣти лжеученій. Какъ будто бѣдная наша Русская народная душа отдана на расхищеніе, поставлена внѣ закона охраны,—расхищайте—кому не лѣнь! Говорятъ: вольному—воля, никто ни гонитъ на такія собранія и бесѣды, никто не заставляетъ читать отрицательныя по отношенію къ православію книги, брошюры и газеты. Такъ, но, во-первыхъ, если съ точки зрѣнія русскихъ законовъ православіе есть чистая Хрістова истина, а остальныя исповѣданія въ большей или меньшей мѣрѣ заражены заблужденіями, если посему православіе и въ законахъ именуется „господствующимъ“ исповѣданіемъ, то зачѣмъ же отступать отъ тѣхъ началъ огражденія народа отъ лжи и заблужденій, какія существовали до новыхъ, пока, слава Богу и теперь еще только „полузаконовъ“, временныхъ правилъ и пр., зачѣмъ допускать столь широкое смущеніе православной совѣсти русскихъ людей, въ массахъ, не исключая и нашихъ интеллигентовъ, мало подготовленныхъ къ борьбѣ съ волками-лжеучителями и потому только болѣющихъ душою о поруганіи завѣтныхъ православныхъ вѣрованій, но не готовыхъ отражать натискъ этихъ враговъ ихъ вѣры? А во-вторыхъ, ни на минуту не должно забывать, что всѣ враги православія, всѣ еретики, раскольники, сектанты, безъ

исключенія, если не открыто, то въ своей совѣсти, на практикѣ допускаютъ іезуитское правило: цѣль оправдываетъ средства... Гдѣ только можно, вездѣ допустить готовы и ложь, и обманъ, и даже насиліе. Наша православная совѣсть сего никогда не можетъ допустить. А у нашихъ духовныхъ враговъ это—обычные пріемы. И вотъ, русскіе православные люди, оберегающіе святыню своей вѣры въ своей совѣсти, не могутъ не видѣть всего этого, и въ жизни, и въ печати постоянно встрѣчаются съ печальными послѣдствіями такого безразличнаго, иногда даже прямо соблазнительнаго попустительства въ отношеніи не только къ инославію, но и къ явно вреднымъ, даже нехрістіанскимъ лжеученіямъ, въ родѣ оккультизма и спиритизма, уже свободно распространяющихъ свои бредни печатно, чрезъ свои періодическія изданія,—видятъ это и наблюдаютъ всюду страшный вредъ отъ сего, и не могутъ не жаловаться—кому только?—развѣ одному Богу!—не могутъ не скорбѣть душою и не взывать: гг. законосоставители! пощадите народную душу! За что отдаете ее на отравленіе? Вы заботитесь о животныхъ, вносите законопроэктъ объ усиленіи наказанія за причиненіе животнымъ напрасныхъ мученій: хорошее дѣло дѣлаете; но если у васъ есть собственная душа, способная страдать при видѣ оскорбляемыхъ святынь, если вамъ доводилось когда-нибудь, хоть въ раннемъ дѣтствѣ, быть свидѣтелями—ну хотя бы оскорбленія вашихъ родителей, при сознаніи невозможности для васъ защитить ихъ: то поймите же чувство, какое испытываетъ искренно вѣрующій православный человѣкъ при видѣ того кощунства, того издѣвательства надъ святынею его вѣры, которое теперь можно наблюдать и въ печати, и въ жизни, всюду, гдѣ появляются іуден и ихъ приспѣшники—наши интеллигенты — измѣнники вѣрѣ отцовъ, гдѣ издаются эти поганые уличные листки, гдѣ, съ благосклоннаго разрѣшенія администраціи, устраиваются разныя собранія и бесѣды сектантовъ и непризванныхъ учителей... Я уже не говорю—а стоило бы не только говорить, а прямо кричать!—о безчисленныхъ кинематографахъ, театрахъ и под. развлеченіяхъ, по городамъ на каждомъ шагу подстерегающихъ простецовъ и нашу молодежь... Поймите, что приходится переживать русскому сердцу отъ всѣхъ этихъ „свободъ“, отъ которыхъ мы, православные, просто задыхаемся въ чувствѣ оскорбленія нашихъ завѣтныхъ родныхъ святынь! Поравняйте въ правахъ нашу русскую православную народную душу—ну хоть съ тѣми животными, о коихъ вы такъ трогательно заботитесь!..

Какъ тяжело писать эти строки! А какъ не писать, когда отовсюду получаешь письма—стоны русскихъ людей, оскорбляемыхъ постоянно въ своихъ завѣтныхъ чувствахъ?...

76.

Нѣчто о тайнѣ беззаконія.

Міръ добра, свѣта и красоты и міръ зла, тьмы и всякаго уродства безконечно противоположны другъ другу, до полнаго взаимнаго отрицанія; а человѣкъ живетъ посреди сихъ двухъ міровъ, склоняясь своею

свободною волею то въ сторону добра, то въ сторону зла. Его сердце способно возноситься до превыспреннихъ высотъ небесныхъ, къ самому престолу Бога Творца и Вседержителя, и опускаться до преисподнихъ глубинъ сатанинскихъ; духовная природа человѣка можетъ совершенствоваться до богоуподобленія и ниспадать до осатанѣнія. И опасность для человѣка въ томъ, что онъ не можетъ стоять на одной точкѣ: онъ или идетъ къ совершенству, или ниспадаетъ долу въ нравственномъ отношеніи, причемъ и въ томъ и другомъ случаѣ онъ влечетъ за собою другихъ, съ нимъ соприкасающихся людей.

Отъ вѣковъ древнихъ были выдающіеся люди того и другого типа. Хрістіанская древность дала намъ высочайшіе образцы духовнаго совершенства святыхъ людей; язычество дало намъ образцы противоположные. Вседѣйствующая сила благодати спасающей избираетъ себѣ отъ всѣхъ народовъ земныхъ всѣхъ, способныхъ воспріять спасеніе во Хрістѣ—такъ совершается тайна спасенія людей; сатана ловитъ въ свои сѣти всѣхъ, кто не способенъ становится къ воспріятію благодати Божіей: такъ совершается тайна беззаконія, о коей говоритъ св. Апостолъ Павелъ. И чѣмъ ближе подходитъ къ концу кругъ Богомъ опредѣленныхъ для бытія сего міра временъ, тѣмъ менѣе остается среди людей избранниковъ благодати, тѣмъ дерзостнѣе становится врагъ Божій въ распространеніи своего царства, тѣмъ ужаснѣе раскрываются глубины сатанины, о коихъ пишетъ св. Апостолъ Іоаннъ Богословъ, тѣмъ болѣе открывается и тайна беззаконія. Въ наше время зло уже не считаетъ нужнымъ лицемѣрно только прикрываться именемъ добра: оно безъ всякихъ колебаній объявляетъ, что оно-то и есть настоящее добро. И до какихъ поистинѣ ужасныхъ предѣловъ разростаются замыслы сатаны въ борьбѣ съ добромъ—страшно подумать! Теперь уже не тайна, что существуютъ тайныя общества, имѣющія спеціальною цѣлію уничтоженіе хрістіанства, разрушеніе государства, семьи, уничтоженіе собственности и всей культуры, тысячелѣтіями накопленной въ человѣчествѣ, и обращеніе всего человѣчества къ состоянію дикости каменнаго вѣка... Не тайна это, а между тѣмъ многіе ли вѣрятъ этому факту? Недавно одинъ изъ уважаемыхъ святителей говорилъ мнѣ: „да что такое масоны? Что-то чудовищное говорятъ о нихъ, а гдѣ они? Это похоже на какую-то сказку“... И въ обществѣ нерѣдко приходится слышать шутливое отношеніе къ этой „сказкѣ“.

Недавно вышла небольшая книжка графини С. Д. Толь подъ названіемъ „Ночные братья. Опытъ историческаго изслѣдованія о масонствѣ въ Германіи“. Эту книжку я усердно рекомендовалъ бы прочитать всѣмъ, сомнѣвающимся въ существованіи масонства, какъ опаснѣйшей организаціи для всего культурнаго міра. Рѣчь идетъ о Германіи, но когда читаешь книжку, то невольно страшно становится за нашу матушку Россію. Ужъ если хитроумные нѣмцы попались на удочку этимъ агентамъ сатаны, то тѣмъ скорѣе можетъ попасть на эту удочку наше простодушіе, наша широкая русская натура. И перечитывая то, что совершалось въ Германіи, невольно вспоминаешь и то, что творилось въ послѣдніе годы у насъ на Руси...

Авторъ упомянутой книжки имѣетъ цѣлію фактами доказать и убѣдительнѣйшимъ образомъ доказываетъ, что 1) масоны, или какъ они

называются въ книжкѣ, „ночные братья“—озлобленные враги всякой хрістіанской вѣры, а въ особенности Божественной Личности нашего Спасителя; 2) что они враги всякаго монархическаго правленія и вообще государственности; 3) что они враги семейнаго начала и—4) упорные преслѣдователи института частной собственности, кромѣ, конечно, своего личнаго имущества. Для достиженія вышеозначенныхъ цѣлей они дѣйствуютъ тремя способами: лукавствомъ, насиліемъ и измѣной. Для тѣхъ, кто склоненъ считать масонство сказкой, можетъ оказать незамѣнимую услугу опубликованная еще въ 1818 году такъ называемая „Кельнская хартія“. Ничего бы не пожалѣли масоны, если бы было возможно уничтожить или по крайней мѣрѣ дискредировать этотъ документъ; но счастью для человѣчества этого сдѣлать невозможно. Эта грамота была найдена въ архивѣ главной масонской ложи въ Гаагѣ съ постановленіями Конвента Вольныхъ Каменьщиковъ, бывшаго въ Кельнѣ 24 іюня 1535 г. Насколько этотъ документъ важенъ для самихъ масоновъ, видно уже изъ того, что въ 1835 году ими была выбита особая медаль въ память 300-лѣтія этой хартіи. Изъ этой хартіи видно, что масонство представляетъ собою тайное государство въ государствѣ, что во главѣ его стоитъ „мало кому вѣдомый, невидимый начальникъ или патріархъ“, что при этомъ патріархѣ имѣется „совѣтъ мастеровъ высшихъ степеней“, что богослуженіе масоновъ совершенно отличается отъ церковнаго богослуженія, что и само масонство совершенно чуждо и враждебно хрістіанству и послѣдняя фраза этой хартіи: „по лѣтосчисленію, *называемому* хрістіанскимъ“ дышетъ явнымъ пренебреженіемъ ко Христу, почти ненавистью къ Нему. Но что особенно поразительно, что особенно должно бы обратить на себя вниманіе вѣрующихъ лютеранъ — это — три —изъ 19-ти—подписи лицъ, вполнѣ исторически извѣстныхъ. Вотъ эти лица: Гарманнусъ, архіепископъ Кельнскій, приложившій всѣ свои усилія, чтобы перевести свою паству изъ католичества въ лютеранство, адмиралъ де-Колиньи, бывшій главою гугенотовъ во Франціи, и наконецъ, знаменитый Филиппъ Меланхтонъ, всѣмъ извѣстный другъ Лютера, его сподвижникъ и самый близкій къ нему человѣкъ. Итакъ, трое извѣстнѣйшихъ дѣятелей реформаціи являются отрицателями Христа, врагами хрістіанства, врагами не только католичества, но и самого лютеранства со всѣми его безчисленными развѣтвленіями... Отсюда не трудно вывести заключеніе, что и сама реформація была дѣломъ рукъ масоновъ, причемъ если еще не доказано, что Лютеръ былъ масонъ, зато теперь безспорный фактъ, что его присный другъ, имѣвшій на него безпредѣльное вліяніе, былъ одинъ изъ главарей масонскихъ... Справедливо замѣчаетъ графиня Толь: „послѣ этого какъ-то странно звучитъ названіе „Евангелической церкви“, которое такъ любятъ присвоять себѣ послѣдователи Виттенбергскаго монаха, почему-то присвоившіе себѣ исключительную монополію Св. Евангелія“. Послѣ этого, замѣчу и я отъ себя: становится понятнымъ, почему масоны такъ усердно стараются совратить и нашъ Русскій народъ изъ православія въ то же лютеранство: вѣдь оно, это лютеранство, есть ихъ же дѣтище, созданное для разрушенія хрістіанства при помощи тѣхъ искаженій хрістіанства, какія допустило католичество. Далѣе авторъ и по-

казываетъ, какъ масонство шло рука объ руку съ лютеранствомъ, какъ оно возродилось въ нѣмецкомъ иллюминатствѣ, приводитъ изъ секретныхъ документовъ масонства рѣчи къ посвящаемымъ, въ коихъ раскрывается масонская теорія происхожденія священниковъ и царей, патріотизма, любви къ родинѣ... Инструкціи этимъ „священникамъ“ въ сильной степени напоминаютъ недавно опубликованные „Протоколы Сіонскихъ мудрецовъ“. Любопытно, что самъ основатель иллюминатства Вейсгауптъ въ письмѣ къ своему сообщнику смѣется надъ своими же послѣдователями: „О люди! восклицаетъ онъ: подумаешь, что можно внушить вамъ такія мысли! Никогда не думалъ я, что я сдѣлаюсь основателемъ новой религіи“...

Интересна та страшная клятва, какую приносятъ масоны въ сохраненіи тайны своего ученія: уже изъ этой клятвы можно заключать, какъ ужасна эта тайна. „Если я не сдержу, говоритъ масонъ, этой тайны, то—да сожгутъ и испепелятъ мнѣ уста раскаленнымъ желѣзомъ, да отсѣкутъ мнѣ руку, да вырвутъ у меня изо рта языкъ, да перерѣжутъ мнѣ горло, да будетъ повѣшенъ мой трупъ посреди ложи при посвященіи новаго брата, какъ предметъ проклятія и ужаса, да сожгутъ его потомъ и да разсѣютъ пепелъ по вѣтру, чтобы на землѣ не оставалось ни слѣда, ни памяти измѣнника“...

Пусть вдумаются въ эту ужасную клятву тѣ, которые считаютъ масоновъ какими-то невинными мечтателями. Авторъ замѣчаетъ при этомъ: „И это—не пустыя угрозы; дословно онѣ теперь конечно не исполняются, но масону, измѣнившему ордену, не сдобровать и въ наши дни“...

Но что же это за ассоціація—масонство? Какая его цѣль? Кому оно нужно?

Авторъ отвѣчаетъ: „существуютъ два предположенія: или масонство есть дѣло рукъ Англіи, желающей довести до анархіи всѣ народы, чтобы завладѣть міровымъ могуществомъ, или оно создано іудеями для достиженія той же цѣли. Выдающуюся роль Англіи въ насажденіи масонства легко доказать исторически, такъ какъ основателями всѣхъ ложъ во всемъ мірѣ всегда являлись англичане. Прослѣдить же іудейское вліяніе исторически пока невозможно. Его фактами нигдѣ доказать нельзя, его можно доказать только логически. Разсѣянные уже болѣе двухъ тысячелѣтій по лицу земли, часто гонимые, упорные и мстительные, ненавидящіе арійскіе народы, іудеи, привыкшіе дѣйствовать тайно, хотя бы изъ чувства самосохраненія, всегда мечтали царствовать надъ міромъ, а этого они могутъ достигнуть лишь тогда, когда рушатся всѣ устои христіанской цивилизаціи, а для этого нужно объявить безпощадную войну христіанству, монархическому строю, семейному началу и праву собственности, т. е. сдѣлать то, что дѣлаютъ масоны“.

Если мы вспомнимъ, что богоотступный народъ іудейскій ослѣпленъ непримиримою злобою къ самому имени Господа нашего Іисуса Христа, что онъ самъ на себя призвалъ страшную клятву за Христоубійство, что за это ужасное преступленіе на время нѣкое (Рим. 11, 25. 26) отступила отъ него та благодать Божія, которая промыслительно охраняетъ всѣ народы земные, пріуготовляя ихъ къ принятію ученія о спасеніи, что именно отъ этого народа произойдетъ послѣдній врагъ христіанства — антихристъ: то невольно приходишь къ заключенію, что именно сей народъ и является орудіемъ сатаны въ осуществленіи

имъ тайны беззаконія по всякому образу и въ томъ числѣ въ видѣ страшнаго масонства... Въ безумной враждѣ противъ Бога и люди могутъ дойти до осатанѣнія и потерять здравый разумъ, который долженъ бы подсказать и масонамъ, что въ общей гибели культуры неизбѣжно погибнуть и они, какъ бы ни хитро были сплетены ихъ мудрецами—„мастерами“ козни, направленныя противъ хрістіанства и всей хрістіанской культуры...

77.

Какая семинарія нужна нашей Церкви?

Съ тревогою слѣдили мы, епископы, за судьбою проекта преобразованія нашихъ духовныхъ семинарій. Не будетъ преувеличенія, если скажу: отъ рѣшенія этого вопроса зависило—быть или не быть православію господствующимъ исповѣданіемъ на Руси? Съ каждымъ годомъ наши семинаріи все меньше и меньше даютъ намъ, архіереямъ, добрыхъ кандидатовъ пастырства, и приходится подбирать на священническія мѣста старыхъ дьяконовъ, ушедшихъ изъ семинаріи съ половины курса, а иногда ограничившихъ свое образованіе духовнымъ училищемъ...

Въ глубокой тайнѣ почему-то хранился проектъ, выработанный нынѣшней зимою при прежнемъ оберъ-прокурорѣ С. Синода. А то, что проникало въ печать о немъ, усиливало нашу тревогу...

Наконецъ, блеснулъ яркій лучъ надежды на лучшее будущее: новый оберъ-прокуроръ С. Синода, старый и преданный другъ исконной православной церковности, рѣшилъ быстро подвинуть это дѣло впередъ и поставить его прямо, безбоязненно на почву неотложныхъ нуждъ Церкви. Имена святителей, призванныхъ къ обсужденію проекта преобразованія, ручаются за успѣхъ дѣла, если только враги Церкви не изобрѣтутъ способа и на сей разъ вставить палку въ колесо.

Великое зло семинарія послѣдняго времени было въ непримиримой двойственности ея задачи: она готовила въ одно и то же время и пастырей Церкви, и студентовъ университета и кандидатовъ въ ветеринары. Изъ сознанія духовнаго юноши какъ-то самъ собою уходилъ идеалъ пастырскаго служенія Церкви и заслонялся мечтами объ университетахъ и разныхъ институтахъ и лицеяхъ. А если семинаристу и приходилось волею-неволею итти на служеніе Церкви, то въ немъ почти не оказывалось того огонька, который яркимъ пламенемъ горѣлъ когда-то, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, въ душѣ семинариста-идеалиста. Теперь не ждите, чтобы семинаристъ пришелъ къ архіерею и сказалъ: „благословите послужить Церкви въ томъ положеніи, какое указать вамъ будетъ благоугодно“. Или „благословите занять мѣсто тамъ, гдѣ вамъ угодно“... Нечасто бывали такіе случаи и въ тѣ времена, но тогда уважали такихъ идеалистовъ; а нынѣ такого юношу товарищи назвали бы просто юродивымъ. Житейскій матеріализмъ заѣлъ душу современнаго семинариста: у него на умѣ прежде всего—не царствіе Божіе, а то, что Господь назвалъ *приложеніемъ* къ нему.

Отдѣленіе общаго образованія отъ спеціальнаго, рѣзко подчеркнутое въ предстоящей реформѣ, полагаетъ ко-

нецъ этому раздвоенію задачи пастырской школы, какою должна быть семинарія. Общеобразовательная школа, поставленная въ духѣ православной церковности, предоставленная притомъ только дѣтямъ духовенства, будетъ выпускать юношей пригодныхъ для дальнѣйшаго образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и для пастырскихъ школъ,—юношей, основнымъ тономъ воспитанія которыхъ все же будетъ православная церковность, что будетъ цѣннымъ вкладомъ въ общегосударственную жизнь, слишкомъ расшатанную въ послѣднее полустолѣтіе вѣяніями безбожія и матеріализма. Но изъ этихъ же питомцевъ общеобразовательной духовной школы, надѣемся, будетъ образоваться и главный составъ будущихъ спеціально-пастырскихъ школъ, съ тою разницею противъ теперешнихъ семинарій, что юноши эти будутъ опредѣленно знать: куда и зачѣмъ идутъ. Поступленіе въ пастырскую школу будетъ для нихъ рѣшительнымъ, пожалуй, безповоротнымъ шагомъ на ихъ жизненномъ пути: вѣдь пастырская школа ничего, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ правъ, имъ не прибавитъ. Хотѣлось бы надѣяться, что они-то и составятъ основное ядро питомцевъ пастырства, около котораго и съ которымъ будутъ объединяться, такъ сказать—ассимилироваться питомцы изъ другихъ школъ и сословій. Это—столь важное обстоятельство, что на него должно быть обращено особенное вниманіе тѣхъ, кто будетъ обсуждать реформу духовно-учебныхъ заведеній. Реформа имѣетъ святую цѣль—охранять церковность въ воспитаніи духовнаго юношества. Носителемъ церковности, самой—такъ сказать—закваски ея, является, несмотря на всю расшатанность нашихъ семинарій въ духовномъ отношеніи, все же само духовенство и его семья. Какъ ни скуденъ духъ церковности въ воспитаніи нашего духовнаго юношества, а все же въ нихъ больше сохраняется этого духа, чѣмъ въ питомцахъ свѣтскихъ школъ. И это—благодаря не самой семинаріи, а—духовной семьѣ, ея еще незабытымъ традиціямъ, вліянію близости къ дѣтской душѣ храма Божія, въ коемъ служатъ отцы, служили дѣды и прадѣды семинаристовъ. Этого запаса духовнаго почти нѣтъ или очень мало въ недуховныхъ семьяхъ. А если гдѣ онъ и есть, если гдѣ и вѣетъ свѣтлая струя любви къ церковности, то благодаря лишь исключительнымъ условіямъ жизни семьи и особенно благопріятнымъ вліяніямъ. Да и то рѣдко бываетъ, чтобы этотъ духъ церковности въ свѣтской семьѣ совпадалъ по самому тону своему съ духомъ церковности исторической, традиціонной, всеобдержной, каковой, слава Богу, еще не утратился въ семьяхъ духовенства. Надо всячески озаботиться, чтобы именно этотъ историческій духъ церковности и легъ въ основу воспитанія будущихъ пастырей Церкви. Надо оберечь его отъ слишкомъ сильнаго вліянія духа—такъ сказать — диллетантской, въ свѣтскихъ семьяхъ воспитываемой, церковности. Надо имѣть въ виду, что въ эту послѣднюю нерѣдко проникаютъ, незамѣтно для самой семьи, идеи слишкомъ либеральнаго отношенія къ нѣкоторымъ кажущимся „мелочамъ“ напр. церковнаго устава и церковныхъ каноновъ: вмѣсто смиреннаго сознанія слабости нашего вѣка въ дѣлѣ примѣненія къ жизни сихъ „мелочей“ и благоговѣйнаго преклоненія предъ нашими предками, свято ихъ соблюдавшими, является нѣкое стремленіе во имя гуманности отрицать эти „мелочи“,

послаблять нашей немощи, извинять это послабленіе. Вотъ это-то *юридическое* отношеніе къ „мелочамъ“, это стремленіе присвоить своему смышленію право взамѣнъ простого смиреннаго сознанія своей духовной незрѣлости, нерѣдко и является въ сужденіяхъ о церковности главнымъ стимуломъ у людей искренно любящихъ Церковь, но обвѣянныхъ духомъ міра сего и незамѣтно для самихъ себя воспріявшихъ эти вѣянія въ свое церковное міросозерцаніе. У питомцевъ такой семьи много искренности, много стремленія беззавѣтно послужить Церкви-матери, и въ этомъ отношеніи можно ожидать немалой пользы отъ вліянія такихъ соучениковъ и питомцевъ духовной семьи. Но въ нихъ мало какъ бы уже прирожденнаго духовной семьѣ въ силу долговременно исторически сложившихся условій церковной жизни, умѣнья быстро разбираться въ оцѣнкѣ всего, что относится до церковности. Теряютъ это свойство и современные семинаристы, а все же они болѣе устойчивы въ традиціонномъ пониманіи церковности, нежели юноши мірской семьи.

Не скрою, что мнѣ видится опасность въ томъ, что въ пастырскую школу, съ открытіемъ ея для всѣхъ сословій, особенно на первое время, устремится немало изъ этихъ сословій юношей, недостаточно сознающихъ, что пастырство есть не просто—служеніе, а—подвигъ, требующій всецѣлаго напряженія всѣхъ духовныхъ силъ, что первѣйшая добродѣтель, которая должна въ ихъ сердцахъ составлять основу всѣхъ добродѣтелей, есть смиренное сознаніе своихъ духовныхъ немощей, особенно же — своего невѣжества въ области духовной жизни, что въ пастырской школѣ все должно быть основано на почвѣ совершеннаго отреченія отъ своего смышленія, не говорю уже — объ отсѣченіи своей воли въ ея внѣшнемъ проявленіи. Я боюсь, что питомцевъ собственно духовной школы (общеобразовательной) окажется слишкомъ мало, чтобы образовать то ядро, о коемъ я сказалъ выше. Особенно же я боюсь вторженія въ эту школу іудеевъ, хотя бы это были дѣти уже ранѣе, до ихъ рожденія крещеныхъ родителей... Я умоляю святителей, составляющихъ уставы пастырской школы, имѣть мужество твердо и рѣшительно постановить правиломъ: лица іудейскаго происхожденія, по крайней мѣрѣ до третьяго, если не до седьмаго рода, не могутъ быть принимаемы въ пастырскую школу... Что дѣлать, когда эта нація такъ исторически себя зарекомендовала въ качествѣ враждебной духу Христову! Что дѣлать, когда въ кровь и плоть іудея, помимо его сознанія и воли, на протяженіи двухъ тысячъ лѣтъ, впиталось столько талмудизма, что отрѣшиться отъ него не въ его волѣ, даже и послѣ принятія имъ христіанства. Думаю, что это передается даже и потомству крещенаго іудея вмѣстѣ съ другими качествами его еврейской души. Если и бываютъ исключенія, не слѣдуетъ ради ихъ нарушать общее правило. Церковь Божія наберетъ себѣ кандидатовъ священства изъ всѣхъ народовъ земныхъ, не говорю уже о Русскомъ народѣ. Помнить надо, что для іудея ничего не стоитъ выдержать какой-угодно экзаменъ, когда онъ захочетъ проникнуть въ ту или другую школу. Тѣмъ легче ему сдать экзаменъ въ пастырскую школу. Извѣстно, что некрещеные іудеи въ нашихъ гимназіяхъ охотно ходятъ на уроки закона Божія и готовятъ ихъ иногда лучше православныхъ учениковъ. И дѣлается это не изъ любознательности, а съ опредѣленною цѣлію: въ случаѣ пе-

рехода въ православіе онъ готовъ отвѣтить и по катехизису, и по св. исторіи. Я уже не говорю объ опасности проникновенія въ пастырскую школу типа іудея-интеллигента: отъ сего да сохранитъ Господь Церковь Свою! Я боюсь іудеевъ даже изъ ремесленниковъ: ужъ слишкомъ пропитана житейскимъ матеріализмомъ и эта душа! А при обезпеченіи духовенства приличнымъ жалованьемъ, возможно, что въ среду его устремятся іудеи скорѣе, чѣмъ куда-либо: они постараются использовать свободу пастырскаго служенія въ своихъ гешефтмахерскихъ цѣляхъ... И такъ: да сохранитъ Господь пастырскую школу отъ *всякаго* іудея! Да будутъ разъ навсегда закрыты двери сей школы для всего потомства Іудина! Довольно для нихъ безчисленнаго множества школъ всякихъ иныхъ вѣдомствъ, но не духовнаго!

Велика и свята задача пастырской школы! Она должна отвѣтить на призывъ Господа Іисуса: *жатва убо многа, дѣлателей же мало: молитеся убо Господину жатвы, да изведетъ дѣлателей на ниву Свою:* Она должна подготовить Небесному Домовладыкѣ — работниковъ на Его благодатную ниву; она должна *имѣть честь* представить Архіерею Великому смиренныхъ въ своемъ самоотверженіи будущихъ сотрудниковъ — іереевъ, непосредственныхъ исполнителей Его благодатныхъ распоряженій домостроительства нашего спасенія, носителей и раздаятелей Его благодати... Невольно вырывается изъ сердца вопль: *кто къ симъ доволенъ?* Кто посмѣетъ думать о себѣ, что онъ достоинъ сего призванія? Но Господь зоветъ и—пойдемъ за Нимъ!

Первѣе всего въ душѣ юноши—будущаго пастыря должна быть внѣдрена, раскрыта, углублена въ его сознаніи и доведена до опытнаго ощущенія его сердцемъ святая истина, что Христова Церковь — есть живое тѣло Его, членами коего всѣ мы, православно вѣрующіе и православно живущіе, имѣемъ счастіе состоять. Церковь есть живой организмъ любви, въ коемъ живетъ и дѣйствуетъ Духъ Божій, Духъ Главы Церкви—Христа, и пастыри Церкви суть главнѣйшіе органы этого великаго тѣла Христова, въ коихъ проявляетъ Свою жизнедѣятельность Христосъ и Всесвятый Духъ. Каждый изъ насъ есть малѣйшій атомъ сего живого тѣла, атомъ, постольку живой, поскольку свободною волею отдаетъ себя въ распоряженіе Главы своей—Христа,—другими словами: поскольку исполняетъ заповѣди Христа, или лучше сказать: отдаетъ свое сердце, умъ и волю Христу, Который въ насъ и чрезъ насъ исполняетъ Свои же заповѣди. Безъ этого глубокаго сознанія и ощущенія сердцемъ нашего *членства* въ Церкви, какъ живомъ тѣлѣ Христовомъ, невозможно истинное служеніе пастырское. Безъ этого сознанія и ощущенія невозможно руководить чадъ Церкви въ путяхъ Господнихъ. Только при этомъ сознаніи и ощущеніи становится до очевидности яснымъ, почему мы должны постоянно прислушиваться къ живому голосу древней Церкви: вѣдь мы и она — едино тѣло Христово, тѣло живое, и дѣйственное! Противорѣчить этому голосу значило бы противорѣчить себѣ, противорѣчить Христу—Главѣ нашей. Въ этомъ единеніи, въ этой любви Вселенской Церкви, объединяющей въ себѣ Церковь на небесахъ торжествующую и Церковь ва земли воинствующую, ея сила, непобѣдимая и вратами ада,—сила истины, сила благодати спасающей и все побѣждающей. Въ сознаніи этого единенія сила наше-

то святаго православія. Сознаніе сего единенія раждаетъ смиреніе. Если для меня небесная Церковь не есть только историческое прошлое, если она для моего сознанія и чувства есть живая дѣйствительность, если я сердцемъ ощущаю, что объединяюсь съ нею подъ единою Главою нашею—Хрістомъ, вхожу съ нею въ живое общеніе молитвою и любовію, таинствомъ Евхаристіи и изліяніемъ на мое внутреннее существо благодати Хрістовой по молитвамъ святыхъ Божіихъ: то дерзну ли я поставить свое смышленіе превыше разума святыхъ Божіихъ, разума Церкви, разума Хрістова? И я благоговѣйно и смиренно ищу рѣшенія смущающихъ меня вопросовъ—въ ученіи Церкви, въ ея постановленіяхъ и канонахъ, въ писаніяхъ ея богомудрыхъ отцовъ и учителей... Такъ ставили себя въ отношеніи къ Вселенской Церкви всѣ святые Божіи, такъ смирялись предъ ея авторитетомъ великіе святители и учители нашего времени, каковы были: Филаретъ Московскій и Іоаннъ Кронштадтскій, да и всѣ вѣрные Церкви православные пастыри. Такимъ смиреніемъ долженъ быть проникнутъ и каждый пастырь Церкви, каждый кандидатъ пастырства. Въ немъ, именно въ этомъ церковномъ смиреніи, онъ долженъ черпать силы для своего служенія. Вѣдь онъ — не одинокъ: съ нимъ всѣ пастыри и учители вѣковъ минувшихъ, съ нимъ Апостолы Хрістовы и Самъ Хрістосъ; самъ-то онъ ничто, круглый нуль въ духовномъ отношеніи, а вотъ они-то и научатъ его, и въ минуту трудную помогутъ, въ скорби утѣшатъ, и поддержатъ, лишь бы быть съ ними въ общеніи смиренной любви и дыханія сей любви—молитвы...

Уже изъ сего видно, какъ важно для пастырской школы всестороннее раскрытіе ученія о Церкви и глубокое изученіе св. Писанія и святоотеческихъ твореній. Вся психологія, все нравственное ученіе должны быть построены на святоотеческихъ твореніяхъ. Ими, ихъ ученіемъ должны провѣряться данныя науки и только то, что согласно съ ними, можетъ быть усвоиваемо пастырской школой. Съ глубокою скорбью мы, архіереи, наблюдаемъ, что наше духовное юношество и понятія не имѣетъ объ аскетикѣ въ ея приложеніи къ жизни. *Любите враги ваша*, говоритъ Господь, а какъ примѣнить къ жизни, какъ провести въ грѣшное сердце эту заповѣдь, какъ смирить себя, чтобы нелицемѣрно признать въ лицѣ такъ называемаго врага — своего лучшаго друга и благодѣтеля—этому никакіе современные учебники этики не научатъ. Такъ и во всѣхъ областяхъ жизни нравственной. Жаль бываетъ молодого священника, который не знаетъ, опытомъ не касался азбучки духовной жизни и борьбы со страстями. Какъ онъ благодаренъ бываетъ, когда покажешь ему авву Дороѳея, Лѣствицу, авву Варсануфія или нашего родного Нила Сорскаго!—„Отчего намъ въ семинаріи не показывали этихъ книгъ? Вѣдь это—истинное сокровище!“ говорятъ они, ознакомившись съ писаніями отцовъ.—Въ самомъ дѣлѣ: отчего? Зачѣмъ мы изучали разныя философскія системы, а этой „науки изъ наукъ“—какъ жить по Хрістовымъ заповѣдямъ въ духѣ Церкви—намъ не дали и краемъ уха коснуться?...

Великъ трудъ, скажу — подвигъ предстоитъ святителямъ, нынѣ уже приступившимъ къ разсмотрѣнію новаго устава семинарій и духовныхъ училищъ. Хотѣлось бы вѣрить, что наконецъ-то будетъ стряхнуто съ пастырской школы нашей это чуждое Церкви обаяніе современной

моды—стыдиться Христа! Наконецъ-то наши кандидаты пастырства сбросятъ съ себя нѣмецкій сюртукъ съ свѣтлыми пуговицами и надѣнутъ... говорить ли?—простую одежду послушанія—подрясничекъ: и просто, и дешево, и легко, и по церковному прилично: вѣдь надѣваютъ же они сію одежду въ день своего рукоположенія... Я желалъ бы видѣть и всѣхъ преподавателей въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ вмѣсто этого глупаго фрака въ одеждахъ духовныхъ, въ рясахъ, хотя бы и безъ благодати рукоположенія, но не слишкомъ ли далеко я захожу въ моихъ мечтахъ и пожеланіяхъ?

Пусть разсудятъ сіе мудрые святители, на дѣло сіе призванные волею Монарха. А наше дѣло паче всего молиться, да вразумитъ ихъ Господь!

78. 79. 80.

Поѣздка по епархіи.

Приглашаю монхъ добрыхъ читателей мысленно сопутствовать мнѣ по епархіи. Пишу эти строки въ Ульяновомъ монастырѣ, въ 1183 верстахъ отъ Вологды. Было время, когда такой путь требовалъ и трудовъ нелегкихъ, и потери времени; теперь онъ совершается на пароходѣ въ теченіе 5—6 дней, да еще съ большими остановками у городовъ.

Ѣду по Вычегдѣ. Эта рѣка помнитъ апостольскіе подвиги святителя Стефана. Начиная отъ Яренска и даже ранѣе слышится зырянская рѣчь. По берегамъ красуются высокіе бѣлые храмы Божіи. Зыряне любятъ строить такіе храмы: они не доросли еще до того, чтобы любоваться внутреннимъ благолѣпіемъ храмовъ Божіихъ, и потому внутри храмы лишены живописи; бѣлыя стѣны какъ-то однообразно смотрятъ на васъ, въ то время, какъ снаружи храмъ иногда прямо поражаетъ васъ своимъ величіемъ. Кстати: любовь къ построенію храмовъ иногда доходитъ до излишества: при одномъ священникѣ, напримѣръ, въ Устькуломѣ (1210 верстъ отъ Вологды), въ одной оградѣ тѣснится три каменныхъ храма съ нѣсколькими престолами въ каждомъ, и ни одинъ изъ нихъ внутри не украшенъ стѣнописью.

Въ Устькуломъ пришелъ пароходъ въ 5 часовъ утра 17 іюня. Несмотря на ранній часъ собралась масса народу. Я говорилъ поученіе о томъ, какъ жить, чтобы душу спасти, всячески стараясь упростить рѣчь для этихъ простецовъ. Мужчины почти всѣ говорятъ по-русски, женщины больше по-зырянски. Священникъ говоритъ съ ними по-зырянски.

Изъ Устькулома мы вернулись въ Ульяновъ въ тотъ же день утромъ. Это — лавра зырянскаго края, отростокъ Соловецкаго монастыря. Величественный храмъ и своеобразная, съ четырьмя башнями по угламъ колокольня, нѣсколько корпусовъ, обнесенныхъ каменной оградой, по которой можно совершать крестные ходы — все это расположено на высокомъ холмѣ, съ вершины котораго, особенно съ колокольни, открывается видъ на безбрежное море лѣсовъ, на сотни верстъ растилающихся вокругъ обители и на долину рѣки Вычегды, прихотливо извивающейся среди этой дремучей тайги сѣверовосточной Ев-

ропы. Говорятъ, чѣмъ дальше къ Печерѣ и Уралу, тѣмъ природа суровѣе, лѣса дремучѣе, болота непроходимѣе. И вотъ, въ такой обстановкѣ пріютилась обитель иноковъ съ ея строгимъ, можно сказать, суровымъ уставомъ. Братія большею частію зыряне. Подобно Соловкамъ здѣсь живетъ до сотни годовиковъ—мальчиковъ по обѣту. Ихъ обучаютъ главнымъ образомъ тому, чѣмъ занимаются сами иноки—сельскому хозяйству.

Здѣсь я совершилъ Божественную литургію въ воскресенье, 19 числа. Поютъ дружно, но о нотахъ, о гармонизаціи и понятія не имѣютъ. Зато звонъ — единственный въ краѣ. Большой колоколъ вѣситъ 1012 пудовъ. Это радость и утѣшеніе веліе для простеца зырянина. Съ удовольствіемъ прислушался и я къ могучимъ звукамъ, разносившимся въ воздушномъ океанѣ надъ вершинами безпредѣльныхъ лѣсныхъ пространствъ.

Здѣсь мнѣ очень понездоровилось. Однако все же я побесѣдовалъ съ братіей о сущности монашескаго подвига. Слушали внимательно. Подростковъ — годовиковъ одѣлилъ я Троицкими образками.

20 ждали парохода, но онъ запоздалъ и мы двинулись внизъ по Вычегдѣ на двухъ большихъ лодкахъ. Верстахъ въ 10 намъ встрѣтился пароходъ, идущій въ Усть-Кулому. Мы спросили: когда онъ будетъ обратно въ ближайшемъ селѣ Деревянскѣ? Отвѣтъ былъ: въ 9 часовъ вечера. Мы заказали себѣ каюты и направились внизъ — къ Деревянску. Здѣсь второклассная школа. Въ храмъ собралось множество народа. Я побесѣдовалъ съ ними, благословилъ ихъ, одѣлилъ Тр. книжками. Затѣмъ зашелъ въ школу. Тамъ былъ одинъ сторожъ, но вслѣдъ за нами собрались дѣти—подростки. Къ сожалѣнію, немногіе изъ нихъ могли мнѣ отвѣтить на самые простые вопросы по Закону Божію, и то при помощи взрослыхъ крестьянъ, служившихъ переводчиками на зырянскій языкъ. Помогала и матушка, жена священника, хорошо знающая зырянскій языкъ. А мѣстный о. діаконъ подбадривалъ дѣтей: „го́ра, го́ра!“—громче, смѣлѣе!

Мѣстный священникъ, по должности благочиннаго, съ моего разрѣшенія, былъ въ отлучкѣ. Его замѣнила матушка—типъ старинныхъ неученыхъ въ школѣ, но „толченыхъ“ жизнью матушекъ—добрыхъ спутницъ сельскихъ пастырей. Многому могли бы научиться у такихъ простушекъ современныя молодыя матушки изъ епархіалокъ. Чтобы не смущать ея смиренія и христіанской простоты, я не буду здѣсь распространяться о ея дѣятельности въ качествѣ помощницы мужу по приходу; скажу только, что благодаря ея заботамъ построена и въ нѣкоторой степени обезпечена приходская богадѣльня, въ которой призирается пять-шесть старушекъ, а иногда принимаютъ и безпріютныхъ круглыхъ сиротъ. Матушка тутъ и начальница, и попечительница и кормилица. Она даромъ доставляетъ сюда и молочко и все, что Богъ ей пошлетъ... Дай Боже побольше такихъ труженицъ — помощницъ нашимъ пастырямъ. Вѣковой опытъ показываетъ, что имъ не столько нужно школьное образованіе ума, сколько доброе воспитаніе христіанскаго сердца и закаленіе воли въ добрѣ. Увы! Нынѣ моду предпочитаютъ здравому смыслу, и ради этой моды бѣдные священники въ ниточку тянутся, чтобы дать своимъ дочкамъ „научное“ образованіе — не только въ епархіальныхъ училищахъ—это бы еще добро, но и

высшее, на какихъ-то высшихъ курсахъ, откуда чаще всего выходятъ существа неопредѣленнаго пола съ искаженною до неузнаваемости душою... Больно то, что не могутъ устоять противъ сего искушенія и очень почтенные батюшки и матушки, и уступаютъ просьбамъ своихъ неразумныхъ умницъ—дочекъ, во что бы то ни стало стремящихся въ столицы на разные курсы...

Въ Устьсысольскъ мы пристали вмѣсто 20—только 21 къ вечеру. Городъ очень красиво расположенъ на слiяніи съ Вычегдою Сысолы. Краса города—Стефановская церковь. Въ ней я и рѣшилъ 23 совершить литургію. 22 — же была устроена, въ зданіи духовнаго училища, бесѣда съ духовенствомъ. Объ этихъ моихъ бесѣдахъ скажу слѣдующее.

И по громаднымъ разстояніямъ, и по немощамъ моимъ я не могу объѣзжать свою епархію такъ, какъ дѣлаютъ другіе архіереи: отъ села до села. Посему я собираю священниковъ въ пункты моихъ остановокъ и бесѣдую съ ними, сколько позволитъ время и силы. Говорю о всемъ, что подскажутъ мнѣ архіерейская совѣсть, наблюденія надъ жизнью епархіи и опытъ пастырскаго служенія. Говорю о томъ, что мы служители Церкви—сотрудники Самого Господа въ дѣлѣ спасенія душъ человѣческихъ, въ дѣлѣ воспитанія чадъ Царствія Божія. Говорю о томъ, какое въ этомъ счастіе для насъ, съ какимъ благоговѣніемъ должны мы проходить свое святое служеніе. Напоминаю обѣтованіе Господа не забыть наши нужды, если мы будемъ пещись о дѣлѣ Его. Даю совѣты, какъ бороться съ народными пороками, пьянствомъ, распутствомъ, сквернословіемъ, безсовѣстностью... Какъ составлять поученія безъ записи оныхъ на бумагу, вести бесѣды внѣ храма, въ семьяхъ, на дому, въ школахъ съ дѣтьми... Какъ пользоваться святоотеческой и старческой литературой, дабы использовать святой опытъ духовной жизни, въ ней заключающійся. Касаюсь пороковъ самого духовенства: нетрезвости, немирства, сутяжничества и умоляю отцовъ бѣгать всего этого. Иногда священники сами предлагаютъ вопросы и даютъ темы для бесѣды. Не знаю, много ли пользы отъ такихъ бесѣдъ; но мнѣ думается, что такія свиданія съ архіереемъ, хотя малое съ нимъ знакомство для священниковъ полезно: въ свою очередь и я выношу съ такихъ бесѣдъ чувство сближенія съ Богоданными мнѣ сотрудниками, узнаю ихъ лично и составляю себѣ понятіе о духовенствѣ моей епархіи не по бумагамъ уже, а изъ личныхъ наблюденій. И слава Богу: среди нихъ немало смиренныхъ тружениковъ на Божіей нивѣ, съ вѣрою въ помощь Божію, не ища похвалы людской, дѣлающихъ свое дѣло. Касаюсь въ бесѣдахъ и современныхъ опасностей, угрожающихъ Церкви Божіей отъ ея заклятыхъ враговъ, коимъ и числа нѣтъ въ наше многоскорбное время. Не хочу оскорблять собратій моихъ во Христѣ подозрѣніемъ въ лести: нѣтъ, они искренно благодарятъ меня за такія бесѣды и мы растаемся по родному. Въ Устьсысольскѣ даже упросили меня сняться съ ними на общей карточкѣ.

Я посѣтилъ женскую прогимназію, гдѣ оказались и ученики мужской прогимназіи, и побесѣдовалъ съ учащимися о томъ, въ чемъ счастье для человѣка. Всѣхъ одѣлилъ Троицкими образками. Былъ въ приходскомъ и городскомъ училищахъ и тамъ бесѣдовалъ съ дѣтьми и одѣлялъ образками.

Посѣщая школы, я думаю: дѣти такъ рѣдко въ жизни видятъ архі-

ерея лицомъ къ лицу, что грѣшно было бы цѣлымъ сердцемъ не приласкать ихъ... Вѣдь у нихъ на всю жизнь останется воспоминаніе о томъ, что дѣлалъ, что говорилъ имъ архіерей: какъ же не воспользоваться случаемъ бросить имъ въ души, въ ихъ открытыя въ то время сердца—сѣмячко благодатнаго Хрістова ученія? И вотъ, пользуешься сими посѣщеніями школъ, чтобы сказать дѣткамъ то, что въ эти минуты общенія съ ними подскажетъ совѣсть пастырская, сказать въ духѣ горячей любви къ этимъ еще неиспорченнымъ душамъ, показать имъ свѣтлый, любящій Ликъ Хрістовъ, тронуть ихъ нѣжное сердечко красотою добродѣтели, указать имъ простѣйшія средства общенія съ Богомъ въ молитвѣ, въ добродѣланіи... И надо видѣть, съ какимъ иногда вниманіемъ они слушаютъ простое слово архипастыря! Глазки блестятъ, уста открыты, личико какъ-то преображается, одухотворяется... Послѣ приходится слышать отъ ихъ родителей, что дѣтки по частямъ пересказывали дома, о чемъ говорилъ архіерей. Развѣ это не великая награда сѣятелю слова Божія на дѣтскія сердца? Развѣ не счастье быть такими сѣятелями? Иногда думаешь: что могъ бы сдѣлать хорошій законоучитель среди малыхъ сихъ! Но много ли понимающихъ это счастье? Ѣздилъ въ село Вильгортъ, верстахъ въ 7 отъ города. Здѣсь строится церковь. Бесѣдовалъ съ народомъ, посѣтилъ школу, долго бесѣдовалъ съ дѣтьми.

23 іюня я служилъ и говорилъ слово о непобѣдимости Церкви вратами ада и о козняхъ ада въ наше время. Обширный Стефановскій храмъ былъ полонъ народа. 24 выѣхали на пароходѣ въ Устьвымъ, а оттуда на лошадяхъ, чрезъ село Серегово, въ женскій Крестовоздвиженскій монастырь, въ 14 верстахъ отъ Серегово.

Лишь только мы вошли въ лодки, переправившей насъ на лѣвый берегъ Выми, какъ насъ облѣпила всякая мушкара, начиная съ мошки-невидимки, комаровъ и слѣпней, и кончая оводами, не уступавшими по величинѣ майскимъ жукамъ. Сопровождаемые этими докучливыми насѣкомыми и обороняясь отъ нихъ всякими способами, мы ѣхали лѣсной просѣкой, проложенной напрямикъ къ монастырю. Былъ уже 12-й часъ ночи, когда впереди открылась въ полусвѣтѣ сѣверной бѣлой ночи красивая панорама обители. Монастырь расположенъ на возвышеніи прямо предъ вами—въ глубинѣ картины временный деревянный храмъ съ такою же колокольней; влѣво—каменный пятиглавый трапезный храмъ, еще неоконченный отдѣлкой, тутъ же деревянныя кельи, а кругомъ, точно темнозеленая рама — хвойный лѣсъ и лѣсъ...

„Обитель труженицъ“—вотъ лучшее названіе для этого монастыря. Во главѣ сестеръ—почтенная старица игуменія Филарета и 11-ть монахинь, всѣхъ живущихъ въ обители до 150-ти. Основалъ эту обитель и обезпечилъ ея существованіе извѣстный въ этомъ краѣ купецъ А. Булычевъ, скончавшійся инокомъ въ Соловецкомъ монастырѣ; его дочь А. А. Бѣляевская свято блюдетъ завѣты своего отца, продолжая благотворить юной обители. Она строитъ теперь трапезный храмъ и корпусъ для сестеръ и въ скоромъ времени предполагаетъ начать постройку собора и колокольни. Теперешній временный храмъ очень тѣсенъ и не вмѣщаетъ даже всѣхъ обитательницъ монастыря, а обитель посѣщаютъ многіе богомольцы изъ Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ.

Съ ранняго утра до поздней ночи,

исключая время Богослуженія, сестры трудятся: кто—ткетъ и шьетъ, кто пишетъ иконы, кто дѣлаетъ обувь, кто работаетъ на гончарномъ, смоляномъ и скипидарномъ заводахъ; на гончарномъ черноризица при мнѣ сдѣлала нѣсколько чашечекъ и молочникъ, на которомъ я, по просьбѣ монахинь, собственноручно надписалъ на мягкой глинѣ: „будь послушенъ Богу, какъ глина горшечнику“. Видѣлъ и великій трудъ этихъ отшельницъ — корчеваніе огромныхъ пней для расчистки поля подъ пашню: пни выворачиваются при помощи рычаговъ, коими служатъ цѣлыя бревна; за каждый вывороченный пень, смотря по величинѣ, сестры получаютъ гонораръ въ видѣ сухихъ баранокъ, которые здѣсь почему-то зовутся калачами, почему и поле, разработанное такимъ способомъ, именуется „калашниковымъ“.

Здѣсь я служилъ литургію и говорилъ поученіе народу, а съ сестрами бесѣдовалъ особо наканунѣ предъ всенощной. Съ отраднымъ чувствомъ душевнаго отдыха я покинулъ обитель. Старица-игуменія провожала меня до 7-й версты попути въ Серегово.

Въ это большое торговое село мы прибыли вечеромъ и прямо въ церковь. Бесѣда съ народомъ и благословеніе заняли немало времени. Пришлось ночевать. Рано утромъ въ двухъ большихъ лодкахъ мы спустились по Выми до Устьвыми. Тутъ меня уже ожидали священники со всего благочинія, и я отслужилъ соборнѣ съ ними молебенъ святителю Стефану Пермскому, который 13 лѣтъ жилъ здѣсь (почему Устьвымъ и называлась „Владычнымъ городомъ“), и тремъ его преемникамъ: Герасиму, Іонѣ и Питириму, почивающимъ здѣсь подъ спудомъ. Послѣ молебна я довольно долго бесѣдовалъ съ народомъ. Въ этомъ селеніи особенно живы преданія о святителѣ - просвѣтителѣ зырянъ: храмы, по преданію, построены на холмахъ, насыпанныхъ по его повелѣнію; указываютъ мѣста, гдѣ былъ его владычный домъ, гдѣ росла волшебная прокудливая береза, имъ срубленная... Къ сожалѣнію, вещественныхъ памятниковъ послѣ него никакихъ не сохранилось.

Послѣ бесѣды съ священниками я отправился на пароходѣ въ захудалый городокъ Яренскъ.

И здѣсь служилъ, говорилъ поученіе народу о томъ, что есть Церковь и почему должно повиноваться ей; велъ бесѣду со священниками, посѣтилъ школу, гдѣ собрались дѣти изъ разныхъ школъ и прогимназій города. Стоитъ отмѣтить особенную любовь дѣтей къ мѣстному о. протоіерею: гдѣ бы ни показался на улицѣ этотъ почтенный старецъ, священствующій уже 52-й годъ, дѣти, какъ только завидятъ его, бѣгутъ къ нему, чтобы принять его благословеніе. Чѣмъ онъ заслужилъ эту любовь дѣтскую? Конечно—лаской и отеческой добротой. Всегда я говорю ставленникамъ-іереямъ: не опускайте случая приласкать ребенка, хотя бы то былъ еще несмысленный малютка на рукахъ матери. Пусть въ его дѣтскомъ воображеніи рядомъ съ дорогимъ ему образомъ матери запечатлѣется и вашъ обликъ, ваша духовная одежда, блистающій на вашей груди крестъ... Не худо для такихъ малютокъ имѣть при себѣ какія-либо грошовыя лакомства: вѣрьте, что это привлечетъ къ вамъ любовь не только сихъ маленькихъ будущихъ прихожанъ вашихъ, но и ихъ родителей, особенно матерей... Лишь только покажетесь вы въ деревнѣ, какъ дѣтишки побѣгутъ къ вамъ со всѣхъ концовъ навстрѣчу, чтобы

принять ваше благословеніе. А вы пользуйтесь этими встрѣчами, чтобы побесѣдовать съ ними, чтобы заронить въ ихъ чистыя сердца сѣмечко ученія Хрістова. Коли есть у васъ свободная минутка, то присядьте гдѣ-нибудь у избы на завалинкѣ или на бревнахъ и поведите отеческую бесѣду съ дѣтьми — о томъ, что Богъ на душу положитъ; къ вамъ непремѣнно подойдутъ матери ихъ, а можетъ быть и отцы, и вотъ устроится у васъ сама собою бесѣда—„набревная“ по подобію бесѣды Хрістовой, именуемой „нагорною“... Вѣдь для такихъ бесѣдъ не нужно никакой обстановки, никакихъ помѣщеній. Зато посмотрите, какою любовью отплатятъ вамъ простыя души слушателей вашихъ: вѣдь русская душа жаждетъ „божественнаго“ и тоскуетъ по немъ.

Изъ Яренска мы спустились до Коряжемскаго монастыря. Здѣсь почиваютъ подъ спудомъ мощи преподобнаго Лонгина, одного изъ духовныхъ потомковъ великаго аввы Сергія Радонежскаго. Монастырь расположенъ на крутомъ высокомъ берегу Вычегды. Въ немъ всего до 50 человѣкъ братіи, общежительный. Строится новый храмъ съ трапезою и кельями. У самаго монастыря—кедровая роща. Иноки разсаживаютъ это дерево съ любовью.

Здѣсь я бесѣдовалъ съ братіей, осматривалъ хозяйство и ночевалъ. Утромъ рано отправился въ Сольвычегодскъ на пароходикѣ, присланномъ изъ сего города почтеннымъ Я. В. Хаминовымъ.

Сольвычегодскъ извѣстенъ своимъ соборомъ, который представляетъ собою наиболѣе уцѣлѣвшій типъ храмовъ Божіихъ XVI столѣтія. Это—цѣлый музей священныхъ древностей того вѣка. Лишь войдете въ него, какъ на васъ повѣетъ сѣдою стариной: старинный иконостасъ, узорчатыя съ слюдой царскія врата, старыя фрески на стѣнахъ, древнія иконы въ иконостасѣ, на стѣнахъ: кругомъ всего собора по стѣнамъ тянется поясъ изъ древнихъ иконъ. Въ ризницѣ множество шитыхъ пеленъ такой чудной работы, что знатоки затрудняются указать что-либо подобное. Здѣсь была куплена за 500 р. древняя плащаница, перекупленная потомъ въ Парижѣ Императоромъ Александромъ II за 25,000 р. Всѣ эти сокровища древности—дары созцателей храма, предковъ графовъ Строгановыхъ.

Въ этомъ храмѣ я совершилъ литургію 3 іюля. Въ пѣніи приняли участіе дѣти всѣхъ учебныхъ заведеній города, съ которыми я наканунѣ провелъ бесѣду. Пріятно было молиться въ этомъ святилищѣ Божіемъ: его древности будили въ сердцѣ тѣ струны, которыя нѣкогда звучали въ сердцахъ нашихъ благочестивыхъ предковъ, и душа чувствовала: что значитъ наша Русь православная въ ея прошломъ... Когда видишь ее какъ бы лицомъ къ лицу въ этихъ остаткахъ древности, сохранившихся въ такой неприкосновенности, то начинаешь понимать не только религіозные, но и эстетическіе идеалы ея, сердцемъ ощущать духовную красоту этихъ идеаловъ, сравнивать ихъ съ занесенными къ намъ съ латинскаго запада чужими идеалами и любить, крѣпко любить нашу родную старину за эти, такъ сказать—переживанія, оживляющія въ насъ наше народное самочувствіе, народное самосознаніе... И невольно повторяешь кѣмъ-то давно сказанныя слова: „о Русь моя родная! Нѣтъ-то тебя въ мірѣ краше, нѣтъ сердцу милѣе“. Счастливы художники въ родѣ В. М. Васнецова, умѣющіе читать въ памятникахъ старины родной завѣты этой старины и во-

площать эти завѣты въ своихъ поистинѣ безсмертныхъ произведеніяхъ искусства! Счастливы писатели и поэты, являющіеся истолкователями этихъ завѣтовъ въ своихъ словесныхъ твореніяхъ! Но еще болѣе счастливы тѣ носители духа народнаго благочестія, которые воплощаютъ эти завѣты въ жизни.

Изъ Сольвычегодска мы отправились внизъ по Большой Двинѣ до села Черевкова. Здѣсь три священника и больше 12000 жителей. Мы прибыли въ 2 часа ночи; 4-го іюля въ 8 часовъ утра въ обширный храмъ собралось множество народа. Я долго бесѣдовалъ съ нимъ, благословлялъ, одѣлялъ книжками и образками. Въ виду близости раскольниковъ особенно раскрывалъ ученіе о Церкви, о послушаніи пастырямъ Церкви, предостерегая отъ раскольничьихъ заблужденій. Зашелъ въ часовню, на могилку страдальца іерея Петра, убитаго поляками въ 1610 году. Мѣстные обыватели чтутъ его память какъ угодника Божія, невинно пострадавшаго за вѣру и отечество. Въ часовнѣ на могилѣ стоитъ столикъ для совершенія панихидъ. У меня просили разрѣшенія поставить надгробіе.

Въ полдень пришолъ снизу пароходъ, на которомъ мы и отправились обратно вверхъ до Красноборска. Этотъ небольшой заштатный городокъ весною пострадалъ отъ пожара, Храмъ Божій уцѣлѣлъ, и я совершилъ въ немъ всенощное бдѣніе по случаю праздника преподобнаго Сергія. Послѣ всенощной въ мѣстной школѣ я долго бесѣдовалъ съ собравшимся изъ сосѣднихъ селъ духовенствомъ, а на другой день совершилъ литургію и говорилъ слово о преподобномъ Сергіи.

Въ этомъ храмѣ очень изящный, въ стилѣ рококо, иконостасъ, но непріятно поражаетъ глазъ изваянія крылатыхъ существъ, разсаженныя по карнизу этого иконостаса, а въ алтарѣ, около престола, по угламъ сѣни стоящія фигуры ангеловъ съ свѣчами въ рукахъ. Я сказалъ: „изваянія крылатыхъ существъ“, не желая назвать ихъ херувимами, ибо понятіе херувима какъ-то не вяжется съ изображеніемъ обнаженныхъ дѣтей, хотя и съ крыльями. А у алтарныхъ ангеловъ руки безобразно толсты. Тѣла раскрашены и производятъ антихудожественное впечатлѣніе. Приходилось встрѣчать такія изображенія и въ нѣкоторыхъ другихъ церквахъ: въ Тотьмѣ, напримѣръ, въ Предтеченской церкви сѣнь надъ престоломъ поддерживается четырьмя фигурами ангеловъ съ обнаженными ногами, а у царскихъ дверей съ одной стороны стоитъ ангелъ хранитель съ младенцемъ, которому показываетъ рукою на небо, а съ другой архангелъ Михаилъ, поражающій сатану. Но копье Архангела давно сломано, осталась только поднятая рука, а сатана съ рогами, оскаливъ зубы, смотритъ на молящихся и будто смѣется... Я приказалъ немедленно убрать эти фигуры, а обнаженныя ноги ангеловъ, держащихъ сѣнь, прикрыть парчею. Въ Красноборскѣ надъ самымъ престоломъ, на плафонѣ сѣни, рѣзное изображеніе Бога Отца съ простертыми внизъ руками, тоже раскрашенное, я также велѣлъ снять. Ужъ очень тяжелое впечатлѣніе производятъ такія фигуры на молящихся: по крайней мѣрѣ я это испыталъ на себѣ. Церковная власть не разъ дѣлала распоряженіе, чтобъ не допускать рѣзныхъ изображеній, кромѣ распятій искусной рѣзьбы; и однакоже эти распоряженія часто нарушаются и даже находятся защитники „елисаветинской старины“, которые обращаются къ архіереямъ съ просьба-

ми беречь эту „старину“: Пусть бы это были еще художественныя изображенія, безъ всякой раскраски: можно бы ихъ за „старину“ потерпѣть, но когда такое изображеніе раскрашено, когда оно, какъ вышеупомянутое изображеніе сатаны, граничитъ съ кощунствомъ, по крайней мѣрѣ вызываетъ шутки у зрителей, то—пусть гг. археологи простятъ мнѣ это — я требую убрать ихъ съ иконостаса... Законъ художества говоритъ, что два искусства: ваяніе и живопись не терпятъ смѣшенія: возьмите статую великаго неподражаемаго ваятеля древности Фидія и поручите ее раскрасить не менѣе великому живописцу Рафаэлю—получится безобразіе... Зачѣмъ же допускать такое безобразіе въ нашихъ святыхъ храмахъ? Ваяніе и безъ раскраски слишкомъ плотяно, слишкомъ грубо-вещественно, чтобъ служить православной Церкви: оно усвоено латинской церковью, какъ наслѣдство временъ языческихъ (извѣстно, напримѣръ, что одна фигура Юпитера въ Римѣ превращена въ изображеніе Апостола Петра: только вмѣсто перуновъ въ руку его даны ключи). Намъ нужно помнить, что въ церковномъ искусствѣ наша Церковь полагаетъ въ основу одухотвореніе, а латинская—оплотянѣніе; отсюда у насъ идеалъ иконы — иконопись, а на западѣ—живопись; у насъ—иконы, а тамъ — статуи, у насъ—дивный обрядъ, а тамъ—театральная церемонія... Восемнадцатый вѣкъ, вѣкъ измѣны роднымъ идеаламъ старины православной, безъ всякаго разбора насаждалъ у насъ и вносилъ во святая святыхъ—въ наши св. храмы плотяный реализмъ западнаго искусства и вотъ — его плоды: эта портретная живопись съ натурщиковъ и натурщицъ, эти статуи почти топорной работы, эти обнаженныя фигуры у самаго престола Господня, эти обнаженныя дѣти, сидящія на карнизахъ иконостасовъ... Ужели все это надо охранять какъ „елисаветинскую старину“? Ужели беречь и этого сатану, злобно-насмѣшливо выглядывавшаго въ открытыхъ царскихъ дверяхъ? Думаю, что ни одинъ православный археологъ не станетъ защищать все это. Я не говорю, что нужно уничтожать, а просто убрать изъ Божьяго храма: если угодно—берегите это въ музеяхъ, какъ памятникъ неразумнаго увлеченія нашихъ предковъ западными реалистическими идеалами и пренебреженія высокими, чистыми, духовными идеалами старой Руси, вслѣдствіе непониманія ихъ... Кстати сказать: въ Сольвычегодскѣ подъ историческимъ соборомъ есть цѣлый музей такихъ статуй, особенно статуй Христа въ темницѣ: всѣ онѣ производятъ очень тяжелое впечатлѣніе. А въ нашемъ Вологодскомъ древнехранилищѣ есть даже гробъ съ рѣзнымъ изображеніемъ Христа... Что же: ужели и это все оставлять въ церквахъ?

Въ Красноборскѣ мы сѣли на пароходъ до Устюга, куда и прибыли утромъ 6 числа. Два дня посвятилъ я осмотру монастырей, училищъ, нѣкоторыхъ церквей, бесѣдовалъ съ духовенствомъ, а 8 числа, въ день праведнаго Прокопія юродиваго, служилъ у его св. мощей вмѣстѣ съ преосвящ. Алексіемъ, викаріемъ Великоустюжскимъ. Слово было сказано мною о томъ: хранимъ ли мы завѣты праведника и не грозитъ ли намъ туча гнѣва Божія, которую нѣкогда предвидѣлъ великій святитель Московскій Митрополитъ Филаретъ?

Устюгъ—самый красивый городъ во всей Вологодской губерніи. Подъѣзжая къ нему на пароходѣ—толь-

ко и видишь: церкви, церкви и церкви... На одной площади пять приходскихъ церквей! Невольно задумываешься надъ этой любовью нашихъ предковъ къ постройкѣ церквей: казалось бы, какая нужда была строить ихъ столько? Что въ Устюгѣ, то и въ Тотьмѣ, и въ Сольвычегодскѣ, и даже въ нѣкоторыхъ селахъ. Теперь при нѣкоторыхъ приходскихъ есть даже по двѣ, по три приписныхъ церкви. Видно, церковное строеніе было въ старину потребностью русской души; видно, наши предки почитали это дѣло, независимо отъ того, нуженъ или не нуженъ храмъ для прихода, дѣломъ Богу угоднымъ, душеспасительнымъ... И почти въ каждомъ храмѣ имѣется по нѣсколько придѣловъ. Когда осматриваешь эти храмы, когда переходишь отъ одного къ другому, то будто переносишься духомъ въ старыя добрыя времена, когда всѣ эти храмы были полны народа, когда всѣ они безъ сомнѣнія имѣли свои причты, когда благочестіе народное питалось богослуженіемъ въ этихъ храмахъ... И грустно становится, когда ту старину сравниваешь съ нашимъ временемъ, когда и въ храмахъ стало просторно, хотя безъ сомнѣнія народонаселеніе значительно увеличилось, когда и служба Божія совершается ужъ не такъ истово, какъ было во дни оны древніе...

Вотъ скорбь велія и забота неотложная: большинство храмовъ (въ Устюгѣ напримѣръ 11-ть) стоитъ на берегу капризной Сухоны, которая каждый годъ подмываетъ ихъ безпощадно. Въ Устюгѣ одинъ храмъ уже перенесенъ саженей на 50 выше, и прежнее мѣсто его подъ водою. Въ древнихъ храмахъ появляются трещины, свидѣтельствующія о томъ, что берегъ оползаетъ, а чтобы укрѣпить берегъ, нужно полмилліона. Вычегда также грозитъ разрушеніемъ знаменитому Сольвычегодскому собору, берегъ песчаный, говорятъ, каждый годъ отмываетъ на сажень. До сего времени обращаемыя ходатайства оказывались безуспѣшными: казнѣ нужны деньги на постройки новыхъ дорогъ да такихъ разсадниковъ „просвѣщенія“, какъ университеты. Да и не такова нынѣшняя Дума, чтобъ ожидать отъ нея заботы о храмахъ Божіихъ.

8-го іюля къ вечеру мы разстались съ Устюгомъ и направились вверхъ по Сухонѣ къ Тотьмѣ, куда и прибыли 9-го ко всенощной. 10-го я съ трудомъ отслужилъ литургію въ Тотемскомъ Богоявленскомъ соборѣ и весь день лежалъ больной. Вечеромъ едва поднялся, чтобъ провести бесѣду съ собравшимся духовенствомъ. 11-го посѣтилъ духовное училище, куда собралось до 300 учащихся, изъ разныхъ учебныхъ заведеній города, съ коими провелъ двѣ бесѣды, а вечеромъ сѣлъ на пароходъ до села Шуйскаго, куда прибыли рано утромъ 12-го. Здѣсь уже ждало меня собранное духовенство, съ коимъ я побесѣдовалъ часа полтора и отправился въ Вологду...

Наконецъ-то я дома. Вотъ итоги моего путешествія по епархіи: посѣтилъ 5 городовъ, 9 монастырей, до 50 церквей; провелъ болѣе 30 бесѣдъ съ народомъ, съ священниками, съ учащимися; видѣлъ до 150 священниковъ. Видѣлъ многихъ добрыхъ пастырей и утѣшался бесѣдою съ ними, видѣлъ любовь народную къ носителю Божіей благодати — епископу, любовь къ Церкви святой, къ богослуженію, совершаемому благолѣпно. Слышалъ трогательный отзывъ одного старца—іерея о простецахъ—зырянахъ, о ихъ благоговѣніи къ сану іерея: „когда идетъ

батюшка послѣ обѣдни, то слѣдуетъ цѣловать слѣды ногъ его: вѣдь онъ Христа въ себѣ несетъ“...Не правда ли: поучительно не для простыхъ только, но и для такъ называемыхъ интеллигентовъ? Какъ трогательно это усердіе простецовъ, жаждущихъ архіерейскаго благословенія! Многіе съ крестнымъ знаменіемъ подходятъ подъ благословеніе архіерея и снова крестится, получивъ благословеніе. Многія матери подносятъ и подводятъ своихъ дѣтей къ архіерею: младенецъ на рукахъ да два-три малютки держатся за платье матери: какъ тутъ не призвать отъ всего сердца Божія благословенія на сихъ чадъ царствія Божія? Кажется, не ушолъ бы изъ церкви, если бы не немощь моя, если бы не необходимость спѣшить дальше къ такимъ же вѣрнымъ чадамъ Церкви Божіей, ожидающимъ меня въ другомъ мѣстѣ... Какъ жаль, что архіереи не имѣютъ возможности быть въ постоянномъ общеніи съ своею паствою вотъ при такой обстановкѣ! Надо, чтобъ архіерей былъ для своей паствы не какимъ-то полубогомъ, витающимъ въ недоступныхъ для простецовъ палатахъ, а истиннымъ пастыремъ, отцомъ, къ которому былъ бы открытъ доступъ всякому пасомому, который жилъ бы среди пасомыхъ, по крайней мѣрѣ возможно чаще посѣщалъ бы всѣ приходы своей епархіи. Волки хищники, еретическіе наставники часто объѣзжаютъ своихъ единомышленниковъ, а мы, архіереи, далеко не всегда имѣемъ къ тому возможность. Причинъ къ тому слишкомъ много, чтобы перечислить ихъ.

81.

„Божья копѣечка“.

Есть еще добрыя, смиренныя сердцемъ души, которыя любятъ дѣлать добро въ тайнѣ и знаютъ цѣну такому добродѣланію. 15 сего іюля я получилъ изъ Бессарабіи переводъ на 300 руб. съ такимъ сообщеніемъ на отрѣзномъ купонѣ:

„Ваше Преосвященство! Одинъ мой хорошій знакомый, прочитавъ дневникъ Вашего Преосвященства въ № 4-мъ „Тр. Слова“, такъ умилился его содержаніемъ, что вручилъ мнѣ 300 руб. для отсылки Вашему Преосвященству на пріобрѣтеніе за душу рабы Божіей Анисіи походнаго храма для Камчатки или переселенцевъ Сибири по усмотрѣнію Вашего Преосвященства. Исполняя просьбу своего знакомаго, который пожелалъ остаться неизвѣстнымъ и имени котораго посему я не въ правѣ открыть, я съ глубокосердечнымъ умиленіемъ всепочтительнѣйше при семъ представляю оную лепту на Ваше Архипастырское благоусмотрѣніе и испрашиваю своему знакомому Вашего Архипастырскаго благословенія. Вашего Преосвященства смиреннѣйшій послушникъ
Священникъ Владиміръ Скодигоръ“.

Я отвѣтилъ почтенному батюшкѣ:

„Благослови, Господи, любящаго благолѣпіе дому Твоего, благослови исполняющаго заповѣдь Твою по слову Твоему: да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя!

Триста рублей, присланныя вами, отецъ Владиміръ, я получилъ и пишу Архіепископу Евсевію о семъ. Вопрошаю его: куда направить походную церковь? Или какъ ему

угодно будетъ распорядиться по сему дѣлу? Быть можетъ, онъ найдетъ болѣе подходящимъ послать церковь въ какой-либо переселенческій приходъ. Радуюсь, что добрый человѣкъ отсѣкаетъ свою волю въ распоряженіи своею жертвою: это цѣннѣе всего предъ Господомъ. Господь его да благословитъ! Спасибо и вамъ, что мое „Тр. Слово“ даете читать своимъ прихожанамъ: вотъ сѣмечко доброе и пало на добрую землю. Слава Богу о всемъ и за все! Милость Божія буди съ вами!“

Вотъ если бы побольше было на Руси такихъ добрыхъ душъ: какъ хорошо и тепло жилось бы на свѣтѣ! Вѣдь православныхъ то у насъ около ста милліоновъ: если бы рѣшили по одной копѣечкѣ, только по копѣечкѣ сложиться, то получился бы цѣлый милліонъ, на который можно бы построить много церквей переселенцамъ, а если бы Русскій народъ хоть на одинъ день въ году еще и отъ водки отказался въ пользу нашихъ миссій, то получилось бы еще два милліона: сколько свѣта Христова можно разлить хотя бы въ той же языческой Японіи, съ которою Богъ намъ велѣлъ въ сосѣдствѣ жить! Вотъ, 2 — 3 іюля исполнилось ровно 50 лѣтъ съ того благословеннаго дня, какъ прибылъ туда, въ Японію, смиренный іеромонахъ Николай; одинъ, безъ сотрудниковъ, онъ началъ благовѣтствовать св. Евангеліе, учить японцевъ вѣрѣ православной. Онъ выучился говорить и писать по-японски, онъ и всю свою жизнь отдалъ святому дѣлу апостольской проповѣди, и Господь благословилъ его труды: теперь въ Японіи больше 33,000 православныхъ; въ столицѣ Японіи возвышается чудный храмъ Воскресенія Христова, есть духовная семинарія, много уже священниковъ - японцевъ. И по отзыву самихъ язычниковъ православные японцы — примѣрные христіане; добрые, честные, трудолюбивые. Во время войны они образовали общество духовной помощи военно-плѣннымъ русскимъ. Они тратили на нихъ свои средства, сами оставались безъ священниковъ, чтобы не оставить безъ утѣшенія плѣнныхъ и раненыхъ, но въ то же время, какъ вѣрные сыны отечества, шли на поле брани и полагали душу за своего микадо. Наши язычники - интеллигенты не поймутъ этого, а мы вѣруемъ, что какъ наши, такъ и японскіе христолюбивые воины, душу свою положившіе на одномъ и томъ же полѣ брани, какъ православные христіане получатъ мученическій вѣнецъ.

Вотъ что Богъ совершилъ въ Японіи чрезъ Своего вѣрнаго раба, нынѣ святителя Николая! Его имя одинаково чтится и въ самой Японіи, даже язычниками, и въ Европѣ, а тѣмъ паче должно чтиться въ православной Россіи. Но намъ приходится себя винить, что не сдѣлано гораздо больше. Мы виновны, что Японія все еще языческая страна, мы виноваты, что она—не сестра по вѣрѣ нашей матушкѣ Руси православной: мы такъ холодно относимся къ святому дѣлу просвѣщенія язычниковъ, что стыдно говорить объ этомъ. Насъ сто милліоновъ, а много ли наше Всероссійское Православное Миссіонерское общество собираетъ въ годъ пожертвованій? Да какихъ - нибудь 60—70 тысячъ... И то — при помощи кружечнаго сбора! Сочтите же, православные: по какой долѣ копѣйки это причтется на каждую православную душу? Просто стыдно становится за такую холодность къ апостольскому служенію! Изъ ста милліоновъ сколько членовъ въ об-

ществѣ? Да не больше 6 — 7 тысячъ! А вѣдь и членскій-то взносъ всего 3 р. въ годъ! Величаемся православными, а вотъ на водку тратимъ въ годъ чуть ли не милліардъ (знаете ли, сколько это? Да цѣлая тысяча милліоновъ! Страшно вымолвить!). А сколько еще уходитъ денегъ на театры, на разныя зрѣлища и удовольствія, сколько на наряды, на карты, на разную роскошь, въ которой не отстаютъ, къ несчастью, и бѣдняки: вотъ у насъ, напримѣръ, въ губерніи не рѣдкость, что отецъ послѣднюю корову тащитъ со двора, чтобъ купить своей глупой дочери бархату на шубку, а молодой щеголь съ голоду сидитъ, лишь бы выйти къ дѣвицамъ „при часахъ“...

Что за безуміе! Что за рабство предъ модою! И у кого же? Да у тѣхъ, которые не каждый день ѣдятъ до сыта! Мнѣ скажутъ: съ такихъ нечего и спрашивать какихъ-либо жертвъ на добрыя дѣла. Но я вѣдь говорю о „Божьей копѣечкѣ!“ Копѣечку-то и нищій найдетъ, чтобъ Богу на свѣчечку подать. Вѣдь если бы только усердія было на одну-единую копѣечку, на такое святое дѣло, какъ проповѣданіе православной вѣры невѣрующимъ, то тысячи язычниковъ - невѣровъ славили бы Бога и были бы нашими братьями по вѣрѣ. Если бы всѣ православные русскіе люди не пожалѣли по копѣечкѣ дать на построеніе храмовъ Божіихъ въ далекой восточной Сибири для новоселовъ-переселенцевъ, то у всѣхъ этихъ братьевъ нашихъ по крови и по вѣрѣ были бы давно храмы Божіи. Если бы мы не жалѣли этихъ копѣечекъ, то не было бы среди насъ несчастныхъ вдовъ и сиротъ, не было бы безпріютныхъ калѣкъ, слѣпыхъ и уродовъ: всѣмъ было бы тепло и уютно жить среди насъ... Мнѣ скажутъ: много же нужно на это копѣечекъ! Отвѣчаю: во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ сколько мы тратимъ ихъ на свои прихоти, на водку, на роскошь, на сласти и моды. Духа Христовой любви въ насъ мало—вотъ наше горе! Любовь отзывчива къ чужому горю, она изобрѣтательна, она не считается съ Богомъ и твердо, безусловно вѣритъ, что Богъ въ долгу не останется — сторицею отплатитъ! Во время моей недавней поѣздки по епархіи въ одномъ селѣ раба Божія вручаетъ мнѣ 25 руб. и говоритъ: „была я въ Петербургѣ, заходила въ пріютъ Царицы Небесной, видѣла тамъ горе, о какомъ и вспомнить больно: Бога ради, пошлите туда эти деньги!“... Вотъ — добрая душа! Да еще не позволила писать, отъ кого эта лепта! А я все же скажу: отъ той, которая не имѣетъ никакихъ капиталовъ, которая дѣлится съ Богомъ и съ несчастными ближними послѣднею копѣйкой, у которой вѣроятно ничего и не осталось на этотъ разъ въ запасѣ! Благослови ее Господи! Имя же ея Самъ вѣдаетъ!

Сердце у насъ зачерствѣло, разумъ оскудѣлъ — вотъ и служимъ своимъ страстямъ, и думаемъ, что въ томъ счастье найдемъ, а того, что настоящее-то счастье въ добродѣланіи, и не подозрѣваемъ! Я не говорю уже о томъ благодатномъ утѣшеніи, какое является въ сердцѣ благодѣющаго по слову Христову: царствіе Божіе внутрь васъ есть: этого на словахъ не разскажешь, это надо опытомъ извѣдать, исполняя заповѣди Божіи,—даже для нашего земнаго благополучія, для счастья нашей родины намъ нужно, необходимо дѣлать добро во имя Божіе. Представьте себѣ, что Японія стала бы православною вся, во главѣ съ ея микадо-императоромъ,

что она прониклась бы святыми завѣтами нашей вѣры православной: безъ сомнѣнія, это была бы наша вѣчная союзница-сестра, японцы — были бы не враги наши, а братья, они понимали бы тогда всю духовную красоту нашего исповѣданія, все величіе идеаловъ православія. Вѣдь тѣ, которые сердцемъ восприняли святое ученіе нашей вѣры, и теперь отличаются такими качествами, такою любовію къ Богу и ближнему, что намъ, старымъ хрістіанамъ, становится стыдно предъ ними. Тамъ слово хрістіанинъ равносильно съ словомъ честный и добрый человѣкъ. Ему всѣ вѣрятъ, его всѣ любятъ. И подумать, что это сдѣлалъ — конечно силою Божіей — одинъ человѣкъ! И этотъ человѣкъ — нашъ русскій человѣкъ! А если бы мы, русскіе люди, помогали бы ему такъ, какъ совѣсть наша требуетъ, то и не то бы еще было. А теперь ему приходится уменьшать число вѣропроповѣдниковъ (катихизаторовъ): нѣтъ средствъ ихъ содержать, вѣдь должны же они чѣмъ-нибудь жить! Не достаетъ средствъ на содержаніе семинаріи и женскаго училища, чтобъ готовить будущихъ пастырей и учительницъ для японцевъ; нѣтъ средствъ для построенія храмовъ Божіихъ на разныхъ островахъ... И люди у него есть — имъ же воспитанные въ святой ревности по вѣрѣ японцы; но приходится со скорбію отпускать сихъ ревнителей вѣры въ міръ, чтобъ сами искали себѣ кусокъ хлѣба. Ахъ, братіе! Грѣшно намъ, что такъ равнодушно смотримъ на Божіе дѣло, творимое японскимъ святителемъ, нашимъ роднымъ русскимъ человѣкомъ! Если ему не помогаемъ, то будемъ ли помогать распространенію святой нашей вѣры въ Японіи, когда Богъ позоветъ къ Себѣ этого великаго труженника въ вѣчныя обители? А вѣдь ему уже 76-ой годъ! Будемъ ли такъ довѣрчиво относиться къ его преемникамъ, какъ относимся и должны относиться къ нему — преемнику и живому носителю апостольскихъ преданій? Не наказалъ бы насъ Богъ за такое равнодушіе къ вѣрѣ православной. Стыдно намъ, что наши предки, присоединяя къ своей Руси инородцевъ, прежде всего заботились о просвѣщеніи ихъ свѣтомъ ученія Хрістова, и вотъ, разныя мелкія племена, въ родѣ Чуди, Мери, Веси, Вотяковъ, Вятичей, принявъ нашу вѣру, слились во едино съ народомъ нашимъ, а другіе, оставаясь пока съ своимъ языкомъ, какъ напримѣръ наши Зыряне, всѣмъ сердцемъ любятъ нашу вѣру и сроднились духомъ съ нами; а мы, щеголяя предъ безбожниками, заботимся о построеніи капищъ и мечетей въ своей столицѣ, о дарованіи всѣмъ какой-то еще неслыханной свободы проповѣдывать среди хрістіанъ всякую ересь, всякое лжеученіе до язычества включительно... Вотъ и видимъ, что съ нами не объединяются ни въ вѣрѣ, ни въ любви къ нашей матери Россій тѣ народцы, которые присоединены послѣ перелома нашей исторіи при Великомъ Петрѣ, когда наша интеллигенція въ своемъ большинствѣ отступила отъ преданій отеческихъ, когда мы стали забывать „единое на потребу“ — духовные свои идеалы, когда все наше вниманіе устремилось на земное благополучіе... Надъ нами уже совершается судъ правды Божіей: мы не заботимся о распространеніи царства Божія на землѣ, и если не опомнимся, если не покаемся въ семъ грѣхѣ, то сбудется и надъ нами страшное слово Хрістово: отымется отъ васъ царствіе Божіе и дастся языку, творящему плоды его... Какому языку? Да можетъ быть вотъ

этимъ же японцамъ или китайцамъ! Объ этомъ я писалъ еще 37 лѣтъ назадъ въ духовномъ журналѣ „Миссіонеръ“, не боюсь повторить это и теперь: жаль родную матушку Русь, если она не оправдаетъ своего предъ Богомъ призванія быть носительницей и хранительницей и распространительницей святыхъ завѣтовъ православія въ цѣломъ мірѣ!

Русскіе люди, православные! Ужели мы допустимъ это? Пусть наши „интеллигенты“, гордые своимъ лжезнаніемъ, презирающіе простоту нашей вѣры, пусть они измѣняютъ вѣрѣ нашей, если ужъ ничѣмъ мы не можемъ вразумить ихъ: но мы-то, простые русскіе люди, мы-то можемъ ли допустить, чтобъ отнялъ у насъ Господь святыню ковчега православія и передалъ его другому народу? Мы не ревнивы въ смыслѣ обладанія святынею сей, мы готовы, мы должны быть готовы подѣлиться симъ сокровищемъ со всѣми народами земными, и съ японцами, и съ китайцами, и съ индійцами, и съ чопорными западными „хрістіанами“, которые считаютъ насъ язычниками и шлютъ къ намъ своихъ баптистовъ - проповѣдниковъ: на всѣхъ достанетъ нашего сокровища, и чѣмъ больше будетъ народовъ, исповѣдающихъ православіе, тѣмъ богаче будетъ наше сокровище. Но не отвѣтимъ ли мы страшно предъ Богомъ за то, что не цѣнимъ нашего сокровища, не дорожимъ имъ, отдаемъ его на поруганіе, не дѣлимся имъ съ сосѣдями, да и сами не пользуемся имъ? Вспомнимъ притчу Хрістову о рабѣ, сокрывшемъ данный ему талантъ и сознаемся, что мы дѣлаемъ хуже: тотъ только сокрылъ въ оборотъ не пустилъ, а господину все-же его возвратилъ, а мы въ грязь топчемъ наше сокровище, отдаемъ его на расхищеніе допускаемъ издѣвательство надъ нимъ... Пусть совѣсть наша отвѣчаетъ: стоимъ ли мы милости Божіей?...

А Богъ такъ милостивъ, что и за едину чашу студены воды обѣщалъ награду дать, и за „копѣечку“, поданную на распространеніе святой вѣры православной, щедро наградитъ, и вздохъ кающагося сердца приметъ... Пошлемъ же святителю - юбиляру свои смиренныя лепты на его дѣло святое, а онъ помолится за насъ грѣшныхъ съ своими чадами—вѣрующими православными японцами...

Года два назадъ по моему приглашенію добрые люди собрали—кто рубликъ, кто два-три—и чрезъ меня послали Архіепископу Николаю больше 1500 р., прислали и дѣтки свои сбереженія отъ гостинцевъ. Вѣрю, что и теперь мои читатели откликнутся на мой призывъ вложить частичку своего сердца на апостольское дѣло и доставить великое утѣшеніе святителю Божію дѣломъ любви хрістіанской. Высылать можно мнѣ лично—въ Вологду!

82.

Новыя козни сатаны.

Стражи дома Израилева, пастыри Церкви, мужи богословской науки! „Семитысячелѣтній старецъ“, человѣкоубійца искони, не дремлетъ: кипя злобою противъ Церкви, онъ яко левъ рыкая ходитъ, искій кого

поглатити... И чего-чего не изобрѣтаетъ онъ, чтобы прельстить, аще возможно есть, и избранныя души? Было время, когда преслѣдовалъ онъ чадъ Церкви открытыми гоненіями: было время, да и теперь оно не прошло, и не скоро пройдетъ, когда орудіемъ борьбы его съ Церковію являлись и являются ереси и расколы, а съ теченіемъ вѣковъ онъ изобрѣтаетъ все новыя и новыя козни, новые и новые обманы, сплетаетъ новыя и новыя сѣти, чтобъ уловлять слабыя души... Однимъ изъ такихъ адскихъ средствъ борьбы съ Церковью у него является лженаука, подлогъ, поддѣлка подъ науку. Помните ли, лѣтъ двадцать назадъ, какъ нѣкій французскій іудей Нотовичъ выпустилъ книгу, въ которой безсовѣстнымъ образомъ сочиненную имъ якобы жизнь Христа Спасителя выдавалъ за научное открытіе? Спасибо англиканскимъ миссіонерамъ, которые, живя въ Тибетѣ, скоро обличили лжеца, объявивъ, что онъ никогда въ Тибетѣ не бывалъ, что тамъ ничего подобнаго выдуманной имъ рукописи нѣтъ, что онъ—лжецъ и обманщикъ безсовѣстный, издѣвающійся надъ нашими святыми вѣрованіями. Такіе господа, какъ Нотовичъ, не страшны еще: слишкомъ видны бѣлыя нитки, коими они шьютъ и не трудно разоблачить ихъ выдумки. Но іудеи, какъ вѣрные слуги исконнаго человѣкоубійцы и чада діавола какъ ихъ наименовалъ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ,—на все способны и ни предъ чѣмъ не остановятся. Въ прошломъ году вышелъ въ русскомъ переводѣ романъ г. Торнъ: „Когда сгустился мракъ“... Въ этомъ романѣ авторъ выводитъ героевъ — изобрѣтателей великаго заговора противъ всего христіанства: іудеи подкупаютъ всемірно извѣстнаго ученаго оріентолога поддѣлать въ пещерахъ, окружающихъ Іерусалимъ, гробъ Христа, куда будто бы Іосифъ и Никодимъ перенесли украденное ими тѣло Іисуса Христа. Поддѣлка удается, совершается якобы открытіе и авторъ яркими красками описываетъ, что затѣмъ произошло, когда „сгустился этотъ мракъ надъ всѣмъ міромъ“... Сказать правду: прочитавъ эту книгу, я поблагодарилъ автора за то, что онъ предупредилъ осуществленіе такого заговора своимъ талантливымъ вымысломъ. Въ самомъ дѣлѣ: если бы іудеямъ пришло въ голову устроить такую поддѣлку, право же, они ни на минуту не задумались бы; нашолся бы и „оріентологъ“, готовый къ ихъ услугамъ и—кто знаетъ? Христіанскому міру, можетъ быть, пришлось бы пережить ту ужасную драму, какая изображена г. Торномъ въ его разсказѣ. Авторъ пожалѣлъ читателей: въ его разсказѣ проклятый обманъ скоро разоблачается и мракъ разсѣевается. Въ жизни не все бываетъ такъ, какъ намъ бы хотѣлось: нерѣдко обманъ, особенно изобрѣтенный іудеями и масонами, закрываетъ истину въ продолженіи дѣлыхъ вѣковъ. Прошло, напримѣръ, три вѣка съ половиной, какъ въ Германіи совершилась такъ называемая реформація и всѣ были убѣждены, что это дѣло совершили ревнители правды, во главѣ коихъ стоялъ Лютеръ, а теперь, оказывается, что все это движеніе было подстроено заклятыми врагами Христа Спасителя масонами. Говорю „оказывается“, ибо для насъ православныхъ, смотрящихъ на дѣло со стороны, это очевидно; скажите это протестантамъ лютеранамъ—они и теперь запротестуютъ противъ васъ, и теперь будутъ отрицать всякое вліяніе масоновъ на ихъ первоучителей, отступниковъ отъ

католичества. Въ три вѣка можно свыкнуться и не съ такимъ заблужденіемъ. Да и самолюбіе не позволитъ сознаться, что „передовые“ люди, считающіе себя цвѣтомъ всего человѣчества, а своихъ вождей—иниціаторовъ реформы — геніями, столько вѣковъ заблуждались, были попросту — одурачены какими-то масонами, которые за это время успѣли и всѣ слѣды своего обмана замести... А обманъ, кажется, уже готовитъ новые сюрпризы тѣмъ простякамъ, о которыхъ еще основатель иллюминатства такъ насмѣшливо писалъ: „о люди! Подумаешь, что можно внушить вамъ такія (нелѣпыя) мысли! Всего удивительнѣе то, что ученѣйшіе протестантскіе и реформатскіе богословы, состоящіе въ орденѣ иллюминатовъ, воображаютъ, что находящееся въ немъ вѣроученіе содержитъ въ себѣ истинный смыслъ и духъ хрістіанства“... Чего добраго, не нынѣ—завтра по всему міру разнесется вѣсть о „новомъ величайшемъ открытіи“ ученыхъ нѣмцевъ (не іудеевъ ли? Вѣдь они такъ искусно себя подкрашиваютъ подъ нѣмца, что и не распознаешь!) въ области исторіи религій. По крайней мѣрѣ нашъ талантливый, но легкомысленнѣйшій въ вопросахъ вѣры публицистъ М. О. Меньшиковъ уже прогремѣлъ въ своихъ „Письмахъ къ ближнимъ“ о такомъ открытіи. И не только прогремѣлъ, но уже и комментируетъ его, дѣлаетъ выводы, обобщенія, не позаботившись справиться: не новая ли это „научная“ поддѣлка масоновъ? Не выдается ли за „открытіе“ измышленіе какого-нибудь новаго Нотовича? Ужъ одно то подозрительно, что книга „индіолога“ Планге, появившаяся еще пять лѣтъ тому назадъ, почему-то не произвела даже того впечатлѣнія въ Европѣ, какое произвела поддѣлка Нотовича. Видно настоящіе ученые люди просто относятся къ ней, какъ къ одной изъ тѣхъ кощунственныхъ, оскорбительныхъ не только для религіи, но и для самой науки, мистификацій, на какія такъ способны іудеи—„доктора“ разныхъ наукъ. Ну, а вотъ для г. Меньшикова, который такъ ратуетъ за нашу православную церковность, такая книга является драгоцѣнною находкой. Этотъ „хрістіанинъ“, да еще и „православный“, захлебывается отъ удовольствія, передавая ея содержаніе. Онъ пользуется случаемъ, чтобъ сильнѣе произвести ошеломляющее впечатлѣніе на читателя, блеснуть своими знаніями по части санскритологіи и индіологіи и тономъ знатока, не допускающаго никакихъ возраженій, такъ и сыплетъ именами разныхъ „профессоровъ“: тутъ и Сендернелъ [1]), и Рисъ Дэвисъ и Рудольфъ Зейдель, и Деличъ, и Чемберленъ, и какой-то таинственный Х. изъ Кіева. „Библейская критика“, видите ли, „давно признала, что Пятокнижіе Моисея не можетъ быть приписано одному автору, что раньше всѣхъ другихъ написано Второзаконіе“... А вотъ Высокопреосвященный Антоній, авторитетъ въ этомъ отношеніи куда повыше г. Меньшикова, заявляетъ, что эти выводы „библейской критики“ тоже давнымъ давно опровергнуты, только г. Меньшиковъ этого еще не знаетъ или не хочетъ знать. Онъ не хочетъ знать и того, что для каждаго, кстати—столь презираемаго имъ семинариста извѣстно, какъ азбучная истина,—именно, что Пятокнижіе существовало уже во времена Давида, и этого не опро-

[1]) Проф. Бронзовъ поправляетъ Меньшикова: не Сендернелъ, а Сендерлэндъ. См. Колск. № 1603, статью: „Грустно“.

вергнуть никакимъ гг. Сендернеламъ и Чемберленамъ. Г. Меньшиковъ не стѣсняется приписывать и этимъ Чемберленамъ даже то, чего они сами отъ себя не говорили. Такъ г. Чемберленъ въ своей книгѣ откровенно говоритъ, что самъ не силенъ въ критикѣ Библіи и въ своей книгѣ руководится данными, добытыми извѣстной Тюбингенской школой. Меньшиковъ разошолся до того, что не стѣсняется утверждать, будто наши священныя книги, т. е. Евангелія, какъ и буддійскія, составились черезъ столѣтія послѣ смерти основателя вѣры, т. е. Христа Спасителя. Вотъ его слава: „Священныя книги буддистовъ, *какъ и христіанъ*, составились *чрезъ столѣтія послѣ* основателей вѣры", Будда и Христосъ—„основатели вѣры", и цѣна имъ у г. Меньшикова равная. Что ему за дѣло до истинной науки, неопровержимо доказавшей подлинность нашихъ святыхъ Евангелій? Ему нужно доказать, что „европейская наука добралась до корней великаго нравственнаго движенія, которое называется христіанствомъ, а корни эти—арійскіе, а не еврейскіе". Это значитъ: Господь нашъ Іисусъ Христосъ усвоилъ ученіе Будды и выдалъ его за Свое... Прости насъ, Господи нашъ! „Въ недалекомъ будущемъ, говоритъ сей нововременскій пророкъ, „слѣдуетъ ожидать полнаго возстановленія арійскихъ правъ собственности на драгоцѣннѣйшую изъ святынь исторіи" — читай: признанія буддизма, какъ источника христіанства... Что за богохульство! Какое невыносимое оскорбленіе вѣрующихъ душъ!

Архіепископъ Антоній говоритъ: „жаль, что нашъ талантливый публицистъ вѣритъ на слово всякой чепухѣ и потомъ авторитетно объявляетъ, будто „наука доказала"... Что касается приведенной имъ индійской передѣлки жизни Спасителя, то ее признаютъ фабрикаціей III вѣка послѣ Рождества Христова. Конечно, среди русской публики, превосходящей своимъ невѣжествомъ въ Священномъ Писаніи всѣ народы, можно городить относительно Библіи какую-угодно чушь и даже просто выдумывать несуществующія въ Библіи изреченія... при всемъ томъ, прошу повѣрить мнѣ, какъ бывшему профессору Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, въ томъ, что никакихъ неопровергнутыхъ возраженій противъ подлинности всѣхъ книгъ священныхъ отрицательная критика такъ и не могла предъявить наукѣ, что Пятокнижіе писалъ одинъ Моисей и никто болѣе... что вообще всѣ эти высокоглаголивые и надменные отзывы о св. Библіи, какъ только о народномъ памятникѣ еврейской жизни обличаютъ лишь собственную неосвѣдомленность или недобросовѣстность такихъ писателей. Наука богословская и наука историческая—дѣло мудреное: имъ надо долго обучаться, а рѣшать съ маху вѣковые научные вопросы по выпискамъ такихъ энциклопедическихъ словарей и алфавитныхъ указателей значитъ не содѣйствовать просвѣщенію, а морочить честной народъ „сквернаго ради прибытка". (Тит. 1, 2).

„На какихъ основаніяхъ, спрашиваетъ профессоръ А. А. Бронзовъ, Меньшиковъ утверждаетъ, будто Магабхарата написана за тысячи лѣтъ до Пятокнижія Моисея? Доказать это невозможно, какъ и то, что Второзаконіе написано приблизительно черезъ 850 лѣтъ послѣ Моисея, а остальныя его книги будто бы лишь за 400—450 лѣтъ до Рождества Христова. Всякій, кто хотя бы немного знакомъ

съ исторіей вопроса о подлинности Моисеева Пятокнижія, исторіей, сколько длинной, столько же и поучительной, отлично понимаетъ это. Обращаться же къ якобы ученымъ, фигурирующимъ въ фельетонѣ Меньшикова, можно только по недоразумѣнію. Истинѣ эти господа „ученые“ во всякомъ случаѣ не научатъ. Подлинныя ихъ качества давно уже оцѣнены по достоинству и серьезно съ ними никто нынѣ не считается. Этими именами можно только морочить невѣжественную публику, что, напримѣръ, и дѣлаетъ Геккель въ своихъ „Міровыхъ Загадкахъ“. Сендерлэндъ—не „ученый изслѣдователь“, а пасквилянтъ, подгоняющій рѣшительно все подъ извѣстный тенденціознѣйшій масштабъ. Переводъ его жалкой книжонки могъ появиться только въ больное время, когда русскій рынокъ наводнился всякими „товарищескими“ произведеніями... Чемберленъ съ его поддѣлками уже достаточно разоблаченъ и, на повѣрку, оказалось, что грандіозная поддѣлка еврейскихъ священныхъ книгъ въ эпоху Эздры существовала только въ головѣ самого Чемберлена и подобныхъ ему лицъ, но не въ дѣйствительности... Съ именемъ Делича связано больше шуму, чѣмъ какихъ-либо серьезныхъ научныхъ открытій... Зейдель забытъ съ его фантастическими измышленіями даже большинствомъ его сторонниковъ послѣ того, какъ былъ по косточкамъ разобранъ его соплеменниками. Не только „безусловно достовѣрныхъ“, но и просто сколько-нибудь „достовѣрныхъ“ письменныхъ памятниковъ буддизма изъ дохристіанской эпохи не было и не сохранилось и ссылка на нихъ не имѣетъ никакого значенія. Мнѣніе, будто наши христіанскія священныя книги (Евангелія, дѣянія и апостольскія посланія) составились „чрезъ столѣтія по смерти Христа“ — воистину чудовищно. Аналогіи и совпаденія, по словамъ профессора Бронзова, совершенно естественны: у индусовъ могли быть заимствованія изъ нашихъ св. книгъ, ибо ихъ книги, по мнѣнію лучшихъ знатоковъ ихъ литературы, появились не раньше 5-го вѣка по Рождествѣ Христовомъ. Нравственное и религіозное ученіе буддизма и христіанство совершенно различны по существу. Буддисты—атеисты. Ихъ „троица“ не имѣетъ ничего общаго съ христіанскою. Души у человѣка буддисты не признаютъ. О безсмертіи не учатъ... Но довольно этихъ выписокъ для обличенія лжи г. Меньшикова.

Спасибо святителю волынскому и профессору Бронзову за скорую и сильную отповѣдь новоявленному проповѣднику буддизма. Но не знаменіе ли времени, что отповѣдь не появилась въ той газетѣ, которая дала мѣсто возмутительной статьѣ г. Меньшикова, а въ маленькомъ „Свѣтѣ“? Не значитъ ли это, что гордая газета отказала Архіепископу въ помѣщеніи его письма въ редакцію? „Новое Время“ имѣетъ до ста тысячъ подписчиковъ; наши интеллигенты, какъ сіе засвидѣтельствовалъ и Архіепископъ Антоній, въ громадномъ большинствѣ—полнѣйшіе невѣжды въ Священномъ Писаніи; всѣ они прочтутъ и будутъ вкривь и вкось комментировать статью своего любимца-публициста; отрава пойдетъ широко и заразитъ многихъ, особенно молодежь,—а гдѣ же противоядіе? [1]). Покойный министръ-муче-

[1]) Справедливость требуетъ сказать, что въ „Новомъ Времени“ спустя недѣлю, въ отдѣлѣ „Среди газетъ и журналовъ“, появилась маленькая вы-

никъ Вячеславъ Константиновичъ Плеве спрашивалъ меня: что я думаю о свободѣ печати? Я отвѣтилъ: если ужъ правительство хочетъ дать свободу,—пусть даетъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ: обязать всѣ изданія безпрекословно помѣщать на своихъ страницахъ всѣ возраженія, какія будутъ присланы—безъ обращенія къ суду и власти...—Едва ли это выполнимо, сказалъ онъ,—Тогда, замѣтилъ я, не только мы, люди порядка, но и вся Русь православная положительно взвоетъ отъ такой свободы... Вотъ и смотрите теперь: что творится? Справедливо Е. К. въ „Колоколѣ“ говоритъ: „Меньшиковъ доказываетъ, что христіанство не только не божественное откровеніе, не только не истинная спасительная религія, а просто—сплошная экспропріація: своего оно ничего не имѣетъ, все у него краденое. Оно обобрало буддизмъ,—образъ Христа свѣтитъ не своимъ свѣтомъ, а заимствованнымъ у Будды“. А значитъ... Значитъ: страшно сказать—Христосъ не Богъ воплотившійся, Евангеліе—не богодухновенная книга, а передѣлка индусскихъ сказаній о Буддѣ и прочіе безумные глаголы... А въ концѣ концовъ—долой христіанство, какъ религію обмана, возвращайтесь въ буддизмъ!...

И это говоритъ человѣкъ, еще такъ недавно съ фанатизмомъ отстаивавшій „церковность“ духовныхъ школъ! Какое ужасное лицемѣріе! И невольно приходитъ на мысль: не настало ли время позвать къ суду церковному этого явнаго еретика и отступника отъ православной Церкви? Не пора ли сказать ему: или покайся и отрекись отъ своихъ лживыхъ, богохульныхъ мудрованій, или поносимая тобою Церковь вынуждена будетъ произнести тебѣ анаѳему! Нельзя же терпѣть въ нѣдрахъ Церкви такихъ лжеучителей. Они несравненно вреднѣе всякихъ пьяницъ, распутниковъ, скажу больше: вреднѣе и опаснѣе тѣлесныхъ убійцъ, ибо убиваютъ душу, отравляя ее сомнѣніемъ и невѣріемъ, удаляя ее отъ Источника жизни—Христа Спасителя: нѣтъ, такимъ нѣтъ мѣста въ Церкви! Но, увы! Мы живемъ въ такое тяжелое для Церкви время, что едва ли дождемся такого очищенія Церкви отъ столь вредныхъ членовъ... Эти члены, будучи сами заражены духовною гангреною, заражаютъ и другихъ, особенно тѣхъ, которые находятся съ ними въ постоянномъ общеніи. Люди, считающіе себя вѣрующими, видятъ, что лжеучитель открыто, печатно распространяетъ свои мысли, что никто его ни останавливаетъ, никто не обличаетъ, что сама Церковь молчитъ, видимо терпитъ сего еретика, видятъ все это и не считаютъ нужнымъ сторониться его мнѣній, позволяютъ себѣ ихъ повторять... Столько нынѣ теплопрохладныхъ православныхъ! Церковь молчитъ, терпя вольнодумство еретика,—значитъ, его сужденія еще не такъ преступны предъ ея судомъ, значитъ, можно себѣ позволить повторять ихъ... А тамъ, въ силу моды, которую такъ усиленно рекомендуютъ масоны, еретическія мнѣнія внѣдряются въ сознаніе нашихъ интеллигентовъ, становятся, такъ сказать, общими мѣстами и зараза начинаетъ дѣйствовать, эпидемически. Не такъ ли было и съ древними ересями? Вѣдь и аріанство было въ началѣ модным вольномы-

---

держка изъ письма А. Антонія. Видно—потребовалъ сего кто-нибудь... А все же цѣликомъ письма газета не перепечатала: ну стоитъ ли ей занимать свои столбцы такими „пустяками“?!..

сліемъ, а оно едва не заразило всю Церковь...

Но можетъ ли, въ правѣ ли мѣстный епископъ привлекать вольномыслящихъ писателей, именующихъ себя еще православными, къ суду Церкви?—Мнѣ кажется, не только можетъ, но и долженъ. На то онъ и епископъ—*надзиратель* Церкви, чтобы стоять на стражѣ стада Христова и зорко смотрѣть: нѣтъ ли между овцами волка въ овчей одеждѣ? На то у него и палица, и жезлъ, чтобъ отгонять такихъ волковъ. А если бы онъ усумнился самъ лично это сдѣлать, то его долгъ обратить на это вниманіе высшей власти церковной. Если бы и здѣсь возникли бы сомнѣнія относительно полномочій епископата, то пора же, наконецъ, собраться святителямъ на всероссійскій соборъ, пора имъ перестать оглядываться на то, будетъ ли такой соборъ угоденъ или не угоденъ нашимъ интелигентамъ, нашимъ „правящимъ сферамъ“! Со всѣхъ сторонъ на Церковь Божію ополчаются ея заклятые враги; имъ дана свобода собираться когда угодно, хотя по пяти разъ въ году; то и дѣло слышишь и читаешь о съѣздахъ нашихъ раскольниковъ, баптистовъ, лжеевангеликовъ и прочихъ сектантовъ: а какъ только кто заговоритъ о соборѣ—даже и не о соборѣ, а хотя бы только о съѣздѣ святителей—сейчасъ встрѣчаются самыя неожиданныя препятствія къ такому единенію... Что это значитъ? Ужъ не въ плѣненіи ли наша святая матерь Церковь? И какъ зорко за этимъ слѣдятъ! Когда, въ началѣ 1908 года, нѣкоторые присутствующіе въ С. Синодѣ архіереи стали было собираться на чашку чаю, чтобъ поговорить о текущихъ дѣлахъ, то на это было обращено вниманіе и имъ сдѣлано нѣкое дружеское внушеніе. А между тѣмъ—страхъ беретъ, что творится въ нѣдрахъ Церкви! Съ 17 октября 1905 г. по сіе время, меньше, чѣмъ въ 6 лѣтъ, отъ Православной Церкви отпало около 800,000 душъ! Сердце изстрадалось, видя это разрушеніе Церкви; хотѣлось бы усты ко устомъ побесѣдовать съ собратіями во Христѣ, посовѣтоваться: что же намъ дѣлать? Какъ быть? Какія общія мѣры принять противъ безсовѣстныхъ совратителей лжеучителей? Вѣдь у нихъ всѣ средства хороши, у нихъ и обманъ, и насиліе—все пускается въ ходъ: ужели все это позволительно и законно? Такъ значитъ наша православная Церковь въ гоненіи? Ее никто не хочетъ защищать? Ее отдаютъ на расхищеніе вотъ этимъ волкамъ-еретикамъ?... Нѣтъ, мы не хотимъ вѣрить этому. Намъ хочется думать, что все это—только *великое недоразумѣніе*, что тѣ, кому подобаетъ пещись о благоустроеніи Церкви Божіей, поймутъ, наконецъ, какъ необходимо оградить кроткое, беззащитное православіе отъ хитрыхъ волковъ, его расхищающихъ, что надо дать дѣйствительную свободу—не имъ, а вотъ самой Божіей Церкви, дабы ея пастыри не были связуемы чиновниками, дабы свѣтская власть не покровительствовала лжеучителямъ въ ихъ пропагандѣ, что бы они имѣли свободу возможно чаще вступать въ личное общеніе другъ съ другомъ и отъ лица всего епископата, отъ лица всей Русской Церкви „печаловаться“ Помазаннику Божію о нуждахъ Церкви.

Чувствуется, что скоро начнутся массовыя отпаденія отъ Церкви нашихъ интелигентовъ. Ужъ слишкомъ много въ нихъ накопилось своеволія, свободомыслія при величайшемъ невѣжествѣ въ вопросахъ вѣроученія, при самомнѣніи и горды-

нѣ безмѣрной. Помните, какъ нѣкоторые интелигенты, послѣ отлученія графа Толстого отъ Церкви, заявляли, что и они желаютъ быть отлученными вмѣстѣ съ ихъ идоломъ-лжеучителемъ? Можно себѣ представить всю безсмыслицу, всю дерзость оскорбленія Церкви въ такихъ заявленіяхъ! Что имъ Церковь, что имъ отлученіе?! Имъ хотѣлось, какъ глупымъ мальчишкамъ, только показать свое пренебреженіе къ суду Церкви: мы-де не боимся вашего отлученія, намъ ни по чемъ ваше православіе! А печать, не только іудействующая, но и патріотическая, первая сознательно, вторая сама того не подозрѣвая, подготовляетъ это отпаденіе. Въ самомъ дѣлѣ: для чего, напримѣръ, одна изъ самыхъ черносотенныхъ газетъ печатаетъ о томъ, какъ будто бы одинъ іерархъ собственноручно изгонялъ отъ себя просителей-мужичковъ? Если бы, сохрани Боже, что и было подобное—вѣроятнѣе-то всего это злостная клевета,—и тогда не прямѣе ли было бы, не благоразумнѣе ли сообщать такіе факты кому о томъ вѣдать надлежитъ, а не разглашать ихъ въ печати на весь свѣтъ... Вѣдь это—съ позволенія сказать—хамство одно, это возбужденіе пасомыхъ противъ пастырей, это открытіе срамоты отеческой! Не прячьтесь, господа, за право печати обличать всякое зло: и можно, и должно въ такихъ случаяхъ обходиться безъ печати. Да и—повторяю: не могло и быть такого случая. А о похожденіяхъ пьяныхъ іереевъ сколько печатается разсказовъ! И въ этомъ случаѣ самыя крайнія лѣвыя газеты единомысленны съ нѣкоторыми самыми крайними правыми. Лѣвыя перепечатываютъ изъ правыхъ, а правыя изъ лѣвыхъ. И безъ того мы, архіереи, измучились душою въ этой безконечной борьбѣ съ пороками въ родѣ пьянства въ средѣ нашего духовенства: вѣдь и одинъ пьяный іерей—тяжелое бремя, горе-забота для архіерея; а когда о немъ еще печатаютъ въ газетѣ на радость врагамъ Церкви, то это горе—вдвое. Къ чему выставлять на позоръ людской такихъ несчастныхъ? Вѣдь во всякомъ же случаѣ они—исключеніе; вѣдь и среди апостоловъ былъ корыстолюбецъ... А главное, что особенно тяжело въ этихъ газетныхъ сообщеніяхъ: это фактъ самыхъ сообщеній. Пасомые являются какъ бы судіями пастырей своихъ, нарушается основное правило церковной дисциплины, забывается заповѣдь о любви не просто къ ближнему, а къ одному изъ тѣхъ, кому Господь далъ благодатное право вязать и разрѣшать грѣхи мірянъ... Правда, тяжко виновенъ и немощной духомъ пастырь; онъ будетъ отвѣчать за соблазнъ несравненно больше, чѣмъ мірянинъ; онъ является въ той или иной степени виновникомъ и той ереси, какую недавно проповѣдывалъ все тотъ же г. Меньшиковъ, будто благодать Духа Святаго не дѣйствуетъ чрезъ недостойныхъ пастырей: но все же печатаніе въ газетахъ, да еще правыхъ, о порокахъ того или другаго пастыря—явленіе тревожное: оно показываетъ, что въ нашей Церкви отношенія къ пастырямъ нарушаются уже принципіально, что пасомые забываютъ главные основы этихъ отношеній, а отсюда уже недалеко и до разрыва съ самою Церковію. И этотъ разрывъ уже намѣчается въ томъ свободомысліи относительно вѣры, которое такъ ярко проявляется въ статьяхъ Меньшикова, Розанова и др. публицистовъ. Интеллигенція, особенно невѣжественная полуинтеллигенція, наканунѣ отпаденія отъ Церкви.

Куда она пойдетъ—сказать трудно, вѣроятно по разнымъ путямъ, самымъ противоположнымъ: отъ католичества до буддизма и открытаго безбожія включительно....

Какъ же намъ, архіереямъ, не желать скорѣйшаго собора? Надо же приготовиться къ грядущимъ на Церковь Божію бѣдамъ! Въ одиночку всего не придумаешь, да и недостаточно себя полномочнымъ сочтешь. Сказано въ Писаніи: *спасеніе во мнозѣ совѣтѣ; братъ отъ брата помогаемь яко градъ твердъ.* А на соборѣ—вѣруемъ—Христосъ посреди насъ, ибо и постановленія соборныя возглавляются: *изволися Духу Святому и намъ...* Будемъ молить Всеблагаго Духа Божія, да возглаголетъ благая о Церкви Своей въ сердцѣ Царевомъ, еже есть въ рукѣ Божіей.

84—85.

Правда ли, что я навожу на читателей унынie?

Уже не разъ говорилъ я въ своихъ дневникахъ, что на нашихъ глазахъ подмѣнивается народное міросозерцаніе, что идетъ подмѣна понятій въ сознаніи подрастающаго поколѣнія! Процессъ этотъ совершается незамѣтно, но когда сравнишь то, что было лѣтъ 50 назадъ, съ тѣмъ, что видишь и слышишь теперь, то это явленіе уже бросается въ глаза. Полвѣка назадъ въ средѣ простого народа немало было грамотеевъ, которые правильно употребляли въ бесѣдѣ о духовныхъ предметахъ церковнославянскія слова и выраженія и даже, когда рѣчь шла о духовномъ, то старались и выражаться по славянски. И это было совершенно естественно: вѣдь учились тогда по славянскому букварю, часослову и псалтири, читали четіи-минеи, пролога и творенія святыхъ отцевъ большею частію по-славянски, и такъ освоивались съ языкомъ матери—Церкви, что хорошо понимали его и, какъ я сказалъ, нерѣдко употребляли славянскія выраженія даже въ бесѣдѣ религіозной.

Не то теперь. Нынѣ люди вѣрующіе, достаточно образованные, читающіе даже мое „Троицкое Слово“, не всегда разбираются въ терминахъ духовной жизни. Такъ одинъ почтенный читатель пишетъ мнѣ, что моя статья въ № 62-мъ „Наше духовное сиротство и бездерзновеніе вѣры“ „вся проникнута такимъ грустнымъ и безотраднымъ чувствомъ, что и заключительная часть ея о покаяніи не разсѣиваетъ навѣяннаго унынія“. „Мнѣ, говоритъ онъ, прежде всего думается, умѣстно ли вообще такое унынie по высказаннымъ въ статьѣ той причинамъ, да притомъ въ дни Великаго поста, когда каждый день взываемъ: „унынія не даждь ми“. Ужели такъ плохи наши православныя дѣла?“—Ясно, что мой добрый читатель не знаетъ значенія слова *унынія* и употребляетъ его въ смыслѣ тоски, гнетущей скорби, боли душевной, безотраднаго чувства. Между тѣмъ это далеко не одно и то же. Унынie есть дремота, омертвѣніе души, нечувственность сердца, какъ бы духовный параличъ. Это—апатія духа, разлѣненіе, безразличіе и холодность къ добродѣтели, малодушіе, разсѣянность души, вялость и небреженіе, заканчивающееся отчаяніемъ въ своемъ спасеніи. Если, не дай Боже, мои

дневники наводятъ на читателей *такое* состояніе, то прошу въ томъ прощенія. А если пробуждаютъ въ душѣ тоску о потерѣ идеаловъ нашихъ, спасительную скорбь о разлукѣ съ Богомъ, Котораго мы удаляемъ отъ себя своими грѣхами, чувство сиротства духовнаго, то это уже отнюдь не есть уныніе: это спасительная *печаль яже по Бозѣ*, которая ведетъ къ покаянію и спасенію содѣловаетъ по слову Апостола Христова. „Можно ли, пишетъ читатель, намъ вообще говорить о сиротствѣ, когда Христосъ совершенно опредѣленно сказалъ, что Онъ съ нами будетъ во вся дни до скончанія вѣка, что Онъ не оставитъ насъ сиротами, придетъ къ намъ, что Церковь Его не одолѣютъ врата адовы?“—Да, поистинѣ радостныя обѣтованія! Да, Христосъ-то съ нами, но мы-то со Христомъ ли? Не удаляемъ ли мы Его отъ себя грѣхами своими? Не уходимъ ли отъ Него на страну далече? Христосъ съ нами, но со Христомъ ли тѣ, которые въ святые дни постовъ и праздниковъ веселятся безумно въ театрахъ и другихъ еще болѣе зазорныхъ для христіанина мѣстахъ? Со Христомъ ли тѣ, которые предаются порокамъ пьянства, безпутства, лгутъ, обманываютъ, сквернословятъ, живутъ съ блудницами? Со Христомъ ли тѣ, которые поносятъ Его, вторицею и многажды распинаютъ, искажая Его божественное ученіе, издѣваясь надъ Церковію Божіей, Его непорочной невѣстой, приравнивая Его Самого къ Буддѣ и Магомету? Со Христомъ ли тѣ, которые не хотятъ слушать Христа? Да, Господь обѣтовалъ, что врата адовы не одолѣютъ Его Церкви, но вѣдь *Церкви* же, а не Руси нашей дано это обѣтованіе! Да, Церковь вселенская пребудетъ до скончанія вѣка неодолѣнною, но вѣдь рѣчь идетъ о вселенской Церкви, а не о русской! Была нѣкогда славная Церковь Карѳагенская: но гдѣ она? Были и другія частныя Церкви въ древности, но ихъ уже нѣтъ: почему мы можемъ быть увѣрены, что не отымется отъ насъ царствіе Божіе и не будетъ передано другому народу, который будетъ творить плоды, его достойные? Если мы считаемъ себя народомъ избраннымъ, чтобъ хранить святой ковчегъ православія для всѣхъ народовъ земныхъ, то и должны съ благоговѣніемъ хранить ввѣренную намъ святыню, а не отдавать ее на поруганіе! А посмотрите, вспомните, что творится у насъ! Вспомните, что былъ народъ, избранный Богомъ отъ всѣхъ народовъ земныхъ, чтобъ принести спасеніе міру, народъ, праотцамъ коего были даны обѣтованія, коихъ мы, русскіе, не имѣемъ: а что сталось съ этимъ народомъ? Не стало ли имя его презрѣннымъ среди народовъ, такъ, что самъ онъ, этотъ народъ, стыдится своего имени? Не внушаетъ ли онъ презрѣніе и нѣкоторую брезгливость и у насъ на Руси? А вѣдь былъ когда-то избранный, а теперь—Богомъ отверженный, хотя все еще считающій себя Божьимъ избранникомъ! Не даетъ ли онъ урокъ и намъ, не творящимъ плодовъ царствія Божія, что аще не покаемся—такожде отвержени будемъ? Хвалились іудеи своимъ избранничествомъ и происхожденіемъ отъ Авраама и во дни Христа Спасителя: *отца имамы Авраама*. Но что имъ глаголетъ Христосъ? *Вы отца вашего діавола есте!...* Сердце содрагается, когда читаешь въ Евангеліи эти слова, и помышляешь о нашемъ богоотступничествѣ!

„А намъ православнымъ, продолжаетъ мой читатель, и совсѣмъ

нельзя говорить о духовномъ сиротствѣ при обиліи нашихъ русскихъ подвижниковъ вѣры православной. Вѣдь они въ нашемъ государствѣ жили и подвизались, да вѣдь ими и Русь святая строилась". Но вотъ сіе-то и послужитъ къ сугубому нашему осужденію, что мы имѣемъ такихъ духовныхъ предковъ нашихъ! А соблюли ли мы въ цѣлости святые завѣты ихъ? Да, они строили нашу многострадальную святую Русь, а мы не разрушаемъ ли ее своими беззаконіями, своимъ непростительнымъ равнодушіемъ къ поруганію сихъ завѣтовъ, своею холодностію къ Церкви? Не растрачиваемъ ли ихъ святое наслѣдіе? Не грозитъ ли намъ то, что уже грозило нашей Руси въ 1521 году? Вспомните видѣніе слѣпой старушки монахини въ Вознесенскомъ монастырѣ: направляется изъ Кремля въ Спасскія ворота какъ бы въ крестномъ ходу сонмъ святителей и другихъ угодниковъ Божіихъ и среди нихъ чудотворная икона Богоматери Владимірская. Вотъ они вышли уже изъ воротъ, а навстрѣчу имъ идутъ преподобные отцы Сергій Радонежскій и Варлаамъ Хутынскій. Припавъ къ ногамъ святителей, они вопрошаютъ ихъ: зачѣмъ они уходятъ изъ города и на кого оставляютъ его въ такое скорбное время? Подъ стѣнами Москвы въ то время стояли татары подъ предводительствомъ Махметъ Гирея. Святители со слезами отвѣчаютъ: „много молили мы всемилостиваго Бога и пречистую Богородицу объ избавленіи отъ сей великой скорби, но Богъ повелѣлъ намъ выйти изъ города и вынести съ собою сей чудотворный образъ Пречистой Его Матери, потому что люди забыли страхъ Божій и нерадятъ о заповѣдяхъ Господнихъ. Пусть они накажутся отъ сего варварскаго народа и чрезъ покаяніе обратятся къ Богу"... Не забыли ли и мы страхъ Божій, не забыли ли заповѣди Господни? Не уходятъ ли и отъ насъ угодники Божіи и Царица Небесная, наша усердная всегда Заступница? Тогда преподобные умолили святителей, и они, осѣнивъ городъ крестомъ Господнимъ, возвратились въ Кремль (въ память чего и нынѣ въ Спасскія ворота всѣ входятъ съ открытою головой), и Москва была спасена: а нынѣ не переполняется ли чаша гнѣва Божія надъ нами и не грозитъ ли оставленіе по реченному: *се оставляется домъ вашъ пустъ*! Не напрасно ли мой добрый читатель утѣшаетъ себя: „какъ же намъ говорить о духовномъ сиротствѣ, когда мы живемъ въ православномъ государствѣ (увы! и въ этомъ приходится подъ часъ сомнѣваться!), а святая Русь находится подъ особымъ покровомъ Царицы Небесной? Вѣдь вашему преосвященству должно быть извѣстно, что Русь строилась чудомъ, при помощи силы Божіей, проявленной и проявляемой въ великихъ святыхъ подвижникахъ Россійскихъ. Вѣдь это непонятно для нашей языческой интеллигенціи, а вамъ это должно быть извѣстно лучше насъ грѣшныхъ".

Что же изъ всего этого? Тѣмъ болѣе отвѣтственности лежитъ на насъ, чѣмъ больше мы удостоены милостей Божіихъ. И опять надо вспомнить отверженный Богомъ Еврейскій народъ. Онъ ли не былъ любимцемъ Божіимъ среди всѣхъ народовъ земныхъ? И однакоже не пощадилъ его Господь. А Византія? Вѣдь праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы—не нашъ русскій праздникъ: это праздники Византіи. Вѣдь Матерь Божія почиталась покровительницею и Царяграда, какъ и Россіи. Вѣдь древняя Грецiя

имѣетъ не меньше Россіи у Бога святыхъ молитвенниковъ, и однакоже... Пятое столѣтіе святая Софія въ поруганіи у почитателей обманщика Аравійскихъ степей, да и Гробъ Господень охраняется невѣрными...

„Почему вы думаете, пишетъ читатель, что мы совсѣмъ непохожи на современниковъ св. Александра Невскаго? Если бы мы были другіе, то не могли бы выдѣлить изъ среды себя тѣхъ святыхъ подвижниковъ, которыхъ вы сами въ своей статьѣ насчитываете болѣе десяти человѣкъ и это только изъ недавняго прошлаго. Весь міръ во злѣ лежитъ, а потому и во времена Александра Невскаго, мнѣ думается, были грѣхи и великіе грѣшники не лучше насъ грѣшныхъ".

На это скажу: хвалиться тѣмъ, что „мы выдѣлили" мною указанныхъ подвижниковъ—не добрѣ: во-первыхъ, что всѣ они вышли еще въ то время, которое мы теперь называемъ „добрымъ старымъ временемъ", хотя оно и недавнее наше прошлое: вѣдь я говорю о самомъ послѣднемъ времени, когда пронеслась духовная политическая смута по лицу родной земли, когда русскіе люди стали презирать все родное и сердцу святое, когда даже въ деревняхъ появились богохульники и святотатство стало обычнымъ явленіемъ, когда не только грѣхъ грѣхомъ не называютъ, а уже возводятъ его въ добродѣтель, а это уже—хула на Духа Святаго, грѣхъ непростительный... А во-вторыхъ—и это главное: въ тѣ старыя добрыя времена люди, можетъ быть, грѣшили и больше насъ, да каяться умѣли, грѣхъ всегда грѣхомъ и называли! Прочтите въ лѣтописяхъ, какъ Русскій народъ буквально повторялъ на дѣлѣ исторію покаянія Ниневитянъ, а теперь?!... Теперь вотъ подъискиваютъ оправданій: мы-де еще не такъ ужъ грѣшны, какъ вы расписываете, мы-де „выдѣляемъ изъ среды себя святыхъ подвижниковъ", что-де и тогда были „грѣшники не лучше насъ грѣшныхъ"... Вотъ это-то и есть признакъ нашей нераскаянности, нашего нечувствія, нашей духовной слѣпоты! Вмѣсто того, чтобы въ чувствѣ покаянномъ вздохнуть изъ глубины души: согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, неправдовахомъ предъ Тобою, Господи! Согрѣшили, Господи, паче всѣхъ народовъ земныхъ, не вниди въ судъ съ нами грѣшными!"—мы разсуждаемъ, что мы-де еще не такъ ужъ грѣшны, что мы грѣшимъ, правда, но не больше же предковъ нашихъ, что вотъ изъ среды нашей выходили еще такъ недавно избранники Божіи... Разсуждаемъ такъ и стараемся успокоить себя, чтобъ потомъ еще глубже заснуть... Пусть проститъ мнѣ мой читатель—письменный собесѣдникъ, а мнѣ страшно за него, мнѣ слышится грозное слово ветхозавѣтнаго пророка, и слово это жжетъ какъ огонь, палитъ какъ пламень неугасимый: *„увы, народъ грѣшный, народъ обремененный беззаконіями, племя злодѣевъ, сыны погибельные! Оставили Господа, презрѣли Святаго Израилева—повернулись назадъ. Во что васъ бить еще, продолжающіе свое упорство?..* (Ис. 1, 4, 5). Вѣдь вся наша правда, все добро наше—яко портъ нечистый предъ Господомъ! Горе намъ, если будемъ еще любоваться чужими добродѣтелями, ссылаться на свое родство съ угодниками Божіими въ свое оправданіе: вѣдь и іудеи ссылались на родство свое съ Авраамомъ, а что имъ сказано? Вотъ въ такомъ-то подкладываніи себѣ возглавійцъ подъ всякій локоть руки, по выраженію

пророка, и заключается начало того унынія, въ какомъ обвиняетъ меня мой читатель! „Если сейчасъ, говоритъ онъ, когда гнѣвъ Божій только слегка коснулся Россіи, наши архипастыри теряютъ дерзновеніе вѣры и впадаютъ въ уныніе, то что мы будемъ говорить въ то время, когда гнѣвъ Божій серьезно коснется Россіи?“.—Нѣтъ, не къ унынію призываю я Русскій народъ! Я всѣхъ зову къ покаянію! Я хочу и въ себѣ самомъ, и въ другихъ разбудить дремлющую совѣсть, глубже сознать свою виновность предъ Богомъ, ярче освѣтить ту опасность, на краю которой стоитъ несчастная наша Россія. Богу не нужны наши оправданія, Ему нужно, чтобы мы упали предъ Нимъ съ горькими слезами раскаянія: „нѣтъ у насъ, Господи, ничего добраго, все только грѣхи и грѣхи, не стоимъ мы милости Твоей, а все же вопіемъ: помилуй! Нѣтъ у насъ даже дерзновенія вѣры, ибо вѣра наша безъ дѣлъ, безъ исполненія Твоихъ животворящихъ заповѣдей—въ насъ омертвѣла, едва искрится: но и вѣру оживи, и силы подай къ покаянію, къ новой жизни: помоги маловѣрію и невѣрію нашему!“—Вотъ къ чему я призываю моихъ читателей.

Сохрани Богъ отъ унынія! Да смиренное сердце и не поддастся ему. Смиренный знаетъ, что въ самомъ унынiи заключается гордыня самооправданія и богохульная мысль отчаянія. Человѣкъ ищетъ въ самомъ себѣ точки опоры для своего спасенія и, не находя ея, начинаетъ себя обманывать, успокоивать: есть-де и похуже меня, погрѣшнѣе есть; да я и не одинъ: всѣ вѣдь таковы; найдутся и праведники среди насъ: за ихъ молитвы Богъ помилуетъ, стало быть много безпокоиться нечего“. И дремлетъ духовно такая душа, и предается разлѣненію, разсѣянности, и ищетъ развлеченія вмѣсто того, чтобы внимать себѣ, будить себя, толкать свою спящую совѣсть. А это-то и есть то, что называютъ св. отцы унынiемъ. Мой собесѣдникъ, указывая на примѣръ пророка Иліи, которому Богъ сказалъ, что Онъ соблюлъ Себѣ среди Израиля семь тысячъ душъ, пишетъ мнѣ: „Думаете ли вы, Что Хрістосъ не соблюлъ Себѣ въ православной святой (не лучше ли сказать: многогрѣшной?) Руси семи тысячъ вѣрныхъ, которые не преклонили колѣна предъ вааломъ прогресса и лжеученій? Я позволяю себѣ думать, что даже среди нашей языческой (язычествующей?) интеллигенціи найдется гораздо болѣе семи тысячъ вѣрныхъ, а среди младенцевъ вѣры, среди народа и милліоны найдутся“.—Въ отвѣтъ на это я скажу больше: Ниневія пощажена была Богомъ за то, что въ ней было болѣе 120,000 младенцевъ: тайныхъ, единому Богу вѣдомыхъ праведниковъ видитъ только Всевидящій, а младенцевъ и мы видимъ, и ихъ на Руси нѣсколько милліоновъ; но если бы Ниневитяне не показали такого искренняго раскаянія, какое описываетъ пророкъ Іона, то городъ погибъ бы, да онъ потомъ и погибъ, когда снова развращеніе въ немъ дошло до крайнихъ предѣловъ, и младенцевъ ради не пощадилъ его Господь... Но вотъ именно такого-то раскаянія *всенароднаго*, во всѣхъ классахъ и слояхъ народныхъ, мы и не видимъ... Не видимъ не только въ высшихъ классахъ, но и въ народныхъ массахъ. Всѣ живутъ земными интересами, у всѣхъ на умѣ забота о личныхъ выгодахъ и благоустройствѣ своей семьи, своего гнѣзда. Никому нѣтъ дѣла до об-

щаго горя, до общенародной бѣды, висящей надъ нашею головою. Возмите хотя бы народное пьянство. Кто борется съ нимъ такъ, какъ бы то подобало? Много ли у насъ трезвенниковъ ревнителей этой борьбы? Проявляется ли въ массахъ народныхъ *непримиримая ненависть* къ этому пороку въ формахъ, напримѣръ, рѣшительныхъ приговоровъ цѣлыхъ селеній — ни капли ничего спиртнаго не употреблять? Спросите руководителей обществъ трезвости, чего имъ стоитъ удерживать отъ искушенія тѣхъ, которые уже дали обѣтъ трезвости? А только ли пьянство одно губитъ народные нравы? А лѣность, а безсовѣстность во взаимныхъ отношеніяхъ, а клятвопреступничество, обманъ, распутство? Гдѣ же, гдѣ признаки искренняго всенароднаго покаянія? Кается ли наша язычествующая интеллигенція? Каются ли правящія сферы? Тамъ нарушеніе седьмой заповѣди Господней не ставится ни во что. Тамъ цѣлыми годами — даже именующіе себя вѣрующими—не говѣютъ, не причащаются Св. Таинъ, въ церкви не бываютъ. Тамъ совсѣмъ забыли о томъ, что такое посты... Отъ такихъ ли ждать покаянія? Правда, есть еще, слава Богу, и среди интеллигентовъ люди Бога боящіеся, Церковь любящіе, но много ли ихъ? Не стоятъ ли они гдѣ-то въ сторонкѣ отъ дѣлъ государственныхъ, а если и приближаются къ симъ дѣламъ, то что могутъ сдѣлать, когда подавляющее большинство знать не хочетъ матери Церкви, когда многіе готовы продать ее за чечевичную похлебку іудейской печати, когда многіе сами безмолвно уходятъ отъ дѣлъ въ сознаніи своей безпомощности?.. Съ этимъ соглашается, повидимому и мой читатель. Онъ пишетъ: „Не могу не согласиться, что напоръ на православную вѣру со стороны обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ язычниковъ сдѣланъ серьезный, но это можетъ быть для того попущено, чтобы возбудить въ насъ ревность и заставить серьезно оглянуться на себя и на свою дѣятельность". О, конечно такъ! Но что же: оглядываемся ли мы? Ревнуемъ ли по вѣрѣ? Исправляемся ли въ жизни? Да, оглядываемся, пожалуй, и видимъ, что у насъ еще не такъ все плохо: еще такъ недавно мы „выдѣляли изъ среды себя святыхъ"... То ли нужно для привлеченія къ себѣ милости Божіей? То ли потребно для нашего духовнаго оздоровленія? Слышите, что говорятъ св. отцы: егда узриши грѣхи своя яко песокъ морскій—се начало здравія души! Даруй намъ, Господи, зрѣти наши прегрѣшенія! учитъ молиться Церковь. А намъ все хотѣлось бы видѣть себя лучше, чѣмъ мы на самомъ дѣлѣ.

„Вотъ тутъ-то и должна оказаться вся стойкость нашихъ пастырей и архипастырей, пишетъ читатель. Если сейчасъ, при предтечахъ антихріста, наши архипастыри теряютъ дерзновеніе вѣры, смиряются и молчатъ, то что мы будемъ говорить тогда, когда откроется человѣкъ грѣха, сынъ погибели, беззаконникъ—котораго пришествіе будетъ по дѣйству сатаны со всякою силою и знаменіями и чудесами ложными. Я глубоко убѣжденъ, что если наши архипастыри, поникнувъ головою, смирятся и умолкнутъ, то камни возопіютъ, потому что сказано: „Господь Іисусъ убьетъ его духомъ устъ Своихъ и истребитъ явленіемъ пришествія Своего".

Что архипастыри „смиряются"— за это слава Богу: горе, если бы они стали гордиться. Но слово это, кажется, употреблено здѣсь не въ

нашемъ церковномъ смыслѣ, ибо около него стоитъ слово „молчать“. Въ этомъ мы повинны: надо бы кричать, громко вопіять, съ крышъ проповѣдывать! Но вотъ, когда мы возвышаемъ голосъ, обличаемъ, зовемъ къ покаянію, насъ начинаютъ обвинять, что мы наводимъ „уныніе“... Невольно вспоминается евангельское: *пискахомъ вамъ и не плясасте, плакахомъ вамъ и не рыдасте* (Мѳ 11, 17). Молчимъ мы—виноваты, говоримъ — зачѣмъ говоримъ не такъ, какъ бы хотѣлось нашимъ пасомымъ... Имъ бы хотѣлось, чтобы мы подкладывали подушечки подъ всякій локоть руки ихъ, чтобъ успокоивали ихъ, не тревожили ихъ совѣсти. Имъ хотѣлось бы имѣть дерзновеніе вѣры безъ дѣлъ вѣры, которая однакоже безъ дѣлъ мертва есть, а у мертвеца какое ужъ дерзновеніе? Мы говоримъ: покажите вѣру свою отъ дѣлъ вашихъ, начните жить по заповѣдямъ Божіимъ, и вѣра ваша оживетъ, и дерзновеніе ея возвратится къ вамъ, а они упрекаютъ насъ, что мы сами теряемъ это дерзновеніе вѣры... Да, я сказалъ: „то что творится теперь на Руси, лишаетъ насъ дерзновенія вѣры“. Поистинѣ—*не имамы дерзновенія за премногія грѣхи наша!* Развѣ это не правда? Поистинѣ намъ подобаетъ склонять свою грѣшную главу до праха земного предъ гробами нашихъ небесныхъ заступниковъ, и плакать, и горько рыдать, и просить у нихъ помощи и заступленія! Мытарь не имѣлъ дерзновенія и очей на небо возвести, но дерзалъ вопіять къ Богу въ сознаніи своей грѣховности: *Боже, милостивъ буди ми грѣшнику!* Будемъ имѣть мужество взглянуть правдѣ въ глаза, сознать свое бѣдственное положеніе, свою тяжкую виновность предъ Богомъ, возчувствуемъ свою безпомощность и вотъ это свое „бездерзновеніе“ и пожалуемся Богу и святымъ Его на себя самихъ, на свое безсиліе, свою полную духовную нищету. Не будемъ оправдываться, не будемъ утѣшать себя въ горести своей тѣмъ, что еще недавно мы выдѣляли изъ своей среды праведниковъ: напротивъ, поставимъ себѣ это въ новую вину, въ новое осужденіе: значитъ и мы могли бы быть такими же, какъ и они, ибо и они были такіе же люди, какъ и мы, и жили въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и мы, Богу нужно наше сердце сокрушенное и духъ смиренный. — Бездерзновеніе вѣры еще не есть отчаяніе: это—только глубокое сознаніе своего недостоинства предъ Богомъ, безмолвный плачъ предъ Господомъ, съ показаніемъ Ему своихъ немощей, своихъ ранъ духовныхъ. Это зрѣніе грѣховъ своихъ, не личныхъ только, но и всенародныхъ. Бездерзновеніе вѣры вовсе не есть „сомнѣніе“ вѣры, не есть „уныніе“ духа: напротивъ, это—глубокая скорбь мытаря кающагося и недерзающаго очей своихъ возвести на небо, но все же седцемъ къ Богу вопіющаго. Что дѣлать, когда мы не имѣемъ того дерзновенія, съ какимъ вопіяли къ Богу великіе праведники, съ какимъ стоялъ предъ престоломъ Божіимъ, напримѣръ, великій молитвенникъ Русской земли, незабвенный о. Іоаннъ Кронштадтскій? Увы, мы должны сознаться: *такого* дерзновенія Петра, который говорилъ: выйди отъ меня, Господи, яко человѣкъ грѣшенъ есмь...

Мой читатель далѣе пишетъ: „вы говорите, что если бы православные, любя свою вѣру, твердо знали ученіе своей Церкви и могли отражать всякую хулу на это ученіе, то ни одинъ еретикъ“ и т. д. Я уже упоминалъ выше о младенцахъ

вѣры: ужели всѣ они, вызубривши учебникъ закона Божія, могутъ не только устоять противъ лжеученій, но и отражать нападки обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ язычниковъ? Не думаю".—Не объ учебникахъ я говорилъ, не о школьномъ знаніи своей вѣры. Вызубрить учебникъ и даже всѣ томы всякихъ курсовъ Богословія вовсе еще не значитъ знать свою вѣру. Мало того: выучить всю Библію наизусть, знать ея текстъ на всѣхъ языкахъ міра—опять-таки не значитъ еще знать свою вѣру. Представьте себѣ, что вы не знаете еврейскаго языка, и вотъ, еврей продиктовалъ бы вамъ изъ еврейской Библіи нѣсколько стиховъ по еврейски, а вы записали бы эти звуки русскими буквами и потомъ стали бы ихъ читать: еврей понималъ бы, что вы читаете, а вы сами не понимали бы. Вотъ то же значитъ—не больше—и знаніе вѣры по книжкамъ. Ученіе вѣры надо *сердцемъ* читать, и „младенцы вѣры" вотъ именно такъ его и читаютъ. И бываетъ, что иная безграмотная старушка, едва умѣющая произнести двѣ-три краткихъ молитовки, но сердцемъ ищущая Бога, знаетъ свою вѣру лучше профессоровъ Богословія. О такихъ-то и говорилъ Господь: *исповѣдаютися Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ. Ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою!* Вотъ объ этомъ-то знаніи вѣры сердцемъ я и говорилъ. Въ этомъ, кажется, мы согласны съ читателемъ, ибо и онъ пишетъ: „Богъ далъ намъ способность быть служителями Новаго Завѣта, не буквы, а духа, потому что буква убиваетъ, а духъ животворитъ... Царствіе Божіе не въ словѣ, а въ силѣ"... Согласенъ я съ нимъ и въ томъ, что „этого къ сожалѣнію, не могутъ вмѣстить наши интеллигентные язычники, типичнѣйшимъ представителемъ которыхъ является нововременскій философъ (ну какой онъ философъ? довольно бы сказать софистъ!) Меньшиковъ. Мнѣ представляется онъ не иначе, какъ волкомъ въ овечьей шкурѣ, и волкомъ большимъ, который вѣроятно многихъ овецъ изъ стада Христова запуталъ своими философскими (софистическими) сѣтями". А я замѣчу: если бы наши интеллигенты побольше интересовались богословскими науками, если бы побольше читали апологетическія изслѣдованія, то этотъ волкъ былъ имъ не столько страшенъ, сколько смѣшенъ: такъ слабы его выступленія противъ христіанства, такъ шатки его софизмы! Вотъ тутъ и наука пригодилась бы, не говоря уже о томъ знаніи вѣры сердцемъ, о какомъ и понятія не имѣютъ въ большинствѣ наши интеллигенты.

Пріятно читать въ письмѣ міянина такія строки: „Оставаться равнодушнымъ въ нынѣшнее время значитъ идти противъ Христа: *кто не со Мною, тотъ противъ Меня и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ*, сказалъ Онъ. О, ваше преосвященство, если бы вы знали, какъ кипитъ сердце, когда читаешь, слышишь и наблюдаешь все совершающееся нынѣ въ мірѣ!"

И слава Богу, что такія скорбящія души есть на Руси. И дай Богъ, чтобы эта скорбь проникала все ихъ сердце, приносила плодъ въ жизни, обновляла ихъ духовное существо, а вмѣстѣ съ тѣмъ обновляла бы и бѣдную, измученную нашу мать—Русскую землю! Я боюсь, однакоже, что наши интеллигенты, именно интеллигенты, а не простецы, будутъ виновниками гибели нашей Руси. Вспомните, что

вѣдь и Еврейскій народъ загубили, и Христа распяли, и проклятіе на свой народъ призвали—интеллигенты, книжники и фарисеи. Читайте въ Евангеліи, съ какою любовью народъ, простой народъ слѣдовалъ всюду за Господомъ. Правда, его не всегда привлекало къ Нему божественное ученіе Христово: больше влекли чудеса, однакоже—съ какимъ восторгомъ этотъ народъ встрѣчалъ Господа съ ваіями и вѣтьвями во время Его торжественнаго входа въ Іерусалимъ! Но книжники, фарисеи, эти интеллигенты того времени, сумѣли отвлечь народъ отъ Господа и народъ какъ бы отстранился, уступилъ ихъ натиску. Не то же ли и теперь? Съ какою любовью народъ бѣжалъ за о. Іоанномъ Кронштадтскимъ, съ какою любовью онъ идетъ теперь за о. Иліодоромъ! Но насталъ 1905-й—вѣчно проклятый годъ, и толпы народныя пошли за Іудами предателями, а всѣ эти Іуды вышли вѣдь изъ среды если не интеллигентовъ, то полуинтеллигентовъ. О, боюсь я этихъ измѣнниковъ интеллигентовъ, гордыхъ въ своемъ самомнѣніи и пустыхъ въ своемъ кругломъ, невѣроятномъ невѣжествѣ!..

86.

Новое торжество православія.

Паки небо отверзлось надъ грѣшною Русскою землей; паки льются оттуда милости Божіи по молитвамъ новаго ходатая, новаго предстателя нашего предъ Богомъ, святителя Божія Іоасафа! Пусть въ гордости своей отступники отъ святой Церкви православной говорятъ, что не нуждается Богъ въ людяхъ-ходатаяхъ за насъ, ибо сказано: единъ ходатай Бога и человѣковъ—Христосъ Іисусъ: мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что Богъ не отвергаетъ молитвы любви святыхъ Божіихъ за грѣшный родъ людской, какъ не отвергъ Онъ молитвы Моисея раба Своего за нечестивый народъ Еврейскій, когда въ праведномъ гнѣвѣ Своемъ хотѣлъ истребить его за идолослуженіе; какъ внялъ молитвѣ даже согрѣшившаго предъ Нимъ Давида и прекратилъ моровую язву въ Израилѣ. Внемлетъ Господь молитвѣ любви святыхъ Божіихъ и исполняетъ ее, во славу Свою и въ прославленіе святыхъ Своихъ, какъ Самъ изрекъ: *прославляющихъ Меня Я прославлю* (1 Цар. 2, 30). Онъ Самъ есть любовь, и можетъ ли Любовь Божественная отвергнуть молитву любви любимцевъ Божіихъ? И кто дерзнетъ положить предѣлы любви Божіей какими-то юридическими границами: есть-де единъ Ходатай и никто не дерзай ходатайствовать болѣе!? Но вѣдь и всѣ святые Божіи ходатайствуютъ во имя сего Великаго Ходатая Бога и человѣковъ, по слову Его, по обѣтованію Его же: вѣдь Онъ не разъ повторялъ ученикамъ Своимъ въ Своей рѣчи прощальной: *аще что просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отецъ въ Сынѣ. Елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ... Просите и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ* (Іоан. 14, 13. 16,23—24). Вотъ въ силу сего обѣтованія святые Божіи, непосредственно предстоя престолу Божію на небесахъ, и просятъ за насъ грѣшныхъ Отца Небеснаго, помиловать насъ, и уже-

ли Отецъ Небесный отвергнетъ ихъ молитву? Ужели Сынъ Божій, сѣдящій одесную Отца, не споспѣшествуетъ такой молитвѣ любви? Кто дерзнетъ сказать сіе? А если гордые отщепенцы отъ Церкви скажутъ намъ, что въ указанныхъ мѣстахъ Господь говоритъ о молитвѣ еще живущихъ на землѣ, то отвѣтимъ имъ: *Богъ нашъ не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ, вси бо Тому живи суть* (Лук. 20, 38). И конечно, отшедшіе къ Богу святые Божіи ближе къ Богу, чѣмъ мы грѣшные, больше имѣютъ дерзновенія къ Нему, ибо грѣху уже не доступны, а любятъ насъ не меньше, чѣмъ любили, когда жили съ нами на землѣ. И вѣруемъ мы непреложно, что ихъ молитва сильна предъ Богомъ, и имѣемъ мы тому непререкаемыя свидѣтельства въ дивныхъ знаменіяхъ и чудесахъ, совершаемыхъ по ихъ молитвамъ. Мы имѣемъ свидѣтельство въ чудесномъ нетлѣніи ихъ святыхъ мощей. Мы имѣемъ свидѣтельство въ нашей совѣсти, въ нашемъ сердцѣ, что ихъ любовь откликается на нашу смиренную молитву и, очищая сію нашу молитву, приноситъ ее къ престолу Всевышняго.

Прославленіе святителя Іоасафа имѣетъ сугубое значеніе для нашей Русской Церкви. Это—небесное ей утѣшеніе въ скорбные дни ею переживаемые. Это—свидѣтельство съ неба о ея святости, чистотѣ богоучрежденности, о любви къ ней Господа Іисуса Христа, ея небеснаго Главы и Основателя. Православные русскіе люди! Да и не русскіе только, но и всѣ, вѣрующіе въ Бога, всѣ, кто имѣетъ очи, чтобы видѣть и уши, чтобы слышать! Се—зрите дѣла Божіи, предъ вами воочію совершающіяся! Какъ во дни благочестивыхъ предковъ нашихъ Господь являлъ дивныя знаменія и чудеса, прославляя святыхъ Своихъ, такъ и въ наши дни слѣпые прозираютъ, хромые ходятъ, разслабленные востаютъ у нетлѣнныхъ мощей новыхъ чудотворцевъ Русской земли. До 400 чудесныхъ исцѣленій записано и удостовѣрено, совершившихся у гроба святителя Іоасафа. Не ясно ли Господь засвидѣтельствовалъ симъ, что Онъ хощетъ прославить во всю жизнь свою прославлявшаго Его угодника, святителя-милостивца?

А если святитель Іоасафъ удостоился прославленія отъ Господа, то и Церковь Православная, коей онъ вѣрно служилъ во всѣ дни житія своего, есть истинная носительница завѣтовъ апостольскихъ, истинная хранительница божественнаго ученія Господа нашего Іисуса Христа. Значитъ, только въ послушаніи ей и возможно спасеніе, а слѣдовательно всѣ, кто противится ей, кто самочинничаетъ въ дѣлѣ спасенія, кто дерзаетъ похулять ее, кто думаетъ спастись безъ нея—всѣ таковые стоятъ на пути погибельномъ.

Настали времена великихъ скорбей для Церкви Божіей. До 800 тысячъ чадъ ея измѣнили ей, уклонились въ ереси и расколы, расхищены волками лютыми—лжеучителями. И всюду рыщутъ эти хищники, прикрываясь одеждою овчею. Все чаще и чаще собираются ихъ совѣты и съѣзды, чтобъ изыскать средства: какъ бы расхитить стадо Божіе. И вотъ, какъ будто встаютъ изъ гробовъ своихъ, воскресая изъ мертвыхъ, великіе предъ Богомъ печальники Православной Церкви и своими чудесами и своими благодатными знаменіями, предъ всѣмъ міромъ свидѣтельствуютъ истину Православія. Пріиди и виждь, каждый колеблющійся вѣтромъ сомнѣнія, виждь и осяжи, если только

не ослѣпила тебя гордыня сомнѣнія, и смирись сердцемъ, и познаешь, коль благъ Богъ нашъ къ православно Его исповѣдующимъ, и какое неистощимое богатство благодати Его сокровено во святой Церкви Православной! Кто искренно заблуждается, кто безъ предубѣжденія ищетъ истины, того выведетъ Господь на путь истины, и онъ познаетъ ее, обрѣтетъ ее во спасеніе. Примѣръ—великій ревнитель правды фарисей Савлъ, нѣкогда гонитель, а потомъ великій учитель Церкви, больше всѣхъ апостоловъ потрудившійся въ благовѣстіи Христовомъ Апостолъ Павелъ. Онъ ли не гналъ и не преслѣдовалъ Церковь Божію? Онъ ли не сажалъ вѣрующихъ въ темницы, онъ ли не соизволялъ убійству ихъ? Но онъ искренно заблуждался, и Господь Самъ благоволилъ явиться ему и просвѣтить его свѣтомъ истины. О, если бы всѣ эти лжеучители, что нынѣ хулятъ Церковь Божію, были совершенно искренни въ своихъ заблужденіяхъ, если бы не были заражены предубѣжденіемъ противъ Церкви Христовой, еслибъ свой недалекій, во всякомъ случаѣ ограниченный, но гордый умъ смиряли въ послушаніе вѣрѣ, и отсѣкали свое смышленіе предъ разумомъ матери Вселенской Церкви! Но, увы, многіе изъ нихъ дошли въ гордынѣ своей до такого ожесточенія, что если бы и изъ мертвыхъ кто воскресъ на ихъ глазахъ у святыхъ мощей угодниковъ Божіихъ—они не увѣровали бы! Таково сердце человѣческое, гордынею отравленное, что скорѣе ѳіопъ убѣлитъ кожу свою, чѣмъ оно смирится предъ Богомъ. Примѣръ — современные Христу Спасителю книжники и фарисеи. О, они отлично знали, что Господь воскресъ изъ мертвыхъ, но упорно не хотѣли вѣрить и не вѣрили! Они сами были свидѣтелями воскрешенія Лазаря, сына вдовицы Наинской и другихъ чудесъ Христовыхъ, и нѣкоторые изъ сихъ чудесъ, какъ напримѣръ исцѣленіе слѣпорожденнаго, сами разслѣдовали, производя формальные допросы, но не хотѣли вѣрить и не вѣровали, а Лазаря и къ смерти приговорили... Къ несчастію, гордость еретиковъ именно такова и, въ силу ихъ неискренности и гордаго предубѣжденія, нѣтъ надежды на ихъ духовное прозрѣніе, и чудеса Божіи, совершающіяся у гробовъ чудотворцевъ нашихъ, послужатъ имъ только къ сугубому осужденію... Но есть прельщаемые ими изъ вѣрующихъ православныхъ, есть искренно ищущіе истины среди неправославныхъ, въ которыхъ чудеса сіи укрѣпятъ вѣру въ истинность Церкви православной и которые прославятъ Господа, дивнаго во святыхъ Своихъ. И будетъ велія радость и на небесахъ, и въ Церкви Божіей о единомъ отъ таковыхъ кающемся изъ заблуждающихся, и всѣ мы прославимъ имя Господне, прославляя память угодника Божія святителя Іоасафа. Святителю Божій! Тѣломъ нетлѣннымъ въ Бѣлградѣ почивающій, духомъ же всю землю Русскую обтекающій! Вознеси ко Господу теплыя твои молитвы о землѣ тебѣ родной: да укрѣпитъ Онъ русскихъ людей въ вѣрѣ православной, да упразднитъ всѣ еретическія мудрованія, да обратитъ къ истинѣ Православія всѣхъ, отъ нея уклонившихся, да умиритъ смятенія и крамолы враговъ отечества и да благословитъ превожделѣннымъ миромъ Самодержавнѣйшаго Царя нашего на многая и многая лѣта!

87.

Два слова о „мелочахъ“.

Мои читатели просятъ меня обратить вниманіе на то, что мы привыкли называть „мелочью“, но надъ чѣмъ дѣйствительно слѣдовало бы задуматься, особенно если вспомнить правило враговъ хрістіанства масоновъ: мелочами слѣдуетъ пользоваться, чтобы незамѣтно подмѣнивать понятія, обезцѣнивать нравственныя истины, пріучать къ небрежному, шутливому, а затѣмъ и кощунственному употребленію такихъ словъ и понятій, къ какимъ мы, хрістіане, привыкли относиться съ должнымъ уваженіемъ. Вѣдь слова и предметы, ими обозначаемые, такъ тѣсно связуются въ нашемъ сознаніи, что, употребляя шутливо или кощунственно, напримѣръ, имя какого-либо угодника Божія, мы не можемъ въ совѣсти своей не чувствовать, что тѣмъ самымъ оскорбляемъ сего угодника. Вотъ почему святитель Филаретъ Московскій строго относился къ обычаю нѣкоторыхъ называть животныхъ хрістіанскими именами: онъ не одобрялъ этого и въ басняхъ знаменитаго нашего Крылова. Для хрістіанина нѣтъ мелочей, нѣтъ вещей и понятій безразличныхъ; для него апостольское правило: *вся благообразно и по чину да бываютъ*— распространяется не только на область жизни, но и на область мысли и слова, Нельзя сказать, чтобы на это и у насъ не было обращаемо вниманія: еще такъ недавно, напримѣръ, первый пріобрѣтенный во Франціи дирижабль сначала былъ названъ „Россіей“; но потомъ, какъ бы спохватившись, переименовали его „Лебедемъ“. Какое-то внутреннее чувство подсказало, что если упадетъ этотъ дирижабль и погубитъ нѣсколько жизней, то будетъ непріятно сказать: „Россія“ упала, погибла и т. п. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ заговорили о подземныхъ трамваяхъ, называемыхъ за границей „метрополитенами“, и приходилось слышать отъ русскихъ людей недоумѣніе: „ужели у насъ будутъ называть эти трамваи такимъ словомъ? Вѣдь для православнаго русскаго человѣка будетъ непріятно, оскорбительно звучать: „мы ѣдемъ на митрополитенѣ“— несомнѣнно, и для краткости рѣчи, и для краснаго словца, за коимъ у русскаго человѣка дѣло не стоитъ и онъ ради него не жалѣетъ ни матери, ни отца—будутъ говорить: „ѣдемъ на митрополитѣ“... Къ сожалѣнію, это бережное отношеніе къ хорошимъ словамъ и понятіямъ у насъ кажется отходитъ въ область добрыхъ преданій. У насъ дошло дѣло до того, что въ высшихъ сферахъ задумались и заколебались надъ вопросомъ: почему бы іудеямъ не дать права называться хрістіанскими именами, право, давно ими захваченное на практикѣ, обратить въ право юридическое? Нашелся даже одинъ представитель богословской науки, который охотно соизволялъ на это, да слава Богу: С. Синодъ не послушалъ его, а принялъ мнѣніе своей комиссіи, которая отвергла такую возможность. Но уже самое возникновеніе такого вопроса показываетъ, какъ далеко ушли наши правящія сферы отъ идеаловъ и завѣтовъ нашей православной старины. А если припомнить вышеупомянутое правило масоновъ, то по неволѣ приходится быть и мнитель-

нымъ и осторожнымъ, даже въ отношеніи къ „мелочамъ“. Да и мелочи ли это, напримѣръ: въ мѣстной газеткѣ читаешь объявленіе, что на „преподобномъ Зосимѣ“ или Савватіѣ будетъ увеселительная прогулка съ танцами“ и т. п.? Назовите пароходъ Зосимою просто—куда ни шло, на свѣтѣ Зосимъ немало, а то вѣдь „преподобный“... Развѣ не больно отзываются въ сердцѣ такія объявленія? Развѣ не вызываютъ иногда шутокъ, граничащихъ съ кощунствомъ? И это ли мелочь? А когда встрѣчаешь эти надписи на головномъ уборѣ не вполнѣ трезваго матроса: „Преподобный Зосима“, „Наслѣдникъ Цесаревичъ“, „Царь“, „Царица“ и под..., то невольно думаешь: ужели и это признано умѣстнымъ? Я помню, когда-то были стальныя перья съ изображеніемъ Распятія, теперь появляются и галоши, и папиросы съ изображеніемъ креста Господня на Императорскомъ гербѣ. И это—все мелочь? А такихъ мелочей не перечтешь-такъ ихъ много! Невольно думаешь, что все это дѣлается нарочито, по подсказу враговъ вѣры Христовой, на радость масонамъ, дѣлается чаще всего безсознательно, но тѣ, которые вводятъ такую „моду“, знаютъ свое дѣло и сознательно идутъ къ своей цѣли. Не по ихъ ли подсказу у русскихъ интеллигентовъ, кажется еще съ 18-го столѣтія, явилась мода: замѣнять въ своихъ палатахъ большія св. иконы такими крохотными образками, что ихъ не скоро найдешь въ переднемъ углу? Не изъ угожденія ли имъ православные русскіе люди стыдятся лобъ перекрестить, садясь за столъ къ обѣду или къ ужину? Больно сказать: стыдятся креста Господня, стыдятся слѣдовательно—Распятаго на немъ Господа Спасителя нашего! Какъ будто крестное знаменіе — суевѣріе какое! А вотъ, если встрѣтятъ священника на пути—думаютъ: быть бѣдѣ! Вотъ въ это — увы— многіе интеллигенты не стыдятся вѣрить! Что подумалъ бы о такихъ суевѣрахъ разумный человѣкъ, чуждый всякихъ суевѣрій? Не счелъ ли бы ихъ за дикарей Полинезіи и Антильскихъ острововъ? Когда поставишь рядомъ въ своемъ сужденіи съ одной стороны это стыдѣніе креста Господня, а съ другой—такое глупое, ничѣмъ неоправдываемое суевѣріе — стыдно становится за нашу интеллигенцію, превозносящуюся своимъ якобы образованіемъ передъ простымъ нашимъ народомъ. Невольно думаешь: и что у нихъ въ головѣ сидитъ? Что за міросозерцаніе? Какъ это у нихъ укладывается въ головѣ самый грубый, безсмысленный предразсудокъ рядомъ съ презрительнымъ отношеніемъ къ обряду церковному, имѣющему глубокій смыслъ, если они еще не потеряли вѣры во Христа, а если потеряли — рядомъ съ отрицаніемъ всего, уму непонятнаго? Впрочемъ, удивляться тутъ пожалуй и нечему: вѣдь вотъ бытіе злого духа они считаютъ суевѣріемъ и смѣются надъ такимъ вѣрованіемъ, забывая, что въ ученіи христіанскомъ это невырываемое звено,—а охотно идутъ на сеансы къ спиритическимъ медіумамъ, чтобы войти въ сношеніе съ какими-то загадочными духами, которые въ концѣ концовъ и оказываются вотъ этими самыми злыми духами, коихъ они отрицаютъ... Да, невольно скажешь: хитеръ, вселукавый діаволъ, столь зло смѣющійся надъ самомнѣніемъ человѣческимъ!...

Но обращаюсь къ „мелочамъ“. Кому не попадали на глаза открытки съ священными изображеніями? Да, какъ-то писали въ газетахъ, что онѣ запрещены, а между тѣмъ и

теперь ихъ можно достать сколько угодно. Мѣсто ли изображенію лика Хрістова или Богоматери на бланкѣ для открытаго письма? Всякому понятно, что если бы даже не ликъ Господень, а просто—вашъ портретъ былъ испачканъ штемпелями, то вамъ было бы обидно. Но и этого мало. Я уже писалъ какъ-то въ своихъ дневникахъ, что нѣкій художникъ Стыка пустилъ въ оборотъ открытку съ изображеніемъ Хріста Спасителя, обнимающаго анаѳематствованнаго еретика гр. Толстого. Писали, будто открытка запрещена. Но вѣдь это только писали, а все же ее можно получить, гдѣ угодно. Въ иллюстрированныхъ журналахъ нерѣдко можно видѣть на одной страницѣ изображеніе Богоматери, а на другой—какой-нибудь актрисы въ родѣ несчастно погибшей Комиссаржевской: думаете ли вы, что это—спросту, случайно? Увы, я не думаю. Какая-то непримиримая, хотя и трудно уловимая вражда къ Церкви, ко всему, что благоговѣйно чтитъ хрістіанинъ, носится въ воздухѣ, сказывается въ печати, чувствуется даже въ житейскихъ отношеніяхъ. Іудеи набросились на меня прошлою весною за мои дневники по поводу праздника бѣлаго цвѣтка, а между тѣмъ я оказался правъ: оффиціозная газета „Россія“ засвидѣтельствовала, что это была затѣя враговъ Церкви и отечества—іудеевъ и ихъ приспѣшниковъ кадетовъ... Казалось бы: почему русскимъ православнымъ людямъ, прежде, чѣмъ поддаваться этой уловкѣ враговъ Церкви, не спросить: а почему цвѣтокъ, а не крестъ Хрістовъ? Почему это крестъ-то у „лиги борьбы съ чахоткой“ *перечеркнутъ*, какъ будто зачеркнутъ?—Нѣтъ, никто не догадался спросить, всѣ увлеклись новинкой и затѣя враговъ нашихъ удалась: собраны большія суммы, которыя, какъ говорятъ газеты, пойдутъ главнымъ образомъ на агитацію въ революціонномъ духѣ. А рýсскіе люди, вѣроятно, разсуждали: ну, что за пустяки? крестъ ли, цвѣтокъ ли—все равно: лишь бы на доброе дѣло деньги пошли... А вышло, что крестъ-то перечеркнуть уже... И много много такихъ „мелочей“ приходится замѣчать, и равнодушно относимся мы къ нимъ. А совѣсть-то все же говоритъ: не согрѣшаемъ ли мы и предъ Богомъ, и предъ святою Русью такимъ равнодушіемъ?...

88.

Отклики съ неба.

Богъ привелъ меня еще разъ поклониться святителю Тихону, Задонскому и всея Россіи чудотворцу. 32 года тому назадъ, я былъ здѣсь, еще послушникомъ; составляя свои „Троицкіе Листки“, я нерѣдко мысленно бесѣдовалъ съ угодникомъ Божіимъ, извлекая соты духовные изъ его воистинну медоточивыхъ писаній и всегда при воспоминаніи его святаго имени, миромъ и тишиною вѣяло на мое сердце. Благодареніе угоднику Божію: я не только помолился у его нетлѣнныхъ мощей, но и литургію совершилъ, и сподобился слышать много утѣшительнаго о томъ, какъ онъ и нынѣ чудодѣйствуетъ. Достопочтенный отецъ Архимандритъ, настоятель его обители, повѣдалъ

мнѣ; что особенно много было смиренныхъ богомольцевъ этимъ лѣтомъ! однихъ барашковъ привели до тысячи „въ жертву обители“, много ржи, пшеницы, овса нанесли и все это—въ благодарность святителю Божію за его милости вѣрующимъ душамъ. „Спросите, говорилъ онъ, и каждый приносящій что-нибудь разскажетъ вамъ изъ дѣлъ милости чудотворца. Кто получилъ исцѣленіе, кто—помощь въ житейскихъ дѣлахъ, которой усердно просилъ у угодника Божія, давая обѣщаніе поклониться ему, принести ему посильную жертву въ простотѣ сердца“. На 50-тилѣтіи прославленія мощей святителя, 13 августа и въ ближайшіе дни было, говорятъ, до ста тысячъ богомольцевъ здѣсь.

Наплывъ богомольцевъ замѣчается и въ другихъ обителяхъ: и въ Кіевѣ, Саровѣ, и въ нашей Сергіевой лаврѣ. Сердцу вѣрится, что православная Русь, въ ея лучшихъ представителяхъ, въ этихъ смиренныхъ сердцемъ, въ простотѣ вѣрующихъ простецахъ, стосковалась по своимъ завѣтнымъ святынямъ, какъ бы очнулась отъ тяжкаго кошмара, который переживала эти смутные годы, и спѣшитъ паки къ живоноснымъ источникамъ, которые искони питали ея жаждущее сердце. О если бы эти волны народныя увлекли съ собою и тѣхъ, которые мнятся стоять выше простецовъ, считаютъ себя вершителями судебъ народныхъ, руководителями государственной и общественной жизни! Если бы и эти люди смирились сердцемъ и слились бы въ простотѣ вѣры съ этими добрыми душами, отъ нихъ позаимствовали бы ту теплоту, ту непосредственность дѣтской вѣры, какими жива народная русская душа! Вѣдь тогда наша Русь стала бы снова могучею, славною исполнительницею воли Божіей въ историческихъ судьбахъ народовъ земныхъ, тогда не страшны были ей никакія козни ея враговъ непримиримыхъ, тогда—наоборотъ: къ ней стали бы и другіе народы обращаться какъ къ носительницѣ Божіей правды, съ упованіемъ взирали бы на нее слабые, съ уваженіемъ—сильные... О если бы!...

И вотъ что достойно вниманія: гдѣ пробуждается вѣра, тамъ проявляются и чудеса. Святые Божіи откликаются на призывъ душъ вѣрующихъ проявленіемъ милостей своихъ. А Господь, въ безконечной благости своей, прославляетъ преимущественно носителей тѣхъ добродѣтелей, которыя нужны въ наше грѣшное время. Вспомните прославленіе мощей святителя Черниговскаго Ѳеодосія, преподобнаго Серафима Саровскаго, Анны Кашинской, а нынѣ святителя Іоасафа Бѣлгородскаго: все это—носители глубочайшаго смиренія, беззавѣтной любви къ ближнему, любви къ родной Россіи, близкіе къ народу носители народнаго духа. И немало ихъ почиваетъ еще непрославленныхъ, и вотъ когда сіе благоугодно Господу, когда особенно благопотребно для насъ грѣшныхъ, Господь являетъ чрезъ нихъ знаменія и чудеса во славу имени Своего, для пробужденія вѣры народной, для укрѣпленія духа народнаго въ годину искушеній. 300 лѣтъ смиренно почивалъ въ Успенскомъ соборѣ святитель-мученикъ за отечество святѣйшій Патріархъ Гермогенъ: только нетлѣніе мощей его свидѣтельствовало о его прославленіи въ селеніяхъ небесныхъ; а нынѣ, когда сатана столь усердно сѣетъ плевелы свои въ средѣ нашего народа, когда враги Руси святой проповѣдуютъ какой-то космополитизмъ, отрицаютъ

добродѣтель любви къ отечеству, нынѣ, говорю, какъ бы востаетъ изъ своего гроба святѣйшій сей Патріархъ, проявленіемъ дивныхъ знаменій отъ мощей своихъ свидѣтельствуя, что любить отечество, стоять за него даже до пролитія крови, до смерти—есть исполненіе заповѣди Господней, достойное вѣнца мученическаго. Гордыня была отличительнымъ свойствомъ минувшаго XIX вѣка: и какіе же дивные образы Христоподражательнаго смиренія прославилъ Господь въ лицѣ святителей: Митрофана, Тихона и Ѳеодосія! Еще болѣе зараженъ гордостью, доходящей до осатанѣнія, до отрицанія Бога, нынѣшній XX-й вѣкъ; и вотъ просіяваютъ свѣтильники смиренія въ лицѣ Серафима Саровскаго, который былъ воистину дитя Божіе, и святителя Іоасафа Бѣлгородскаго, напоминающаго своею жизнію, своимъ милосердіемъ и даже своею строгостію всемірнаго заступника чудотворца Николая... Слава милосердію Твоему, Господи нашъ, дивный во святыхъ Своихъ! До конца сотвори милость Твою съ нами и да не въ судъ и во осужденіе будутъ сіи милости Твои къ намъ грѣшнымъ!..

Святые Божіи видятъ насъ съ высоты небесной и всегда готовы намъ на помощь, лишь бы мы не забывали ихъ. И это должно сказать не объ однихъ только уже прославленныхъ Богомъ праведникахъ, но и о тѣхъ, коимъ еще не пришелъ часъ ихъ прославленія, съ которыми мы имѣемъ общеніе въ молитвѣ не столько обращенной къ нимъ, сколько приносимой еще за нихъ... Вотъ трогательный разсказъ, слышанный мною отъ о. Архимандрита Наѳанаила въ Задонскѣ.

Приходитъ въ обитель одинъ торговый человѣкъ изъ Ельца и проситъ показать ему могилу великаго подвижника Антонія Алексѣевича, юродствовавшаго Христа ради. Когда его привели въ усыпальницу и показали могилу, онъ, взглянувъ на висящій тутъ же портретъ праведника, съ умиленіемъ склонилъ колѣна и въ чувствѣ благодарнаго сердца повѣдалъ, что именно сей старецъ явился ему во снѣ и исцѣлилъ его отъ тяжкой болѣзни. „Я предавался пьянству, сказалъ онъ, и заболѣлъ наконецъ воспаленіемъ мочеваго пузыря. Но сего праведника я помнилъ всегда и поминалъ его на своей грѣшной молитвѣ вмѣстѣ съ своими родными. И вотъ, онъ является мнѣ и съ свойственною ему при жизни простотою говоритъ: „а ты все жрешь еще водку? Смотри вотъ вѣдь до чего ты дошелъ!“ Говоритъ это, а самъ какъ бы разглаживаетъ мнѣ животъ. Я проснулся и почувствовалъ себя совсѣмъ здоровымъ. Теперь я бросилъ совсѣмъ водку пить“.

Видите: какъ Господь не остается въ долгу, воздавая и за одну чашу студеной воды, поданной во имя Его, такъ и святые угодники Божіи не остаются въ долгу предъ тѣми, кто не только призываетъ ихъ въ молитвѣ, но пока они еще не прославлены Церковью, молится за нихъ... Ну что ужъ, казалось бы, за молитва несчастнаго пьяницы за праведника, а вотъ, смотрите: и она слышится на небѣ, и за нее воздаетъ сторицею угодникъ Божій и вразумленіемъ, и отъ болѣзни исцѣленіемъ... Какъ близко къ намъ небо и какъ непростительно мы забываемъ это!

Этотъ разсказъ напомнилъ мнѣ чудо Матери Божіей, описанное въ „Рунѣ Орошенномъ“ у святителя Димитрія Ростовскаго. Тамъ повѣствуется, какъ одинъ грѣшникъ, каждый разъ, какъ собирался на грѣхъ, становился предъ иконою Богома-

тери и произносилъ Ей архангельское привѣтствіе: „Радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою!“ И вотъ однажды онъ видитъ, что икона какъ бы ожила, и изъ язвъ на рукахъ и ногахъ Богомладенца течетъ кровь... Въ ужасѣ воскликнулъ онъ: „кто это сдѣлалъ, Владычице?!“— Ты и подобные тебѣ грѣшники: отвѣчала Матерь Божія: вы каждый разъ распинаете Сына Моего, когда согрѣшаете...—И въ покаянномъ чувствѣ сталъ грѣшникъ умолять Владычицу походатайствовать за него предъ Сыномъ и Богомъ Ея, и Матерь милосердія стала просить Господа и трижды умоляла Его за грѣшника и испросила ему прощеніе.

Видите: казалось бы, что ужъ за молитва, что за привѣтствіе изъ устъ того, кто идетъ на грѣхъ? А вотъ, и эта ничтожная, почти грѣшная молитва не забыта Царицей Небесной, и за эту молитву Она вразумила и къ покаянію обратила сего грѣшника! О какъ велико милосердіе Божіе, какъ несказанно милосердіе и Его Пречистой Матери!

Грѣшники, подобные мнѣ! Не будемъ отчаиваться! Но не будемъ и терять время благопріятное для покаянія! Кто знаетъ? Можетъ быть скоро затворятся предъ нами двери милосердія Божія: итакъ, пока онѣ отверсты, пока есть еще время на покаяніе—будемъ каяться, будемъ просить милости у Господа и святыхъ Его, милости себѣ и родинѣ нашей многострадальной!

89.

Во имя свободы. Дайте намъ свободу молиться Богу въ церкви спокойно!

Было когда-то злосчастное время на Малой Руси, когда храмы Божіи были въ арендѣ у жидовъ: чтобы отслужить обѣдню, исправить требу, надо было сначала сходить къ жиду, заплатить ему нѣкую дань, и только тогда онъ давалъ ключи отъ храма Божія и разрѣшалъ совершать службу Божію. Но вѣдь то было время господства въ Малороссіи поляковъ; вѣдь теперь, славу Богу, кажется Русь сама себѣ хозяйка, и русскіе православные люди въ правѣ и ожидать, и даже требовать уваженія къ своей вѣрѣ православной не только со стороны инородцевъ и иновѣрцевъ, но и отъ своихъ соплеменниковъ, къ несчастью, своей же вѣрѣ измѣнниковъ... Да, казалось бы такъ, но на дѣлѣ не всегда мы, русскіе, православные люди являемся у себя дома хозяевами, не всегда даже можемъ защитить себя отъ оскорбленія своихъ религіозныхъ чувствъ... Что дѣлать, братіе читатели мои! Всѣмъ свобода, кромѣ насъ православныхъ: намъ только во имя этихъ... безбожныхъ свободъ приходится иногда терпѣть поруганіе завѣтныхъ святынь нашего сердца, приходится въ чувствѣ обиды „глотать слезы“!... Судите сами, мои дорогіе собесѣдники.

Остановился я проѣздомъ въ Новороссійскѣ и чтобы не быть въ пути въ тѣ святые часы, когда вся Русь едиными устами прославляетъ новаго чудотворца и молитвенника своего, святителя Іоасафа, пошолъ въ мѣстный городской соборъ ко всенощной. Не буду говорить, что мнѣ грустно стало при видѣ этой небольшой церквицы, именуемой „соборомъ“, въ такомъ большомъ,

до 50,000 жителей городѣ: оскудѣваетъ духъ благочестія и ревности о домѣ Божіемъ въ „новой“ или, какъ принято говорить теперь, „обновленной“ Россіи; удивляться нечему, что и жители Новороссійска пока не думаютъ о построеніи новаго собора въ своемъ городѣ. Слава Богу и за то уже, что служба Божія совершается тамъ чинно; всенощная продолжалась три часа, что для немонастырскаго храма можно признать достаточнымъ. Пѣніе было удовлетворительно, только молящихся было не столько много, какъ бы можно было ожидать: но увы, мірскіе люди, кажется, просто забыли, что въ этотъ день святая Церковь впервые славила память новаго чудотворца святителя Христова Іоасафа. И тѣмъ печальнѣе было это холодное отношеніе къ памяти угодника Божія, что мѣстный о. протоіерей не разъ предварялъ своихъ прихожанъ о предстоящемъ торжествѣ. Увы, видно не тѣ мы стали, какими предки наши были, какимъ милостью Божіей остается нашъ православный простой народъ!...

Но и къ этому мы уже какъ-то успѣли привыкнуть. Гаснетъ благочестіе народное вообще, гаснетъ и любовь къ церковному богослуженію въ частности. Сознаютъ это вѣрующія души и глубоко воздыхаютъ о семъ. Но вотъ вопросъ: зачѣмъ самъ государственный законъ становится на сторону тѣхъ, кто не хочетъ знать и уважать нашу службу Божію? Невѣроятно это, но на дѣлѣ выходитъ такъ. Кончилась всенощная; еще въ церкви я слышалъ отголоски какого-то пѣнія: будто гдѣ-то неподалеку происходила спѣвка большого хора; а когда я вышелъ изъ церкви, то пѣніе это уже совершенно отчетливо раздавалось гдѣ-то тутъ, около церкви. Я спросилъ о. протоіерея: что это за пѣніе? Онъ отвѣтилъ: „это въ городскомъ театрѣ опера идетъ“...—Какъ, говорю: во время всенощной?—Не утерпѣли, начали раньше: обычно къ концу всенощной является изъ театра вѣстовой и лишь только запоютъ въ церкви *Слава въ вышнихъ Богу*, какъ онъ летитъ въ театръ,—а театръ вотъ, тутъ же, на одной площади съ храмомъ Божіимъ, и тамъ начинается“...

И больно мнѣ стало, когда, по народному выраженію „бѣсовская всенощная“ —совершается тутъ же, рядомъ съ службой Божіей, почти въ одни и тѣ же часы, и никто, ни мы, пастыри, ни наши пасомые, если бы и захотѣли, не могли бы прекратить это поруганіе нашихъ чувствъ религіозныхъ, ибо теперь вѣдь дана всѣмъ „свобода“, хотя бы эта свобода являлась прямымъ надругательствомъ надъ настроеніемъ нашимъ, хотя бы звуки пѣнія іудеевъ-артистовъ врывались въ самыя стѣны храма Божія и смѣшивались тамъ съ звуками ангельской пѣсни: *Слава въ вышнихъ Богу!*... Мнѣ повѣдали, что много усилій употребляли православные, чтобъ по крайней мѣрѣ не строили театра въ сосѣдствѣ съ соборомъ, въ сравненіи съ которымъ этотъ театръ, хотя и деревянный, является исполиномъ, но все напрасно: тогдашній представитель мѣстной власти желалъ, чтобы театръ былъ поближе къ его жилищу: вотъ и построили въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собора... Благо „законъ“ дозволяетъ! —Да ужели въ самомъ дѣлѣ законъ гражданскій совсѣмъ уже порвалъ всякую связь съ закономъ Божіимъ, такъ, что если бы православные потребовали, чтобъ былъ снесенъ этотъ театръ съ площади соборной, то законъ не допуститъ этого?—Увы, да, не допуститъ!—Но въ

храмѣ Божіемъ нельзя открыть окна, чтобъ освѣжить воздухъ, безъ того, чтобъ въ самый алтарь, во святое святыхъ, не врывались иногда прямо соблазнительные, нецѣломудренные звуки іудейскихъ цѣвичекъ: ужели и тутъ ничего нельзя предпринять?—Да, ничего, къ сожалѣнію! Довольно съ васъ и того, что подъ большой праздникъ въ театрѣ начинаютъ пѣть вмѣстѣ съ пѣніемъ въ церкви славословія, а не раньше!... Законодатели! законописатели! да побойтесь вы Господа Бога! Или вы не вѣруете уже въ Него? Но вѣдь мы-то вѣруемъ, вѣдь вы проповѣдуете всякія свободы: ну, хотя бы во имя этихъ свободъ дайте намъ свободу помолиться въ церкви спокойно, чтобъ не слышать плясовыхъ напѣвовъ, чтобъ хотя въ эти святыя минуты молитвеннаго настроенія не долетали до насъ иногда и слова кощунственныя и сладострастныя, создайте законъ, непозволяющій строить театры въ такой близости къ храмамъ Божіимъ!—Увы, надо опасаться, что на такія просьбы мы можемъ скоро услышать, что и театры то же—„храмы“, только храмы искусства, что ничего зазорнаго нѣтъ въ томъ, что они стоятъ рядомъ съ храмами Божіими: это-де могутъ утверждать только темные невѣжды... Чтожъ? Охотно присоединяюсь къ этимъ невѣждамъ, ибо имъ открываетъ Господь тайны Своего царствія, утаевая сіи тайны отъ премудрыхъ и якобы просвѣщенныхъ мудрецовъ вѣка сего лукаваго и прелюбодѣйнаго.

Говорю я по поводу того, что наблюдалъ въ нѣкоемъ градѣ Новороссійскѣ, но наболѣло мое сердце по поводу такого отношенія къ храмамъ Божіимъ еще въ Вологдѣ. Осенью прошлаго года открытъ былъ кинематографъ-иллюзіонъ въ Вологдѣ, противъ самаго семинарскаго храма и никакіе протесты наши не помогли: разрѣшеніе, говорятъ, приказано дать во имя закона... Да что ужъ протестовать намъ, провинціаламъ, когда въ Москвѣ не захотѣли послушать первосвятителя и построили народный домъ, театръ тожъ, на Введенскихъ горахъ такъ, что этотъ домъ суетныхъ развлеченій заслонилъ видъ на храмъ Божій... Въ Воронежѣ городъ отказалъ въ мѣстѣ храму Божію на людной улицѣ, и на семъ мѣстѣ построилъ то же народный домъ, а храмъ Божій въ честь просвѣтителя Руси Князя Владиміра строятъ гдѣ-то на задворкахъ. Когда читаешь или слышишь о такомъ по меньшей мѣрѣ нехрістіанскомъ отношеніи къ храмамъ Божіимъ со стороны нашихъ интеллигентовъ, то, какъ это ни прискорбно, уже не удивляешься ему: вѣдь давно извѣстно, что именующіе себя интеллигентами считаютъ признакомъ особой культурности стыдиться вѣры во Христа, казаться чуждыми „старыхъ предразсудковъ“; но вотъ что больно, вотъ что заставляетъ глубоко задумываться: ужели и наши гражданскіе законы стали проникаться такимъ же, болѣе чѣмъ равнодушнымъ, отношеніемъ къ родной Церкви, къ Христову ученію? Ужели политика Пилата стала политикой русскихъ государственныхъ людей? Ужели чрезъ 1880 лѣтъ въ душахъ людей, считающихъ себя „просвѣщенными“, повторяется этотъ скептическій вопросъ: да что такое истина? особенно истина религіозная? Стоитъ ли говорить о ней?...

Но вѣдь если такъ, то это уже, простите, начало конца... Что было можно простить еще Пилату-язычнику, то непростительно именующимъ себя—какъ ни какъ—пока

еще хрістіанами. Или ужъ пусть формально отрекутся отъ Хріста: тогда по крайней мѣрѣ будемъ знать, съ кѣмъ имѣемъ дѣло...

90.

Опасное легкомысліе.

Рѣдкій день не приноситъ печальныхъ указаній, какъ въ нашемъ образованномъ обществѣ оскудѣваетъ ясность церковнаго пониманія всего, что вокругъ насъ совершается, какъ затуманивается свѣтлый православный взглядъ на сущность вещей... Вотъ что пишетъ мнѣ одинъ почтенный старецъ, человѣкъ, всю свою жизнь живущій въ Церкви, немало ей послужившій своимъ талантливымъ перомъ и до самаго преклоннаго возраста сохранившій живое религіозное чувство. Казалось бы, ему ли не понимать чѣмъ грозятъ еретическія разсужденія Меньшикова? А между тѣмъ вотъ послушайте, что онъ говоритъ:

„Думалъ было вступиться за Меньшикова, котораго вы, владыка, называете безбожникомъ. Съ чего это вы взяли? Или вы не читали цѣлыхъ восьми его статей въ защиту церковнаго воспитанія юношества? (Увы, авторъ не читалъ прекрасной отповѣди на каждую изъ этихъ статей въ „Колоколѣ“ и видимо находится подъ обаяніемъ клеветническихъ выпадовъ этого публициста противъ предполагаемой реформы духовно-учебныхъ заведеній!). А что онъ обмолвился какъ-то, якобы потерялъ *вѣру дѣтскую* свою, такъ съ кѣмъ этого не бываетъ? Однажды самъ преосвященный Никаноръ Херсонскій въ письмѣ своемъ къ профессору Н. Я. Гроту откровенно сознавался такими словами: „Въ пятницу на пасхальную субботу, на всенощной, я плакалъ и молился: Господи, увы, для моей вѣры нужно знаменіе. Этотъ потокъ новѣйшихъ ученій топитъ все, Пресвятая Владычице! Ты слышишь же меня, конечно: для моей вѣры нужно знаменіе!“ (См. книгу „Н. Я. Гротъ“, письмо 1886 г. апр. 13 изъ Одессы)“.

Ну, можно ли этотъ скорбный вопль вѣрующей души святителя ставить рядомъ съ возмутительными обвиненіями Меньшикова противъ нашего Господа Іисуса Хріста, будто Господь обокралъ Будду и его ученіе выдалъ за Свое?!.. Святитель не хочетъ принимать въ свое сердце тѣхъ безбожныхъ вѣяній, которыя назойливо врываются нынѣ въ сознаніе каждаго вѣрующаго; онъ гонитъ ихъ прочь отъ себя, чтобъ не оскверняли они даже и мысли его; онъ убѣжденъ въ ихъ лживости и сатанинскомъ происхожденіи и если проситъ „знаменія“, то лишь для того, чтобы имѣть большій приливъ духовной энергіи для борьбы съ сими лжеученіями, чтобъ съ большею ревностью поражать враговъ вѣры и Церкви. Въ этой молитвѣ слышится не недостатокъ вѣры, а жалоба Богу на врага, сознаніе своей личной немощи въ борьбѣ за Церковь и ея святыню—православіе, слышится голосъ Иліи, ревнующаго по вѣрѣ... Но обращаюсь къ письму старца-корреспондента. Онъ говоритъ дальше: Самъ Хомяковъ писалъ: „Богъ одинъ знаетъ, имѣемъ ли мы вѣру“. Архимандритъ Антонинъ въ церкви говорилъ: „въ душѣ нашей возможно незамѣчаемое, неощущаемое лицемѣріе. Убѣ-

жденъ бываешь, что вѣришь, и въ то же время и мысли не имѣешь о вѣрѣ („Кругъ подвижныхъ праздниковъ“ II, 180). Да и сами Апостолы не просили ли: „Господи, приложи намъ вѣру!“ Что удивительнаго, если и Меньшиковъ обмолвился въ недобрую минуту?“...

На это замѣчу: и Хомяковъ, и Архимандритъ Антонинъ, да и Апостолы говорили о той вѣрѣ, которая переставляетъ горы: такой вѣры и мы съ вами, добрый мой старче, не имѣемъ, а все же, милостію Божіей, вѣруемъ, вѣруемъ немощною нашею вѣрою и обрѣтаемъ по мѣрѣ сей вѣры въ ней успокоеніе сердца, внутреннее умиротвореніе духа, свидѣтельство о близости къ намъ милосердаго Господа. И ужъ конечно, не станемъ, подобно Меньшикову, помогать безбожникамъ гасить эти малыя искры вѣры въ насъ самихъ и въ нашихъ собратіяхъ вѣрующихъ. По опыту знаемъ мы это холодное, мертвящее прикосновеніе духа невѣрія къ нашему грѣшному сердцу, но милостію Божіей прикосновеніе это тотчасъ же и отрѣваемъ отъ сердца жалобою Господу и, смиряясь предъ Богомъ въ молитвѣ, ощущаемъ паки миръ вѣрующей души. Такія, прираженія невѣрія, если они не пріемлются сердцемъ, не могутъ даже считаться и грѣхами: это лаяніе адскаго пса предъ окнами, то-есть, чувствами нашей души; а можемъ ли мы отвѣчать за каждаго такого пса, если тотчасъ же и гонимъ его прочь отъ себя сладчайшимъ именемъ нашего Господа Іисуса? Другое дѣло, если пустимъ его въ домъ нашей души, станемъ бесѣдовать съ нимъ, примемъ въ сердце его помыслы хульные: о, тогда, конечно, мы отвѣчаемъ за все. Вотъ въ томъ-то и несчастье г. Меньшикова, что онъ не только принялъ къ себѣ въ душу этого пса, но согласился и сдружился съ нимъ, и вмѣстѣ съ нимъ лаетъ на Господа Іисуса Христа! Вотъ этого слѣдуетъ опасаться, съ такимъ лаятелемъ надо бороться, гнать его прочь, а если, по неосторожности нашей, онъ въ душу проникъ уже, то скорѣе къ Господу возвратиться и пасть къ Его стопамъ пречистымъ, и каяться въ своей неосторожности, и просить Его изгнать сего пса изъ нашего сердца. Сіе и совѣтую, какъ моему доброму старцу-корреспонденту, такъ и всѣмъ моимъ читателямъ, которые, быть можетъ неосторожно довѣрились писаньямъ г. Меньшикова и ему подобныхъ.—„И азъ многогрѣшный, пишетъ мой старецъ-читатель, нерѣдко испытываю тяжкое смущеніе, когда прочитываю позднѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ, наприм. „Библія и Вавилонъ“, изслѣдованіе профессора Делича.“—Я не совѣтовалъ бы, вѣрующей душѣ и читать подобныя произведенія недобросовѣстныхъ ученыхъ профессоровъ: дѣло въ томъ, что ихъ писанья давно уже тщательно разобраны и опровергнуты нѣмцами же, да и нашими русскими богословами; но бѣда въ томъ, что ядъ-то прочтешь, а противоядія-то не найдешь, не случится его встрѣтить, и будешь душою страдать совершенно напрасно, ибо своихъ-то силъ не достанетъ вѣдь на то, чтобы во всеоружіи науки бороться съ этими мнимоучеными господами. Вотъ въ этомъ-то и бываетъ та неосотрожность, въ коей надобно потомъ каяться предъ Господомъ. Тутъ-то и нужно смиреніе, разсуждающее такъ: гдѣ ужъ мнѣ браться за такія книги, явно противохрістіанскія? Лучше ознакомлюсь съ ними по писаніямъ нашихъ апологетовъ: навѣрное они уже разобрались съ этими—очевидно — бреднями новыхъ

якобы изслѣдователей. Вѣдь въ моемъ сердцѣ глубоко заложена вѣра въ то, что Господь мой Іисусъ Христосъ есть истинный Сынъ Бога Живаго, пришедшій въ міръ грѣшниковъ спасти. Въ наше время надобно быть сугубо осторожнымъ, ибо враги Божіи готовы на всякій подлогъ, на всякій подкупъ „ученыхъ", только бы смутить вѣрующую душу.— Такъ долженъ относиться нынѣ вѣрующій христіанинъ къ разнымъ новинкамъ якобы ученыхъ изслѣдователей въ области библейской исторіи. Видимо, на эту отрасль знанія обратилъ особое вниманіе сатана, чтобы смущать въ простотѣ сердца преданныя Христу души. Сохрани Богъ довѣряться имъ, какъ это дѣлаетъ г. Меньшиковъ; при маломъ знакомствѣ съ добросовѣстною библейскою наукою очень легко впасть въ сѣти вражьи и измучить душу сомнѣніями, тогда какъ для людей, знакомыхъ съ истиннымъ положеніемъ настоящей науки, всѣ лженаучныя теоріи являются тонкой паутиной враговъ вѣры святой—не больше. Вотъ почему и не слѣдуетъ разсуждать такъ, какъ разсуждаетъ мой добрый старецъ-читатель: „скажите, говоритъ онъ, грѣшно ли думать, что наша Ветхозавѣтная Библія составилась изъ древнѣйшихъ преданій, возникшихъ гораздо раньше у Вавилонянъ, Индійцевъ, чѣмъ у Евреевъ?"—Отвѣчаю вопросомъ: не грѣшно ли думать, будто весь Ветхій Завѣтъ написанъ не по внушенію Духа Божія, будто это поддѣлка подъ богодухновенное откровеніе Божіе, будто и Господь Іисусъ Христосъ, признавая книги Ветхаго Завѣта истиннымъ словомъ Божіимъ и Его Апостолы, благоговѣйно чтившіе ветхозавѣтныя книги Св. Писанія—погрѣшали или обманывали своихъ послѣдователей?.. Если мнѣ скажетъ мой почтенный старецъ, что грѣшно, то ясно, что и на его вопросъ нѣтъ иного отвѣта, какъ то же слово: да, грѣшно! А значитъ, нельзя говорить и то, что онъ пишетъ дальше: „По мнѣ былъ бы неприкосновенъ въ своей сущности (для чего эта оговорка и какъ широко ее надо понимать?) Новый Завѣтъ и съ меня довольно. А что текстъ его измѣнялся, варьировался въ разныхъ спискахъ—это еще не бѣда". Но въ томъ-то и дѣло, дорогой старче, что Новый Завѣтъ, безъ Ветхаго виситъ въ воздухѣ и корней не имѣетъ! Вѣдь и Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ не разъ ссылался на свидѣтельства о Себѣ Ветхаго Завѣта, а Его святые Апостолы называли всѣ ветхозавѣтныя писанія богодухновенными, и никогда ни словомъ не дѣлали намека на то, будто эти писанія составились на основаніи какихъ-то восточныхъ легендъ: кому же намъ, Христовымъ послѣдователямъ, больше вѣрить: Ему ли, нашему Господу и Его святымъ ученикамъ, Его Церкви—хранительницѣ истины, или какимъ-то Чемберлену да Деличу, разбитымъ въ пухъ и прахъ умными нѣмцами же? Вотъ то-то и больно, что мы слишкомъ скоро сдаемся и уступаемъ свои позиціи, не справившись даже: насколько онѣ крѣпки, а враги наши тѣмъ и пользуются и, захвативши въ душѣ то одну, то другую позицію, замѣчая нашу растерянность, нашу неосвѣдомленность въ дѣлѣ, стараются еще больше смутить насъ, уже не стѣсняясь въ предѣлахъ своей лжи, какъ это поусердствовалъ сдѣлать іудей Нотовичъ въ своемъ измышленіи касательно жизни нашего Спасителя. Нѣтъ, не сдавать позиціи, не дѣлать уступки, а твердо стоять на своей вѣрѣ подобаетъ намъ: кто можетъ, кто

стоитъ близко къ наукѣ, тотъ долженъ ею вооружаться: изслѣдовать смущающіе его вопросы, обличать ложь, отбивать напоръ ея истиннымъ знаніемъ, а кто сего не можетъ дѣлать, тотъ долженъ не довѣрять сочиненіямъ враговъ Церкви и, содержа въ простотѣ сердца ея ученіе, слѣдовать завѣту премудраго: *высшихъ себе не ищи и крѣпльшихъ не испытуй; яже ти повелѣнная въ сихъ пребывай.* Довольно для твоего спасенія—съ твоей стороны исполненія заповѣдей Божіихъ, а со стороны вседѣйствующей благодати Божіей—той спасительной силы Божіей, которая преподается въ таинствахъ Церкви и таинственно помогаетъ тебѣ въ самомъ добродѣланіи. И тогда Господь, открывающій Свои тайны младенцамъ, откроетъ и тебѣ глубины премудрости Своей и дастъ тебѣ сію силу и премудрость, ей же не возмогутъ противитися или противостати вси сопротивляющіеся истинѣ Божіей.

Еще разъ не могу не выразить глубокой скорби, что слишкомъ довѣрчиво, скажу больше: слишкомъ легкомысленно наши интеллигентные люди воспринимаютъ все, что имъ подсунутъ подъ видомъ якобы „научныхъ“ открытій: въ этомъ отношеніи они напоминаютъ нашъ простой народъ, который вѣритъ всякому печатному слову какъ святой истинѣ, особенно если не надписано надъ нимъ, что это—„сказка“...

91—93.

На Новомъ Аѳонѣ.

Гора Аѳонъ, гора святая!
Не знаю я твоихъ красоть,
И твоего земного рая,
И подъ тобой шумящихъ водъ!
Я не видалъ, гора святая,
Твоихъ стремнинъ, отвѣсныхъ скалъ,
И какъ прекрасна даль морская,
Когда лучъ солнца догоралъ...

Да, я не видалъ святой горы Аѳонской, но полюбилъ ее еще дѣтскимъ сердцемъ, съ того благословеннаго дня, когда почтенный старецъ изъ сосѣдней деревни, побывавшій на святомъ Аѳонѣ, повѣдалъ въ нашемъ домѣ о святыняхъ и о подвижникахъ сего жребія Преблагословенной Дѣвы Маріи, повѣдалъ такъ, какъ умѣютъ повѣдать только благочестивые русскіе странники, съ благоговѣйнымъ умиленіемъ, проливая сладкія слезы благодарности къ Господу, сподобившему его узрѣть сіи святыни, сихъ ангелоподобныхъ подвижниковъ-святогорцевъ... Скоро старецъ снова ушелъ на святую гору уже навсегда и скончалъ тамъ свое земное странствованіе въ схимѣ съ именемъ Полихронія; царство ему небесное!..

И крѣпко полюбилъ я тогда гору Божію, и не только не разъ перечиталъ, но и своею дѣтскою рукою списалъ цѣлыхъ двѣ книги о святой горѣ: „Путеводитель“ и „Вышній Покровъ надъ Аѳономъ“, а

изображенія 33-хъ чудотворныхъ иконъ, приложенныя къ послѣдней— всѣ срисовалъ на стекло, переплелъ эти книги и доселѣ храню ихъ, какъ одно изъ лучшихъ воспоминаній моего отрочества. Съ восторгомъ читалъ я и перечитывалъ извѣстныя „Письма Святогорца“ и не могу не порекомендовать эту чудную книгу всѣмъ, кто хочетъ пережить благодарныя чувства и умиленное настроеніе чистой души этого поэта-странника по св. горѣ. Какъ жаль, что такія книги какъ-то забываются, выходятъ изъ употребленія, а ихъ мѣсто занимаютъ книги совсѣмъ иного духа—гг. Благовѣщенскихъ, Немировичей и под!.. Сами засоряемъ свои души зловонною грязью, а потомъ и жалуемся, что жить тяжело, что тоска томитъ сердце... Кто же виноватъ?

Я заговорилъ объ Аѳонѣ потому, что совсѣмъ для себя неожиданно Богъ привелъ мнѣ посѣтить нашъ родной, русскій Аѳонъ, такъ называемый *Новый Аѳонъ* на Кавказѣ. Болѣзнь загнала меня на отдыхъ въ этотъ край, и какъ было не посѣтить этой обители, о которой зналъ еще тогда, когда она только что зарождалась? Съ любовью вспоминаю я перваго ея основателя, старца Божія о. Арсенія, который выбралъ и мѣсто для нея, но которому Богъ не привелъ даже основаніе положить: помѣшала турецкая война, а потомъ вскорѣ онъ и скончался въ Москвѣ. Много слышалъ я о красотѣ мѣстоположенія, о величественныхъ постройкахъ, воздвигнутыхъ на полугорѣ, о роскошныхъ садахъ вокругъ обители; но то, что я увидѣлъ, превзошло всякое описаніе. Не даромъ Абхазцы говорятъ, что если былъ на землѣ рай, то онъ былъ именно въ ихъ родной Абхазіи. Любуясь красотами природы, я невольно думалъ: вотъ счастливцы — здѣшніе иноки: и теперь живутъ въ земномъ раю и на небѣ имъ готовится рай же, если вѣрны будутъ обѣтамъ своимъ! Весь берегъ Чернаго моря, на протяженіи владѣній монастыря превращенъ въ роскошнѣйшій садъ и какихъ тутъ нѣтъ растеній! И стройные кипарисы, и многолиственныя смоковницы, (дающія такъ называемыя винныя ягоды), и скромныя, но плодоносныя и въ высшей степени полезныя маслины, и лимоны, и апельсины, и каштаны, и всякаго рода яблони, мандарины, даже пальмы, а винограда имѣется больше 30 сортовъ. Нижній монастырь весь утопаетъ въ этой зелени, а верхній величественно царитъ на темно-зеленомъ фонѣ крутыхъ высокихъ горъ надъ всею этой чудною картиной, поднимаясь по крайней мѣрѣ на 50 саженъ отъ уровня моря. Сколько трудовъ стоило срѣзать гору, чтобы образовать площадку, удобную для монастыря! Сколько приложено стараній, чтобъ засыпать нѣкоторыя ущелья, провести дороги къ верху, развести эти сады, выкопать пруды, чтобъ осушить болота, устроить на горной рѣчкѣ плотину и заставить эту рѣчку работать на монастырь! Да, рѣчка—незамѣнимый работникъ для монастыря: она приводитъ въ движеніе мельницу, даетъ электрическую энергію для всѣхъ машинъ въ мастерскихъ, для освѣщенія, для водопровода, орошенія садовъ, даже для растиранія просфорнаго тѣста; та же сила будетъ въ скоромъ времени поднимать вагонетки на вершину Иверской горы,—одной изъ самыхъ высокихъ сосѣднихъ горъ, гдѣ предполагается построить церковь. Иноки сумѣли использовать самыя крутизны горъ: съ ихъ вершинъ они устроили прямолинейныя спуски для дровъ, которыя сами

собою скатываются внизъ къ монастырю съ высоты болѣе 200 саженъ.

Я не буду подробно описывать монастырскихъ построекъ; скажу только, что верхній монастырь представляетъ художественно скомпанованный четвероугольникъ трехъ и четырехъ-этажныхъ корпусовъ, съ четырьмя храмами по угламъ, а въ срединѣ возвышается величественный пятиглавый соборъ съ обширными хорами внутри, назначенными собственно для монашествующихъ, дабы они во время богослуженія не мѣшались съ мірянами. Число всѣхъ братій въ обители простирается до 800; согласно правиламъ общежитія, никто изъ нихъ не имѣетъ собственности, всѣ проходятъ возлагаемыя на нихъ послушанія, смотря по ихъ силамъ и способностямъ. Что можетъ сдѣлать простой русскій человѣкъ въ примѣненіи своихъ способностей—довольно сказать, что иноки обошлись безъ помощи инженеровъ и ученыхъ садоводовъ не только въ воздѣланіи своего „земнаго рая“, но и почти безъ архитекторовъ во всѣхъ этихъ—можно сказать—гигантскихъ постройкахъ. Если бы такъ называемые соціалисты были добросовѣстны, если бы были способны чему-нибудь у кого-нибудь поучиться, то я посовѣтовалъ бы имъ поучиться вотъ у этихъ монаховъ: тутъ идеально осуществлены и равенство, и братство, и даже свобода: вѣдь всѣ эти люди пришли сюда не подневольно, а совершенно свободно, и никто ихъ здѣсь силою не держитъ: свободною волею объединились они въ единое братство и живутъ одною семьей подъ водительствомъ своего старца „игумена“, которому преданы съ дѣтской простотой беззавѣтно... Когда видишь предъ собою воочію осуществленіе идеала хрістіанской общины и приходятъ на мысль эти неумные мечтатели—преобразователи человѣчества, эти „соціалы“ всякаго вида, то невольно думаешь: и хитеръ же сатана - человѣкоубійца, неустанно изобрѣтающій способы гибели для людей! Какъ онъ умѣетъ искажать, извращать то, что дорого душѣ человѣка, какъ „хрістіанкѣ по природѣ“, чего онъ не терпитъ, но чего не можетъ вытравить изъ нея, что ненавидитъ всею своею сатанинскою ненавистію! Смотрите вотъ, что онъ сдѣлалъ съ этими въ сущности хорошими словами: равенство, братство, свобода! Конечно, мы всѣ равны предъ Богомъ, всѣ Ему милы, всѣ и другъ другу нужны, какъ члены одного и того же тѣла. Но не всѣ же члены тѣла исполняютъ одно и то же служеніе тѣлу: иначе и тѣла бы не было. Человѣчество и есть одно великое тѣло, одинъ организмъ любви. Какъ служенія различны, то и способности Богъ далъ людямъ различныя, и силы неодинаковыя. Каждый служи ближнему тѣмъ, что далъ тебѣ Богъ, и будешь счастливъ въ этомъ служеніи, и будешь чувствовать всѣмъ существомъ своимъ то равенство, идеалъ коего заложенъ Богомъ въ твоей душѣ,—равенство внутренняго креста въ земной жизни. То же въ отношеніи братства. Всѣ мы дѣти единаго Отца небеснаго, дѣти матери Церкви Хрістовой, всѣхъ насъ любитъ Господь одинаково, за всѣхъ одинаково пролилъ Свою безцѣнную кровь. Значитъ, всѣ мы-братья. Всѣ и должны любить другъ друга какъ братья, служить другъ другу по-родному. Но зналъ Господь всевѣдущій, что не всѣ мы одинаково воспользуемся своею свободою, не всѣ одинаково будемъ служить Ему исполненіемъ Его животворящихъ заповѣдей, и потому не всѣмъ далъ одни и тѣ же способности и даро-

ванія. Одному далъ—одинъ талантъ, другому—два, иному пять... Вотъ и долженъ получившій пять талантовъ снисходить къ тому, кто получилъ одинъ, а сей послѣдній долженъ сознавать свою нищету и смиряться предъ собратомъ своимъ, который выше его стоитъ по Божьему дару... А все же всѣ мы братья, всѣ предъ Отцемъ Небеснымъ равны. Да и всѣ свободны. Богъ никого не насилуетъ, противъ воли не влечетъ въ Свое небесное царство. Хочешь спастись — спасайся: *аще хощеши внити въ животъ — соблюди заповѣди*. Не хочешь—твоя воля. Знай только, что если погибнешь—самъ виноватъ будешь. Вотъ и идутъ люди въ монастырь, хотятъ спастись, борются съ своими страстями, воюютъ противъ плоти, міра и діавола... Падаютъ и снова встаютъ, и снова укрѣпляются на врага. Въ томъ и свобода, что никто воли твоей съ тебя не снимаетъ: хочешь—спасайся, не хочешь—какъ знаешь: хоть въ міръ возвращайся. Знай только, что борьба съ страстями, съ своимъ самоцѣномъ, съ похотью плоти и похотью очесъ (любостяжаніемъ) ведетъ тебя къ истинной свободѣ духа, къ той свободѣ, о которой Господь говоритъ: *аще Сынъ свободитъ вы, воистину свободни будете*. О, если бы люди знали, что это за дивный даръ Божій—свобода духа отъ страстей! Какой миръ души, какую радость о Господѣ, какую несокрушимую силу духа подаетъ она! Если бы, по крайней мѣрѣ, старались живущіе въ мірѣ, порабощенные суетѣ его, почаще бывать въ тихихъ пристаняхъ сей свободы, въ обителяхъ святыхъ, если бы поближе держали себя къ носителямъ благодатной свободы—старцамъ Божіимъ, которые жизненнымъ подвигомъ стяжали себѣ хотя въ нѣкоей малой мѣрѣ сію свободу! Вѣдь тогда, можетъ быть, спала бы съ очей ихъ пелена, закрывающая отъ нихъ истину: тогда, можетъ быть, они опытомъ познали бы, что та свобода, о какой мечтаютъ они, свобода жить по своей волѣ и служить страстямъ, есть въ сущности *рабство*, о коемъ говоритъ Господь: *творяй грѣхъ рабъ есть грѣха*. Тогда они, можетъ быть, поняли бы, что не въ животной жизни, какою они живутъ большею частію, состоитъ назначеніе и счастье человѣка, а вотъ—въ достиженіи этого духовнаго совершенства, этого, въ мѣру нашихъ силъ и Божіей благодати, богоуподобленія. Кто изъ вѣрующихъ имѣлъ счастіе хотя разъ въ жизни встрѣтить такого старца Божія, тотъ несомнѣнно носитъ въ сердцѣ его образъ всю жизнь, и не это ли впечатлѣніе отъ свиданія со старцемъ о. Амвросіемъ, когда-то пережитое несчастнымъ Львомъ Толстымъ, повлекло его въ послѣдніе дни его жизни въ Оптину, повлекло непроизвольно, темнымъ чувствомъ, воспоминаніемъ, нѣкогда пережитаго, въ нѣкоемъ темномъ желаніи еще разъ встрѣтиться съ старцемъ—преемникомъ о. Амвросія? Но—увы, неспособна уже была душа его къ воспріятію благодатнаго воздѣйствія отъ такого свиданія и—затворени быша двери, и не попущено сіе свиданіе, да не въ горшій ему судъ будетъ оно!...

Много повѣдалъ мнѣ достопочтенный старецъ „игуменъ“ Ново-Ѳеонской обители, о. Архимандритъ Іеронъ, о достоблаженныхъ старцахъ Ѳеонскаго Пантелеимонова монастыря: о. Іеронимѣ, при которомъ Богъ сподобилъ его послужить 17 лѣтъ келейникомъ, Архимандритѣ Макаріи, отцахъ: Азаріи, Аверкіи, Селевкіи и др. Какіе дивные, полные духовной красоты образы хрістопо-

дражательнаго смиренія, послушанія, кротости, духовной и тѣлесной нищеты встали предо мною въ этихъ повѣствованіяхъ! Какъ жаль, что иноки, по свойственному имъ смиренію, не записывають того, что было бы такъ назидательно для мірянъ, и хранятъ лишь въ устномъ преданіи такіе разсказы.

Вотъ встаетъ предъ нами величавый образъ старца-подвижника, мужа великаго опыта духовнаго и разсужденія — приснопамятнаго о. Іеронима. Яко кокошъ духовный собралъ онъ и духовно воспиталъ все это многочисленное братство, населяющее Русскій св. Великомученика Пантелеимона монастырь, братство беззавѣтно ему преданное, готовое на все ради любимаго батюшки. Уже въ глубокой старости, удручаемый немощами и болѣзнями, не разъ старецъ собирался умирать, но вся братія, какъ одинъ человѣкъ, становилась на молитву, и Господь, по ихъ горячей молитвѣ, паки и паки даровалъ ему жизнь. Зная это, предъ своею кончиною старецъ просилъ ихъ — дать ему умереть, не просить ему у Бога жизни: „братья, отпустите меня, не могу больше жить!“ говорилъ онъ. Зорко слѣдилъ онъ за каждою душею, которая ввѣрила ему себя и глубокомудро руководилъ ихъ въ духовной жизни. Даръ разсуженія, какъ повѣдалъ это его присный другъ и сподвижникъ монахъ Діонисій, получилъ онъ еще въ началѣ своего подвига въ дивномъ видѣніи. Жили они четыре года въ лѣсахъ, прежде чѣмъ о. Іеронимъ покинулъ Россію для св. Аѳона. Жили по заповѣди великихъ старцевъ, ничего другъ отъ друга не скрывая. Разъ шли они куда-то, и о. Іеронимъ, тогда еще Іоаннъ, почувствовалъ страшныя, невыносимыя боли въ желудкѣ. Отъ болей онъ не могъ продолжать пути и легъ при дорогѣ, а его спутникъ пошелъ въ ближайшее селеніе принести ему хоть теплой воды. Возвращается — видитъ, что о. Іоаннъ сидитъ спокойно.

— „Что чувствуешь?“ спрашиваетъ спутникъ.

— Пожди мало, брате, отвѣчаетъ онъ: дай мнѣ притти въ себя.

Спустя немного, онъ повѣдалъ сему брату за великую тайну, что сейчасъ видѣлъ онъ въ явѣ Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, котораго благоговѣйно чтилъ съ дѣтства, такъ какъ носилъ его имя отъ св. крещенія; Апостолъ спросилъ его: „что съ тобою?“

Онъ отвѣтилъ ему, что зѣло болѣетъ у него желудокъ.

Апостолъ посмотрѣлъ на него и сказалъ: „теперь ты здравъ!“

И онъ почувствовалъ, что боль мгновенно утихла.

И сказалъ ему Апостолъ: „проси у меня еще чего хочешь?“

И дерзнулъ онъ просить себѣ дара разсужденія и слова.

— „И сіе дается тебѣ“, сказалъ Апостолъ Христовъ и сталъ невидимъ.

И дѣйствительно, старецъ всегда, при всякихъ обстоятельствахъ жизни, находился, что сдѣлать, что сказать, и его мудрое слово цѣнилось братіей, какъ извѣщеніе свыше.

Его ближайшимъ незамѣнимымъ сотрудникомъ въ управленіи братіей и въ старчествѣ былъ отецъ архимандритъ Макарій (Сушковъ), котораго проще звали, по Аѳонскому обычаю, „игуменомъ“. О сихъ двухъ старцахъ можно было повторить слово просвѣтителя славянъ, св. Кирилла: „два супруга еста, едину бразду тяжуща“. О. Макарій былъ дѣтски преданъ о. Іерониму и рѣшительно ничего не дѣлалъ безъ его благословенія. Трогательно слушать разсказы о томъ, какъ

этотъ, тоже убѣленный сѣдинами старецъ, кланялся въ ноги, какъ провинившійся ребенокъ, великому своему духовному руководителю, прося у него прощенія.

Зналъ старецъ Божій сердце человѣческое и умѣлъ воздѣйствовать на него въ духѣ кротости Христовой. Приходитъ къ нему монахъ, подверженный пьянству, озлобленный, приходитъ съ намѣреніемъ оскорбить его, чтобы потомъ имѣть причину уйти въ міръ... Видно, что совѣсть еще не совсѣмъ заглохла въ немъ, что онъ еще борется съ помыслами самочинія. Старецъ ласково встрѣчаетъ его и, не давая ему заговорить, приказываетъ келейнику: „отецъ Порфирій! угости о...“

Тотъ подаетъ стаканчикъ винограднаго вина.

— „Еще угости!“

Монахъ говоритъ: „отче, я уже пьянъ“...

— „Ничего, пусть говорятъ, что хотятъ, а еще выпей!“

Монахъ пьетъ, но тутъ же „творитъ метаніе“ старцу (кланяется въ ноги) и кается: „батюшка! я вѣдь хотѣлъ изругать тебя и уйти изъ обители: прости меня — ты побѣдилъ!“

И дѣйствительно, исправляется въ поведеніи.

— „Уйти, можетъ быть, и не ушелъ бы, а наглупилъ бы — это вѣрно“, говоритъ о немъ старецъ келейнику.

О. Макарій въ первое время своего управленія держалъ братію строго. Часто заставлялъ виновныхъ въ нарушеніи порядковъ монашеской жизни „тянуть четки“ въ трапезѣ. Иногда недовольный такимъ рѣшеніемъ инокъ идетъ къ „старому батюшкѣ“, о. Іерониму съ жалобой на о. Макарія. И старецъ идетъ къ о. Макарію.

— „Вотъ, на тебя жалуется такой-то: строго ты его наказываешь“.

— „Какъ же, батюшка, быть? Вѣдь распускаются“,—оправдывается о. Макарій.

— „А позови-ка его сюда“.

Зовутъ монаха. Приходитъ.

— „Вотъ видишь, говоритъ ему старецъ: ты самъ виноватъ, нельзя такъ“...

Монахъ творитъ метаніе: „простите, батюшка!“

— „Ну, Богъ тебя проститъ, впередъ не грѣши“.

Монахъ уходитъ, а старецъ говоритъ о. Макарію: „вѣдь вотъ, если съ нимъ спорить, то онъ будетъ оправдываться, прощенія не попроситъ, и будетъ такъ ходить нѣсколько дней въ смущеніи, а до этого доводить не слѣдуетъ: сталъ просить прощенія и довольно пока для его смиренія. Сразу святымъ вѣдь не сдѣлаешь!“

Замѣчательно было терпѣніе старца. У него было четыре постоянныхъ болѣзни: судороги въ рукахъ и ногахъ, замираніе сердца, страданіе желудка и грыжа. Онъ самъ себя лѣчилъ. Въ болѣзненномъ состояніи никогда не слышно было ни малѣйшаго стона, ни вздоха отъ болей. Развѣ когда заснетъ—простонетъ. А спалъ онъ мало. Бывало, каешься ему, что проспалъ службу, а онъ шутя скажетъ: „я вотъ и купилъ бы себѣ сна, да нельзя!“

Говорилъ о себѣ старецъ: „во всю мою жизнь я предался унынію только разъ: это—когда патріархъ не принялъ къ себѣ о. Макарія, ѣздившаго въ Царьградъ для объясненія всего дѣла, возникшаго по навѣтамъ грековъ. Полтора мѣсяца жилъ о. Макарій въ Царьградѣ, пока наконецъ патріархъ его принялъ, дѣло выяснилось и милостью Божіей прекратилось“.

Такъ тяжело было это искушеніе

для русскихъ иноковъ въ то время! Но объ этомъ скажу ниже.

Говорилъ также достоблаженный старецъ о. Іерону: „строй обитель на такомъ мѣстѣ и такъ, чтобы монахамъ было и свѣтло, и тепло, чтобы не было близко болотъ, чтобы не было сильныхъ вредныхъ вѣтровъ изъ ущелій... Пусть монахи пользуются всѣми дарами Божіими, дабы врагъ діаволъ не имѣлъ повода подъ видомъ неудобствъ переманивать ихъ въ другіе монастыри, а потомъ и въ міръ. Довольно для нынѣшнихъ слабыхъ людей и тѣхъ скорбей, какія попустилъ Богъ въ общежитіи“.

Вотъ о. Азарія, типъ ученаго подвижника-отшельника, безпощадно строгій въ себѣ, удивительно снисходительный къ другимъ. Онъ неопустительно посѣщалъ всѣ богослуженія, а въ кельѣ постоянно занятъ былъ всякаго рода письменными работами. Онъ и письмоводитель, онъ и переводчикъ, археологъ, писатель. Кто бы ни вошелъ въ его келью — первый вопросъ: „что скажете?“ — Отвѣтитъ, что нужно и даетъ понять, что ему недосужно.

Подъ предлогомъ такихъ недосуговъ онъ сталъ ходить вмѣсто первой—на вторую трапезу, дабы подвергнуть себя нѣкоторымъ лишеніямъ. Дѣло въ томъ, что въ первой трапезѣ пища подается сполна, каждому монаху особо, а на второй приходится довольствоваться тѣмъ, что останется на столѣ отъ первой. И вотъ, придетъ о. Азарія и начинаетъ собирать кусочки со стола, сядетъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ и кушаетъ ихъ... Никогда ничего не попроситъ! А греки-монахи, служившіе въ трапезѣ, нарочито будто его не замѣчаютъ... И нерѣдко весь его обѣдъ состоялъ изъ кусочковъ хлѣба съ уксусомъ съ водою, замѣняющимъ на Аѳонѣ квасъ. Какъ-то замѣтили это русскіе старцы и доложили о. игумену Макарію, что о. Азарія томитъ себя голодомъ.

О. Макарій сказалъ ему: „зачѣмъ ты это дѣлаешь?“

Старецъ отвѣтилъ: „можетъ быть, Господь проститъ мнѣ за это хоть нѣчто изъ грѣховъ моихъ многихъ“.

Игуменъ съ той поры приказалъ русскимъ наблюдать, чтобъ старцу Божію подавали пищу какъ слѣдуетъ.

Одежда его была вся „заплатанная“, такая, что если ее бросить—никто не польстится поднять. Бѣлье такое же. Старецъ никогда ничего не просилъ у игумена: замѣтятъ сами, дадутъ—благодаритъ, не замѣтятъ — говоритъ: не стою я и того, что имѣю; можетъ быть, Господь во что-нибудь вмѣнитъ мнѣ и это“.

Былъ въ обители инокъ, по имени Селевкій, великій ревнитель—не всегда и по разуму—чиновъ и уставовъ монашескихъ. Онъ не могъ утерпѣть, чтобъ не сдѣлать замѣчанія тому или другому изъ братіи, и случалось, что говорилъ рѣзкости и о. Азарію. Братія, уважавшая о. Азарію, говорила игумену: „Селевкій обижаетъ о. Азарію“.

Игуменъ отвѣчалъ: „о. Азарія—умный человѣкъ, не обидится“.

И дѣйствительно, на вопросъ о. игумена, что у нихъ произошло съ о. Селевкіемъ, — о. Азарія добродушно отвѣчалъ: „ничего, батюшка; онъ мнѣ — спасибо ему — только правду вѣдь сказалъ: какъ же можно на это обижаться?“

Да и Селевкій часто раскаивался въ своихъ рѣзкостяхъ и искалъ примиренія.

Жилъ лѣтъ 25 подъ самою горою Аѳономъ старецъ Иларіонъ, близкій духовный другъ о. Іерони-

ма. Съ нимъ жилъ другой старецъ—Савва. Оба приходили въ обитель обычно въ пятницу, говѣли и въ воскресенье возвращались въ свою келью. Разъ пришли они въ постный день, когда не положено пищи съ масломъ. Ихъ угостили однакожъ съ масломъ. Говоритъ Савва Иларіону: „отче, сегодня день постенъ".

— Что дастъ, то и ѣдимъ, отвѣчаетъ тотъ.

— Подаютъ вино. Старецъ вкушаетъ и отъ вина: „велятъ—надо пить!" говоритъ онъ.

Послѣ сего Савва, отозвавъ угощавшаго, сказалъ: „напрасно вы угощаете старца: вѣдь онъ послѣ одной чашицы вина не станетъ и воды пить два-три дня".

Такъ строгъ былъ къ себѣ о. Иларіонъ. И вотъ что повѣдалъ мнѣ о. Іеронъ объ этомъ старцѣ. Это было предъ великимъ искушеніемъ для всей обители ихъ, когда греки возстали на русскихъ и рѣшили было изгнать ихъ.

„Разъ во время всенощнаго бдѣнія какое-то необъяснимое чувство повлекло меня изъ церкви. Выхожу, прислушиваюсь—ничего не слышно. Иду около храма по направленію къ Введенской церкви и вижу: идетъ старецъ Иларіонъ.

Вдругъ онъ остановился, какъ бы въ созерцаніи чего-то сталъ усиленно полагать поклоны и потомъ пошелъ ко мнѣ навстрѣчу.— Увидѣвъ меня, онъ быстро сказалъ: „позови геронта"; т. е. о. Іеронима.

Я повиновался и пошелъ въ церковь сказать старцу.

Обычно, о. Иларіонъ никогда не вызывалъ старца изъ церкви. И на сей разъ старецъ отвѣтилъ мнѣ: „скоро кончится служба".

Но я сказалъ, что о. Иларіонъ почему-то желаетъ немедля видѣть его.

Старецъ понялъ, что случилось что-то необычное: онъ тотчасъ приложился къ чудотворной иконѣ Богоматери, перекрестился и вышелъ.

О. Иларіонъ ждалъ его и встрѣтилъ словами: „обитель вашу ждетъ великое искушеніе, но Царица небесная покроетъ васъ—не бойтесь!".

И тутъ же разсказалъ свое видѣніе, только что ему бывшее. Онъ видѣлъ весь дворъ монастырскій наполненный бѣсами, самъ князь тьмы былъ виденъ среди ихъ; но въ высотѣ небесной появилась Матерь Божія, которая обошла весь монастырь, остановилась надъ храмомъ Введенія и, покрывъ обитель Своимъ покровомъ, стала невидима... Духи тьмы исчезли, яко исчезаетъ дымъ.

Вскорѣ послѣ сего и началось то великое искушеніе, которое всколыхнуло весь Аѳонъ и доставило столько скорбей русскимъ инокамъ, но которое милостію Царицы Небесной послужило къ славѣ Божіей и дало первый толчекъ къ основанію на Кавказѣ святой обители Ново-Аѳонской...

Былъ монахъ Антоній, дѣтски открытая душа. Разъ было съ нимъ искушеніе: уѣхалъ было въ Россію. Но изъ Константинополя вернулся въ обитель. „Ну, куда я гожусь въ Россіи? говорилъ онъ умоляя старцевъ принять его обратно: нѣтъ ужъ, буду жить здѣсь!"

Онъ рѣдкій день не докучалъ старцамъ о. Іерониму и о. Макарію жалобами на самого себя. Придетъ, говоритъ: „отче, вотъ такой-то обозвалъ меня такъ-то".

— „Ну, а ты что ему сказалъ?"

— „А я выбранилъ его такъ-то. Помири насъ, отче!"

Иногда это бывало глубокой ночью.

— Подожди мало, отче: скоро заутреня, говоритъ игуменъ.

Но о. Антоній проситъ примирить теперь же.

Ну, хорошо, поди, позови его сюда, скажетъ старецъ.

Антоній бѣжитъ въ келью обиженнаго, тотъ уже спать легъ, но онъ будитъ его: „игуменъ зоветъ!“

Идетъ инокъ къ игумену не зная, что случилось.

—Вотъ Антоній говоритъ, что обидѣлъ тебя—помиритесь! говоритъ игуменъ.

— А я и забылъ, батюшка, что онъ говорилъ мнѣ, скажетъ обиженный.

— „А помнишь, мы встрѣтились вотъ тамъ-то, ты сказалъ то-то, а я тебѣ то-то“, напоминаетъ Антоній.

Тотъ припоминаетъ. И оба кланяются другъ другу въ ноги и уходятъ умиротворенные.

Поистинѣ малыя дѣтки Божіи! Вотъ о такихъ-то и сказалъ Господь: *аще не будете яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное.*

И умираютъ такіе съ дѣтской преданностью волѣ Отца Небеснаго. Приходитъ о. Антоній къ игумену, ждетъ его у дверей, не поднимаясь на лѣстницу: „благослови, отче, въ больницу—умирать хочу!“

— Богъ благословитъ—поди, отдохни; не отвезти ли тебя на больницу?

— Нѣтъ, отче: самъ дойду; вотъ къ тебѣ-то подняться было трудно, я тебя тутъ поэтому и ждалъ. Денька три полежу, а на четвертый и умереть благослови.

И идетъ въ больницу, лежитъ тамъ три дня, а на четвертый приходитъ игуменъ навѣстить больныхъ, подходитъ къ нему, и Антоній говоритъ: „отче! Прочитай мнѣ отходную!“

Что это ты надумалъ?

— Умереть благослови, батюшка! Присталъ, проситъ, о. игуменъ беретъ епитрахиль и требникъ, читаетъ канонъ на исходъ души, благословляетъ старца и уходитъ. Но на лѣстницѣ его нагоняетъ послушникъ: „батюшка! отецъ Антоній умираетъ!“

Игуменъ возвращается, но о. Антоній уже Богу душу отдалъ!...

Говаривалъ старецъ, о. Іеронимъ, когда старцы ему говорили, что Антоній часто докучаетъ ему разными мелочами: если бы побольше было въ братіи такихъ какъ Антоній, хорошо бы было!“

Да, хорошо бы было, теплѣе жилось бы на свѣтѣ, если-бъ люди, именующіе себя хрістіанами, помнили Хрістово слово о дѣтской простотѣ вѣры, о дѣтской кротости, незлобіи и смиреніи! Тогда и Господь руководилъ бы насъ ко спасенію не яко мудрыхъ и разумныхъ, но яко младенцевъ, открывая нашей простотѣ тайны Своего небеснаго царствія...

Обращаюсь паки къ Новому Аѳону.

Въ началѣ я уже упомянулъ о горѣ Иверской. Она лежитъ къ сѣверозападу отъ монастыря. Вершина ея—на высотѣ 150 саженъ надъ уровнемъ моря; оттуда чудный видъ на море, на окрестныя горы, на прибрежную узкую долину Абхазіи. Подъемъ очень крутой; чтобы подняться въ экипажѣ, надо сдѣлать 17 поворотовъ, ибо дорога проложена зигзагами по уклону горы. На самой вершинѣ — развалины древняго храма греческой постройки, какъ полагаютъ, не позднѣе 6-го вѣка. Уцѣлѣли стѣны храма, среди коихъ поставлена часовня. Въ алтарной абсидѣ по стѣнѣ прикрѣплены цементомъ остатки древности и какой древности! На одной плитѣ стоитъ 437, а на другой 554 годы! Всѣ кресты—греческіе: нѣтъ и признаковъ восьмиконечія. На надгробныхъ камняхъ читается имя архіепископа Михаила. Здѣсь предполагается построить храмъ въ честь Иверской иконы Богоматери.

Я обошелъ всѣ мастерскія, осмотрѣлъ всѣ храмы, стоялъ, сколько могъ, службы Божіи и прислушивался къ пѣнію иноковъ. Это—самое простое пѣніе, но оно все проникнуто такимъ чувствомъ вѣры и упованія, что съ нимъ не могутъ итти въ сравненіе никакія изысканныя напѣвы столичныхъ хоровъ. Душа поетъ—вотъ что хочется сказать объ этомъ пѣніи!..

Очень сожалѣю, что по крайне болѣзненному состоянію не могъ быть на утреннихъ богослуженіяхъ, которыя начинаются въ 2 часа. Въ трапезѣ былъ и бесѣдовалъ съ братіей. Не былъ я и въ пещерѣ, гдѣ, по преданію, уединялся Св. Апостолъ Симонъ Кананитъ во время гоненій, но дважды посѣтилъ храмъ на мѣстѣ его мученической кончины и отслужилъ тутъ панихиду о своемъ незабвенномъ евангельскомъ старцѣ Епископѣ Геннадіѣ, здѣсь почивающемъ.

Съ теплымъ чувствомъ разстаюсь я съ этой тихой обителью, которая, какъ маякъ на берегу житейскаго моря, ярко освѣщаетъ жизненный путь для православныхъ людей не только этого края, но и всей Россіи. 8 дней провелъ я здѣсь, въ сравнительно глухое время, но видѣлъ тутъ православныхъ людей и изъ холоднаго Петербурга, и съ теплаго юга, и изъ центральной Россіи. Всѣ они видимо выносили отсюда добрыя впечатлѣнія, всѣ освѣжались душой подъ сѣнію еще юной, но уже величественной обители, которую по всей справедливости можно бы назвать лаврою Закавказскаго края. Никогда не забуду я сердечнаго пріема, оказаннаго мнѣ достопочтеннымъ о. настоятелемъ, архимандритомъ Іероніомъ, который встрѣтилъ меня на пароходѣ съ распростертыми объятіями, по родному, и все время заботился о немощи моей, Спаси его, Господи! Спасибо и добрымъ братіямъ, которые видѣли во мнѣ родного имъ по духу человѣка и старались оказать мнѣ всячески вниманіе.

Да цвѣтетъ и благоукрашается святая обитель сія не только внѣшнимъ благоукрашеніемъ, но—что несравненно важнѣе — духовною жизнію, подвигами самоотверженія и любви къ Богу и ближнимъ... Живо еще монашество на Руси, дышетъ еще духъ хрістоподражательнаго смиренія, духъ истиннаго пониманія его задачъ, а если такъ, то и Русь еще жива, еще не забыла завѣтовъ своихъ, и, Богъ дастъ молитвами смиренныхъ иноковъ, а наипаче молитвами преподобныхъ отцевъ, въ подвигѣ иноческомъ просіявшихъ, духъ правый снова обновится въ ней, и снова возстанетъ она въ смиренномъ величіи Православнаго Царства...

94.

Чѣмъ и какъ женщина можетъ послужить Хрістовой Церкви?

Въ прошломъ году „Колоколъ“ посвятилъ прекрасную, сердечную статью женскимъ богословскимъ курсамъ въ Москвѣ. Газета говоритъ: „Когда поруганный, въ терновомъ вѣнцѣ, Спаситель нашъ совершалъ Свой страстной путь и падалъ подъ тяжестью креста,—всѣ оставили Его, всѣ разбѣжались страха ради іудейскаго. Только жены іерусалимскія, рыдая, шли за Нимъ, только онѣ безъ страха пошли

и ко гробу Его, чтобы помазать тѣло Его благовонными веществами... И нынѣ, когда снова наносятся язвы нашему Господу Іисусу,—жены русскія! оставите-ли вы Его? Неужели не пойдете во слѣдъ Его, неужели не станете у креста Его? Неужели не принесете Ему въ даръ—не злато, смирну и ливанъ, а свое любящее сердце, свою душу, свою жизнь?"...

Газета справедливо замѣтила, что можно еще спорить, нужна ли женщина-врачъ, женщина-адвокатъ, женщина чиновникъ, но нѣтъ сомнѣнія, что въ наше, особенно въ наше время, нужнѣе всего женщина-хрістіанка, „которая могла бы быть на стражѣ своей семьи, чтобы оберечь своихъ дѣтей отъ тлетворныхъ ученій, отъ развращенія души и тѣла, которая могла бы нравственно поднять, очистить своего мужа, брата, могла бы бороться съ потокомъ невѣрія, кощунства, разврата, которая высоко подняла бы нынѣ прекаемое и попираемое знамя побѣды Христа надъ адомъ"...

Открытіе въ Москвѣ новыхъ богословскихъ женскихъ курсовъ даетъ мнѣ основаніе повторить вышеприведенныя строки и сказать свое слово по поводу ихъ.

Вѣра, по нашему православному катихизису, принадлежитъ собственно сердцу, хотя начинается въ мысляхъ. Всѣ мы это учимъ съ дѣтства, но понимаемъ ли сердцемъ, чувствуемъ ли своимъ внутреннимъ человѣкомъ эту истину? А женщина по преимуществу живетъ сердцемъ: такова Богомъ данная ей природа. Она способнѣе мужчины безсознательно отдаться вѣрѣ, цѣлымъ сердцемъ усвоивать истины вѣры и воспринимать благодатныя вѣянія изъ другого міра...

Въ области вѣры и домостроительствѣ нашего спасенія судьбами Божіими женщина занимаетъ особое мѣсто. Мы знаемъ, что женщина первая нарушила Божію заповѣдь, но, въ посрамленіе врага Божія, Сѣмени Жены опредѣлено Богомъ стереть и главу сего змія. И міръ грѣшный удостоился узрѣть среди своихъ дщерей преблагословенную въ женахъ Дѣву-Матерь воплотившагося на спасеніе міру Сына Божія. Честнѣйшая Херувимовъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимовъ, Она стала святѣйшимъ идеаломъ для всѣхъ женъ хрістіанскаго міра. Богу было благоугодно, чтобы и воскресшаго изъ мертвыхъ Христа Жизнодавца первыми узрѣли и самимъ Апостоламъ принесли первую вѣсть воскресенія тоже жены. И вездѣ, гдѣ возсіявалъ свѣтъ Хрістова ученія, почти всюду первыми благовѣстницами его являлись св. жены, потому и именуемыя равноапостольными. Женское сердце скорѣе воспринимало благодатныя сѣмена евангельской истины и быстро приносило плодъ живой вѣры не только себѣ, но и другимъ во спасеніе. Имена Маріи Магдалины, другихъ евангельскихъ Марій, Маріи сестры Лазаревы, равноапостольныхъ: царицы Елены, Нины, нашей Ольги, Людмилы Чешской и многихъ другихъ вѣчно будутъ сіять свѣтлыми звѣздами на духовномъ небосклонѣ Церкви Хрістовой, а имена славныхъ великомученицъ, удивившихъ языческій изнѣженный міръ своимъ терпѣніемъ мукъ за имя Хрістово, будутъ вѣчнымъ украшеніемъ Церкви Божіей и ея похвалою. Какъ жаль, что наши женщины и дѣвушки не читаютъ жизнеописаній хотя бы только тѣхъ святыхъ женъ, имена коихъ онѣ сами носятъ! Какъ жаль, что нынѣ никто не заглядываетъ, развѣ кромѣ иноковъ, въ чудныя, полныя духовной недосягаемой красоты и по-

-эзіи Четіи-Минеи! Есть эти книги теперь и на русскомъ языкѣ, есть и отдѣльныя книги, посвященныя памяти св. женъ, наприм. св. Павлы... Увы! Не тамъ нынѣ ищутъ идеаловъ, гдѣ они блещутъ, какъ яркія звѣзды небесныя; не туда обращены взоры именующихъ себя пока еще хрістіанами и хрістіанками... Скоро, кажется, и совсѣмъ забудутъ все, чѣмъ возвеличило человѣка ученіе Хрістово, чѣмъ живъ идеальный человѣкъ... Въ послѣднее время, точно туча откуда-то изъ за лѣса, надвигается на насъ язычество, и тотъ буддійскій храмъ, что завершается постройкой на окраинѣ Петербурга, въ сущности есть символъ грядущаго язычества, и уже чувствуется смрадъ кажденій предъ идолами въ ономъ, кажденій, совершаемыхъ не природными идолослужителями, а бывшими когда-то хрістіанами... И вотъ, въ такое-то тяжелое для Церкви Божіей время не пора ли вспомнить заслуги предъ Церковію святыхъ женъ, не пора ли воскресить угасшее въ исторіи Церкви учрежденіе *діакониссъ*, вѣрныхъ служительницъ Хрістовыхъ, которыя явились бы незамѣнимыми помощницами пастырямъ Церкви въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія преимущественно женщинъ и дѣтей, которыя цѣлымъ сердцемъ отдавшись Господу Іисусу Христу, вложили бы всю свою любящую душу въ святое дѣло, проникли бы туда, куда невсегда можетъ проникнуть и пастырь Церкви—во святая святыхъ чистаго женскаго сердца, и зажгли бы тамъ чистый пламень беззавѣтной любви къ Богу и святую ревность о Богѣ? Хрістіанскій міръ еще разъ обновился бы вѣяніемъ Духа Божія чрезъ сихъ новыхъ Трифенъ и Трифосъ, Ѳивъ и Персидъ, которыхъ съ такою любовію, съ такимъ почтеніемъ привѣтствовалъ великій Апостолъ языковъ Павелъ въ своемъ посланіи къ Римлянамъ... Женщина, какъ мать, жена и сестра въ семьѣ, женщина какъ воспитательница въ хрістіанской семьѣ и наставница въ школѣ, женщина какъ собесѣдница въ больницѣ, въ тюрьмѣ, женщина какъ миссіонерка-проповѣдница въ средѣ заблудшихъ, не говорю уже о служеніи болящимъ, утѣшеніи скорбящимъ,—какое необозримое поприще служенія Христу въ лицѣ ближнихъ открыто для любящаго сердца будущей діакониссы! Какая сильная проповѣдь о Христѣ, проповѣдь не столько словомъ, сколько самымъ дѣломъ, примѣромъ—въ средѣ оязычивающагося нашего общества! Когда-то древніе язычники, пораженные духовною красотою добродѣтельныхъ хрістіанокъ, восклицали: „какія женщины у этихъ хрістіанъ!“ Ужели современные язычники—изъ бывшихъ нѣкогда хрістіанами, будутъ менѣе чувствительны, менѣе справедливы къ подвижницамъ Хрістовымъ—современнымъ добрымъ хрістіанкамъ? Ужели такъ и невозможны стали въ наше время всѣ эти Анфусы, Маркеллы, Макрины, Нонны, или наши родныя — Анны Каширскія, Іуліаніи Ольшанскія, Евфросиніи Полоцкія и Московскія?... Ужели совсѣмъ погасъ идеалъ хрістіанки-женщины въ нѣдрахъ родной нашей Церкви Православной?—Нѣтъ! Вѣримъ что еще тлѣется искра Божія въ сердцахъ русскихъ женщинъ и дѣвицъ, еще можетъ она вспыхнуть яркимъ пламенемъ и освѣтить сгущающійся надъ Русью мракъ язычества, еретичества, безбожія и скотоподобія, и въ тѣсномъ союзѣ съ пастырями Церкви, подъ ихъ руководствомъ при содѣйствіи вседѣйствующей благодати Божіей, сотворить чудо перевоспитанія по крайней мѣрѣ лучшей части нашего

поколѣнія. Богословскій курсъ для образованныхъ женщинъ—это только малая часть, только начало того, что предстоитъ сдѣлать Церкви Православной въ дѣлѣ воспитанія современной русской женщины, въ дѣлѣ приготовленія ея къ служенію цѣлямъ небеснымъ въ ея земномъ подвигѣ; хотѣлось бы вѣрить, что въ самой постановкѣ этого дѣла на курсахъ уже внесено нѣчто такое, чего нѣтъ во всякихъ другихъ курсахъ—забота о томъ, чтобы слушательницы не умомъ только воспринимали, но и сердцемъ переживали тѣ великія истины, которыя раскрываютъ имъ лекціи богословскія, чтобы въ самыхъ лекціяхъ уже слышало чуткое женское сердце тихій призывъ—послужить возлюбленному нашему Господу Іисусу, отдать Ему свое сердце, идти туда, куда онъ позоветъ... дѣлать, то, что Онъ повелитъ. Я сказалъ: женщина больше способна жить сердцемъ, чѣмъ умомъ, а нынѣ именно сердце-то и заражено, оно-то и нуждается въ добромъ воздѣйствіи. Умъ, научное знаніе — пусть идутъ на помощь любящему сердцу въ такомъ воздѣйствіи. Это поняли даже сектанты: въ мистическихъ сектахъ особенно цѣнятъ участіе женщинъ. Церковь Божія имѣетъ въ тысячу разъ больше средствъ привлечь себѣ на служеніе кого бы то ни было: вѣдь въ ея рукахъ благодатныя средства въ таинствахъ и во всей церковности, которая такъ могуче дѣйствуетъ на сердце своею даже художественною стороною, не говорю уже о благодатной...

Я сказалъ, что курсы — только начало. Что же потомъ? Въ отвѣтъ на это мнѣ рисуется тихая обитель милосердія, еще не монастырь, а обитель *уже обитель*, куда сошлись добрыя души русскихъ православныхъ женщинъ и дѣвицъ, пожелавшихъ посвятить себя на служеніе Церкви сначала въ дѣлахъ милости тѣлесной, а затѣмъ и въ дѣлахъ милости духовной. Въ трудѣ и молитвѣ, въ поученіи въ словѣ Божіемъ проходитъ ихъ жизнь; гдѣ скорбь, гдѣ болѣзни, гдѣ несчастье и горе—тамъ появляются и сіи Божіи служительницы, являются во имя Хрістово, какъ тихіе ангелы-утѣшители, и съ посильной помощью и съ словомъ утѣшенія, и съ тихою молитвой, читая боящимъ слово Божіе, молитвы церковныя, акаѳисты и житія святыхъ. Нужно ли наставить въ вѣрѣ обращающуюся язычницу, іудейку или магометанку—это святое дѣло отлашенія въ истинахъ вѣры поручается діакониссѣ; нужна ли воспріемница у купели крещенія сихъ новыхъ дщерей Церкви — является діаконисса; въ домахъ воспитательныхъ становится у купели крещаемыхъ безродныхъ младенцевъ все та же ученица Хрістова—діаконисса. Ей ввѣряется потомъ хотя нѣкое малое наблюденіе за воспринятыми ею младенцами и взрослыми ея крестницами, для нея онѣ—Богомъ данныя дѣтки, о духовномъ воспитаніи коихъ она печется, поскольку это для нея возможно. Въ больницахъ ей поручаютъ врачи приготовленіе умирающихъ къ послѣднему благодатному напутствію таинствами: вѣдь такъ тяжело и для врача, и для больного сказать рѣшительное: „нѣтъ больше надежды на выздоровленіе, надо готовиться къ переходу въ другую жизнь!“. А доброе, любящее сердце діакониссы найдетъ и время, и подходящія слова для такого важнаго дѣла. Діаконисса занимается и съ дѣтьми, матери коихъ вынуждены покидать ихъ на время, чтобъ найти себѣ заработокъ для насущнаго куска хлѣба: служительница Хрістова разсказываетъ малюткамъ священную

исторію, житія святыхъ, она—ихъ незамѣнимый другъ, къ ней они бѣгутъ съ радостью... Она же собираетъ вокругъ себя и взрослыхъ дѣвушекъ въ праздничный часъ, чтобъ почитать имъ что-либо душеполезное, сообщить имъ знанія, коихъ нѣтъ у нихъ, поднять уровень ихъ образованія и заронить въ ихъ сердца любовь къ Богу, къ Церкви, къ добру, къ родинѣ... Діаконисса появляется и въ тюремныхъ женскихъ камерахъ и здѣсь пытается, при помощи Божіей, зажечь свѣтлый лучъ вѣры и добродѣтели въ этихъ загрубѣлыхъ отъ порока сердцахъ, пробудить въ нихъ совѣсть, расположить къ раскаянію и добровольному несенію креста заслуженнаго наказанія. Діаконисса является и въ частныхъ домахъ у постели больного, не столько какъ сестра милосердія, сколько какъ ангелъ утѣшитель, и не только для самого больного, но и для домашнихъ его... Но въ краткомъ словѣ не перечесть всѣхъ видовъ добродѣланія, во имя Хрістово, чѣмъ можетъ послужить сія раба Хрістова и Церкви Божіей, и ближнему своему. Въ глубинѣ вѣковъ минувшихъ, за полторы тысячи лѣтъ до нашего времени, тихимъ свѣтомъ свѣтится въ Римѣ, на Авентинскомъ холмѣ обитель дѣвъ и вдовицъ, подъ руководствомъ святой Павлы, руководимой въ свою очередь блаженнымъ подвижникомъ Виѳлеема—Іеронимомъ, а въ наше время—въ нашей первопрестольной столицѣ, уже на нашихъ глазахъ, возникла подобная обитель милосердія, руководимая одною изъ тѣхъ Божьихъ избранницъ, которыя судьбами Божіими многоскорбнымъ путемъ крестнымъ изъ царскихъ чертоговъ снисходили въ смиренныя кельи Богу себя предавшихъ подвижницъ...

Да! Мы переживаемъ такое тревожное для Церкви время, когда всѣ искренно вѣрующіе должны крѣпко объединиться въ своемъ служеніи нашей матери благодатной, когда не только мужескій, но и женскій полъ, каждый въ мѣру Богомъ данныхъ ему силъ и способностей во всеоружіи истины Хрістовой и Хрістоподражательнаго смиренія, должны стать на стражѣ Господней, чтобъ отражать приступы врага, во всеоружіи лжи и смрадѣ гордыни нападающаго на твердыню Православія... Говорятъ: на что богословское знаніе женщинѣ, если она не имѣетъ права учительства? Какого „учительства“? Правда, Апостолъ говоритъ: *женѣ учити въ церкви не повелѣваю.* Но онъ же пишетъ въ другомъ мѣстѣ: *что вѣси, жено, аще мужа спасеши?* То есть: если обратишь мужа къ истинной вѣрѣ Хрістовой... Слѣдовательно, женщина не только можетъ, но и должна въ кругу своей семьи быть проповѣдницей истины Хрістовой. А примѣръ равноапостольныхъ женъ показываетъ, что онѣ являлись проповѣдницами вѣры не въ семьѣ только, а и среди народовъ... Магдалина, по преданію, дерзнула предстать даже предъ лицемъ Римскаго Кесаря и возвѣстить ему истину Хрістова воскресенія. Живя больше сердцемъ, чѣмъ умомъ, женщина можетъ глубже воспріять всю *духовную красоту вселенскаго Православія* и, проводя въ жизнь его нравственныя начала, плѣнять другихъ въ послушаніе вѣры. И какъ не пожелать отъ всей души, чтобъ тѣ, кто будетъ читать лекціи, обратили особенное вниманіе на *эту* именно сторону богословскихъ знаній, а для этого напримѣръ—по нравственному богословію раскрыли бы именно святоотеческое ученіе о душѣ человѣческой и о законахъ духовной жизни...

Идите же, добрыя хрістіанки, на эти лекціи! Имена лекторовъ ручаются, что предъ вами раскроется сокровищница православнаго ученія во всей ея красотѣ, что ваше сердце, ищущее Хрістовой истины, обрѣтетъ сей бисеръ драгоцѣнный, и въ немъ вы найдете несказанное удовлетвореніе духовному существу вашему—такъ, что будете способны утолить и жажду тѣхъ, съ кѣмъ вы соприкасаетесь въ жизни—вашихъ дѣтей, вашихъ мужей, а если кого изъ васъ Господь изберетъ на служеніе Церкви, то и другихъ лицъ... Богъ вамъ на помощь и да благословитъ ваше благое начинаніе!

95.

Берегите сокровища народнаго сердца!

Возвращаясь съ юга, я посѣтилъ Бѣлгородъ, чтобы здѣсь поклониться новоявленному чудотворцу святителю Божію Іоасафу, служилъ литургію и молебенъ съ акаѳистомъ и говорилъ поученіе... Сердце радуется, когда пріобщаешься молитвѣ народной, когда становишься въ ряды вотъ этихъ смиренныхъ сердцемъ и нищихъ духомъ простыхъ русскихъ людей, когда сливаешь свою немощную хладную молитву съ ихъ теплою молитвою, и ощущаешь тихій приливъ умиленія въ этомъ молитвенномъ общеніи съ Церковію, вѣруя, что на крыльяхъ ихъ молитвы пойдетъ къ Богу и твоя убогая молитва!... Вглядитесь поближе въ эти добрыя, умиленныя лица: сколько отражается въ нихъ сердечнаго умиленія, сколько смиренной простоты: преданности Богу, Его святой волѣ, сколько духовной неописуемой словами красоты! Тихо, безконечной вереницей тянутся они, по четыре, по пяти въ рядъ, ко гробу чудотворца, всѣ со свѣчами въ рукахъ,—выжидаютъ своей очереди по нѣсколько часовъ, можетъ быть, по нѣсколько сутокъ, чтобы только прикоснуться устами къ покровцамъ на святыхъ мощахъ, чтобы вздохнуть лишній разъ въ безмолвной, молитвенной бесѣдѣ съ новымъ своимъ молитвенникомъ, тихо повѣдать ему свои скорби, свои нужды и немощи!.. Кажется, если бы кто и захотѣлъ оскорбить этихъ смиренныхъ молитвенниковъ—ему не удалось бы вызвать чувства гнѣва, негодованія: они не способны на это, въ ихъ сердцѣ нѣтъ мѣста такимъ чувствамъ! Они скажутъ только: „видно недостойны мы грѣшные и близко то подойти къ угоднику Божію, видно Богъ не судилъ“... И тихо отойдутъ въ сторону отъ обидчика. Читалъ я въ газетахъ, что на великомъ торжествѣ открытія св. мощей святителя Іоасафа такъ и было: съ народомъ обращались грубо, не пускали въ монастырь даже прибывшихъ съ крестными ходами, гнали изъ города вонъ, въ поле, въ лагери и народъ смиренно все переносилъ изъ любви къ угоднику Божію... Одинъ почтенный богомолецъ повѣдалъ мнѣ: „я стоялъ въ толпѣ народа, прижатаго къ стѣнѣ; на уступѣ лѣпились женщины, была опасность—вотъ заколеблется толпа, ихъ столкнутъ и неминуемо растопчутъ на смерть. Это опасеніе и высказала одна дама женщинамъ. И что же слышитъ въ отвѣтъ? „Хорошо и умереть при такомъ святомъ дѣлѣ!“ И мнѣ невольно вспоминалось, какъ

въ 1892 году при празднованіи великаго 500-лѣтняго юбилея представленія преподобнаго Сергія вотъ также стеклись сотни тысячъ народа православнаго, хотя въ то время не было слышно жалобъ на грубость полиціи, но все же многимъ пришлось только издали взглянуть на святую обитель Живоначальныя Троицы: и никто не поскорбѣлъ, и сбылось тогда слово самого преподобнаго: „Богъ далъ такую благодать сему мѣсту, что никто отсюда не уходитъ неутѣшеннымъ“. Помню, какъ одинъ убѣленный сѣдинами старецъ стоялъ на противоположной отъ лавры горѣ на колѣнахъ и со слезами умиленія усердно клалъ поклоны; подходитъ къ нему кто-то и говоритъ: „дѣдушка! пришелъ бы ты въ другое время, а теперь вотъ видишь, тебѣ не придется и взглянуть на мощи преподобнаго!“ А онъ въ отвѣтъ: „я-то его, батюшку, не увижу, да онъ-то меня видитъ!“... И все конечно, видѣлъ великій печальникъ Русской земли этихъ смиренныхъ ея чадъ, видѣлъ и радовался на нихъ, какъ радуются всѣ угодники Божіи, изливая на нихъ милости Божіи лаская ихъ незримою ласкою духовнаго утѣшенія, исцѣляя ихъ недуги, утѣшая ихъ въ ихъ скорбяхъ...

Таково сокровище народнаго вѣрующаго сердца. Скажите, мудрецы, историки и философы: кто воспиталъ это сокровище—нашу народную православную душу? Не мать ли наша родимая—Церковь православная? Гдѣ, у какого еще народа найдете такое сокровище? И это-то сокровище пытаются похитить лютые враги народа Русскаго! И это-то сокровище не цѣнятъ наши интеллигенты! И сего-то сокровища не берегутъ наши законосочинители! Напротивъ: готовы, кажется, отдать на расхищеніе! Готовы сами содѣйствовать скорѣйшему вытравленію его изъ сердца народнаго!... Господи, вступись за насъ ради молитвъ Твоихъ великихъ угодниковъ, нашихъ крѣпкихъ предъ Тобою заступниковъ и молитвенниковъ. Огради наше родное православіе отъ разныхъ хищныхъ волковъ, на него устремляющихся! Открой очи тѣмъ, кто творитъ зло Церкви Твоей безсознательно, вразуми и сдержи тѣхъ, кто идетъ на это зло сознательно!...

Объ этомъ надобно молиться русскимъ людямъ непрестанно, молиться усердно, молить Бога и святыхъ заступниковъ Русской земли. Извѣстно вѣдь, что провинція прислушивается къ тому, что говоритъ или о чемъ мечтаетъ столица, и что столица умѣетъ завернуть въ красивыя либеральныя фразы, то провинція выражаетъ въ грубыхъ формахъ, что въ столицѣ еще только пропагандируется, то провинція уже спѣшитъ провести въ жизнь. И всего печальнѣе то, что творятъ это органы власти, лица, коимъ деревня безпрекословно повинуется. Въ видѣ иллюстраціи приведу одинъ фактъ, взятый не изъ газетныхъ сообщеній, а прямо изъ жизни. Земскій начальникъ назначилъ сходъ сельскаго общества какъ разъ въ воскресный день, въ 9 часовъ утра. Народъ былъ въ храмѣ Божіемъ у литургіи. И вотъ, является въ церковь сельскій староста и начинаетъ бѣгать по церкви, разъискивая домохозяевъ, объявляя имъ, что земскій начальникъ уже сидитъ въ волостномъ правленіи и ждетъ ихъ. Староста буквально выгонялъ народъ изъ храма, исполняя волю начальника. Произошелъ шумъ, богомольцы возмущались, однакоже пришлось идти въ правленіе и храмъ опустѣлъ. „И стало у всѣхъ на

душѣ страшно тяжело, пишетъ священникъ: каждый изъ оставшихся въ храмѣ невольно подумалъ: вотъ уже настало и такое время, что въ православномъ государствѣ чиновники Его Величества, называющіеся православными, открыто глумятся—издѣваются надъ вѣрою православной. Но и этого мало: земскій начальникъ посадилъ одного десятскаго подъ арестъ на семь дней за то, что онъ, не получивъ точныхъ свѣдѣній, въ какое время будетъ сельскій сходъ, позволилъ крестьянамъ идти въ церковь помолиться... А 15-го августа тотъ же земскій начальникъ вызвалъ всѣхъ домохозяевъ въ количествѣ 88 человѣкъ, въ 9 часовъ утра въ свою квартиру по своему дѣлу и крестьяне такимъ образомъ лишены были возможности сходить помолиться въ храмъ въ такой великій праздникъ".

Скажите, читатель, что это, какъ не издѣвательство надъ вѣрою простыхъ людей? Мнѣ скажутъ: такихъ уродовъ на службѣ немного. А я напомню, что однихъ учителей и учительницъ изъ земскихъ и министерскихъ школъ было выслано за участіе въ революціи въ разныя отдаленныя и нестоль отдаленныя мѣста болѣе 22,000, а вѣдь всѣ эти „просвѣтители" одинаково относятся къ нашей святой матери Церкви и православной вѣрѣ...

Но чтобы не кончать дневника такой мрачной картиной, приведу выписки изъ отчета одного моего благочиннаго. Вотъ что пишетъ изъ Устьсысольскаго уѣзда о. Димитрій Поповъ:

„Прихожане Устьнемской Спасской церкви употребляютъ всѣ усилія, чтобы закончить постройку храма, уплачивая ежегодно на это дѣло по 7 рублей съ ревизской души, что для небогатыхъ въ теченіи 4 лѣтъ тяжело отзывается на ихъ скудномъ бюджетѣ. Но они не ропщутъ. „Ничего, батюшка, говорятъ они: меньше будемъ водки выпивать, перетерпимъ и другіе недостачи въ домашнемъ хозяйствѣ, а больше будемъ работать, вотъ и скопится на храмъ. Богъ помо-жетъ". Нерѣдки случаи, что прихожане, не считая возможнымъ уклониться отъ взносовъ на постройку храма, даже стыдясь отстать въ этомъ святомъ дѣлѣ отъ болѣе состоятельныхъ, принуждаютъ себя къ лишеніямъ въ пищѣ, одеждѣ, откладываютъ чаепитіе, продаютъ намѣченныхъ къ рощенію телятъ и жеребятъ, чтобы только „не быть безъ пая въ постройкѣ", какъ выражаются они.

„Въ Пожегодскомъ Троицкомъ приходѣ 19 іюня, въ воскресенье, происходило торжество закладки храма. Стеченіе народа было громадное. Боголюбивые жертвователи прихожане несли на устройство храма и зерна, и пеньку, и овчины, и холстъ, каждый считалъ себя обязаннымъ принести на храмъ не только деньги, но и что-либо изъ своего земледѣльческаго хозяйства. Лично я замѣтилъ послѣ молебствія, какъ почтенный старикъ сгибался подъ тяжестію мѣшка съ зерномъ, подносимаго имъ къ храму.—„Что ты, дѣдушка, надрываешься? Развѣ ужъ некому поднести ношу?" спросилъ я.—„Какъ некому, батюшка? Есть сыновья, да они сами свое несутъ, а это—мое: самъ еще засѣвалъ, когда былъ помоложе, самъ и поднесу Святой Троицѣ. Куда мнѣ беречь себя и свои силы? Скоро вѣдь все равно умру!" отвѣтилъ этотъ старецъ и продолжалъ нести, хотя видимо приходилось ему очень тяжело"...

Читая такіе отчеты, утѣшаешься мыслію, что еще жива наша святая

Русь, что пока нашъ народъ еще благоговѣетъ предъ святынями своими, пока любитъ родные храмы Божіи, дотолѣ не страшны всѣ эти земскіе начальники, эти учителя-безбожники, всѣ эти статистики, фельдшера и вся эта либеральная безбожная шушера... Но въ томъ-то и опасность, что врагъ Церкви подбирается къ народной душѣ, чтобъ обокрасть ее, чрезъ школу, чтобъ въ зачаткѣ вытравить все то, что Церковь внѣдряла въ народную душу въ продолженіи почти тысячи лѣтъ...

Благослови, Господи, всѣхъ любящихъ благолѣпіе дому Твоего и огради ихъ силою животворящаго Твоего креста отъ всѣхъ сихъ искусителей!

96.

Вѣроисповѣдный законопроэктъ предъ судомъ православной народной совѣсти.

Болѣзнь уложила меня въ постель. А между тѣмъ въ Г. Совѣтѣ обсуждается одинъ изъ величайшихъ законопроэктовъ—о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое. Хотя я и понудилъ себя съ великимъ трудомъ пріѣхать на первое засѣданіе по этому вопросу, но говорить еще былъ не въ силахъ. Вотъ мое мнѣніе, которое вмѣсто рѣчи я предъ засѣданіемъ разослалъ всѣмъ членамъ Г. Совѣта.

Гг. Члены Государственнаго Совѣта!

Болѣзнь не позволяетъ мнѣ принять личное участіе въ обсужденіи законопроэкта о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое: посему я долгомъ почитаю изложить предъ вами свое мнѣніе по сему дѣлу письменно.

Ни одинъ законопроэктъ изъ разсмотрѣнныхъ Г. Совѣтомъ въ послѣдніе годы послѣ преобразованія этого высокаго учрежденія такъ глубоко и скажу—такъ болѣзненно не затрогивалъ самыя чувствительныя струны русской народной души, какъ именно этотъ законопроэктъ, и никогда еще такъ тревожно не возникалъ въ русской душѣ роковой для Россіи вопросъ: быть или не быть Руси нашей православною по духу ея законодательства, какъ именно теперь. Съ того дня, какъ Г. Дума своимъ законопроэктомъ въ сущности уничтожила въ глазахъ закона всѣ вѣроисповѣдныя разности и приравняла всѣ христіанскія вѣроисповѣданія даже къ іудейству, магометанству и язычеству и сказала всѣмъ и каждому: вѣруй, во что хочешь и молись какъ знаешь, ибо всякая вѣра есть въ сущности суевѣріе, — съ этого чернаго дня въ исторіи нашего законодательства заныло русское сердце, заскорбѣла русская душа... Какъ? Ужели законъ, законъ нашего православнаго государства не хочетъ—отказывается признать, что въ ряду всякихъ вѣръ есть едина истинная вѣра, которую вотъ уже тысячу лѣтъ исповѣдуетъ Русскій народъ, есть едина истинная, во всей чистотѣ носящая Христову истину, Церковь, которая была нѣжной матерью народа Русскаго, восприняла его въ самой колыбели его историческаго бытія, воспитала въ немъ тѣ неоцѣненныя свойства его народнаго духа, которыя мы привыкли объединять въ словѣ „народность“, дала ему свѣтлый идеалъ

Царскаго Самодержавія, основанный на вѣчныхъ началахъ нравственныхъ, въ противоположность идеаламъ другихъ народовъ, полагающихъ въ основу своей политической жизни начала юридическія?... Ужели наша святая вѣра православная, ужели наша родная Церковь будутъ приравнены къ общинамъ магометанскимъ и языческимъ, не говорю уже о сектантскихъ?... Слава Богу: этотъ ужасный кошмаръ какъ будто немного разсѣялся: Комиссія Г. Совѣта не нашла возможнымъ регистровать переходъ изъ хрістіанства въ язычество, магометанство и іудейство. Но это сущности дѣла не измѣняетъ. Вѣдь тѣ статьи закона, которыя лишали нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ отступниковъ отъ хрістіанства, отмѣняются, а слѣдовательно, измѣнники вѣрѣ ничего не теряютъ, покидая хрістіанство; и государство признаетъ ихъ такими же правоспособными гражданами, какими они были до отступничества; мало того: отказываясь регистровать ихъ измѣну хрістіанству, государство оставляетъ за ними право именоваться хрістіанами... вѣдь вотъ къ чему ведетъ законопроэктъ, выработанный Комиссіей Г. Совѣта! Недавно въ моей епархіи одинъ крестьянинъ перешелъ въ магометанство; я отлучилъ его отъ Церкви, а губернское правленіе не признало возможнымъ зарегистровать такую измѣну хрістіанству. Спрашивается: кѣмъ же онъ будетъ числиться по государственнымъ законамъ: хрістіаниномъ или магометаниномъ? Да и на что онъ Церкви, если уже ушелъ изъ Церкви? Но допустимъ, что рѣчь идетъ не о простомъ мужичкѣ, а о лицѣ интеллигентномъ, притомъ совратившемся даже не въ магометанство, а прямо въ язычество (что грѣхъ таить? Какъ не льститъ магометанство чувственности, все же наши интеллигенты едва ли соблазнятся имъ: вѣдь какъ ни какъ, а Магометъ все же признаетъ личнаго Бога,—то ли дѣло буддизмъ! По его ученію ты самъ частичка божества, стало быть нечего бояться какого то личнаго Бога), — я спрашиваю: будетъ ли такое лицо допущено на государственную службу? И въ какомъ положеніи очутился бы онъ, считаясь по бумагамъ православнымъ, а на дѣлѣ будучи язычникомъ?— Ясно, что законъ, рано или поздно, разъ ставъ на путь признанія совершенной свободы перехода изъ одного исповѣданія въ другое, вынужденъ будетъ логически признать и свободу перехода даже въ язычество, другими словами: сдѣлать то, что откровенно сдѣлала Г. Дума въ своемъ законопроэктѣ. Иначе вѣдь можетъ случиться, что считающійся по бумагамъ православнымъ, но тайно принявшій язычество, поднимаясь постепенно по бюрократической лѣстницѣ, доберется и до мѣста оберъ-прокурора въ С. Синодѣ. Вотъ къ чему приведетъ въ концѣ концовъ принципъ вѣроисповѣднаго безразличія, примѣняемый пока въ предѣлахъ разныхъ хрістіанскихъ исповѣданій. А неизбѣжнымъ послѣдствіемъ сего будетъ то, что законъ лишится въ глазахъ вѣрующаго православнаго народа того довѣрія, того благоговѣйнаго уваженія, съ какимъ совѣсть народная теперь относится къ законамъ, согласованнымъ съ его православнымъ міропониманіемъ. А если народъ перестанетъ уважать законъ въ силу требованій своей совѣсти, то будетъ ли онъ уважать ту власть, которая создала законъ, противный его совѣсти? Посему желательно ли, чтобы законодательная власть расходилась

съ народными вѣрованіями, съ народными идеалами? Нѣтъ ничего хуже, нѣтъ ничего опаснѣе для государства, какъ это хроническое взаимное недовѣріе между властью и народомъ, когда власть не понимаетъ народныхъ идеаловъ, а народъ критикуетъ власть. А избѣжать этого въ данномъ случаѣ возможно лишь при одномъ непремѣнномъ условіи: если законодатель твердо и открыто исповѣдуетъ, что онъ признаетъ единою истинною вѣрой—ту вѣру, которою народъ живетъ вотъ уже тысячу лѣтъ, что всѣ остальныя вѣры въ глазахъ русскаго закона суть или заблужденія, или носятъ въ себѣ въ той или другой степени уклоненія отъ единой святой истины Православія; что, посему, относясь съ христіанской терпимостью ко всѣмъ, признаннымъ возможными, исповѣданіямъ, не исключая и язычества, законодательство православной страны не можетъ терпѣть никакой пропаганды иновѣрныхъ или инославныхъ среди православныхъ, а равнымъ образомъ не можетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ и къ отступникамъ отъ православія, какъ такимъ, которые измѣнили идеаламъ народной совѣсти. Законъ долженъ оградить полную свободу Православной Церкви въ принятіи или непринятіи ею въ свои нѣдра безъ всякихъ ограниченій. Если будутъ нужны эти ограниченія, то пусть вѣдаетъ это дѣло сама Церковь въ лицѣ ея высшей власти. Вѣдь по новому законопроэкту, если я разрѣшу присоединить къ Церкви юношу или дѣвицу 15—18 лѣтъ, безъ согласія какого-нибудь опекуна, то явлюсь преступникомъ закона, и хотя законъ не будетъ меня за то преслѣдовать, но можно ли такое положеніе православнаго архіерея въ православной еще, славя Богу, странѣ считать нормальнымъ? Съ другой стороны, законъ долженъ строго карать всякую пропаганду инославія и иновѣрія, какъ вторженіе въ нѣдра Церкви Православной, Верховнымъ Защитникомъ и Покровителемъ которой именуется Самъ Государь по Основнымъ Законамъ Россіи, и рѣшительно не допускать въ средѣ православнаго населенія никакихъ гастролирующихъ проповѣдниковъ. А таковые уже появились. Ссылаясь на ложно ими толкуемую свободу совѣсти, они бродятъ по селеніямъ и городамъ, смущая простыя души вѣрующихъ и воображая, что Россія—страна языческая, которую они якобы призваны просвѣщать христіанствомъ. И нужно сказать правду: законопроэктъ о свободѣ перехода изъ одного исповѣданія въ другое даетъ имъ нѣкоторое основаніе думать такъ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ смотритъ этотъ законопроэктъ на завѣтную святыню Русскаго народа — на Православную Церковь? Считаетъ ли онъ Православіе истиною? Или въ слѣдъ за Пилатомъ повторяетъ историческій вопросъ этого скептика: „да что такое истина? Стоитъ ли говорить о ней?“... Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ разсказывается, какъ въ одномъ городѣ іудеи обвиняли Апостола Павла въ пропагандѣ якобы ложнаго ученія предъ анципатомъ Галліономъ, но этотъ гордый римлянинъ не сталъ и слушать ихъ; произошли безпорядки, но *ниедино радѣніе бысть Галліону о сихъ*, замѣчаетъ дѣописатель. Не такъ же ли относится законопроэктъ о свободѣ перехода изъ одного исповѣданія въ другое къ измѣнникамъ вѣрѣ православной и пропагандистамъ инославія въ средѣ православныхъ? Государство какъ будто говоритъ: вѣруйте, какъ

знаете: для меня всѣ вѣры одинаковы, всѣ вѣры одноцѣнны!.. Но того ли ждетъ отъ государства искренно преданный своей вѣрѣ православный Русскій народъ? Нѣтъ! Народъ смотритъ на власть какъ на благопопечительнаго отца и ждетъ отъ нея, что она не допуститъ въ свою родную семью, въ среду вѣрующаго по-православному народа, разныхъ совратителей и соблазнителей. Пусть каждый изъ васъ, гг. Члены Государственнаго Совѣта, представитъ себѣ на минуту, что въ вашъ домъ явится какой-нибудь религіозный или политическій пропагандистъ, чтобы обратить вашихъ дѣтей въ свою секту или недоброе сообщество; потерпите ли вы его? Нашъ въ простотѣ сердца вѣрующій народъ ждетъ именно такого отношенія со стороны закона ко всякимъ лжеучителямъ, ко всякимъ пропагандистамъ. И почему политическихъ пропагандистовъ считаютъ вредными, а къ религіознымъ относятся по меньшей мѣрѣ безразлично, а иногда и благоволительно? Если законодатель считаетъ православіе истиною, то почему, какъ будто не хочетъ и перстомъ двинуть, чтобы оградить дѣтски-простой народъ отъ заразы разныхъ лжеученій? Пора намъ стряхнуть съ себя чары масонства—эти сладкія рѣчи о свободѣ якобы совѣсти, на самомъ же дѣлѣ о свободѣ насилія православной совѣсти со стороны натиска искусныхъ лжемудрованій! Если для регистраціи перехода изъ одного исповѣданія въ другое нуженъ особый законъ, если недостаточно существующихъ постановленій, то необходимо въ этомъ законѣ твердо поддчеркнуть уваженіе законодателя къ Православію, какъ признаваемому Русскимъ народомъ, единому истинному во всей его чистотѣ ученію хрістіанскому: только тогда законъ будетъ отвѣчать народному идеалу, только тогда онъ будетъ жизненен и не подорветъ, а усилитъ любовь и уваженіе къ законодателю. Надо, чтобы законъ отвѣчалъ не либеральнымъ космополитическимъ безпочвеннымъ теоріямъ, а самой жизни, духу жизни народа Русскаго. Не гасите же этого духа, дайте ему свободу, оградите эту свободу отъ всякаго на нее покушенія со стороны враговъ вѣры, враговъ Церкви, враговъ Отечества! Я говорю о свободѣ правильнаго духовнаго преуспѣянія, самобытнаго воспитанія народнаго духа, а это преуспѣяніе возможно только тогда, когда законъ не допуститъ вторгаться въ жизнь народнаго духа чуждымъ ему началамъ невѣрія, когда въ своихъ положеніяхъ законъ ясно подчеркнетъ, что православіе онъ считаетъ святою стихіей народной русской жизни, что эту стихію законъ цѣнитъ, свято охраняетъ и утрату ея считаетъ гибельной для государства. И мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу откровенно: то, что я думаю какъ православный архіерей относительно православія, то думаетъ каждый инославный относительно того исповѣданія, къ коему онъ принадлежитъ: пусть же инославные примутъ во вниманіе, что Православіе именуется въ нашихъ Основныхъ Законахъ „господствующимъ исповѣданіемъ“, что его исповѣдуютъ, начиная отъ Самодержавнѣйшаго Первенца матери Церкви, до ста милліоновъ Русскихъ людей, что уже поэтому совершенно естественно дать ему преимущество въ Русскомъ государствѣ и, слѣдовательно, нельзя по совѣсти осуждать насъ за то, что требуемъ этого преимущества для родной Церкви: на нашемъ мѣстѣ и они требовали бы того же

для тѣхъ исповѣданій, къ коимъ принадлежатъ.

Всѣ тѣ соображенія, по которымъ, я считаю какъ думскій, такъ и выработанный нашею Комиссіею законопроэкты непріемлемыми.

Кромѣ этого предъ засѣданіемъ былъ розданъ всѣмъ членамъ *Мой дневникъ* изъ № 75-го „Тр. Слова“ подъ заглавіемъ: Пощадите народную душу!

97.

Змѣя на могилѣ Толстого.

Память праведнаго съ похвалами, а надъ нечестивыми до конца тяготѣетъ немилостивый гнѣвъ. И память ихъ погибнетъ съ шумомъ... Такъ говоритъ непреложное слово Божіе.

Прошолъ годъ, какъ великій нечестивецъ, соблазнитель и богохульникъ ушелъ въ царство мертвецовъ. Напрасно шумятъ іудеи и ихъ приспѣшники, восхваляя его: чѣмъ болѣе отходитъ онъ въ исторію, тѣмъ безславнѣе становится имя его. И это безславіе ложится темною тѣнью не только на его якобы—почитателей, но и на его несчастную вдову, особенно же на его наслѣдницу дочь... Стыдно было вчужѣ читать споры этой дочери съ 80-тилѣтней старицей матерью изъ-за рукописей, а еще позорнѣе теперь, что почитатели не посовѣстились выдать за сочиненіе Толстого плохое сочиненьице нѣкоего Соловьева,—сквернаго ради прибытка.

Такъ между людьми, которые хотѣли бы прославлять богохульника, безчестится имя его. Но судъ Божій совершается еще и инымъ нѣкіимъ образомъ. Сей богохульникъ загубилъ столько душъ своимъ лжеученіемъ, что при одной мысли объ этомъ страшно становится. Ядъ его духовной отравы еще долго будетъ губить юныя души, и вотъ, какъ бы въ предостереженіе имѣющихъ разумъ, чтобы внимать глаголамъ Божіимъ, въ день его рожденія на его могилѣ творится нѣчто доселѣ неслыханное...

Внимайте, русскіе православные люди!

Въ московской газеткѣ іудействующаго направленія, издаваемой раскольникомъ Рябушинскимъ „Раннее Утро“, промелькнуло извѣстіе, что 28 августа на могилѣ Толстого укушенъ змѣею мальчикъ... Вся печать, какъ по данному знаку, тщательно замолчала этотъ фактъ. Но его отмѣтили „Московскія Церковныя Вѣдомости“. Не довѣряя сообщенію іудейской газетки, я написалъ высокопреосвященному Парѳенію, архіепископу Тульскому, прося его провѣрить этотъ фактъ. Святитель исполнилъ мою просьбу и вотъ что пишетъ ему священникъ села Кочаковъ, о. Тихонъ Кудрявцевъ, коему было поручено владыкою произвести дознаніе по сему дѣлу:

„Высокопреосвященнѣйшій Владыка, милостивѣйшій отецъ и Архипастырь!

Фактъ укушенія змѣей на могилѣ графа Льва Толстого сына Бирюкова установленъ. (Кстати: кто этотъ Бирюковъ? Не авторъ ли жизнеописанія Толстого? Тогда фактъ укушенія его сына имѣетъ

уже сугубое значеніе....) [1]). 28 августа Бирюковъ, поклонникъ Толстого и давно знакомый съ семьей Толстыхъ, прибылъ изъ Москвы съ семьей (жена и дѣти) на могилу Толстого. Прибывшіе въ тотъ день, въ небольшомъ количествѣ, поклонники Толстого осыпали могилу его живыми цвѣтами. Мальчикъ Бирюковъ, лѣтъ десяти, услаждаясь цвѣтами (бѣдный ребенокъ!), разсматривая и разбирая ихъ, неожиданно для окружающихъ могилу вскрикнулъ. Подбѣжавшій къ нему отецъ увидѣлъ, что правая рука его обвита змѣей, сбросилъ гадюку съ руки ребенка и увидѣлъ раночку. Быстро появившаяся на рукѣ опухоль заставила отца тотчасъ же принять мѣры къ предупрежденію опасности: тутъ же, на мѣстѣ, перетянули руку перевязкой выше мѣста укушенія и немедленно, на лошадяхъ графини С. А. Толстой, Бирюковы направились въ Тулу, чтобы оттуда съ первымъ же поѣздомъ отбыть въ Москву. Ко времени отъѣзда въ Тулу, говорятъ, опухоль перешла въ область груди. Живъ ли пострадавшій—свѣдѣній нѣтъ".

Къ этому священникъ присовокупляетъ:

„Появленія змѣй или гадюкъ въ нашей мѣстности не наблюдалось, тѣмъ болѣе не было случаевъ укушенія ими кого-либо, хотя мѣстность изобилуетъ лѣсами, въ коихъ съ ранней весны и до поздней осени постоянное движеніе народа: за травой, по ягоды, по грибы, по малину и пр. Появленіе змѣи, около трехъ четвертей аршина, сѣраго цвѣта, на могилѣ Толстого, гдѣ каждый день бываетъ большее или меньшее стеченіе народа—явленіе загадочное. Въ земляномъ холмѣ надъ прахомъ Толстого нѣкоторыми лицами и даже моею дочерью замѣчено отверстіе, въ діаметрѣ около полутора вершка; глубина отверстія не установлена, но дочь говорила, что палочка въ аршинъ была недостаточной для измѣренія глубины. Нѣкоторые полагаютъ, что это поклонники Толстого черпаютъ оттуда, какъ талисманъ, землю, желая почерпнуть ее какъ можно ближе отъ праха. Не справедливѣе ли полагать, что тамъ, въ глубинѣ холма, на груди Льва свила себѣ гнѣздо гадюка...

„Объ укушеніи змѣей на могилѣ Толстого въ нашей мѣсности почти никто не знаетъ, продолжаетъ священникъ. Даже полицейскій, бывшій 28 августа въ качествѣ дежурнаго на мѣстѣ могилы, не зналъ этого факта. Мнѣ пришлось долго и осторожно искать того, кто могъ бы дать болѣе вѣрныя свѣдѣнія для установленія этого факта. Благодаря только одной женщинѣ, близко стоящей къ дому Толстыхъ, на сообщеніе которой можно положиться, я и могу дать Вашему Высокопреосвященству хотя краткія свѣдѣнія объ изложенномъ фактѣ. Въ настоящее время фактъ подтвердилъ и вышеупомянутый полицейскій чинъ. Послѣдній полагаетъ, что фактъ совершился въ присутствіи только семьи Бирюковыхъ, другихъ толстовцевъ и кого-либо изъ семьи Толстыхъ, безъ лицъ постороннихъ. Вотъ почему Толстыми и толстовцами и приняты мѣры, чтобъ фактъ этотъ замолчать, дабы не произвести имъ соблазна въ обществѣ. Вашего Высокопреосвященства покорнѣйшій послушникъ села Кочаковъ священникъ Тихонъ Кудрявцевъ. 1911 г. окт. 13 дня".

Итакъ, могила богохульника ста-

[1]) Редакція газеты „Колоколъ" подтверждаетъ, что г. Бирюковъ дѣйствительно есть авторъ біографіи Толстого...

ла норою ядовитой гадюки. Для вѣрующихъ не есть ли это знаменіе? Въ нашемъ хрістіанскомъ міропониманіи всѣ твари, какъ разумныя, такъ и неразумныя, и даже бездушныя, служатъ цѣлямъ премудраго промысла Божія. Для Всемогущаго нѣтъ нужды въ разумности, чтобы тварь повиновалась и служила Ему. *Той рече и быша, Той повелѣ и создашася. Молчи, престани,* говорилъ Господь морю бушующему, и море слушалось слова Его. Божественная *мысль* есть уже и *дѣло*, и въ Его премудромъ промышленіи самое зло обращается къ добрымъ послѣдствіямъ, если только наша свободная воля не упорствуетъ въ противленіи волѣ Божіей. Безъ воли Божіей и волосъ не падаетъ съ головы нашей,—это слово Самого Хріста Спасителя,—можетъ ли быть, чтобы злая гадюка укусила невиннаго отрока безъ попущенія Божія? Всякое явленіе хрістіанинъ освѣщаетъ свѣтомъ ученія Хрістова и нѣтъ для него никогда и ни въ чемъ такъ называемаго случая. Надо было вразумить, отрезвить несчастныхъ родителей сего отрока, и вотъ попускается насчастье... Если мальчикъ остался живъ, то и ему и его родителямъ будетъ на всю жизнь урокъ: не воздавать почтенія обезумѣвшему въ своей гордынѣ богоотступнику. Если отрокъ умеръ, то Богъ взялъ его къ Себѣ, чтобы онъ не заразился тѣмъ страшнымъ ядомъ, какимъ уже заразились его родители. А всѣмъ намъ урокъ: берегите себя и дѣтей своихъ отъ гибельнаго лжеученія анаѳематствованнаго еретика.

Есть старая, кажется, теперь забытая книга покойнаго историка-профессора М. П. Погодина: „Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ“. Отъ души совѣтую моимъ читателямъ, кто не читалъ ее, найти и прочитать. Тамъ они много найдутъ назидательныхъ и въ высшей степени достойныхъ вниманія такъ называемыхъ „случаевъ“, „совпаденій“, а по-нашему поразительныхъ проявленій Промысла Божія въ жизни людей, въ коихъ вѣрующій не можетъ не видѣть руку Божію, или вразумляющую невѣрующихъ, или охраняющую вѣрующихъ.

Берегитесь, русскіе люди, толстовщины какъ яда змінаго, не слушайте тѣхъ гадюкъ въ образѣ человѣческомъ, которымъ и Толстой-то нуженъ только для того, чтобы именемъ его, когда-то дѣйствительно знаменитаго писателя, прикрыть ядъ безбожныхъ, противогосударственныхъ ученій въ цѣляхъ отравлять ими русскихъ людей, а чрезъ то вести наше отечество къ разрушенію, къ рабству іудеямъ и къ вѣрной погибели.

98.

Подайте на „свѣчечку“, святителю Хрістову Николаю Чудотворцу!

Изъ всѣхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ особенною любовью чтитъ Русскій народъ святителя Хрістова и Чудотворца Николая. Нѣтъ, кажется, православнаго дома, гдѣ не было бы его священнаго лика, нѣтъ семьи, въ которой не было бы роднаго человѣка, носящаго его имя; нѣтъ храма, въ коемъ не было бы особенно чтимаго его образа, а сколько храмовъ посвящено его имени, сколько городовъ и селеній,

въ названіи коихъ звучитъ имя Николая! Въ одной Москвѣ около 200 престоловъ посвящено Святителю Николаю. Извѣстно, что самое наибольшее число чудотворныхъ иконъ—иконъ Матери Божіей, а послѣ Нея, Заступницы усердной рода хрістіанскаго—больше всѣхъ святыхъ прославляются иконы Николая Угодника Божія.

И не въ Россіи только, а и во всемъ мірѣ хрістіанскомъ чтится память Мурликійскаго чудотворца. Но что я говорю о хрістіанскомъ мірѣ? Его знаютъ и язычники, чтутъ и къ его помощи прибѣгаютъ и кочевники степей Азіи, Калмыки, Киргизы и разные инородцы!..

Строгъ онъ, угодникъ Божій, къ богохульникамъ, къ тѣмъ, кто издѣвается надъ святынею, кто поноситъ Церковь Божію; но и милостивецъ онъ великій: въ нашемъ народѣ его такъ и величаютъ: „Никола Милостивый“. Щедрою рукою разсыпаетъ онъ свои милости всѣмъ, кто прибѣгаетъ къ нему; не отказываетъ и не-хрістіанамъ, помогаетъ и магометанамъ, и даже идолопоклонникамъ. Всѣхъ онъ слышитъ, всѣмъ готовъ на помощь и заступленіе.

За то искренно любитъ его православный Русскій народъ. Не довольствуясь посѣщеніемъ храмовъ Божіихъ и обителей, на Руси ему посвященныхъ, русскіе люди стремятся и туда, гдѣ въ благоуханіи нетлѣнія почиваютъ его святыя косточки. Отправляясь на поклоненіе св. мѣстамъ Востока и на Аѳонъ, наши благочестивые паломники не забываютъ и Бара-града. Что имъ до того, что этотъ городъ давнымъ-давно пересталъ быть православнымъ, что тамъ римскаго папу поминаютъ, что у самаго гроба святителя и чудотворца латинскую мессу служатъ: и чужой Баръ-градъ считаютъ они роднымъ городомъ, потому что Святителя Хрістова Николая они чтутъ какъ родного отца. Правда, не безъ грусти видятъ они здѣсь и обряды неправославные, и бритыхъ монаховъ—латинянъ; сердцемъ тоскуютъ они о томъ, что вотъ тутъ, около святыхъ мощей ихъ любимца-чудотворца, не совершаются величественныя службы Божіи съ дивнымъ пѣніемъ акаѳистовъ, со всею красотою православнаго архіерейскаго служенія: что дѣлать? Такъ, видно, угодно неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, такъ угодно Святителю; почему?—высшихъ себе не ищи и крѣпльшихъ не испытуй!... Видно, недостойны мы грѣшные, чтобы угодникъ Божій своими косточками почивалъ среди насъ; или такъ нужно, чтобы среди неправославныхъ сіялъ сей пресвѣтлый свѣтильникъ православія для ихъ же вразумленія, или же вообще неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ угодно, ради смиренія нашего, чтобы величайшія святыни наши обрѣтались въ рукахъ—даже невѣрныхъ... Вѣдь самый Гробъ Господень, святая Голгоѳа, ясли Хрістовы, да и вся земля, исхоженная стопами Господа—Спасителя міра, обрѣтается во власти послѣдователей обманщика Магомета: что же дивнаго, если св. мощи чудотворца предивнаго охраняются неправославными латинами? Все же они хрістіане, все же и они чтутъ память великаго Святителя Хрістова Николая, да притомъ, какъ говорятъ путешественники, съ радушіемъ и доброжелательствомъ встрѣчаютъ нашихъ православныхъ богомольцевъ: видно священное имя Николая милостивца всѣхъ хрістіанъ миротворитъ у святаго гроба его. Буди же благословенно это имя во вѣки вѣковъ! Радуйся, Николае, великій и преславный чудотворче!

Одно скорбно для русскаго сердца: въ Баръ-градѣ нѣтъ для рус-

скихъ поклонниковъ пріюта, гдѣ они могли бы голову приклонить, могли бы отдохнуть послѣ дальняго пути, могли бы найти родныхъ русскихъ людей, которые поруководили бы ихъ въ исполненіи святаго желанія ихъ сердца, усладили бы слухъ ихъ православнымъ служеніемъ въ православной церкви.

Но и тутъ есть вѣрная надежда, что скоро будетъ устроенъ такой пріютъ. Православное Палестинское Общество, въ своихъ заботахъ о русскихъ паломникахъ, уже рѣшило, и даже мѣсто въ Баръ-градѣ купило для постройки Русскаго подворья съ церковію во имя Святителя и Чудотворца Николая. А Благочестивѣйшій Государь соизволилъ разрѣшить и сборъ произвести по всей Россіи на храмъ въ честь Его Ангела. Конечно, наша русская казна могла бы и безъ такого всероссійскаго сбора построить на славу соборъ въ Баръ-градѣ. Но гораздо будетъ трогательнѣе, да и Святителю Хрістову пріятнѣе, если въ этомъ святомъ дѣлѣ приметъ участіе вся Россія. Пусть на этотъ храмъ, на этотъ пріютъ для поклонниковъ будетъ принесена и лепта вдовицы, и грошикъ нищаго и убогаго, и копѣечки, данныя дѣтямъ на гостинцы, и посильная жертва простецаселянина, и нескудный даръ человѣка состоятельнаго: пусть все это сольется въ одну всероссійскую свѣчечку въ видѣ храма у святыхъ мощей великаго заступника нашего Святителя Хрістова Николая! Вѣдь если бы только одни носящіе святое имя его сложились *всѣ* на такое святое дѣло въ честь своего ангела-покровителя хотя по гривенничку: вотъ и выросъ бы въ Баръ-градѣ чудный храмъ во имя его! Русскій народъ придумалъ умную пословицу: „съ міру по ниткѣ—голому рубаха“. Къ сожалѣнію, не всегда помнитъ онъ мудрыя изреченія опытныхъ стариковъ, не всегда достаетъ у него твердости, единодушія, согласія и терпѣнія довести дѣло до конца. Горячо мы беремся за дѣло, но скоро и остываемъ. Неохотно мы располагаемъ другъ друга къ доброму дѣлу. Бываетъ такъ: иной охотно даетъ свою лепту, сколько ему совѣсть подскажетъ, а другого расположитъ къ сему стѣснается. Но и это еще не худо: по крайней мѣрѣ самъ сдѣлалъ доброе дѣло, въ своемъ сердцѣ свѣчечку духовную зажегъ, хотя зажечь ее въ сердце сосѣда полѣнился, постѣснился, побоялся: вѣдь иной скажетъ: „много васъ, сборщиковъ,—всѣхъ не надѣлишь!“—А вотъ горе, если человѣкъ самъ не хочетъ дать, да и другого удерживаетъ отъ подаянія — иногда шуткою, а иногда насмѣшкою, тутъ ужъ — сугубый грѣхъ!

Ахъ, если бы люди знали, какъ хорошо бываетъ на душѣ, когда человѣкъ сдѣлаетъ доброе дѣло! Напримѣръ: вотъ ты подалъ свою лепту на построеніе храма Святителю Хрістову Николаю. Повѣрь: въ эту минуту милостивецъ чудотворецъ уже благословилъ тебя съ высоты небесной, и это благословеніе отозвалось въ твоемъ сердцѣ тихою радостью, будто благодатная лампадочка зажглась въ твоей душѣ и тебѣ отъ нея стало тепло и такъ отрадно... Люди вѣчно ищутъ счастія: да вотъ оно: дѣлайте больше добра и будете счастливы, и этого счастія никто, никогда не отниметъ у васъ! Если бы даже всѣ бѣды обрушились на васъ: и тогда вы будете счастливы! Не понятно это только для тѣхъ, кто не хочетъ дѣлать добро!

Приходитъ на мысль сказать еще и вотъ что.

Много согрѣшила наша Русь

православная, много прогнѣвала Господа Бога и святыхъ угодниковъ Его въ эти послѣдніе годы. Пора покаяться, пора умилостивить Создателя исполненіемъ святыхъ Его заповѣдей. Говоритъ Онъ въ святомъ Писаніи Своемъ: милости хощу, а не жертвы. Но не отвергаетъ Онъ и жертвы, если эти жертвы—духъ сокрушенъ и сердце смиренно, если и вещественная жертва приносится отъ сердца сокрушеннаго и духа смиреннаго. Не отвергъ Онъ и ничтожной, говоря по человѣчески, лепты вдовицы, не оттолкнулъ отъ Себя и богатаго дара плачущей у ногъ Его блудницы, помазавшей Его ноги драгоцѣннымъ муромъ. А жертва на храмъ, подъ сѣнію коего будетъ страннопріимный домъ для благочестивыхъ русскихъ людей, приходящихъ въ Баръ-градъ на поклоненіе великому Чудотворцу-милостивцу, будетъ для Господа и жертвою, и дѣломъ милости. Вѣдь Онъ Самъ скажетъ во второе Свое пришествіе праведникамъ: *страненъ бѣхъ и введосте Мене... Елика сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ — Мнѣ сотвористе.* А что сказалъ Господь, то скажетъ намъ и Его великій угодникъ, Святитель Николай. „Вы устроили близъ гроба моего пріютъ для моихъ поклонниковъ—это сдѣлали вы для меня. Я буду въ долгу у васъ за доброе дѣло для этихъ рабовъ Божіихъ. Мнѣ сотвористе! Я уплачу за нихъ!“

О угодниче Божій, милостивецъ ты нашъ великій! Не просимъ мы у тебя благъ земныхъ и *тлѣнныхъ*. Нуждаемся мы наипаче въ помилованіи отъ Господа. Много предъ Нимъ согрѣшили мы, весь народъ Русскій. Вмѣсто свѣчи ко гробу твоему, заступниче нашъ усердный, мы строимъ во градѣ *успокоенія* твоего храмъ имени твоему и страннопріемницу—отъ имени всей Руси Православной! Прими же отъ насъ сіе малое приношеніе какъ лампаду ко гробу твоему. Пріими лепту сію за всю Русь многогрѣшную. Пріими и вознеси свои пламенныя молитвы ко Господу: да проститъ Онъ великое наше отступленіе отъ святыхъ заповѣдей Его, да согрѣетъ сердца наши любовію къ матери нашей Церкви Православной; да покроетъ отечество наше отъ всѣхъ козней враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ; да хранитъ тезоименитаго тебѣ Царя нашего во здравіи и благоденствіи на многія и многія лѣта!

99.

Еда измѣнитъ еѳіопъ кожу свою или рысь пестроты своя?...

Еѳіопа не убѣлишь, упорныхъ невѣровъ къ Богу не обратишь. Что для насъ, вѣрующихъ, знаменіе, то для нихъ—„случай, а иногда еще прибавляютъ: „простой случай“, слѣпой случай“. Скажутъ такое словечко и—довольны: все объяснили! Для здравомыслящихъ это не объясненіе, а только уклоненіе отъ объясненія, ибо здравый разумъ говоритъ, что въ мірѣ ничего не бываетъ случайно: всякое явленіе имѣетъ причину и слѣдствіе. А для современныхъ фарисеевъ, нарочито закрывающихъ очи, чтобы не видѣть, не стыдно и требованіе здраваго разума отвергнуть: вѣдь видѣли же древніе фарисеи такія чудеса Христовы, какъ воскрешеніе Лазаря, но не хотѣли вѣровать, и

не вѣровали, и совѣщались убить и Воскресителя, и воскрешеннаго. Вѣрно сказалъ пророкъ о таковыхъ: евіопа не убѣлишь.

Эти мысли невольно напрашиваются, когда читаешь, „выпады", говоря по-новодомному, нашихъ іудействующихъ (не говорю уже объ чистокровныхъ іудеяхъ) мнимо-ученыхъ редакторовъ разныхъ либеральныхъ газетъ по поводу моей статьи въ „Колоколѣ" о змѣѣ на могилѣ Толстого. На сей разъ остановлю вниманіе моихъ читателей только на одной газетѣ — „Русскія Вѣдомости", которыя—это внѣ всякаго сомнѣнія—считаютъ себя серьезнымъ органомъ общественной—ближе къ дѣлу сказать—либерально-профессорской мысли, ибо газета издается профессорами Московскаго университета. Прежде всего ей зачѣмъ-то понадобилось исказить самое заглавіе моей статьи. У меня стояло просто: „Змѣя на могилѣ Толстого". Она прибавила къ сему два слова: „все-таки была", какъ будто я спорю съ кѣмъ-то, утверждающимъ, что змѣи не было. Передавъ содержаніе моей статьи, редакція прибавляетъ отъ себя: „Статья, подписанная Епископомъ и подхваченная провинціальными подголосками „Земщины" и „Колокола, стала предметомъ толковъ за предѣлами весьма небольшого круга читателей этихъ газетъ".

Замѣчу кстати, что іудействующія газеты почему-то съ особеннымъ удареніемъ стали подчеркивать, что „Колоколъ", „Земщина" и др. патріотическія изданія имѣютъ „весьма небольшой" кругъ читателей. Ужъ не хотятъ-ли онѣ этимъ подбодрить себя? Мы-де и говорить-то съ вами не стали бы, вѣдь васъ и всего-то горсточка,—не то, что насъ—легіонъ (іудейское свойство: себя подбадривать, а въ душѣ—охъ какъ трусятъ). Да вотъ статья Епископа вышла за „предѣлы небольшого круга читателей".

„Поэтому, продолжаетъ газета, мы, исполняя желаніе группы провинціальныхъ нашихъ подписчиковъ (въ столицахъ-де и въ руки не берутъ такихъ черносотенныхъ газетъ какъ—„Колоколъ": опять іудейская черта: хочется и провинціаловъ, читающихъ, „Колоколъ" пристыдить—отстали-де!—и столичныхъ припугнуть: ну кто-де читаетъ какой-то „Колоколъ"?—только провинціалы), обратившихся къ намъ съ просьбою выяснить дѣйствительныя обстоятельства происшествія, послужившаго поводомъ для вздорной басни „Колокола", (смѣлѣе, гг. издатели, смѣлѣе говорите: не „Колокола", а православнаго епископа!) — печатаемъ слѣдующее письмо П. Н. Бирюкова, которое въ корнѣ опровергаетъ безсмысленный вымыселъ „Колокола" (опять „Колоколъ", господа, тутъ ни при чемъ: тутъ сообщеніе епископа, основанное на оффиціальномъ докладѣ священника, изслѣдовавшаго все дѣло по порученію другого, уже мѣстнаго епископа) и изображаетъ это маленькое (видите читатель, какъ все дѣло, которое не удалось замолчать,—какая досада на этого болтуна—„Раннее Утро!" Не утерпѣло, огласило! Надѣлало хлопотъ г. Бирюкову, и редакціи „Р. Вѣдомостей", — сводится на нѣтъ) происшествіе такъ, какъ оно было въ дѣйствительности".

Итакъ, сообщеніе епископа, оффиціальный докладъ производившаго дознаніе іерея — все это „вздорная басня, безсмысленный вымыселъ"...

Послушаемъ, что пишетъ г. Бирюковъ.

„М. Г., г. редакторъ. На вашъ запросъ о дѣйствительныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ уку-

шеніе змѣей моего сына, считаю долгомъ сообщить слѣдующее:

27-го августа я съ моей семьей посѣтилъ могилу Л. Н. Толстого и оттуда направился къ дому гр. С. А. Толстой. Приблизительно на полдорогѣ отъ могилы до дома я увидѣлъ въ травѣ, около куста, небольшую змѣю. Такъ какъ она извивалась въ травѣ, я не могъ хорошо разсмотрѣть, какая это была змѣя, и, полагая, что это—ужъ, указалъ на нее моему старшему сыну Борису, 11-ти лѣтъ, большому любителю всякихъ звѣрей. Онъ тотчасъ бросился ее ловить и схватилъ за хвостъ. Змѣя обернулась и укусила его въ лѣвую руку. Я тотчасъ же палкой откинулъ змѣю на дорогу и тутъ увидалъ—что это была гадюка. Я немедленно перетянулъ ему руку платкомъ и спѣшно направился къ дому Софьи Андреевны, все время высасывая кровь изъ маленькой раны. Софья Андреевна дала намъ экипажъ, въ которомъ мы вернулись въ Телятники, къ В. Г. Черткову, гдѣ мы остановились. Черезъ полчаса послѣ укуса сынъ мой почувствовалъ дурноту, слабость и другіе признаки отравленія. Первоначальная помощь была подана фельдшерицей, жившей у Чертковыхъ. Затѣмъ былъ вызванъ изъ Тулы врачъ, одобрившій всѣ принятыя мѣры и давшій еще нѣкоторые совѣты.

Первые три дня опухоль распространилась отъ мѣста укуса (между пальцами) по всей рукѣ и дошла до середины груди и затѣмъ стала понемногу опадать. Дней чрезъ десять совсѣмъ прошла. Въ настоящее время сынъ мой совершенно здоровъ и съ интересомъ вспоминаетъ все это происшествіе. Вслѣдствіе осенняго времени гадюка была сонная, и укусъ ея не былъ опасенъ. Укушенія гадюкой довольно часты въ этой мѣстности, особенно во время покоса, въ жаркое время; смертные случаи рѣдки. „Дырки“ на могилѣ Л. Н-ча не имѣютъ никакого отношенія къ описанному событію.

Готовый къ услугамъ П. Бирюковъ“.

Хорошимъ отвѣтомъ на это письмо служитъ слѣдующая замѣтка „Колокола“.

„Посмотримъ, говоритъ газета, чей тутъ „безсмысленный вымыселъ“, и чьи „вздорныя басни“?

Прежде всего сообщеніе объ укусѣ змѣею маленькаго сына г. Бирюкова и именно на могилѣ Толстого, а не въ другомъ мѣстѣ, появилось почти тотчасъ же послѣ 28 августа не въ „Колоколѣ“, а въ московской лѣвой газетѣ „Раннее Утро“ и сдѣлано оно однимъ изъ поклонниковъ Толстого, который неосторожно сообщилъ объ этомъ случаѣ со всѣми подробностями. Это сообщеніе было перепечатано изъ „Ранняго Утра“ „Колоколомъ“, „Московскими Церк. Вѣдомостями“ и другими газетами. Но ни г. Бирюковъ, ни кто-либо изъ семьи Толстыхъ, ни наконецъ тѣ поклонники Толстого, которые посѣтили въ этотъ день могилу Толстого,—никто изъ нихъ не выступилъ тогда съ опроверженіемъ, или сообщеніемъ, что случай съ укушеніемъ мальчика Бирюкова переданъ невѣрно, и что онъ имѣлъ мѣсто не на могилѣ Толстого. Что же замыкало уста г. Бирюкова и прочихъ заинтересованныхъ лицъ почти три мѣсяца?

Перейдемъ теперь къ объясненію г. Бирюкова. „Укусы гадюки очень часты въ этой мѣстности“—удостовѣряетъ онъ, и вотъ, проходя по этой мѣстности, кишащей гадюками, онъ, замѣтивъ у куста змѣю, указываетъ ее маленькому сыну и хладнокровно смотритъ, какъ тотъ начинаетъ ловить змѣю за хвостъ.

Согласитесь, что поведеніе отца болѣе чѣмъ легкомысленное. Мы до сихъ поръ не видѣли и не слыхали о такихъ родителяхъ: которые допускали бы своихъ дѣтей заняться такой забавой, какъ ловля змѣй.

Г. Бирюковъ оправдывается, что онъ не могъ разсмотрѣть змѣю, потому что она извивалась въ травѣ, и подумалъ, что это ужъ, но разъ онъ самъ удостовѣряетъ, что мѣстность эта изобилуетъ гадюками, то намъ кажется, при видѣ змѣи, прежде всего должна бы явиться мысль о гадюкѣ и объ опасности ея укушенія, и во всякомъ случаѣ и здравый разумъ и любовь къ дѣтямъ должны бы заставить г. Бирюкова прежде убѣдиться, что передъ нимъ дѣйствительно ужъ, а не ядовитая змѣя, а затѣмъ ужъ и разрѣшать сыну хватать змѣю за хвостъ.

Полагаемъ, что г. Бирюковъ ни разума, ни любви къ своимъ дѣтямъ не терялъ, а описанное имъ поведеніе его въ случаѣ съ змѣей заставляетъ сомнѣваться и въ томъ и въ другомъ.

Безъ „безсмысленнаго вымысла и нелѣпой басни“ дѣйствительно не обошлось, только не тамъ, гдѣ указываютъ кадетскія „Вѣдомости“.

Такъ заключаетъ „Колоколъ“. Отъ себя прибавлю: я считаю себя въ правѣ больше вѣрить показанію оффиціальнаго донесенія священника епископу, чѣмъ г. Бирюкову, лицу очевидно заинтересованному, ибо вѣдь мое заключеніе, что описанный фактъ—укушеніе змѣею сына автора книги, которая превозноситъ богоотступника Толстого, на могилѣ этого богоотступника, при оказаніи почестей сему богоотступнику, есть явное вразумленіе Божіе для почитателей богоотступника,—это заключеніе относилось главнымъ образомъ къ г. Бирюкову, но допускаю, на минуту, что змѣя укусила мальчика не на самой могилѣ, а близъ могилы: развѣ внутренній смыслъ сего знаменія не ясенъ для вѣрующихъ? *На* могилѣ. *близъ* могилы, но мальчикъ *укушенъ змѣею*, мальчикъ—*сынъ поклонника* Толстого, г. Бирюкова, который прибылъ *нарочито поклониться* могилѣ богоотступника, въ день рожденія сего богоотступника: вѣдь эти подробности подтверждены самимъ г. Бирюковымъ—развѣ это „безсмысленный вымыселъ“ „вздорная басня“?... Но... Увы!.. „евіоповъ не убѣлишь“...

100.

Праздникъ Божественнаго смиренія.

Насъ ради родися Отроча младо—превѣчный Богъ.

Сегодня праздникъ Божественнаго смиренія. Сегодня превѣчный Богъ сталъ *Отроча младо* — малымъ Младенцемъ, раждаемымъ отъ Дѣвы; сегодня всемогущій и премудрый Творецъ всѣхъ міровъ и видимыхъ и невидимыхъ, единородный Сынъ превѣчнаго Отца, явился во плоти яко единъ отъ земнородныхъ, Царь небесный низшелъ на грѣшную землю, и притомъ—не въ раззолоченные чертоги царей земныхъ, а въ смиренный вертепъ, не въ роскошную колыбель, а въ убогія ясли.—Простирающій небо какъ шатеръ и Одѣвающій его облаками, Повивающій море туманами, какъ пеленами—сегодня Самъ рубищемъ

пеленается, яко сынъ бѣднаго назаретскаго древодѣла... Поистинѣ сегодня небо сошло на землю и вертепъ сталъ небомъ! Поистинѣ, неизреченно смиреніе Сына Божія, несказанна любовь Божія къ роду человѣческому. *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Него не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16).

Еще въ ветхомъ завѣтѣ царственный пророкъ, въ благоговѣйномъ созерцаніи премудрости и благости Божіей въ отношеніи къ ничтожному творенію—къ человѣку, молитвенно взывалъ ко Господу: *что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчь яко посѣщаеши его!* Стóитъ ли это ничтожное созданіе, этотъ червь, прахъ, пепелъ, пребывающій гдѣ-то на землѣ, которая и сама-то есть ничтожная пылинка міросданія,—стóитъ ли онъ того, чтобы Ты, всевышній, непостижимый Боже, помнилъ его, посѣщалъ его благостію Твоею, осыпалъ щедротами Твоими? А между тѣмъ — Ты *умалилъ его малымъ чимъ отъ Ангелъ, славою и честію вѣнчалъ еси его, поставилъ еси надъ дѣлы руку Твоею, вся покорилъ еси подъ нозѣ его...* О, какъ величественно, какъ дивно и славно имя Твое по всей землѣ! (Пс. 8, 5—7. 10).

Но что сказалъ бы сей благоговѣйный созерцатель великихъ дѣлъ Божіихъ, если бы онъ воочію узрѣлъ то, что мы вѣрою созерцаемъ нынѣ, что въ дѣйствительности совершилось на землѣ, — если бы онъ узрѣлъ Бога во плоти, Бога— яко Отроча младо, Отроча — Бога въ убогихъ ясляхъ, въ бѣдныхъ пеленахъ, въ мрачномъ вертепѣ смиренно почивающаго?.. Какой дивный псаломъ воспѣлъ бы онъ своему преблагословенному Потомку по плоти, нынѣ родившемуся въ родномъ ему градѣ Виѳлеемѣ!

Но вмѣсто священной арфы Богоотца Давида въ тишинѣ ночи на поляхъ Виѳлеема слышатся скромныя свирѣли смиренныхъ пастырей, а вмѣсто дивнаго, богодухновеннаго псалма здѣсь раздаются звуки пѣсни ангельской, пресладостной сердцу пѣсни о мирѣ на землѣ и о благоволеніи Божіемъ къ роду человѣческому...

Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцахъ благоволеніе (Лк. 2, 14)!

И дѣйствительно: какимъ чуднымъ, благодатнымъ миромъ вѣетъ на насъ отъ смиренныхъ яслей Божественнаго Дитяти! Се—возлежитъ Онъ, всемогущій Творецъ всѣхъ міровъ видимыхъ и невидимыхъ, яко безпомощный младенецъ, повитый пеленами... и сіе—насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія! Се присѣдитъ у Его смиренной колыбели, у этихъ яслей, Его Пречистая Матерь-Дѣва, вся погруженная въ благоговѣйное созерцаніе дивныхъ дѣлъ Божіихъ, черезъ Нее совершающихся. Съ какою несказанною нѣжностію любуется Она на Свое Божественное Отроча, о Коемъ уже знаетъ, что Оно спасетъ людей Своихъ отъ грѣхъ ихъ! Съ какою заботливою любовію слагаетъ Она въ чистомъ боголюбивомъ сердцѣ Своемъ все, что видитъ и слышитъ здѣсь, все, что потомъ съ Ея словъ записали для насъ святые Евангелисты Матѳей и Лука! А вотъ и достоблаженный старецъ, Ея обручникъ, Ея попечитель, смиренный древодѣлъ изъ Назарета Іосифъ въ благоговѣйномъ размышленіи склонилъ сѣдую главу свою надъ яслями своего нареченнага сына-Богомладенца. Вотъ являются съ полей своихъ со стражи ночной пастыри, только-что быв-

шіе свидѣтелями дивнаго явленія Ангеловъ, отъ Ангеловъ узнавшіе, что во градѣ — Давидовѣ родился нынѣ Спаситель, *Иже есть Христосъ Господь*. Радостью и счастіемъ сіяютъ ихъ лица, съ боголѣпнымъ благоговѣніемъ склоняются они до праха земного предъ священными яслями и первые изъ земнородныхъ приносятъ Христу въ даръ отъ стадъ своихъ непорочнаго агнца. А за ними, по нѣкоемъ времени, приходятъ и цари-мудрецы съ Востока, изъ далекой Персіи, изъ предѣловъ Вавилоніи,—приходятъ водимые чудесною звѣздою, и, повергаясь ницъ предъ Почивающимъ въ яслѣхъ новорожденнымъ Царемъ Іудейскимъ, паче же рещи—Царемъ всего міра, всей вселенной, отверзаютъ свои сокровища и приносятъ Ему злато, ливанъ и смирну. Такъ простота и мудрость, убожество и богатство, смиренное званіе и царское достоинство встрѣчаются у колыбели Христовой, и вмѣстѣ склоняются предъ Тѣмъ, Кто въ убогихъ пеленахъ не престаетъ быть Владыкою неба и земли, Кому всѣ люди дороги и близки, Кто праведныхъ съ любовію пріемлетъ и грѣшныхъ благостію милуетъ, Чье сердце, Чьи объятія одинаково раскрыты и для бѣдныхъ и богатыхъ, и для знатныхъ и незнатныхъ, и для простецовъ, и для мудрецовъ... лишь бы всѣ они были духомъ смиренны, сердцемъ сокрушенны, лишь бы всѣ стремились уподобиться Ему, насъ ради плотію младенчествовавшему, во исполненіе завѣта Его: *аминь глаголю вамъ: аще не будете яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное...* (Мѳ. 18, 3).

Братіе-христіане! Когда переносишься мыслію къ священнымъ событіямъ сей благословенной ночи Христова Рождества, когда созерцаешь въ дали вѣковъ минувшихъ этотъ дорогой нашему сердцу вертепъ, эти убогія ясли-колыбель Царя царствующихъ и Господа господствующихъ, то въ грѣшной совѣсти невольно раждается вопросъ: а для тебя, именующаго себя ученикомъ Христовымъ, есть ли мѣсто въ этомъ вертепѣ? Достоинъ ли ты хотя издалече поклониться сему Отрочати малому—превѣчному Богу?.. И что ты принесешь Ему отъ нищеты твоей духовной?.. Вѣдь было же время, время твоего дѣтства, когда твое сердце, тогда еще невинное, радостно трепетало отъ одной мысли, отъ одного напоминанія, что приближается великій праздникъ Рождества Христова, что скоро запоютъ въ церкви: *Христосъ раждается — славите... Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума...* и это торжественное: *Дѣва днесь Пресущественнаго раждаетъ, и земля вертепъ Неприступному приноситъ...* Было время, когда твоему дѣтскому воображенію, дѣтскому сердцу, были милы и дороги эти ясли, въ коихъ съ тихой младенческой улыбкой почивало Отроча младо — превѣчный Богъ. И душа твоя тянулась тогда къ этимъ яслямъ, и сіялъ, и согрѣвалъ ее оттуда свѣтъ Христовъ, просвѣщающій всякаго человѣка. И никакихъ вопросовъ не зараждалось тогда въ твоей совѣсти: съ дѣтской простотой ты устремлялся къ иконѣ Рождества Христова и съ беззавѣтной любовью и благоговѣніемъ лобызалъ изображеніе Богомладенца и Его Пречистой Матери... О, если бы можно было вернуть себѣ невинность дѣтства, нѣжность дѣтскаго сердца и простоту дѣтской вѣры, чтобы снова и снова переживать святыя благодатныя впечатлѣнія, какими тогда была полна душа!

Увы, братіе, теперь мы живемъ въ святые дни праздниковъ нашей матери-Церкви большею частію только воспоминаніями своихъ дѣтскихъ впечатлѣній!.. Но кто же препятствуетъ намъ эти воспоминанія обратить въ живую дѣйствительность? Вѣдь Господь нашъ *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Той же и во вѣки.* Вѣдь за тѣмъ Онъ и пришелъ къ намъ на землю, и Младенцемъ сталъ, и во ясляхъ почивалъ, и на крестѣ пострадалъ, чтобы сломить въ насъ нашу гордыню,—чтобы не только возвратить намъ невинность дѣтства, но и, омывъ грѣхи наши Своею кровію, пересоздать всего нашего внутренняго человѣка. Онъ все сдѣлалъ, все готовъ сдѣлать, чтобы согрѣть наше холодное сердце Своимъ миромъ благодатнымъ, чтобы облагоухать его вѣяніемъ Святаго Духа, чтобы содѣлать его яслями для Себя, обителію Своею, и внити въ него, и обитати въ немъ... Онъ все сдѣлалъ, а мы—ничего! Но Онъ съ клятвою увѣряетъ насъ чрезъ пророка: *хотѣніемъ не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іез. 33, 11). Значитъ и для насъ есть мѣсто у колыбели Спасителя міра. Припадемъ же къ Нему въ простотѣ сердца скорбящаго и кающагося, пожалуемся Ему на самихъ себя, восплачемся предъ Нимъ, Спасителемъ нашимъ, и призовемъ себѣ на помощь Пречистую Матерь Его:

Господи Іисусе Христе Боже нашъ, нашего ради спасенія нынѣ плотію родитися отъ Дѣвы изволивый и во яслехъ возлегій! Ты реклъ еси пречистыми усты Твоими: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѳ. XI, 28). Ты реклъ еси: *безъ Мене не можете творити ничесоже.* Ты заповѣдалъ еси: *аще не будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное.* Сподоби насъ въ сей великій и спасительный день Рождества Твоего цѣлымъ сердцемъ и всею душею нашею припасти къ священнымъ яслямъ Твоимъ и облобызать святѣйшія пелены Твои. Пріими вмѣсто дара наше грѣшное сердце и молитвами Пречистыя Твоея Матере сердце чисто созижди въ насъ, духъ правый обнови, смиреніе и простоту вѣры даруй намъ, силы ко исполненію заповѣдей Твоихъ ниспосли и имиже вѣси судьбами помилуй насъ. Аминь.

100 б.

Чего ждать дальше?

Началось.....

Да, въ православной русской землѣ началась открытое идолослуженіе, совершаемое не язычниками, а нашими интеллигентами, конечно въ дѣтствѣ окрещенными въ святую вѣру православную...

Вы не вѣрите, читатель?

А вотъ прочитайте провинціальную афишу:

„Городской зимній театръ.

Въ пятницу 2 Декабря 1911 года состоится юбилейное чествованіе городомъ (сей городъ идолопоклонникъ есть *Курскъ*, родина преподобнаго Ѳеодосія Кіево-Печерскаго!) и артистами XXV лѣтіе (чего же чествованіе—изъ безграмотной афиши не видно, но далѣе увидятъ читатель) основаніе Курскаго городского зимняго театра. Будетъ прочитанъ рефератъ и т. д. Будутъ про-

читаны привѣтственныя телеграммы и (вниманіе, православный читатель мой!) *возложены вѣнки къ подножію Богини* (такъ и напечатано съ большой буквы!) *Мельпомены и ея великаго служителя М. С. Щепкина.*

Итакъ, пока столица строитъ и украшаетъ идольское капище, пока выписываетъ идоловъ изъ Японіи, Китая и Индіи, пока собирается еще открыть (вѣроятно въ публикаціи скажутъ: *освятить!*) это капище, а по нашему — *осквернить столицу*, провинціальный Курскъ уже совершилъ преклоненіе предъ идоломъ Мельпомены, *богини* театра, призналъ ее богинею съ большой буквы и торжественно, отъ имени города, возложилъ къ ея подножію вѣнки.

Несчастная Россія! Ты сама собираешь на свою голову гнѣвъ Божій, сама ищешь своей гибели!..

Но это еще не все.

Далѣе афиша гласитъ:

„Военный оркестръ *исполнитъ славу*“... Не знатокъ я театра, не знаю, что это *за слава*. Но смыслъ все же понятенъ: слава—конечно—не Богу... *И военный оркестръ*, частица „хрістолюбиваго“ нашего воинства, привлекается къ участію въ прославленіи... кого? Языческаго идолища Мельпомены?

Боже мой! Не вѣдятъ, что творятъ! Не отними Своего благословенія хотя отъ воинства-то нашего!

А въ довершеніе горя—эта афиша печатается не въ жидовскомъ листкѣ, а въ „правой“ газетѣ — „Курская Быль“! И газета, издаваемая, повидимому, православными, *правыми* людьми не погнушалась напечатать это богомерзкое объявленіе сквернаго ради прибытка... Вотъ вамъ и правые, вѣроятно, „готовые душу свою положить за вѣру православную“... Можно ли съ такими имѣть общеніе?

Господи, какъ все это горько, какъ тяжело видѣть это безуміе!...

Чего же ждать дальше?

—

Этотъ дневникъ былъ уже напечатанъ въ „*Колоколѣ*“, когда получилъ я вырѣзку изъ „*Курской Были*“ (№ 268) съ сообщеніемъ о томъ, какъ прошло „торжественное празднованіе 25-лѣтія театра. „Празднованіе“—будто и въ самомъ дѣлѣ „праздникъ“ какой! 25 лѣтъ кривлялись, ломались разные лицедѣи, вѣроятнѣе всего — іудеи, и вотъ—„потрудились“ довольно: любуются собой, празднуютъ... Диво молебна не отслужили! А впрочемъ и „моленье“ было: а вѣнки-то возлагали на „богиню“ Мельпомену? Развѣ это не языческое идолослуженіе? И „славу“ играли наши „воины хрістолюбивые“, и „публика рукоплескала“, и какая-то „городская театральная комиссія“, и представители обществъ, учрежденій, учебныхъ заведеній: мужской и двухъ женскихъ гимназій, и общества врачей и содѣйствія начальному образованію были... Какъ будто все по надлежащему, и „публика“ была... А въ концѣ вдругъ сообщеніе: „общество отнеслось къ юбилейному празднику въ *высшей степени холодно*, чтобы *не сказать болѣе* (вѣроятно — враждебно?). Театръ представлялъ изъ себя положительно—*пустыню* (это слово подчеркнуто и „*К. Былью*“). Врядъ ли за всѣ 25 лѣтъ былъ спектакль *болѣе малолюдный*. Вообще, было гораздо *болѣе похоже на похороны*, чѣмъ на юбилей городского театра“.

Вотъ вамъ и „публика“. „Въ партерѣ врядъ ли было болѣе 50 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ *артистовъ* и другихъ *безплатныхъ* посѣтителей“. Другими словами: настоящей-то публики, которая заплатила бы деньги за присутствіе при этомъ идолопоклоненіи—и вовсе не было...

Что бы это значило?..

А мы пока скажемъ и за то — слава Богу!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

51.—Богъ зоветъ насъ къ покаянію грозными явленіями въ природѣ 3
52.—Наше крещеніе и нашъ крестъ. 7
53.—Новый законъ о разстригахъ. 10
54.—О тонкомъ ядѣ, проникающемъ въ нашу духовную журналистику 13
55.—На стражѣ Господней 19
56.—Можно ли іудеямъ дозволять носить хрістіанскія имена? . 23
57.—Торжество Царскаго Самодержавія и истинная свобода. . 25
58.—Сорокъ лѣтъ назадъ и теперь. 31
59.—Покаемся! 36
60.—О пастырскихъ домашнихъ бесѣдахъ съ прихожанами . . 40
61.—За святые дни. 44
62.—Наше духовное сиротство и бездерзновеніе вѣры. . . . 50
63—64.—Съ чего начать? 54
65.—Слезы у Хрістова гроба. 63
66.—Свѣтлая радость воскресенія Хрістова. Хрістосъ Воскресе! . 65
67.—Паки и паки о Толстомъ. 67
68.—Полемика продолжается. 75
69.—Можетъ ли прельщенный быть руководителемъ духовной жизни народа? 78
70.—Тонкая отрава язычества 82
71.—Наши духовныя нужды. 88
72.—Опасность новой моды благотворенія. 92
73.—Мое доброе слово миссіонеру Д. И. Боголюбову 95
74.—Что у людей высоко, то мерзость предъ Богомъ. . . . 99
75.—Пощадите народную душу! 102
76.—Нѣчто о тайнѣ беззаконія. 105
77.—Какая семинарія нужна нашей Церкви? 109
78—80.—Поѣздка по епархіи. 114
81.—„Божья копѣечка“. 123
82—83.—Новыя козни сатаны. 127
84—85.—Правда ли, что я навожу на читателей уныніе? . . 135
86.—Новое торжество православія. 143
87.—Два слова о „мелочахъ“ 146
88.—Отклики съ неба. 148
89.—Во имя свободы. Дайте намъ свободу молиться Богу въ церкви спокойно! 151
90.—Опасное легкомысліе. 154
91—93.—На новомъ Аѳонѣ 157
94.—Чѣмъ и какъ женщина можетъ послужить Хрістовой Церкви. 166
95.—Берегите сокровища народнаго сердца. 171
96.—Вѣроисповѣдный законопроэктъ предъ судомъ православной народной совѣсти. 174
97.—Змѣя на могилѣ Толстого. 178
98.—Подайте на „свѣчечку“, святителю Хрістову Николаю Чудотворцу. 180
99.—Еда измѣнитъ. 183
100.—Праздникъ Божественнаго смиренія 186
100 б.—Чего ждать дальше? 189

36

Цѣна 60 коп. съ перес. 80 к.

2007042855